

M 65
129

801-15
1471

ОЧЕРКИ

АНГЛІИ И ФРАНЦІИ.

Б. ЧИЧЕРИНА.

Изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина.

ЦѢНА 1 Р. СЕР.

МОСКВА.

—
1858.

ОЧЕРКИ

АНГЛИИ И ФРАНЦІИ.

Б. ЧИЧЕРИНА.

Издание К. Солдатенкова и Н. Щепкина.

ЦѢНА 1 Р. СЕР.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Э. БАРФКНЕХТА И КОМП.

1858.

ИЗДАНИЕ

АНТИСЕНСОРСТВО

ИЗДАНИЕ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Апрѣля 22 дня
1858 года.

Ценсоръ Н. Фона-Крузе.

МОСКВА

45873-0

2014141837

ПОСВЯЩАЕТСЯ

ЕВГЕНИЮ ФЕДОРОВИЧУ

КОРШУ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Насъ, Русскихъ, часто упрекаютъ въ томъ, что мы слишкомъ заняты чужимъ и слишкомъ мало обращаемъ вниманія на свое. Можно бы, кажется, сказать наоборотъ, что мы именно потому мало себя знаемъ, что мы вовсе почти не знаемъ другихъ. Чтобъ убѣдиться въ послѣднемъ, стоитъ взглянуть на нашу литературу. Что у насъ писано о внутреннемъ бытѣ, о характерѣ, объ учрежденіяхъ европейскихъ странъ, съ которыми мы находимся въ постоянныхъ сношеніяхъ? Можно утвердительно сказать, что почти ничего. А между тѣмъ сравненіе съ другими необходимо для разумнаго самопознанія, для уясненія себѣ своихъ собственныхъ особенностей. Въ настоящее время это доказывается очевиднымъ примѣромъ. Теперь у насъ возникъ жизненный вопросъ, который занимаетъ всѣ умы и невольно заставляетъ насъ мыслить, всматриваться, изучать. Я говорю объ освобожденіи крестьянъ. И что же? Немедленно литература бросилась на изученіе этого вопроса въ различныхъ европейскихъ государствахъ; стало появляться множество

статей, которыя имѣли цѣлью показать способы разрѣшенія этой задачи у другихъ народовъ. Какъ скоро затронуть былъ живой интересъ современности, такъ всякій понялъ, что только при всестороннемъ его освѣщеніи, при сравнительной разработкѣ предмета, можно уяснить себѣ и свою собственную жизненную задачу. Иначе мы будемъ бродить въ потьмахъ.

Но это только отдѣльный вопросъ, по которому настоятельно выразилась необходимость знать чужое. Остальныхъ сторонъ европейской жизни мы еще, можно сказать, почти не касались. Вообще до сихъ поръ мы къ Европѣ относились слишкомъ поверхностно: мы сходились съ нею, такъ сказать, внѣшнимъ образомъ, перенимали у нея нѣкоторый лоскъ и удобства жизни, но въ самомъ дѣлѣ мало ее знали и потому мало у нея заимствовали существеннаго. Европейское просвѣщеніе останавливалось у насъ на немногихъ точкахъ, не проникая въ глубину общественнаго сознанія. Отсюда печальное состояніе русской науки и низкая степень народнаго образованія.

При такой бѣдности нашей литературы, я думаю, что не будетъ лишнимъ изданіе нѣсколькихъ бѣглыхъ очерковъ, писанныхъ по поводу болѣе или менѣе замѣчательныхъ произведеній новѣйшей французской публицистики. Въ этихъ статьяхъ я имѣлъ въ виду не столько критическую цѣль, сколько характеристику жизни и учрежденій двухъ важнѣйшихъ странъ западной Европы, тѣхъ, которыя, стоя во главѣ современнаго просвѣщенія, тѣмъ не менѣе представляютъ рѣзкую противоположность характера, направленій, быта: одна замкнутая въ себѣ, съ аристократическимъ духомъ, свободная и горделивая, одаренная необычайной энергіей и практиче-

скимъ смысломъ; другая—съ идеальными стремленіями, подающая руку всѣмъ народамъ, глубоко-пропитанная демократическими идеями, вытекшими изъ всей ея исторіи, но въ которой буйные и восторженные порывы смѣняются эпохами бездѣйствія и оцѣпенѣнія; одна — чудесный пріютъ, брошенный въ море, другая — вожатый общественнаго развитія въ новомъ человѣчествѣ.

Сравнительное изученіе этихъ двухъ передовыхъ народовъ Европы безъ сомнѣнія въ высокой степени поучительно. Здѣсь мы встрѣчаемся со всѣми общественными вопросами, которые занимаютъ мыслящихъ людей въ настоящее время. Средне-вѣковые элементы и новый порядокъ, вельможество и демократія, свобода и равенство, государственная администрація и частная предприимчивость, промышленность и пролетаріатъ, централизація и мѣстная автономія — все это выступаетъ передъ нами въ различныхъ видахъ, въ различныхъ соотношеніяхъ. Не въ теоретическихъ доводахъ, а въ самыхъ явленіяхъ жизни можемъ мы познать недостатки, или односторонность того или другаго порядка. Но съ другой стороны сравненіе различныхъ общественныхъ устройствъ невольно приводитъ насъ къ теоретическому обсужденію вопросовъ, и здѣсь должна обнаружиться точка зрѣнія, на которой стоитъ наблюдатель.

Есть въ жизни народовъ минуты, въ которыя публицистъ съ трудомъ можетъ удержаться отъ односторонняго увлеченія. Когда, вслѣдствіе историческихъ обстоятельствъ, одинъ изъ существенныхъ элементовъ государства развивается въ ущербъ другимъ, тогда общественное мнѣніе, чувствуя невыгоды исключительнаго направленія, естественно влечется въ противоположную сторону. Рѣдко при этомъ сохраняется должное чувство

мѣры. Болѣзненный опытъ, ежечасно ощущаемый гнетъ дѣлаютъ болѣе живыми представленія о темныхъ сторонахъ извѣстнаго порядка и заставляютъ забывать его существенныя и благія послѣдствія. Общественное мнѣніе, заходя за предѣлы разумныхъ требованій, идетъ къ полному отрицанію тяготящаго надъ нимъ элемента. Такъ, при анархическомъ разгулѣ свободы, общество воздвигаетъ надъ собою власть, которая стѣсняетъ дѣятельность гражданъ даже въ самыхъ умѣренныхъ ея проявленіяхъ, и наоборотъ, когда рука сдерживающей власти чувствуется слишкомъ сильно, общество естественно видитъ себѣ спасеніе только въ возможно болѣешемъ ограниченіи вѣдомства правительственныхъ органовъ.

Публицистъ, который не старается льстить временному увлеченію умовъ, который имѣетъ въ виду не успѣхъ, основанный на поклоненіи современному кумиру, а безпристрастное изслѣдованіе истинныхъ началъ общежитія, не долженъ подчиняться подобнымъ требованіямъ. Онъ за случайнымъ не забываетъ существеннаго; злоупотребленія не скрываютъ отъ него благихъ началъ, на которыхъ основывается то или другое учрежденіе. И взглядъ свой, добытый внимательнымъ изученіемъ исторіи современной жизни, онъ обязанъ высказать прямо и откровенно, хотя бы онъ противорѣчилъ временному настроенію общества. Могутъ говорить о такъ называемыхъ практическихъ цѣляхъ, о необходимости ярче выставить недостающую сторону общежитія и не дать противоположному мнѣнію орудія, которое можетъ быть употреблено во зло. Не думаю, чтобы практическія цѣли должны были вести къ намѣренному искаженію истины. Извѣстный порядокъ можно исправить не утаеніемъ

существенныхъ его сторонъ, не стараніемъ наложить слишкомъ густыя краски на невыгодныя его послѣдствія, а разумнымъ его пониманіемъ и безпристрастнымъ изслѣдованіемъ естественныхъ его границъ. Одностороннее отрицаніе ведетъ со стороны противоположнаго начала къ отрицанію столь же одностороннему. Въмѣсто правильнаго развитія, основаннаго на взаимномъ пониманіи, на взаимномъ уваженіи различныхъ общественныхъ силъ, въ обществѣ водворяется борьба, и чѣмъ рѣзче высказывается каждое направленіе, чѣмъ болѣе оно вдается въ крайности, тѣмъ упорнѣе взаимное недоброжелательство, тѣмъ болѣзненнѣе столкновенія, тѣмъ болѣе жертвъ и страданій въ общественномъ организмѣ. Повинуясь безусловно временному влеченію, общество быстро приходитъ къ разочарованію; слишкомъ напряженные силы преждевременно ослабѣваютъ, и люди съ грустью окидываютъ взоромъ свое прошедшее, жалѣя о неудавшихся попыткахъ, объ утраченныхъ силахъ, объ обманутыхъ надеждахъ.

Избѣгая такимъ образомъ односторонняго рѣшенія вопросовъ, занимающихъ общество, безпристрастный публицистъ принужденъ бороться съ противоположными направленіями: онъ долженъ возставать и противъ тѣхъ, которые, пугаясь всякаго свободнаго движенія человѣческой мысли, человѣческой совѣсти, ищутъ отъ нихъ спасенія въ стѣснительныхъ полицейскихъ мѣрахъ, въ непрерывной опецѣ надъ обществомъ, — и противъ тѣхъ, которые, видя одну невыгодную сторону, одни злоупотребленія правительственной дѣятельности, требуютъ возможно большаго ея ограниченія. Истинный либерализмъ состоитъ не въ отрицаніи государственныхъ началъ; цѣль его должна быть водвореніе въ обществѣ за-

конной свободы согласно съ условіями народной жизни, а правильное развитіе свободы обезпечивается только сильнымъ развитіемъ власти. Противъ этого вѣроятно возразятъ, что эти два элемента исключаютъ другъ друга и что, поддерживая оба, мы неизбежно впадаемъ въ непослѣдовательность. Отвѣчаю, что непослѣдовательность могутъ видѣть здѣсь только тѣ, которые не въ силахъ выбиться изъ односторонняго направленія и совладать мысленно съ разнообразіемъ стихій, изъ которыхъ состоитъ общественная жизнь. Или, можетъ быть, скажутъ: вы хотите держаться середины, отбрасывая крайности и стараясь взять кое-что изъ противоположныхъ воззрѣній. Отвѣчаю: избраніе середины тогда только служитъ признакомъ внутренней пустоты, когда оно основано на безсиліи мысли, на слабодушномъ эклектизмѣ, который, не находя въ себѣ живыхъ началъ, хочетъ держаться въ равновѣсіи между противоположными воззрѣніями, и собираетъ чужія крохи безъ всякаго разумнаго руководства. Сочетаніе же противоположностей, которыя неразрывно соединены и въ теоріи и въ жизни, есть дѣло всякаго мыслящаго человѣка.

Общество не есть существо простое; оно слагается изъ разнородныхъ элементовъ. Состоя изъ отдѣльныхъ личностей, изъ которыхъ каждая служитъ себѣ центромъ, оно вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ единый организмъ. Безпрепятственное расширеніе личной дѣятельности каждого есть элементъ свободы, потребность же органа, созидающаго единство и сдерживающаго противоборствующія стремленія, ведетъ къ установленію власти. Оба элемента равно необходимы въ обществѣ; каждый имѣетъ свою задачу, и только изъ правильнаго сочетанія обоихъ проистекаетъ полнота об-

щественнаго развитія. Какъ скоро одинъ изъ нихъ слишкомъ перевѣшиваетъ другой, такъ въ обществѣ обнаруживаются невыгодныя послѣдствія неправильнаго хода. Въ Англии, гдѣ государство образовалось путемъ практическихъ сдѣлокъ между различными общественными силами, гдѣ политическая свобода укоренилась въ то время, когда общество не было еще достаточно воспитано государствомъ, мы видимъ вслѣдствіе этого общественное неравенство, владычество аристократіи, бѣдственное положеніе низшихъ классовъ народа, печальное состояніе многихъ отраслей управленія, уродливость стародавнихъ учреждений, угловатая формы общежитія, монополіи, синекуры, угнетеніе подвластныхъ чужеземцевъ, своекорыстіе внѣшней политики, однимъ словомъ цѣлый рядъ явленій, истекающихъ изъ недостаточнаго развитія центральнаго органа. У насъ наоборотъ, вслѣдствіе исторической несостоятельности общественныхъ силъ, выработалось излишнее преобладаніе государственнаго начала. Отсюда господство формализма, бюрократическій произволъ, невозможность уничтожить внутреннее зло, которое подается только силъ общественнаго мнѣнія; отсюда слишкомъ отвлеченный характеръ многихъ постановленій, недостаточное развитіе общественной мысли и общественной дѣятельности. Во Франціи полнѣе и многостороннѣе, нежели въ другихъ странахъ, развились общественные элементы; но здѣсь мы присутствуемъ при самомъ процессѣ уничтоженія крайностей, при томъ колебаніи, которое производитъ каждый разъ развитіе одностороннее. Здѣсь анархическія проявленія свободы ведутъ къ диктатурѣ и неразумное упорство государственной власти возбуждаетъ революціи. Противоположные элементы ищутъ соглашенія,

но они еще не нашли себѣ центра тяжести, совпадающаго съ свойствами народнаго духа. Отсюда борьба которая служитъ поучительнымъ примѣромъ для современнаго человѣчества.

Но если полнота жизни и всестороннее, гармоническое развитіе общественныхъ силъ составляетъ идеаль, къ которому стремится каждое общество, то съ другой стороны мы не въ правѣ прилагать этотъ идеаль ко всему ходу исторіи и осуждать неподходящія подъ него явленія, какъ произвольную ошибку человѣческаго ума, какъ случайныя отклоненія отъ истиннаго пути. Исторія имѣетъ свою логику; въ общемъ своемъ движеніи она слѣдуетъ внутреннему закону, вытекающему изъ свойствъ данной природы. Какъ многообразны способности человека, степени его развитія, особенности народовъ, такъ многообразны и пути, которымъ слѣдуетъ жизнь, выдвигая на передовой постъ то одинъ, то другой элементъ, смотря по зарождающейся потребности. Такимъ образомъ дальнѣйшая полнота развитія нерѣдко обуславливается предшествующею его односторонностью. Историкъ или публицистъ, который изъ этого физиологическаго процесса хочетъ почерпнуть себѣ поученіе, долженъ прежде всего обратить вниманіе на внутреннюю послѣдовательность формъ или фазисовъ, черезъ которые проходитъ общество. Въ этой живой неразрывной цѣпи раскрывается историческій законъ, выражающій въ себѣ духъ каждаго народа; въ ней же лучше всего можно изучить и тѣ вѣчные законы, которыми управляется человѣческое общество. Исторія — наставница жизни: это изреченіе древнихъ, которое прежде прилагалось къ отдѣльнымъ случаямъ, въ видѣ нравственныхъ поученій,

сохраняетъ высокій смыслъ относительно цѣлаго хода развитія.

Въ настоящихъ очеркахъ я имѣлъ въ виду не законы всемірной исторіи, а единственно развитіе новыхъ европейскихъ обществъ и старался обозначить характерическіе его черты. Не смотря на особенности отдѣльныхъ народовъ, мы можемъ подмѣтить здѣсь общее направленіе. Исходною точкою является средневѣковой порядокъ, основанный на частномъ правѣ, на господствѣ силы, на всеобщемъ неравенствѣ. Изъ него, вслѣдствіе настоятельной жизненной необходимости, возникаетъ государственная власть, которая сдерживаетъ буйные порывы, уравниваетъ гражданъ, устраиваетъ общественное тѣло, но которая въ этомъ стремленіи къ организаціи подавляетъ свободное развитіе общественныхъ силъ. Противъ послѣдняго направленія въ свою очередь возбуждается реакція: либерализмъ новаго времени, который принимаетъ впрочемъ различныя формы, старается отстоять независимость общества отъ стѣснительной регламентаціи государства.

Средневѣковой бытъ слишкомъ далеко отошелъ отъ насъ; въ настоящее время главный интересъ сосредоточивается на отношеніяхъ либерализма къ прежнимъ государственнымъ системамъ. Здѣсь мы опять встречаемся съ различными направленіями умовъ. Одни, опираясь на существующую старину, считаютъ опаснымъ всякое новое движеніе, трепещутъ передъ революціонными призраками, недоувѣряютъ свободѣ испытующей мысли и стараются удержать общество въ пеленкахъ, изъ которыхъ оно давно выросло. Другіе наоборотъ, мучаясь недостатками современнаго быта, одержимые безграничнымъ стремленіемъ къ новизнѣ, отрицаютъ все прошед-

шее во имя идеального будущаго. Третьи наконецъ, сочетая въ уродливомъ представленіи давно отжившую старину съ не наставшимъ еще будущимъ, ищутъ себѣ опоры въ смутныхъ зачаткахъ, въ дремлющихъ силахъ, въ таинственномъ сознаніи неразвившихся еще слоевъ народа. Не нужно повторять, что всѣ эти направленія одинаково односторонни. Въ живомъ процессѣ народной жизни, проходящей черезъ различные фазисы развитія, является намъ соединеніе стараго и новаго, прошедшаго и будущаго. Здѣсь нѣтъ мѣста ни для безплодныхъ сожалѣній, ни для мечтательныхъ порывовъ. Старина не имѣетъ безусловнаго права на существованіе; она должна свое право утверждать на разумныхъ началахъ, допуская въ себѣ движеніе и уступая мѣсто новымъ требованіямъ, какъ скоро народъ въ жизненномъ своемъ ходѣ выдвигается на новую почву. А съ другой стороны, новыя формы быта не падаютъ съ неба: будущее коренится въ прошедшемъ и настоящемъ; оно является плодомъ предшествующаго развитія. Потому мы одинаково должны возставать и противъ упрямыхъ защитниковъ старины и противъ мечтательныхъ отрицателей существующаго порядка.

Съ этими различными воззрѣніями тѣсно связанъ и вопросъ о средствахъ къ достиженію общественныхъ цѣлей. Здѣсь также нерѣдко обнаруживается одностороннее пониманіе исторіи. Одни требуютъ внезапныхъ переменъ и не допускаютъ постепенности историческаго хода. Въ этомъ выражается юношеское, а иногда и болѣзненное нетерпѣніе, которое, не довольствуясь возможнымъ, ищетъ полнаго осуществленія своего идеала. Но исторія даетъ жестокіе уроки слишкомъ отважнымъ нововводителямъ; когда народъ въ увлеченіи разомъ за-

бѣгаетъ впередъ, неизбежный ходъ событій снова возвращаетъ его назадъ, и въ этомъ попятномъ движеніи онъ нерѣдко лишается даже тѣхъ благъ, которыми онъ пользовался прежде. Исторія, какъ и природа, не дѣлаетъ скачковъ, ибо она составляетъ продолженіе того постепеннаго, естественнаго развитія, которое, начиная съ геологическихъ формаций, приходитъ къ высшему сознанію человѣка.

Но съ другой стороны столь же односторонно и безусловное осужденіе всякихъ насильственныхъ мѣръ и крутыхъ переломовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что мирное и правильное движеніе составляетъ вождельное желаніе всякаго здравомыслящаго человѣка. Но для этого общество должно быть достаточно зрѣло и спокойно; въ немъ своекорыстныя цѣли должны сами собой исчезать передъ силой общественнаго мнѣнія; иначе развитіе невозможно. Если бы каждому преобразованію, вмѣсто борьбы съ противоположными стремленіями, съ своекорыстными видами, суждено было дожидаться всеобщаго разумнаго сознанія въ его необходимости, ему вѣроятно никогда не пришлось бы осуществиться. Разнообразіе жизни не всегда подчиняется идеальнымъ требованіямъ; исторія дѣйствуетъ различными путями, выбирая тѣ средства, которыя даются современнымъ состояніемъ общества. Такимъ образомъ несогласимыя стремленія общества производятъ неизбежную борьбу, которая обыкновенно кончается разрушеніемъ; иногда же народъ изъ среди себя выдвигаетъ могучихъ дѣятелей, которые смѣлою рукою берутся за кормило и геніальными усиліями очищаютъ общество отъ вѣками накопившагося хлама. Все это явленія, къ которымъ не слѣдуетъ прилагать безусловнаго мѣрила, но которыя должно изучать среди тѣхъ условій,

въ которыхъ они находятся, принимая въ соображеніе временныя и мѣстныя обстоятельства.

Вообще временный и мѣстный элементъ долженъ играть первую роль въ обсужденіи того или другаго общественнаго порядка. Теперь уже не время толковать о лучшихъ образахъ правленія, объ идеальномъ построении общества; все это — точки зрѣнія, которыя отжили свой вѣкъ и пали передъ требованіями реализма. Современный взглядъ привелъ насъ къ сознанію, что общественныя учрежденія вытекаютъ изъ историческихъ условій, изъ народнаго духа; они сообразуются съ мѣстными данными, съ степенью развитія, на которой стоитъ общество. Учрежденія переплетаются со всѣмъ бытомъ народъ, а потому и обсуждать ихъ слѣдуетъ не отрѣшенно, а въ связи съ цѣлой существующей системой общежитія. Тогда только мы поймемъ настоящее ихъ значеніе, возможность перемѣнъ и примѣнимость ихъ къ другимъ обществамъ. Тогда только выступятъ передъ нами особенности каждаго народа, и общественная жизнь представится не созданіемъ отвлеченнаго разума, а произведеніемъ естественныхъ силъ человѣка, который состоитъ въ мѣстныхъ и временныхъ условіяхъ, хотя онъ непрерывно подвигается впередъ къ полному осуществленію внутренняго своего естества.

Изъ всего предыдущаго выходитъ, что публицистъ долженъ становиться на точку зрѣнія безпристрастнаго наблюдателя, который изучаетъ исторію и современную жизнь во всей ихъ многосторонности, не исключая и не осуждая безусловно ни одного изъ элементовъ, входящихъ въ ихъ составъ. Такое требованіе, выраженное въ видѣ общей формулы, конечно не встрѣтитъ возраженій; но нельзя скрывать отъ себя, что какъ скоро

дѣло доходитъ до частныхъ, такъ неизбѣжны не только разногласія, но и прямыя уклоненія отъ принятаго начала. Людямъ, которые увлекаются извѣстнымъ направленіемъ, или слишкомъ живо ощущаютъ на себѣ бремя общественныхъ недостатковъ, не нравится всякое слово, сказанное въ пользу того, что болѣзненно на нихъ отзывается. Признавая въ теоріи необходимость безпристрастнаго воззрѣнія, они ропщутъ на него, когда оно является передъ ними въ осязательной формѣ. Это можно ожидать въ особенности у насъ, гдѣ гражданская жизнь мало развита и общественные вопросы до сихъ поръ не обсуждались гласно. Мы не привыкли еще обзрѣвать ихъ съ различныхъ сторонъ; мы даже не умѣемъ еще подмѣчать въ сужденіяхъ мѣру и границы. Слыша похвалу или порицаніе, мы склонны считать ихъ за выраженіе мнѣнія безусловнаго, и не обращаемъ вниманія на то, что они высказываются въ извѣстныхъ предѣлахъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ. Еще хуже, когда эта непривычка къ теоретическимъ преніямъ соединяется съ недостаткомъ общественной дѣятельности. Практическія столкновенія лучше всего показываютъ естественныя границы того или другаго общественнаго начала и необходимость восполнить одно другимъ. Тамъ, гдѣ граждане не принимаютъ живаго участія въ общественныхъ дѣлахъ, неизбѣжно господствуетъ односторонность взглядовъ, и это ведетъ иногда къ прискорбнымъ явленіямъ. Нѣтъ ничего печальнѣе общества, которое, чувствуя себя не въ силахъ исправить гнетущее его зло, тратитъ время въ безплодныхъ воздыханіяхъ, въ ожесточенной критикѣ, которое, оставаясь въ бездѣйствіи, ожидаетъ, чтобы чужая рука сняла тяготящее надъ нимъ бремя. Общество, которое хочетъ что нибудь сдѣ-

лать, должно глядѣть на вещи прямо и трезво. Первый признакъ разумной силы есть спокойствіе, а спокойствіе ведетъ къ ясному и всестороннему пониманію жизненныхъ явленій, безъ прикрасъ, безъ утайки и безъ раздраженія.

Москва, 13 Апрѣля 1858.

О ПОЛИТИЧЕСКОЙ БУДУЩНОСТИ

АНГЛІИ.

(*De l'avenir politique de l'Angleterre, par le comte de Montalembert.*)

Мы, Русскіе, находимся въ счастливомъ положеніи относительно вопросовъ, волнующихъ западную Европу. Стоя на другой почвѣ, заняты другими интересами, мы не примыкаемъ къ той или другой партіи, мы въ разсмотрѣніе современной исторіи не вносимъ личныхъ своихъ страстей. Перевѣсъ либерализма или демократіи, успѣхи революціи или удача диктатуры, искусственное устройство конституціоннаго государства, избирательное право, составъ и политическая власть верхней или нижней палаты — все это вопросы, не имѣющіе для насъ жизненнаго значенія. Самыя событія, которыя совершаются въ западныхъ державахъ мало дѣйствуютъ на насъ. Вспыхнетъ ли во Франціи революція, она отзовется на всемъ европейскомъ материкѣ: Германія, Италія, Испанія — все это заволнуется, закипитъ; но у насъ отъ этого не колыхнется и былинка. Имперія ли воздвигнется на развалинахъ республики — намъ отъ этого не станетъ ни легче, ни тяжелѣе. Вообще внутренняя работа жизни современной Европы имѣетъ для насъ значеніе болѣе теоретическое, нежели практическое. Поставленные съ боку, въ качествѣ

зрителей, мы можем и должны смотрѣть на предстоящую намъ игру историческаго движенія, какъ на физиологическое явленіе въ исторіи человѣчества. Безъ гнѣва и пристрастія можемъ мы наблюдать за постепеннымъ ея ходомъ, сравнивать требованія партій, взвѣшивать возможность удачи той или другой стороны. Это не значитъ однако же, что наблюденіе должно остаться для насъ совершенно бесполезнымъ: чужая опытность не проходитъ даромъ для человѣка или народа, одареннаго мыслительною способностью. Особенно поучительны бывають примѣры народовъ болѣе зрѣлыхъ и образованныхъ, у которыхъ гражданскія учрежденія обследованы со всѣхъ сторонъ и достигли значительной степени развитія. Въ области административной эта разработка имѣетъ даже всеобщее значеніе; здѣсь всякій народъ можетъ пользоваться плодами чужихъ трудовъ. Наконецъ, находясь въ безпрерывномъ общеніи съ западною Европою, заимствуя отъ нея плоды всемірнаго просвѣщенія, мы должны знать съ кѣмъ имѣемъ дѣло. Поэтому государственные вопросы, которые занимають умы на Западѣ, должны и у насъ обращать на себя вниманіе мыслящихъ наблюдателей общественной жизни.

Къ числу такихъ вопросовъ, которые составляютъ предметъ раздора премирающихся партій, принадлежитъ политическая будущность Англіи. Среди революціоннаго движенія, охватившаго всю западную Европу, одна Англія осталась неизблема на своихъ политическихъ основахъ; среди всеобщаго крушенія, постигшаго въ послѣднее время либеральныя начала на материкѣ, одна Англія сохранила свои свободныя учрежденія, не сдѣлавши въ нихъ ни малѣйшей перемѣны и давши у себя пристанище изгнанникамъ всѣхъ партій. Что же это за страна, которая составляетъ какъ-будто исключеніе изъ общаго порядка? Должна ли она служить образцомъ для другихъ, или постигнетъ ее наконецъ общая участь, и неиз-

бѣжная буря снесетъ съ главы ея вѣнокъ, сплетенный трудами многихъ поколѣній? Съ этимъ вопросомъ, который заключаетъ въ себѣ сѣмена ненависти и любви, надежды и опасеній, обращаются къ ней, на западѣ, и демократъ-соціалистъ, и приверженецъ конституціоннаго порядка, и поклонникъ диктатуры. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, вожатый французской демократіи написалъ книгу, въ которой онъ пророчилъ Англіи близкую гибель; теперь одинъ изъ замѣчательныхъ представителей французскаго либерализма, графъ Монталамберъ, пишетъ книгу въ защиту англійскихъ учреждений, съ увѣренностью въ ихъ несокрушимости.

Графъ Монталамберъ одинъ изъ самыхъ блестящихъ ораторовъ Франціи. При Лудовикѣ-Филиппѣ онъ, будучи еще молодымъ человѣкомъ, засѣдалъ въ палатѣ перовъ, и тамъ его краснорѣчіе было замѣчено съ самаго перваго его появленія на политической трибунѣ. Ревностный католикъ и столь же ревностный защитникъ свободы, онъ въ то время стоялъ въ рядахъ оппозиціи, и началъ свое поприще рѣчью противъ такъ-называемыхъ сентябрьскихъ законовъ, которые имѣли цѣлью ограничить свободу книгопечатанія. Но верхняя палата не имѣла во Франціи ни большаго значенія, ни большаго вліянія на народъ, и краснорѣчіе либеральнаго пѣра расточалось въ средѣ, въ которой онъ не могъ получить должнаго вѣса. Болѣе значительную роль началъ играть графъ Монталамберъ послѣ революціи 1848 года, какъ членъ обоихъ республиканскихъ собраній — учредительнаго и законодательнаго. Здѣсь его краснорѣчіе явилось во всемъ блескѣ; здѣсь оно могло достигнуть полнаго развитія, ибо талантъ знаменитаго оратора проявляется не столько въ мирномъ обсужденіи политическихъ вопросовъ, сколько въ бурныхъ преніяхъ, въ парламентскихъ битвахъ, въ которыхъ всѣ силы человѣческаго духа напрягаются въ борьбѣ, имѣющей оружіемъ свободное

слово. Не одаренный ни особенною силою логики, ни высокимъ государственнымъ смысломъ, графъ Монталамберъ никогда не могъ и не можетъ стать предводителемъ партіи. Не его дѣло обсмотрѣть со всѣхъ сторонъ политическій вопросъ, разъяснить его для слушателей, и убѣдительною доводовъ увлечь на свою сторону колеблющіяся лица. Но высказать свою цѣль, свои убѣжденія съ смѣлостью, не знающею ни дипломатическихъ тонкостей, ни колебаній, ярко и выпукло выставить выгодныя стороны своей задачи, заставить иногда задрожать благороднѣйшія струны человѣческаго сердца, въ особенности же съ мѣткою и безошадною энергіей заклеить враждебныя стремленія, ощупать слабую сторону противника и вонзить ему ножъ въ сердце — на это онъ великій мастеръ. Нерѣдко демократическая «Гора» кипѣла и бѣсновалась подъ неумолимою силою его слова, и республиканская партія выставляла всегда самыхъ значительныхъ своихъ ораторовъ, чтобы состязаться съ такимъ могучимъ противникомъ. Ибо въ то время графъ Монталамберъ не сидѣлъ уже въ рядахъ либеральной оппозиціи; противъ бурнаго потока революціи онъ явился защитникомъ охранительныхъ началъ и употреблялъ всю силу своихъ дарованій для поддержанія власти и порядка. Онъ хотѣлъ свободы, но свободы, сдержанной уваженіемъ къ закону. Поэтому онъ до 52-го года поддерживалъ президента; потому онъ, съ другой стороны, послѣ переворота 2-го декабря снова перешелъ въ оппозицію. Правда, онъ, единственный почти изъ политическихъ знаменитостей Франціи, явно призналъ законность новаго порядка вещей и принялъ званіе депутата въ законодательное сословіе. Но съ какой точки зрѣнія онъ смотритъ на новую правительственную систему во Франціи, обнаружилось изъ известнаго письма его къ Дюпену, въ которомъ онъ съ презрительною ироніей отзывается о новомъ направленіи умовъ и

клеимить льстивое раболѣдство и измѣнчивость убѣжденій въ поклонникахъ диктатуры съ такою же силою, съ какою онъ прежде клеймилъ революціонные порывы демократіи. Правительство сочло за нужное предать его суду, но до суда дѣло не дошло: при слѣдствіи графъ Монталамберъ доказалъ, что письмо было обнародовано безъ его вѣдома — и всемогущій императоръ уступилъ силѣ законнаго порядка. Теперь графъ Монталамберъ засѣдаетъ въ законодательномъ сословіи¹⁾, но для него это поприще слишкомъ тѣсно. Политическіе вопросы тамъ почти не обсуждаются; въ вопросахъ законодательныхъ огромное большинство всегда стоитъ на сторонѣ правительства, и голосъ оппозиціи теряется среди этого безусловнаго повиновенія. На общество же ораторы въ настоящее время не могутъ имѣть вліянія, ибо рѣчи ихъ обнародуются, какъ известно, въ краткихъ выпискахъ, въ которыхъ исчезаетъ все обаяніе живаго слова. Вѣроятно вслѣдствіе этого стѣсненнаго положенія графъ Монталамберъ прибѣгнулъ къ новому оружію — къ перу. Настоящая его книга имѣетъ цѣлю — пробудить во Франціи уснувшія стремленія и выставить свободныя учрежденія Англіи образцомъ для своего народа. Конечно, при такомъ направленіи, мы не можемъ ожидать ни безпристрастной критики англійскихъ учреждений, ни всесторонней ихъ оцѣнки. Притомъ же, односторонность и пристрастіе составляютъ, кажется, отличительныя черты знаменитаго оратора. Въ настоящей книгѣ онъ отпечатался весь; въ ней безпрестанно проглядываютъ и тѣ личныя его убѣжденія, которыя такъ много вредятъ его политической дѣятельности, именно: безусловная преданность католицизму

¹⁾ На послѣднихъ выборахъ графъ Монталамберъ потерпѣлъ поражение вслѣдствіе вражды, которую питаютъ къ нему католики-ультрамонтаны. Теперь онъ уже не депутатъ.

и поклоненіе средневѣковымъ формамъ. За то истинно-великія стороны Англіи изображены въ ней съ поразительною яркостью, и на каждой страницѣ чувствуется печать могучаго таланта и сила смѣлыхъ и благородныхъ убѣжденій.

Графъ Монталамберъ не любитъ государственнаго порядка новаго времени. Его однообразіе кажется ему скучнымъ; сглаженіе всѣхъ общественныхъ неравенствъ, уничтоженіе самостоятельности мелкихъ союзовъ, централизація, бюрократія — все это въ его глазахъ коренное зло, противъ котораго современное общество должно напрягать всѣ свои силы. Поэтому онъ одинаково противникъ и абсолютизма, и той демократіи, которую онъ называетъ унитарною, которая стремится къ водворенію равенства и единства въ государствѣ. Стараясь водрузить свое знамя посреди этихъ крайностей, на почвѣ либерализма, онъ признаетъ однако нѣкоторые существенные результаты демократическаго движенія новаго времени — равенство всѣхъ передъ закономъ, передъ внѣшнимъ врагомъ, равенство въ уплатѣ податей и доступность должностей достойнѣйшимъ лицамъ изъ всѣхъ классовъ народа. «Постоянный успѣхъ и торжество демократіи (въ западной Европѣ), говоритъ онъ, въ настоящее время несомнѣнные факты; безумно не признавать этой побѣды, безумно также противиться ей, пока она не выражается въ угнетеніе, пока она не влечетъ за собою послѣдствій, несовмѣстныхъ съ совѣстью и здравымъ смысломъ». Ясно однако, что, несмотря на это признаніе, сочувствіе знаменитаго автора обращено въ другую сторону; ясно, что политическія учрежденія Англіи представляются ему столь привлекательными именно потому, что въ ней болѣе всего сохранилось слѣдовъ средневѣковой жизни, исполненной неравенствъ и привилегій, совершенно противоположной уравниенію новаго времени. Эта двойственность направленія проглядываетъ на каждомъ

шагу въ книгѣ графа Монталамбера, и оттого почва, на которой онъ стоитъ, не совсѣмъ тверда.

Дѣло въ томъ, что относительно гражданскаго устройства и управленія абсолютизмъ и демократія именно потому и сходятся между собою, что въ этой сферѣ прочнѣе всего утвердились результаты всей новѣйшей исторіи западной Европы, независимо отъ боренія партій, независимо отъ того, куда переносится источникъ власти. Уничтоженіе самостоятельныхъ союзовъ, корпораціонныхъ правъ, сословныхъ привилегій, вообще уничтоженіе средне-вѣковыхъ формъ жизни, основанныхъ на подробности общественнаго быта, и созданіе единаго государственнаго тѣла — вотъ великое дѣло, начало которому положили абсолютные государи, и которое преемственно перешло и къ новой демократіи. Въ этой системѣ народъ представляетъ единую, естественно разчленяющуюся массу, въ которой ни одна часть искусственнымъ образомъ не превѣшиваетъ другой, въ которой ни одинъ членъ не вытягиваетъ изъ другаго жизненныхъ соковъ. Государственные учрежденія съ цѣлою системой чиновниковъ составляютъ общую связь этого тѣла, общее его строеніе, по которому совершаются его общественныя отправленія, а централизація сводитъ это устройство къ единству, устанавливая центральный пунктъ, отъ котораго исходитъ и къ которому притекаетъ правительственное движеніе. Конечно, и здѣсь могутъ быть невыгодныя стороны, злоупотребленія; не оживленная народнымъ духомъ, эта форма можетъ превратиться въ мертвую машину. Объ этомъ мы поговоримъ еще ниже. Но что касается до самой сущности этихъ установленій, то нѣтъ сомнѣнія, что они придаютъ народной жизни такое единство, какого бы она безъ того никогда не имѣла. Въ ней создается общая среда, господствующая надъ всѣми частными стремленіями и интересами; въ ней чувствуется единое біеніе пульса, разливаю-

щего кровь по всемъ членамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ каждая часть свободно занимаетъ то мѣсто, къ которому она тяготеетъ по своей природѣ. Народъ перестаетъ быть собраніемъ разнородныхъ частей; онъ дѣлается общественною единицею, онъ становится особью, которая живетъ единою жизнью.

Образецъ такого устройства представляетъ Франція. Могучіе монархи и великіе государственные люди основали его на развалинахъ средневѣковыхъ учреждений; переворотъ 1789 года развилъ и утвердилъ этотъ порядокъ, а Наполеонъ упрочилъ его на незыблемыхъ основахъ. Тогда какъ политическое устройство Франціи въ продолженіе послѣднихъ семидесяти лѣтъ подвергалось безчисленнымъ измѣненіямъ и переворотамъ, гражданскія и административныя ея учрежденія во всѣ времена и при всякихъ правительствахъ оставались непоколебимы. Ихъ не коснулись ни аристократическая реакція, торжествовавшая при Бурбонахъ, ни либерализмъ, господствовавшій при Лудовикѣ-Филиппѣ, ни революціонныя стремленія соціальной демократіи, ни властная рука новаго императора. Гражданское устройство Франціи такъ же дорого для каждаго Француза, какъ для Англичанина политическія его права. Въ гражданскихъ учрежденіяхъ своего отечества Французъ справедливо полагаетъ его прочную славу, и всѣ возгласы приверженцевъ старины падаютъ передъ выраженіемъ народнаго сознанія. Самъ графъ Монталамберъ, — хотя, какъ мы сказали, сердце его лежитъ въ другую сторону, — въ значительной степени признаетъ законность новаго порядка.

Другія государства европейскаго материка шли болѣе или менѣе по тому же направленію. Вездѣ, гдѣ водворился абсолютизмъ, общество подвергалось этому процессу уравниванія и организаціи. Одна только Англія составляетъ исключеніе. Въ ней абсолютизмъ никогда не могъ пустить прочныхъ корней; сословія, корпораціи, настойчиво противопоставляли ему

свои права, и королевская власть должна была допускать самостоятельность отдѣльныхъ союзовъ. Между тѣмъ какъ французская революція 1789-го года, родоначальница остальныхъ, возникла изъ желанія водворить въ государствѣ новый порядокъ вещей, обѣ англійскія революціи, напротивъ того, имѣли первоначально цѣлью удержать старое и положить предѣлы притязаніямъ королей, которыя не имѣли основанія въ существующемъ законодательствѣ. Привязанность къ старинѣ составляетъ отличительную черту англійскаго народа; только настоятельная практическая необходимость заставляетъ его прибѣгать къ измѣненіямъ. Это чувство коренится въ сознаніи права; чѣмъ древнѣе право, тѣмъ оно крѣпче, тѣмъ менѣе можетъ подвергнуться случайностямъ политическихъ событій. Но за то подъ сѣнью этого національнаго чувства сохранилось въ Англіи множество средневѣковыхъ учреждений, во всей ихъ дробности, во всемъ ихъ безпорядкѣ. На каждомъ шагу встрѣчаешь мелкій союзъ, корпорацію, привилегію, какое-нибудь личное право, которые идутъ своимъ путемъ, не подлежа вліянію общихъ государственныхъ учреждений. Разнообразіе быта и установленій въ Англіи изумительно. Все это склеивается между собою практическими сдѣлками и чувствомъ уваженія къ разъ пріобрѣтенному, хотя и бессмысленному праву. Но за то общаго въ учрежденіяхъ весьма немного, и каждое разумное преобразование должно преодолѣть неисчислимыя препятствія, чтобъ осуществиться въ жизни. Это страна свободы и неравенства.

Первая характеристическая черта, которая представляется намъ при разсмотрѣніи англійскихъ учреждений, это развитіе аристократическаго начала, проникающаго весь общественный и частный бытъ народа. Нѣтъ сомнѣнія, что англійская аристократія играла почтенную роль въ исторіи своего отечества и своими высокими качествами умѣла заслужить все-

общее уваженіе. Въ книгѣ графа Монталамбера можно прочесть краснорѣчивый ей панегирикъ. Въ самомъ дѣлѣ, направленіе внутренней ея политики можетъ считаться образцомъ государственной мудрости. Во Франціи и во многихъ другихъ европейскихъ державахъ слышатся нескончаемыя жалобы на то, что правительства свою внутреннюю политику постоянно гнутъ на одну сторону. Принявши разъ извѣстное начало, они заботятся единственно о его поддержаніи, все направляютъ къ этой цѣли, стараются уничтожить всякое противорѣчіе, однимъ словомъ, являются правительствами съ исключительнымъ духомъ. Англійская аристократія поняла, что такая государственная система не можетъ установить прочнаго порядка, что одно какое бы то ни было начало не исчерпываетъ еще полноты общественной жизни, что для народа движеніе такъ же необходимо, какъ и спокойствіе. Проникнутая этимъ убѣжденіемъ, плодомъ глубокой практической опытности, она раздвоилась внутри себя и постоянно выставляла изъ среды своей, какъ представителей охранительной партіи, такъ и поборниковъ движенія. Черезъ это она могла постоянно оставаться во главѣ правленія; новыя потребности не достигали ея въ распахъ, ибо въ ней самой находились люди, которые были первыми ихъ защитниками. Какъ скоро вслѣдствіе естественнаго развитія общественнаго быта, вслѣдствіе непреложнаго закона совершенствованія, вложеннаго въ чело-вѣка, появлялась въ народѣ потребность движенія, такъ охранительныя торіи сходили со сцены, и во главѣ правленія становились аристократическіе виги, которые удовлетворяли новымъ стремленіямъ и тѣмъ успокоивали народъ. Мало того: самая охранительная партія никогда не показывала того тупоумнаго упорства, которое характеризуетъ напимѣрь французскихъ консерваторовъ, и которое неизбѣжно ведетъ государство къ потрясеніямъ. Англійскіе торіи благоразумными уступками

сами предупреждали волненіе, сами даже иногда проводили либеральныя мѣры, когда убѣждались, что въ обществѣ есть въ нихъ настоящая потребность. Такъ въ 1829-мъ году охранительное министерство герцога Веллингтона узаконило политическія права католиковъ, за которыя постоянно ратовали виги; такъ въ недавнее время великій государственный мужъ, глава охранительной партіи, сэръ Робертъ Пиль, объявилъ себя въ пользу свободы торговли, которой онъ постоянно противился прежде, и привелъ въ исполненіе это новое начало, несмотря на вопли отсталыхъ людей своей партіи. Англійскіе аристократы любятъ даже, чтобъ общественный голосъ подстрекалъ ихъ противорѣчіемъ, нападками, громкимъ указаніемъ на общественныя язвы. Недавно одинъ изъ корифеевъ аристократіи говорилъ по поводу административной реформы: «намъ нуженъ каждые десять или пятнадцать лѣтъ ударъ кнута этого рода, чтобы поддержать въ насъ бдительность, и чтобы мы не уснули въ обманчивой безопасности». Въ настоящее время вопросъ о пролетаріатѣ принялъ въ западной Европѣ громадныя размѣры. Во Франціи онъ поднятъ былъ страшною полемикою, насильственной борьбою партій. Въ Англии старинныя аристократы первые заняты интересами бѣднаго класса, первые жертвуютъ значительныя суммы и становятся во главѣ общественныхъ предпріятій для распространенія благосостоянія въ низшемъ народонаселеніи. Въ нихъ никакіе общественные вопросы не встрѣтятъ яростныхъ противниковъ.

Однимъ словомъ, куда ни обратись, вездѣ почти англійскіе аристократы стоятъ на первомъ планѣ въ движеніяхъ общества, въ стремленіи къ достиженію благородныхъ и благотельныхъ цѣлей. Они отстаиваютъ ихъ съ просвѣщенной мыслью, смѣло, настойчиво, чуждые страха и мелкихъ расчетовъ. Не видать въ нихъ своекорыстныхъ помысловъ,

исключительной и упорной привязанности къ своимъ привилегіямъ. Когда они защищали права свои противъ королей, они говорили не за себя, а во имя общихъ правъ, общаго закона. Съ другой стороны они никогда не держались тѣхъ преимуществъ, которыя были слишкомъ тягостны для низшаго класса и узаконяли общественную несправедливость. Известно, что во Франціи феодальныя права, феодальныя подати и повинности, зависимость, завѣщанная средними вѣками, были одною изъ главныхъ причинъ ненависти низшихъ классовъ противъ аристократіи и сильнѣйшею, можетъ-быть, пружиною французской революціи. Въ Англіи эти тягости, эта зависимость давно были уничтожены самими аристократами. Они поняли, что однимъ нельзя быть свободными безъ свободы другихъ, они поняли, что, по требованію общественной справедливости, одинъ классъ не долженъ быть безмѣрно отягощенъ противъ другаго. Это добровольное уничтоженіе феодальныхъ правъ и преимуществъ составляетъ одну изъ самыхъ блестящихъ и благородныхъ страницъ англійской исторіи; а между тѣмъ оно произошло безъ шума, безъ народныхъ движеній, безъ государственныхъ переворотовъ, такъ что и слѣда почти не осталось въ лѣтописяхъ. И совершилось это такимъ образомъ потому, что привилегированный классъ былъ самъ зачинателемъ этого великаго дѣла; онъ не дожидаясь, чтобъ оно было навязано ему народнымъ возстаніемъ или законодательною мѣрою.

Въ пользу англійской аристократіи графъ Монталамберъ приводитъ и то, что она никогда не замыкалась внутри себя, а напротивъ всегда принимала въ свои нѣдра значительныхъ людей изъ другихъ сословій. Это отчасти справедливо: англійская аристократія не показывала такой исключительности, какъ напримѣръ французская; практическій смыслъ научилъ ее, что она можетъ держаться только обновленіемъ, только

обращеніемъ въ свою пользу тѣхъ могучихъ силъ, которыя проявляются въ лицахъ невысокаго происхожденія. Однако же надобно сдѣлать при этомъ значительную оговорку. Аристократія не можетъ не быть болѣе или менѣе замкнутымъ сословіемъ; иначе она перестанетъ быть аристократіей. Въ этомъ состоитъ ея невыгодная сторона. Возведеніе въ достоинство пера человѣка, проложившаго себѣ путь трудомъ и талантомъ, составляетъ и въ Англіи рѣдкое исключеніе. Во Франціи, во времена парламентскаго владычества, во главѣ правленія сосредоточивалось все, что государство производило замѣчательнаго: писатели, ученые, юристы, адвокаты. Правда, они не спасли Франціи отъ революціи, но причина тому заключается, можетъ-быть, въ самомъ характерѣ французскаго народа, который вырабатываетъ новое не столько практическими сдѣлками, сколько насильственной борьбою противоположныхъ крайностей. Въ Англіи же власть становится слишкомъ часто достояніемъ тѣснаго аристократическаго кружка. Это въ особенности справедливо относительно партіи виговъ, представителей либеральнаго движенія. Нельзя не вспомнить при этомъ, что Диккенсъ въ романѣ своемъ «Холодный Домъ» влагаетъ тотъ же доводъ въ пользу аристократіи въ уста полусумашедшей миссъ Флайтъ. «Развѣ вы не видите, говоритъ она, что наша аристократія открываетъ въ себя доступъ всему, что есть въ народѣ талантливаго и просвѣщеннаго?» Въ эту минуту, замѣчаетъ разкащикъ, она дѣйствительно была, кажется, совершенно сумашедшею.

Вообще новѣйшіе англійскіе писатели любятъ выставять невыгодныя стороны учрежденій своего отечества. Если графъ Монталамберъ указываетъ на чувство собственнаго достоинства, на спокойное самообладаніе, на сознаніе своего права, которыя развиваются въ народѣ вслѣдствіе господства аристократическаго начала, то Теккерей съ своею тонкою и ирони-

ческою наблюдательностью выводитъ наружу качества совершенно другаго рода, проистекающія изъ того же источника. Это то, что онъ называетъ snobbishness — малодушное поклоненіе ничтожнымъ условіямъ общественной жизни. Онъ видитъ его во всѣхъ слояхъ англійскаго общества, отъ верхнихъ до нижнихъ. Вездѣ человѣческое скрывается за условнымъ; вездѣ бессмысленное чванство, благоговѣніе передъ пустымъ блескомъ и вслѣдствіе этого стараніе каждаго покрыть себя лоскутомъ этой блестящей мишуры. Даже сознание собственнаго достоинства проявляется въ угловатыхъ, условныхъ формахъ, уничтожающихъ свободное проявленіе естественнаго человѣческаго чувства. Вообще форма сдвигаетъ здѣсь содержаніе.

Власть аристократіи держится на правѣ майоратства. Оно распространяется не только на высшую аристократію, но и на всѣ классы поземельныхъ владѣльцевъ. По закону все недвижимое имѣніе, о которомъ умирающій не сдѣлалъ распоряженія въ своемъ завѣщаніи, идетъ его старшему сыну. Самое право завѣщанія ограничено волею предыдущаго завѣщателя, въ случаѣ если послѣдній установилъ такъ-называемую субституцію, то-есть порядокъ нераздѣльнаго наслѣдства въ продолженіе двухъ поколѣній. Аристократическое чувство до такой степени преобладаетъ въ Англичанахъ, что почти всякій разбогатѣвшій землевладѣлецъ спѣшитъ установить въ своемъ имѣніи субституцію, чтобъ упрочить политическое значеніе своего дома. Графъ Монталамберъ видитъ въ этомъ правѣ свободу завѣщанія, прямое послѣдствіе общей гражданской свободы, и считаетъ такой порядокъ залогомъ прочности общественнаго быта, необходимымъ условіемъ непрерывности семейнаго духа и самымъ надежнымъ оплотомъ противъ безграничнаго абсолютизма. Онъ ссылается при этомъ на слова Наполеона I, который введеніе равнаго наслѣдованія считалъ

лучшимъ средствомъ для утвержденія своей власти. Последнее обстоятельство дѣйствительно заслуживаетъ вниманія; но причина его заключается въ томъ, что власть, устанавливающая равенство наслѣдованія, является представительницею идеи справедливости. Намъ Русскимъ кажется страннымъ такое преимущество старшаго сына. Петръ Великій, на основаніи государственныхъ соображеній, ввелъ у насъ право майоратства, но вскорѣ невыгодныя его послѣдствія заставили правительство отмѣнить новый законъ. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, сила семейнаго преданія должна быть основана на несправедливомъ и исключительномъ преемствѣ физическихъ благъ? Нѣтъ, прочность семейнаго быта, значеніе рода должны быть основаны на началѣ духовномъ, на преемственности нравственныхъ правилъ, переходящихъ отъ отца къ сыну; иначе родъ не имѣетъ права на историческое существованіе. Въ государствѣ наслѣдованіе происходитъ по началу первородства, потому что здѣсь одно только лицо можетъ являться представителемъ общества, какъ единаго цѣлаго; въ частномъ же быту такого ограниченія нѣтъ. Существованіе права первородства въ частной сферѣ — остатокъ средневѣковыхъ учрежденій, въ которыхъ общественное право и частное не были еще раздѣлены. Но рано или поздно справедливость возьметъ свое, и этотъ палладіумъ англійской аристократіи долженъ будетъ пасть передъ всемогуществомъ нравственнаго начала.

Какимъ же образомъ, однако, въ настоящее время сохраняется въ Англіи семейное согласіе? Повидимому младшіе сыновья приносятся въ жертву старшему, а между тѣмъ нигдѣ семейная связь такъ не крѣпка, какъ въ Англіи. Дѣло въ томъ, что если младшіе сыновья не получаютъ почти ничего изъ отцовскаго имѣнія, то они удовлетворяются доходными мѣстами, которыя раздаются имъ по покровительству богатыхъ ихъ родственниковъ. Одна несправедливость непре-

мѣнно влечетъ за собою другую: старшіе сыновья живутъ на счетъ младшихъ, младшіе въ свою очередь живутъ на счетъ государства. Извѣстно, что высшее духовенство въ Англіи пользуется баснословными доходами; все это идетъ на удовлетвореніе младшихъ сыновей. Въ арміи всѣ высшіе чины продаются и покупаются за деньги — явленіе чудовищное въ XIX вѣкѣ! разумѣется, бѣльшая часть покупается для младшихъ сыновей. Въ гражданскомъ управленіи, особенно въ колоніяхъ, точно также существуетъ множество синекуръ, которыхъ обладатели прямо, безъ труда, получаютъ значительные доходы. Всѣ эти учрежденія вяжутся между собою и составляютъ необходимое условіе для существованія аристократіи. Трудно сказать, какимъ образомъ сохранилось бы семейное согласіе въ аристократическихъ родахъ съ уничтоженіемъ всѣхъ этихъ закономъ установленныхъ злоупотребленій. «Если осуществится ваша административная реформа, говорилъ недавно одинъ лордъ купцу изъ лондонской Сити, тогда что станетъ съ нашими младшими сыновьями?» — «А если она не осуществится, отвѣчалъ тотъ, тогда что станетъ съ нашими?»

Надобно впрочемъ сказать, что такое совершенно ненормальное устройство общества не имѣетъ тѣхъ дурныхъ послѣдствій, какія можно бы отъ нихъ ожидать. Бодрый и энергическій характеръ англійскаго народа умѣетъ найдтись вездѣ; онъ съ удивительнымъ практическимъ смысломъ умѣетъ изъ самыхъ дурныхъ учрежденій извлекать то, что въ нихъ можетъ содержаться хорошаго. Къ тому же все тамъ совершается гласно, все подвергается суду общественнаго мнѣнія. Вслѣдствіе этого люди, которые пользуются несправедливыми привилегіями, вмѣсто того, чтобы употреблять ихъ во зло и спокойно обращать къ своекорыстнымъ цѣлямъ недостатки отечественнаго законодательства, стараются, напротивъ, держать себя въ-уровень съ своимъ положеніемъ, чтобы нрав-

ственнымъ своимъ достоинствомъ заслужить передъ лицомъ общества ту высокую степень, на которую они поставлены. Правда, англійское духовенство въ прежнее время слишкомъ много имѣло склонности къ беззаботному наслажденію жизни, но, въ особенности со времени политическаго освобожденія католиковъ, подстрекаемое серевнованіемъ, оно какъ-бы обновилось, и въ настоящее время 21,000 школъ съ 1,500,000 учениковъ, все это устроенное на собственное его иждивеніе, безъ всякаго побужденія со стороны правительства, доказываютъ его попеченіе о духовныхъ благахъ народа. Англійская армія, несмотря на свои недостатки, служитъ образцомъ разумной дисциплины и сознательнаго исполненія своего долга. Графъ Монталамберъ разказываетъ по этому поводу случай, который стоитъ пересказать. Нѣскольکو лѣтъ тому назадъ, одинъ полкъ былъ отправленъ на Мысъ Доброй Надежды; онъ вѣхалъ на фрегатѣ «Биркенгедъ». Недалеко отъ мѣста назначенія, корабль наткнулся на подводный камень. Средствъ для спасенія не было; на шлюпкахъ можно было увезти только женщинъ, дѣтей, да нѣсколько больныхъ пассажировъ. Тогда весь полкъ, офицеры и солдаты, сталъ подъ ружье и медленно, не трогаясь съ мѣста, погрузился въ волны съ утопавшимъ кораблемъ. «Ни одинъ изъ этихъ людей, молодыхъ, сильныхъ, вооруженныхъ, не старался спасти свою жизнь насчетъ слабыхъ и беззащитныхъ, и весь полкъ погибъ жертвою послушанія и милосердія». Это черта, достойная древнихъ Спартанцевъ.

Внутреннее управленіе Англіи основано на началѣ мѣстной автономіи, на томъ, что они называютъ *self-government*, самоуправленіе. Въ городахъ мѣстныя власти выбираются городскимъ сословіемъ, въ графствахъ онѣ большею частью назначаются правительствомъ изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ. Таковы лорды-намѣстники, исполняющіе должность на-

чальниковъ милиціи, шерифы, мирные судьи; только коронеры избираются самими землевладѣльцами. Право назначенія не даетъ однакоже правительству большаго вліянія на опредѣляемые лица. Централизація въ Англіи весьма слабо развита; мѣстные власти дѣйствуютъ совершенно самостоятельно, и правительство сохраняетъ надъ ними только общій верховный надзоръ. Кромѣ того, — что всего важнѣе, — должности эти не приносятъ никакихъ доходовъ, а напротивъ требуютъ иногда довольно значительныхъ издержекъ. Для мѣстныхъ землевладѣльцевъ онѣ составляютъ скорѣе тягость, нежели выгоду. Вслѣдствіе этого послѣдніе не столько зависятъ отъ правительства, сколько правительство отъ нихъ, ибо, не доставляя имъ ничего, оно должно искать въ нихъ опоры для поддержанія закона и сохраненія общественнаго порядка. Впрочемъ, землевладѣльцы охотно принимаютъ на себя эти должности; онѣ доставляютъ имъ способъ пріобрѣсти вліяніе на мѣстныхъ жителей, заслужить ихъ довѣріе безкорыстнымъ и неутомимымъ исполненіемъ своихъ обязанностей. Мѣстное вліяніе, въ свою очередь, открываетъ имъ путь въ парламентъ. Бѣольшая часть членовъ нижней палаты начинаетъ свое поприще званіемъ мирнаго судьи; знакомство съ мѣстными дѣлами и ревностное ихъ исполненіе служатъ ручательствомъ, что они то же знаніе и то же усердіе покажутъ и въ дѣлахъ государственныхъ. Конечно, и въ этомъ есть невыгодная сторона: мѣстное уваженіе и политическая карьера достаются на долю только людямъ съ значительнымъ состояніемъ; личный трудъ и способности не могутъ пробить себѣ дорогу, открытую для богатства. Здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, учрежденія сами по себѣ представляютъ много несовершеннаго; но безкорыстный духъ управленія сохраняется, съ одной стороны, стараніемъ богатыхъ землевладѣльцевъ поддержать свое древнее значеніе, съ другой стороны — общественнымъ

мнѣніемъ, которое строго слѣдитъ за дѣйствіями исполнителей власти и не даетъ имъ возможности уклониться отъ прямого пути.

Аристократическій характеръ англійскихъ учреждений выражается и въ общественномъ воспитаніи. Графъ Монталамберъ съ восторгомъ говоритъ о школахъ, въ которыхъ воспитывается англійское юношество, противопоставляя ихъ французскимъ лицеямъ. Послѣдніе находятся въ городахъ, гдѣ ученики содержатся въ четырехъ стѣнахъ, подъ строгимъ надзоромъ; первыя напротивъ устроены по деревнямъ, вдали отъ всякаго соблазна. Молодые люди живутъ въ изящныхъ готическихъ зданіяхъ, среди великолѣпныхъ парковъ, пользуясь деревенскою свободою, которую они, однако, рѣдко употребляютъ во зло. Полные силы и здоровья, они здѣсь научаются управлять собою и выносятъ отсюда зачатки тѣхъ высокихъ качествъ, которыя въ послѣдствіи украшаютъ ихъ жизненное поприще. При этомъ описаніи графъ Монталамберъ забываетъ одно: немудрено устроить три, четыре образцовыя заведенія для привилегированнаго, богатаго юношества, но совсѣмъ другое дѣло учредить общественное воспитаніе для цѣлаго народа. Послѣднее же находится въ Англіи въ самомъ плачевномъ состояніи: казенныхъ заведеній вовсе нѣтъ, частныя дороги и дурны, и только воскресныя школы, заведенныя духовенствомъ, нѣсколько удовлетворяютъ первоначальнымъ потребностямъ образованія. Яркими красками описывалъ недавно эти недостатки общественнаго воспитанія лордъ Джонъ Россель, который вслѣдствіе этого внесъ въ парламентъ предложеніе о преобразованіяхъ по этой части. Впрочемъ, до сихъ поръ это не привело еще ни къ какимъ результатамъ.

Съ такимъ же очевиднымъ пристрастіемъ говоритъ графъ Монталамберъ и объ англійскихъ университетахъ; ему нравятся въ нихъ корпоративный духъ и совершенная независи-

мость отъ власти. Но надобно спросить : достигается ли этимъ цѣль преподаванія? а на этотъ вопросъ трудно, кажется, отвѣчать утвердительно. Англійскіе университеты, то-есть Оксфордскій и Кембриджскій, суть богатая корпорація, закоснѣлыя въ старинныхъ формахъ, преданныя рутинѣ, сохранившія преданія средневѣковой схоластики. Нѣтъ въ нихъ живой струи умственной жизни, пролагающей новые пути, дѣлающей изъ науки предметъ живаго пониманія, интересъ человѣческой. Слушатели находятъ на скамьяхъ университетскихъ не свободное, поучающее слово, а школьныя формы. Поэтому все, что Англія производитъ замѣчательнаго въ научномъ отношеніи, исходитъ не изъ университетовъ. Мы удивляемся классическимъ трудамъ банкира Грота, полковника Мьюра, епископа Тэрлвалла; намъ кажется, что образование должно быть въ значительной степени распространено въ народѣ, въ которомъ даже дилеттанты прославляютъ себя такими произведениями. Но надобно спросить, что сдѣлало ученое сословіе Англіи? Гдѣ ея знаменитые профессеры? Много ли университеты готовятъ преподавателей? Англичанинъ, котораго сынъ хочетъ посвятить себя ученому званію, считаетъ себя несчастнымъ отцомъ. Даже внутреннее устройство университетовъ слѣдуетъ завѣщанной вѣками рутинѣ. «Какъ у васъ учреждается внутренній порядокъ?» спросилъ графъ Монталамберъ у начальника одного изъ университетскихъ коллегіумовъ. «Очень просто, отвѣчалъ тотъ; мы не сдѣлали никакихъ перемѣнъ въ статутахъ, которые дала намъ наша основательница, графиня Маргарита Ричмондская, мать короля Генриха VII-го, въ 1465 году». Уже парламентъ долженъ былъ вступить въ это дѣло, и уничтожить самыя вопіющія злоупотребленія.

Одно только можно сказать въ пользу этихъ заведеній : если они не возбуждаютъ мысли, не подвигаютъ впередъ науки,

если нѣтъ въ нихъ живой умственной атмосферы, вдохновляющей жажду знанія молодымъ поколѣніямъ, то они доставляютъ по крайней мѣрѣ средства для самостоятельнаго труда, и Англичане пользуются этимъ съ свойственною имъ силою воли. Ученые Англіи образуются не преемственностью умственного движенія, а собственною дѣятельностью, личнымъ трудомъ. Но цѣль учебныхъ заведеній состоитъ не въ томъ, чтобы дать возможность воспитаться нѣсколькимъ блестящимъ личностямъ, которыя всегда проявятся въ нѣсколько образованномъ обществѣ, а въ томъ, чтобы разлить просвѣщеніе въ массѣ народа : этого-то англійскіе университеты не достигаютъ. Притомъ же они опять таки доступны однимъ богатымъ; какъ и прочія учрежденія, они составляютъ преимущественно достояніе аристократіи. Въ этомъ отношеніи нельзя не сказать, что они приносятъ значительную пользу государству, въ которомъ аристократія стоитъ на первомъ планѣ. Англійскіе вельможи все проходятъ черезъ университеты, и съ помощію усерднаго труда большею частію выносятъ оттуда значительный запасъ свѣдѣній. Они убѣждены, что безъ основательнаго образованія, безъ упорной работы мысли надъ умственнымъ матеріаломъ, не можетъ быть прочнаго государственнаго могущества.

Такимъ образомъ, куда бы мы ни обратились, вездѣ мы видимъ учрежденія, разнообразныя до чрезвычайности, но все созданныя по одному типу : вездѣ общественное неравенство, привилегіи, вездѣ устарѣлыя формы, часто потерявшія всякій смыслъ; но сквозь все это проглядываетъ свѣжій, бодрый духъ сильнаго народа, одареннаго удивительнымъ практическимъ смысломъ, умѣющаго приспособить къ дѣлу самыя по видимому неуступчивыя матеріалы и болѣе всего дорожащаго широкимъ развитіемъ свободы. Еще болѣе поразить насъ нескладность общественнаго организма, если мы взглянемъ на

устройство судовъ, въ которое вѣковая рутина и чисто практическія измѣненія внесли неслыханную запутанность, ведущую къ тяжбамъ нескончаемымъ и не разрѣшимымъ; если посмотримъ на хаотическую массу законодательства, на безчисленныя корпораціи, обладающія всѣ различными учрежденіями, наконецъ на частныя права, которыя страннымъ образомъ вторгаются въ государственный бытъ. Все, кажется, идетъ въ разладъ, все стремится къ независимости; но въ сущности, несмотря на странности, предразсудки, злоупотребленія, все служитъ общему порядку; внутренній, оживляющій духъ направляетъ все къ единой цѣли.

Между тѣмъ въ это причудливое, полусредневѣковое зданіе закрадываются демократическія начала! Медленно и постепенно проникаютъ они въ государственный организмъ, склоняя на свою сторону самое общественное мнѣніе. Прослѣдимъ нѣкоторые признаки этого новаго направленія.

Въ государственномъ бытѣ начало демократическимъ преобразованіямъ положено было избирательною реформою 1832 года. Хотя графъ Монталамберъ не видитъ въ этомъ большаго измѣненія противъ прежняго, но иначе судили государственные люди Англіи. «Я отвергаю предложеніе лорда Грея, говорилъ Вильберфорсъ, по той же причинѣ, по которой я желаю реформы болѣе умѣренной; послѣдняя предупредить побѣду демократовъ, которую та напротивъ дѣлаетъ несомнѣнною». То же самое утверждали сэръ Робертъ Пиль и другіе противники преобразованія. Дѣло въ томъ, что здѣсь встрѣтились лицомъ къ лицу два противоположныя начала: средневѣковое и новое, старинныя права и раціональное уравненіе. «Гнилыя мѣстечки», имѣющія ничтожное населеніе, вполнѣ преданное значительнымъ землевладѣльцамъ, посылали въ парламентъ своихъ представителей, тогда какъ богатые, населенные города лишены были этого права. Необходимо

было положить предѣлъ такому неестественному порядку вещей, дать нѣкоторое удовлетвореніе новымъ общественнымъ элементамъ. Но какъ это совершить? Питтъ предлагалъ выкупить избирательное право у «гнилыхъ мѣстечекъ»; это значило узаконить воззрѣніе средневѣковое, воззрѣніе частнаго права. Реформа 1832 года повела дѣло иначе: преобразование введено было законодательною мѣрою, и такимъ образомъ признано было господство права общественнаго. Конечно новое начало уравненія не вытѣснило совершенно стараго; вопросъ рѣшенъ былъ сдѣлкою, и донинѣ нѣкоторыя ничтожныя графства имѣютъ въ парламентѣ вчетверо болѣе представителей, нежели значительные города. Но начало численнаго уравненія введено въ законодательство; мѣстечки, имѣющія менѣе 2,000 жителей, лишены были избирательнаго права; тѣ, которыя имѣли не болѣе 4,000, получили право посылать только одного представителя. Съ каждою новою переменой, это начало должно получать большее и большее значеніе, и теперь уже сильно поговариваютъ о необходимости новаго преобразованія.

Графъ Монталамберъ возстаетъ противъ господства числа народонаселенія въ народномъ представительствѣ; это, по его мнѣнію, чисто демократическое начало, узаконяющее владычество массы. Но кажется, что всякое представительное правленіе, откуда бы оно ни отправлялось, должно окончательно придти къ этому результату. Въ самомъ дѣлѣ, если даже принять, что народное представительство должно быть выраженіемъ не общаго мнѣнія объ общемъ дѣлѣ, а совокупности отдѣльныхъ, существующихъ въ народѣ интересовъ — земледѣльческихъ, торговыхъ и т. п., то все же каждый элементъ долженъ быть представленъ въ парламентѣ сообразно съ своею значительностью, а что можетъ служить мѣриломъ этой значительности, какъ не количество людей, для которыхъ

известный интерес составляет жизненный вопрос? Единственное условие, которое может разумным образом быть допущено, состоитъ въ необходимости нѣкотораго образованія въ избирателяхъ и избираемыхъ. Для этого устанавливается цензъ, ибо возможность образованія предполагаетъ известный достатокъ. Но самый цензъ долженъ быть равенъ для всѣхъ, такъ что окончательно представительство все-таки распределяется по числу избирателей. Поэтому во всѣхъ государствахъ, гдѣ существуетъ представительное правленіе, исключая Англию, число народонаселенія, имѣющаго право выбора, полагается въ основаніе избирательныхъ законовъ. Даже въ федеративныхъ державахъ, каковы Швейцарія и Соединенные Штаты, устанавливается двойное представительство: въ верхнюю палату каждый штатъ посылаетъ число выборныхъ, равное съ другими, въ нижнюю же—по количеству народонаселенія. Въ Англии поземельное владѣніе имѣетъ въ палатѣ пэровъ свое особенное представительство, высшее въ государствѣ; странно было бы противиться справедливому уравниенію по крайней мѣрѣ въ другомъ законодательномъ собраніи, въ нижней палатѣ.

Демократическія начала проникаютъ и во внутреннее управленіе Англии. Здѣсь они являются въ видѣ усиленія центральной власти насчетъ мѣстныхъ. Выше было сказано, что независимость послѣднихъ основана на преобладаніи аристократическаго элемента въ государствѣ. Поэтому всѣ мѣры, которыя клонятся къ уменьшенію ихъ значенія, къ замѣнѣ даровыхъ должностей, замѣщаемыхъ богатыми землевладѣльцами, бюрократіею, доступною всѣмъ и каждому, ведутъ вмѣстѣ съ тѣмъ къ уничтоженію общественнаго неравенства и преобладанія одного элемента надъ другимъ. Конечно, успѣхи централизаціи и бюрократіи въ Англии чрезвычайно медленны; однако они не подлежатъ сомнѣнію. Въ теченіе послѣдняго

двадцатипятилѣтія очевидныя злоупотребленія показали необходимость преобразовать и подчинить высшему правительству управленіе общественнымъ призрѣніемъ, поставить подъ надзоръ центральной власти медицинскую полицію, тюрьмы, воспитательныя заведенія, наконецъ въ недавнее время и самую полицію городовъ. Каждый новый законъ объ администраціи, представляемый парламенту, имѣетъ цѣлью усилить центральную власть. Правда, это стремленіе встрѣчаетъ себѣ сильное противодѣйствіе, но тѣмъ не менѣе оно существуетъ, какъ въ правительствѣ, такъ и въ народѣ. Вопросъ о бюрократіи поднятъ былъ въ послѣднее время съ особенною силою. Война выказала въ яркомъ свѣтѣ недостатки управленія, основаннаго на привилегіяхъ одного сословія. Въ то самое время, какъ раздались вопли общественнаго мнѣнія по случаю дѣйствій англійской арміи въ Крыму, составила лига въ пользу административной реформы. Цѣль ея—уничтожить въ управленіи преобладаніе аристократіи и сдѣлать его доступнымъ способностямъ и талантамъ, въ какой бы сферѣ они ни проявлялись. Сами государственные люди Англии признаютъ въ нѣкоторой степени необходимость преобразованія, вслѣдствіе чего этотъ вопросъ стоитъ теперь на первомъ планѣ въ дѣлахъ внутренней политики.

Графъ Монталамберъ, какъ мы сказали, рѣшительный противникъ централизаціи и бюрократіи; въ нихъ онъ видитъ главное зло, грозящее Англии. «Всѣ Англичане», говоритъ онъ, «которые дорожатъ величіемъ своего отечества, должны соединиться, чтобы дать отпоръ приливающей съ материка волнѣ бюрократіи, которая мало-по-малу подмываетъ ея древнія учрежденія и поглотитъ наконецъ ея благосостояніе, свободу и славу». Въ этихъ словахъ есть, кажется, значительная доля преувеличенія. Графъ Монталамберъ, и безъ того пристрастный къ средне-вѣковымъ учрежденіямъ, напуганъ въ

добавокъ нѣкоторыми дурными послѣдствіями, проистекающими изъ слишкомъ большаго значенія, которое получили централизація и бюрократія на европейскомъ материкѣ. Дѣйствительно, нельзя не сказать, что бюрократія служитъ покорнымъ орудіемъ всякаго новаго правленія, возникшаго изъ переворота; дѣйствительно, она ведетъ иногда ко вмѣшательству центральной власти во всѣ жизненные мелочи, устанавливаетъ письменный формализмъ, слишкомъ часто замѣняющій сущность дѣла, пораждаетъ наконецъ легіоны искателей, готовыхъ на все, лишь бы добиться мѣста. Но первая черта врядъ ли можетъ почитаться зломъ; если бы, на примѣръ, во Франціи, послѣ каждаго переворота, къ политическому потрясенію присоединялось всеобщее разстройство внутренняго управленія, неужели это служило бы къ лучшему? При настоящемъ порядкѣ, въ политической сферѣ происходитъ борьба, одно правительство падаетъ, другое возникаетъ на его мѣсто, а управленіе идетъ себѣ своимъ путемъ, удовлетворяя ежедневнымъ потребностямъ общественной жизни. Въ этомъ трудно видѣть недостатокъ. Что же касается до остальныхъ возраженій, то конечно они имѣютъ свою силу; чрезмѣрное усиленіе централизаціи и бюрократіи неизбежно ведетъ къ злоупотребленіямъ, противъ которыхъ нельзя не вооружиться. Вообще тамъ, гдѣ должно быть совмѣстное существованіе двухъ элементовъ, исключительное преобладаніе одного изъ нихъ никуда не годится. Но дѣло въ томъ, что возражатели, имѣя въ виду одну крайность, сами впадаютъ въ другую, и вмѣсто того, чтобы возставать на преувеличенное развитіе извѣстнаго учрежденія, возстаютъ на самое его существо. Между тѣмъ примѣръ Англіи лучше всего доказываетъ необходимость нѣкоторой степени централизаціи. Англичане — народъ практическій; они теоріями не увлекаются и стараго измѣнять не любятъ. Если у нихъ является стрем-

леніе къ усиленію центральной власти, то оно безъ сомнѣнія вытекаетъ изъ практической необходимости, изъ очевидныхъ недостатковъ настоящей системы управленія. Укажемъ на это примѣръ. Вотъ случай, который рассказываетъ газета «Times» 1853 года:

«Думають», говоритъ она, «что парламентъ всемогущъ; но онъ можетъ только издавать законы, когда же дѣло дойдетъ до исполненія, то отъ приходскихъ властей зависитъ — исполнить законъ или нѣтъ, отчего онъ обыкновенно остается мертвою буквой. Доказательствомъ служатъ недавно изданные документы объ исполненіи нынѣшняго, то-есть, втораго или третьяго закона о столичныхъ кладбищахъ. На вопросъ: сколько кладбищъ было закрыто въ силу этого закона? оказалось, что ни одного. На вопросъ: сколько прошеній было подано статсъ-секретарю внутреннихъ дѣлъ о закрытіи кладбищъ въ силу этого закона и объ открытіи новыхъ? оказалось, что прошеній перваго рода было не болѣе четырехъ, и эти четыре относились къ четыремъ важнѣйшимъ неудобствамъ столицы, результата же они не имѣли никакого, ибо похороны продолжаютъ по-прежнему и не предвидится этому конца. Расскажемъ исторію двухъ изъ этихъ прошеній. Въ 1764 году приходъ Св. Георгія, Nonover Square, просилъ у парламента позволенія открыть новое кладбище, потому что, вслѣдствіе умноженія народонаселенія, старое было слишкомъ мало, и тѣснота дѣлала его нездоровымъ для сосѣдства. Прихожане получили новое кладбище къ сѣверу отъ Гайдъ-Парка. Въ то время оно было въ деревнѣ и достаточно для прихода; теперь же оно совершенно окружено домами, и столь же тѣсно для прихода 73,000 душъ, сколько первое. Чтобы дать понятіе о томъ, что тамъ происходитъ, достаточно сказать, что тѣла кладутся по шести и по семи одно на другое, и что могилы остаются открытыми, пока не наполнятся до верху. Среднее

количество похоронъ до 1848 года было 1,000 въ годъ; въ 1848 году ихъ было 1,183. Со времени открытія кладбища въ него положено 80,000 тѣлъ, хотя грунтъ не способствуетъ быстрому разложению. Среднее число для всего восьмидесяти-восьми-лѣтняго періода равняется девяти сотъ сорока — количество достаточное для наполненія всего пространства въ шесть лѣтъ. Но и это не даетъ полнаго понятія о нынѣшнемъ его состояніи; надобно прибавить, что часть кладбища отдѣлена для богатыхъ, такъ что остальное еще болѣе стѣснено, нежели сколько оказывается изъ предыдущихъ цифръ. Какъ скоро вышелъ новый законъ, сосѣди подали прошеніе статсъ-секретарю внутреннихъ дѣлъ. Онъ отсылаетъ ихъ къ приходу, а между тѣмъ получаетъ записку доктора Сутерланда въ подтвержденіе невозможности продолжать похороны въ этомъ мѣстѣ. Но приходскія власти отговариваются подъ предлогомъ незанятаго пространства, то-есть части, оставленной для богатыхъ, которая, какъ они утверждаютъ, можетъ вмѣстить еще до шести сотъ тѣлъ, слѣдственно половину ежегодно хоронимаго количества. Въ силу этого доказательства и вслѣдствіе обѣщанія отыскать новое кладбище, они въ настоящее время оставлены въ покоѣ, и въ продолженіе еще восьмидесяти восьми лѣтъ будутъ совершать похороны на прежнемъ мѣстѣ съ оставленіемъ части кладбища для богатыхъ, въ доказательство, что оно еще не совершенно полно. Второе прошеніе относилось къ кладбищу, находящемуся между Regent-Square и Grays-inn-road. Оно раздѣляется стѣною на двѣ узкія полосы, изъ которыхъ сѣверная принадлежитъ приходу Св. Георгія Bloomsbury, южная приходу Св. Георгія мученика. Первая имѣетъ 600 футовъ длины и 100 ширины, то-есть 60,000 квадратныхъ футовъ, слѣдственно можетъ содержать 1,538 тѣлъ. Но послѣ того, какъ въ ней помещено было 10 или 12 тысячъ тѣлъ, съ 1846 года до 1852 было похороне-

по еще 3,363 человекъ. Въ этомъ случаѣ произошло то же, что и въ первомъ, именно: подана записка страдающихъ отъ нечистоты воздуха съ свидѣтельствомъ доктора Сутерланда, потомъ сдѣлано воззваніе къ приходскимъ властямъ, на которое ректоръ отвѣчалъ, что такъ какъ его приходъ соединенъ съ другимъ, то законъ до него не касается. Послѣ того онъ отговаривается пятью тысячами футовъ незанятаго пространства, что достаточно для 385 тѣлъ, то-есть около половины количества, похороненнаго въ 1851 году. На этомъ основаніи онъ получаетъ уже не отсрочку, а совершенное освобожденіе отъ обязанности пріискать новое кладбище. На другой половинѣ почти то же: здѣсь приходскія власти, основываясь на бѣдности прихода и на клочкѣ незанятаго пространства, просятъ милости статсъ-секретаря, и единственный результатъ всего дѣла — нѣсколько распоряженій о кладбищѣ до тѣхъ поръ, пока уголокъ земли не будетъ наполненъ. Но когда это будетъ? Кто усмотритъ за всѣми похоронами и кто поручится, что новое тѣло не будетъ положено туда, гдѣ ихъ лежатъ уже двадцать?»

Конечно, когда, подстрекаемые гласностью, Англичане примутся за дѣло, у нихъ каждая часть приводится въ цвѣтущее состояніе. Читатели «Московскихъ Вѣдомостей» могли видѣть въ нихъ описаніе новаго, великолѣпнаго лондонскаго кладбища. Но изъ всего этого однако очевидно, что центральная власть, издающая законы, должна отвѣтствовать и за ихъ исполненіе, а для этого у нея должна быть въ рукахъ достаточная сила.

Последняя война показала необходимость ввести болѣе единства и энергіи и въ военное управленіе. Опять же подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія, въ этой части сдѣланы были значительныя преобразованія. Мало того: при видѣ неудачъ англійской арміи, сильнѣе нежели когда-либо, возбудились

нападки на самое ея устройство, въ особенности на продажу мѣстъ. Конечно, въ Англіи это установленіе не имѣетъ тѣхъ дурныхъ послѣдствій, которыя были бы неизбежны во всякомъ другомъ государствѣ; стремленіе аристократіи поддержать свое значеніе нравственнымъ своимъ достоинствомъ, поправляетъ и здѣсь недостатки учреждений. Тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что вслѣдствіе этого личное достоинство, храбрость, военная опытность лишаются тѣхъ наградъ, которыя достаются на долю знатности и богатству. Само правительство пришло, кажется, къ этому сознанию; въ послѣднюю войну оно надѣлило наградами и чинами большее число солдатъ, нежели когда-либо въ прежнее время. Разумѣется, дѣло на этомъ не остановится; урокъ не пройдетъ даромъ, и англійская армія должна будетъ болѣе и болѣе подчиняться началу справедливаго уравненія. Но когда мѣста нельзя будетъ получать иначе, какъ на основаніи личнаго достоинства, когда и въ гражданскомъ управленіи уничтожены будутъ доходныя синекуры, тогда что станетъ съ младшими сыновьями англійскихъ лордовъ? А если младшіе сыновья не будутъ удовлетворены государственными доходами и составятъ массу недовольныхъ, тогда что станетъ съ старшими?

Между тѣмъ въ общественномъ мнѣніи болѣе и болѣе падаетъ уваженіе къ старымъ формамъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, нужно сравнить прежнихъ популярныхъ писателей Англіи съ новѣйшими. У Валтеръ-Скотта, по замѣчанію графа Монталамбера, не встрѣтишь ни одного намека, направленаго противъ аристократіи, ни одного протеста противъ существующихъ учреждений, тогда какъ Диккенсъ въ большей части своихъ повѣстей старается выставить язвы общественнаго быта и поднять естественное, человѣческое чувство на счетъ условнаго аристократическаго формализма. Бѣдная сатира на аристократическіе нравы, обычаи, учрежденія, слы-

шится въ романахъ Теккерея. Наконецъ Карлейль и за нимъ цѣлая школа писателей проповѣдуютъ поклоненіе тѣмъ историческимъ дѣятелямъ, въ которыхъ воплощалась демократическая сила народа. Радикальные журналы: Daily-News, Examiner, прямо даже говорятъ о необходимости демократической диктатуры. Правда, въ Англіи все эти признаки не имѣютъ того значенія, какъ въ другомъ мѣстѣ. Могутъ собираться громадныя митинги, могутъ говорить страстныя рѣчи, ораторы и писатели могутъ кидать грязью въ правительственныя лица и учрежденія, и все-таки законный порядокъ не нарушится, правительство не прибѣгнетъ къ силѣ, народъ не взбунтуется, учрежденія останутся непоколебимы. Такъ въ этой сторонѣ свобода слова привыкли уважать право и законность, такъ въ ней правительство довѣряетъ народу и такъ народъ имѣетъ довѣріе къ своему правительству. Но тѣмъ не менѣе эти признаки показываютъ, куда направляется общественное мнѣніе; они служатъ мѣриломъ постепеннаго упадка аристократическаго начала въ Англіи. Лордъ въ глазахъ Англичанина все еще окруженъ изумительнымъ блескомъ, но это не тотъ уже полубогъ, какимъ онъ былъ въ прежнее время.

Такое состояніе общественнаго мнѣнія отражается и въ парламентѣ. Пока живы были старыя преданія, нижняя палата раздѣлялась въ сущности на двѣ партіи: на виговъ и торіевъ. Обѣ крѣпко держались аристократическаго начала; поочередно занимали онѣ министерскія мѣста, и правительственный механизмъ шелъ своимъ обычнымъ, неизмѣннымъ порядкомъ. Большинство въ палатѣ состояло всегда изъ сплошной массы, одушевленной одинакими убѣжденіями; не было ни коалицій, ни колебаній; политическій путь былъ ясенъ для всѣхъ. Теперь этотъ простой механизмъ нарушенъ. Съ ослабленіемъ аристократическаго начала явились въ парламентѣ

новые элементы, отъ которыхъ разстроились прежнія партіи. Сюда принадлежитъ прежде всего такъ называемая манчестерская школа, представительница интересовъ торговаго и промышленнаго сословія; у насъ хорошо извѣстны имена ея предводителей, Кобдена и Брайта. Къ нимъ примыкають отчасти друзья Роберта Пиля, вмѣстѣ съ нимъ отдѣлившіеся отъ торіевъ по поводу вопроса о хлѣбныхъ законахъ, въ которомъ они пользѣ пародной пожертвовали интересами сословія землевладѣльцевъ. Они не составляютъ значительной партіи, но между ними находятся люди съ блистательными дарованіями, не разъ занимавшіе министерскія мѣста: Гладстонъ, одинъ изъ первыхъ ораторовъ англійскаго парламента, сэръ Джемсъ Грамъ, Сидней Гербертъ, Кардуелль — все люди, пользующіеся общимъ и заслуженнымъ почетомъ. Даже въ верхней палатѣ герцогъ Ньюкастльскій и лордъ Абердинъ служатъ представителями небольшой фаланги пилитовъ. Далѣе, отдѣльно отъ виговъ, пилитовъ и манчестерской школы, стоятъ радикалы. Долго старей, всѣми уважаемый Юмъ былъ почти единственнымъ представителемъ этой партіи въ нижней палатѣ. Теперь же она усилилась до такой степени, что умѣренный радикалъ сэръ Вилліамъ Молесвортъ былъ членомъ министерства. Наконецъ сюда принадлежатъ ирландскіе депутаты, имѣющіе свои интересы, но постоянно враждующіе противъ англійской аристократіи. Такимъ образомъ, хотя большинство нижней палаты состоитъ изъ либеральныхъ элементовъ, по виги не пользуются въ ней исключительнымъ господствомъ. Отсюда непрерывныя коалиціи и колебанія, которыя дѣлають шаткимъ положеніе всякаго министерства. Непріязнь нижней палаты къ аристократическому началу рѣзко выразилась по случаю вопроса о пожизненномъ перствѣ. Верхняя палата не хотѣла признать за правительствомъ права назначать пожизненныхъ перовъ; она хорошо понимала, что это

будетъ смертельный ударъ аристократіи. Министерство лорда Пальмерстона уступило и вошло въ сдѣлку съ притязаніями высшаго сословія. Но нижняя палата отвергла предложенное соглашеніе, и либеральные ораторы упрекали министерство въ томъ, что оно, становясь во главѣ либерализма, дѣлаеть уступки своимъ противникамъ. Такія доселѣ невиданныя явленія, такое колебаніе партій, которое въ послѣднее время проявилось и между торіями, такая нетвердость правительства явно показываютъ, что старыя начала отживаютъ свой вѣкъ, и что въ обществѣ появились новые элементы, которые стремятся занять первое мѣсто.

Куда же приведетъ Англію это движеніе? сумѣетъ ли она противопоставить ему надежный оплотъ и сохранить неприкосновенными свои древнія учрежденія? Или, если суждено ей подвергнуться общему кризису, останется ли она свободною и устоитъ ли на прежней своей высотѣ? На первый вопросъ графъ Монталамберъ отвѣчаетъ отрицательно, на второй утвердительно. Повидимому оба отвѣта имѣють за себя весьма сильные доводы.

Мы сказали уже, что графу Монталамберу торжество демократическаго начала представляется несомнѣннымъ историческимъ фактомъ. Для него ясно, что это цѣль, къ которой стремятся народы западной Европы, и эту цѣль онъ признаетъ справедливою, законною, необходимою; въ ней видитъ онъ внутренній историческій законъ, направляющій развитіе западно-европейскихъ обществъ. Въ устахъ человѣка, явно пристрастнаго къ другому порядку вещей, такое признаніе весьма знаменательно. Нѣтъ сомнѣнія, что стремленіе къ уравненію лежитъ въ основаніи всѣхъ кризисовъ и переворотовъ, которымъ подвергалась западная Европа въ продолженіе послѣднихъ семидесяти лѣтъ. Мало того: почва была уже приготовлена абсолютными монархами, которые, уничтожая

передъ собою всякія преграды, водворяя въ обществѣ идею справедливости, сглаживали общественныя неравенства и соединяли народныя массы въ единое цѣлое. Если въ Англіи это уравненіе не проявилось съ такою силою, какъ въ другихъ странахъ, то причина заключается въ слишкомъ слабомъ историческомъ развитіи абсолютизма. Съ этой стороны новое начало не нашло себѣ входа; Англія промѣняла равенство на политическую свободу. За то демократическія стремленія проявляются другимъ путемъ, свободнымъ развитіемъ учреждений, какъ это видимо совершается уже въ настоящее время. Законно ли это стремленіе или нѣтъ, это до насъ не касается; постороннимъ объ этомъ трудно судить. Во всякомъ случаѣ это фізіологическій фактъ въ исторіи западно-европейскихъ обществъ.

Но если Англія, классическая страна аристократіи, должна подвергнуться неизбѣжному измѣненію учреждений, то какое видимъ мы ручательство въ томъ, что она не будетъ вовлечена въ такой же революціонный кризисъ, какъ остальные народы западной Европы, и не падетъ наконецъ обезсиленная на развалинахъ общественной свободы?

За это ручается прежде всего несокрушимая энергія англійскаго народа. У Англичанина нѣтъ стремительныхъ порывовъ, періодовъ дѣятельности, за которыми слѣдуютъ эпохи упадка нравственныхъ силъ. Постоянно, неудержимо, непреклонно стремится онъ къ предположенной цѣли, не останавливаясь передъ препятствіями, не успокоиваясь на успѣхѣ. Англичанинъ никому не сдастъ своей инициативы; онъ самъ хочетъ быть зачинателемъ всего, какъ въ частныхъ, такъ и въ общественныхъ дѣлахъ. Нужно ли устроить полезное заведеніе, оказать помощь несчастнымъ? тотчасъ учреждается общественная подписка, значительныя лица становятся во главѣ предпріятіе, собируются баснословныя суммы. Такъ

подписка въ пользу семействъ убитыхъ и раненыхъ солдатъ крымской арміи простиралась почти до 10 милліоновъ рублей серебромъ. Нужно ли провести какую-нибудь государственную мѣру? Созываются митинги, составляются союзы гражданъ; общества, владѣющія огромными средствами, дѣйствуютъ неутомимо на общественное мнѣніе, на выборы, на правительство, и предпріятіе приводится къ желанному концу. Это мы видѣли въ вопросѣ объ уничтоженіи хлѣбныхъ законовъ. Весь общественный организмъ Англіи поддерживается не столько стараніями правительства, сколько собственной дѣятельностью, собственными усиліями гражданъ. «Общественныя дѣла Англіи, говорятъ они, суть частное дѣло каждаго Англичанина». Само правительство признаетъ это право, опирается на эту чуждую ему инициативу, даже провозглашаетъ себя неспособнымъ сохранить порядокъ въ государствѣ, если оно не найдетъ поддержки въ доброй волѣ каждаго гражданина. Надобно прибавить, что все это не ограничивается одною Англіей. Свою непреклонную силу воли, свою энергическую инициативу Англичанинъ переноситъ всюду, гдѣ бы онъ ни находился. Съ помощію этихъ качествъ онъ объѣзжаетъ дальніе океаны, проникаетъ въ полярныя льды, заселяетъ пустынные земли, и тамъ, на новой почвѣ, возникаютъ новыя государства, юныя, крѣпкія, могучія, въ которыхъ народонаселеніе сохраняетъ тотъ же рѣшительный и непреклонный характеръ, какъ и въ первобытномъ отечествѣ. Въ Сѣверной Америкѣ, въ южной Африкѣ, въ Индіи, въ Австраліи, въ отдаленнѣйшихъ краяхъ земнаго шара, вездѣ видны слѣды англійскаго могущества и великіе плоды дѣятельности англійскаго народа.

За безопасность Англіи ручаются вѣторыхъ политическая опытность ея государственныхъ людей и практической смыслъ ея гражданъ. Англичане не увлекаются блистатель-

ными теоріями; имъ не приходитъ въ голову, во имя извѣстнаго начала, ниспровергать все, что подъ него не подходитъ. Они знаютъ, что лучший залогъ вѣрнаго достиженія цѣли есть постепенность хода, которая одна предохраняетъ общество отъ потрясающихъ революцій и отъ губительныхъ реакцій. Поэтому они новый порядокъ устанавливаютъ не иначе, какъ мудрыми сдѣлками съ старымъ. Правда, они въ этомъ чисто практическомъ развитіи доходятъ до крайности, у нихъ справедливость общаго начала слишкомъ часто скрывается за мелочными практическими выгодами или невыгодами, и только настоятельная жизненная необходимость побуждаетъ ихъ къ измѣненію устарѣлыхъ и никуда негодныхъ учреждений. Но просвѣщенные понятія правительства и народа смягчаютъ эти недостатки. Какъ скоро общее мнѣніе признало пользу извѣстнаго преобразованія, его исполненіе становится дѣломъ общественнымъ и совершается безъ потрясеній и переворотовъ, потому что правительство не противопоставляетъ ему упорныхъ охранительныхъ началъ. Мы уже говорили выше объ этой мудрой уступчивости англійскихъ государственныхъ людей, о томъ, съ какою заботливостію они слѣдятъ за общественнымъ мнѣніемъ, съ какимъ искусствомъ они умѣютъ направлять свой корабль между противоположными скалами. Все правительства западной Европы, все раздрающія ее партіи могли бы поучиться у нихъ здравому политическому смыслу, умѣнію управлять государствомъ безъ употребленія силы, безъ взаимнаго страха правительства и подданныхъ, единственно опираясь на довѣріе народа.

Политическій смыслъ, отличающій англійскій народъ, развилъ въ немъ и другую черту, которая служитъ надежнымъ залогомъ мирнаго развитія, именно — чувство законности. Безспорно, это одно изъ самыхъ высокихъ качествъ, которыми можетъ обладать народъ; но не всякому оно дается и не вдругъ

приобрѣтается. Напрасно думаютъ упрочить его жестокими наказаніями, ограждающими законъ отъ нарушенія; этимъ способомъ внушаютъ страхъ и недовѣріе къ закону, а не любовь. Но страхъ и недовѣріе служатъ плохими поруками хорошаго исполненія; они поражаютъ только обманъ, прикрытый наружнымъ соблюденіемъ формъ. Единственное надежное основаніе чувству законности есть любовь къ закону, а любовь эта вселяется въ гражданахъ, когда они въ законѣ видятъ не притѣсненіе, а защиту. Въ Англии личность и собственность каждаго подданнаго ограждены отъ произвола. Домъ Англичанина, говорилъ Чатамъ, неприкосновенное его святилище; въ него можетъ лить дождь, въ него можетъ врываться вѣтеръ, но полицейскій служитель не смѣетъ въ него войти безъ законнаго приговора суда. Отсюда разлитое въ обществѣ, издавна укоренившееся уваженіе къ закону. Англичанинъ любитъ въ немъ свое право, которое неразрывно соединено и съ ревностнымъ исполненіемъ обязанностей; ибо всякій знаетъ, что какъ скоро законъ нарушается безнаказанно, то нарушенію нѣтъ уже предѣловъ, — и тогда что станетъ съ собственною его личностію? Исторія Англии представляетъ удивительные примѣры такого строгаго сознанія права: одинъ изъ замѣчательныхъ дѣятелей первой революціи, Гампденъ, котораго имя осталось незапятнаннымъ среди междоусобій и сохранилось въ памяти народной, не хотѣлъ заплатить сборщикамъ нѣсколько шиллинговъ, потому что налогъ былъ установленъ незаконнымъ образомъ, безъ согласія парламента. Онъ, богатый землевладѣлецъ, предпочелъ тюремное заключеніе уплатѣ ничтожной суммы, которой не имѣли права съ него требовать. Самые перевороты англійскіе были, какъ сказано, первоначально протестомъ во имя законности, хотя, разумѣется, дальнѣйшая борьба повела къ ниспроверженію всякаго порядка. Въ настоящее время чувство за-

конности глубоко проникло въ массы. Собираются огромныя толпы народа, и нѣсколько полицейскихъ чиновниковъ, поддерживаемыхъ всеобщимъ довѣріемъ, безъ всякаго затрудненія охраняютъ порядокъ; сзываются митинги въ 100 и даже 200 тысячъ человѣкъ, ораторы не щадятъ выражений насчетъ существующаго порядка, а между тѣмъ все спокойно расходится по домамъ, не думая прибѣгать къ насилію. Само правительство показываетъ примѣръ самаго строгаго, можно сказать, доходящаго до формалистики уваженія къ законности. Это какъ нельзя яснѣе выразилось въ процессѣ О'Коннеля, разсказу о которомъ графъ Монталамберъ посвящаетъ цѣлую главу своего сочиненія. Передадимъ его вкратцѣ, ибо здѣсь лучше всего можно видѣть самый духъ англійскихъ учреждений.

О'Коннель, какъ извѣстно, требовалъ уничтоженія акта 1800 года, которымъ ирландскій парламентъ былъ присоединенъ къ Англіи. Это значило требовать совершенной независимости Ирландіи, чего конечно не могли допустить Англичане. Для достиженія своей цѣли онъ созывалъ народныя сходки, на которыхъ говорилъ рѣчи, дышавшія страстью; онъ въ пользу *волненія* собиралъ подписку, которая въ одинъ только годъ принесла 65,000 рублей серебромъ. Какъ законникъ, онъ хвастался тѣмъ, что до него правительство не доберется. Наконецъ 20 сентября 1843 года на публичномъ обѣдѣ, послѣ самыхъ рѣзкихъ выходокъ, онъ заключилъ вызовомъ правительству: «я жду васъ; нападайте на меня, если смѣете». вмѣстѣ съ тѣмъ онъ къ 8-му октября созвалъ митингъ, болѣе многочисленный, нежели все прежніе. Въ это время первымъ министромъ былъ сэръ Робертъ Пиль. Уступая общественному мнѣнію въ Англіи, онъ запретилъ собраніе и предалъ суду знаменитаго агитатора. Въ назначенный день начали уже стекаться толпы народа, но О'Коннель лично

объявилъ имъ о рѣшеніи министерства, велѣлъ всемъ разойтись по домамъ, а самъ явился къ суду. Шесть мѣсяцевъ онъ оттягивалъ дѣло разными уловками, продолжая между тѣмъ волновать народъ, но наконецъ, 30 мая 1844 года, состоялся приговоръ присяжныхъ, который осуждалъ его на годъ тюремнаго заключенія и на значительный денежный штрафъ. Ему слѣдовало идти въ тюрьму, но оставалось еще средство уничтожить дѣйствіе приговора — именно: подать апелляцію въ палату перовъ. Онъ тотчасъ это и сдѣлалъ, а между тѣмъ издалъ прокламацію, въ которой увѣщавалъ народъ оставаться спокойнымъ. «Теперь», говорилъ онъ, «я увижу на самомъ дѣлѣ, любите ли и уважаете ли вы меня, или нѣтъ». По закону, въ палатѣ перовъ, когда она судитъ въ послѣдней инстанціи, могутъ подавать голосъ все ея члены; но установился обычай, по которому дѣло рѣшаютъ въ этомъ случаѣ одни лорды-законники, достигшіе этого званія судебнымъ поприщемъ. 4-го сентября собрались перы, чтобы судить злѣйшаго врага своего. Бóльшая часть изъ нихъ были за осужденіе; знаменитѣйшіе юристы Англіи утверждали, что приговоръ суда вполне сообразенъ съ законами. Но когда дѣло дошло до рѣшенія, то изъ пяти лордовъ-законниковъ двое только подали голосъ въ пользу утвержденія приговора; остальные же трое были противъ. Возникъ вопросъ: держаться ли стараго обычая, или поступить по закону, который позволялъ всемъ перамъ участвовать въ рѣшеніи. Въ послѣднемъ случаѣ осужденіе было несомнѣнно. Тогда лордъ Варнклиффъ, представитель министерства въ верхней палатѣ, первый предложилъ не отступать отъ принятаго обычая для политической мѣры. Остальные перы встали и вышли, и О'Коннель былъ оправданъ. «Повидимому» — говоритъ графъ Монталамберъ, — «онъ остался побѣдителемъ въ борьбѣ; но въ сущности Англія одержала прекраснѣйшую изъ побѣдъ —

она побѣдила самое себя; свои страсти, свои выгоды, свои предразсудки, свою самую закоренѣлую и естественную ненависть она принесла въ жертву уваженію къ преданію, утонченностямъ свободы, благородному суевѣрію права».

Такое доведенное до крайней добросовѣстности соблюденіе закона не могло бы существовать въ Англіи, если бы беззаконія имѣли возможность укрываться во тьмѣ, если бы гласное обличеніе не лишало ихъ всякой надежды на безнаказанность. Гласность составляетъ основаніе всей общественной жизни Англіи, и она-то служитъ въ ней самою лучшею опорою законнаго порядка. При такой системѣ должностнымъ лицамъ трудно становится утаить свои злоупотребленія. Они могли бы еще обмануть правительство, ибо есть ли ему возможность все усмотрѣть? но обмануть цѣлое общество — они не въ силахъ. Каждый Англичанинъ стоитъ на сторожѣ, сознавая себя естественнымъ хранителемъ законовъ своего отечества, и всякое ихъ нарушеніе онъ предаетъ суду гласности. Исполнители власти должны вслѣдствіе этого соблюдать крайнюю осторожность въ своихъ поступкахъ; они знаютъ, что всякое неправильное ихъ дѣйствіе влечетъ за собою величайшее изъ наказаній — общественный позоръ. Гласность выводитъ на свѣтъ и самые недостатки учреждений; они подвергаются неумолимой критикѣ, а это ведетъ въ свою очередь къ исправленію, къ улучшенію законовъ и распоряженій. Въ послѣднюю войну мы видѣли благотѣльные послѣдствія такого порядка вещей; мы видѣли, какъ подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія англійская армія, доведенная дурнымъ управленіемъ до самаго бѣдственнаго положенія, въ скоромъ времени приведена была снова въ цвѣтущее состояніе. Съ другой стороны гласность даетъ возможность высказываться новымъ потребностямъ народа. Англичанину не за чѣмъ прибѣгать къ насильственнымъ переворотамъ; онъ увѣренъ, что

онъ мирнымъ путемъ можетъ достигнуть справедливой цѣли своихъ желаній. Какъ скоро въ обществѣ зародилась новая мысль, появилась новая потребность, такъ она естественнымъ путемъ занимаетъ законное свое мѣсто между другими. Сдвленная, она перешла бы свои границы, она произвела бы глухой ропотъ, негодованіе, скрытную борьбу, которая скорѣе, нежели явная, можетъ повести къ беспорядкамъ и возстаніямъ. Высказавшись, получивши свободное теченіе и право на законную дѣятельность, она теряетъ свою разрушительную силу, ибо сама становится подъ защиту законности. Англійскіе государственные люди утверждаютъ, что гласность есть клапанъ, необходимый для предупрежденія взрывовъ. Съ помощью этого могучаго дѣятеля, естественная борьба между различными общественными потребностями и интересами, между старыми и новыми понятіями, совершается не насильственнымъ, а законнымъ путемъ; это борьба мирная, борьба мысли и слова, въ которой побѣда остается за тьмѣ, кто имѣетъ за себя общественное мнѣніе. Каждый вопросъ обсуждается со всѣхъ сторонъ, высказывается все, что можетъ быть сказано въ пользу и противъ, и правительство можетъ взвѣснить то и другое, предоставляя себѣ рѣшить дѣло согласно съ видами общественнаго блага. Такое гласное обсужденіе дѣлъ даетъ ему далѣе возможность узнать истинныя потребности и мнѣнія народа, насчетъ которыхъ оно иначе могло бы оставаться въ заблужденіи; черезъ это оно распознаетъ друзей своихъ и враговъ, или лучше сказать, оно враговъ вовсе не имѣетъ, ибо, несмотря на различіе мнѣній, всѣ равно уважаютъ правительство, которое въ свою очередь уважаетъ свободное мнѣніе гражданъ. Уваженіе къ чужому мнѣнію — непремѣнный результатъ долгой привычки къ гласности. Даже во Франціи это высокое качество не успѣло еще укорениться въ народѣ; въ Англіи же оно проявляется по-

стоянно. Несмотря на разгаръ страстей, никому не приходитъ въ голову заглушить голосъ противника, ибо заставить молчать другаго — значитъ самому потерять право на свободное выраженіе мысли. Привычка къ гласности, поддержанная чувствомъ законности и нравственнымъ смысломъ общества, уничтожаетъ и нѣкоторыя вредныя ея послѣдствія, которыя являются у народовъ, внезапно сорвавшихся съ цѣпи. Свобода, пріобрѣтенная насиліемъ, часто ведетъ къ анархіи; свобода же, установленная закономъ, ведетъ къ уваженію закона и права.

Все эти свойства, которыя выработалъ въ себѣ англійскій народъ, все эти основныя черты политическихъ его учреждений даютъ поводъ думать, что въ Англии переходъ къ иному порядку совершится не такимъ насильственнымъ путемъ какъ во Франціи. Вѣроятно, перемѣна произойдетъ не скоро; новыя начала водворятся только постепеннымъ измѣненіемъ быта. Можно полагать, что Англія, воспитанная долгою привычкою къ самообладанію, не допуститъ въ себѣ безпрерывныхъ переворотовъ и останется свободною даже при переходѣ отъ одной политической формы къ другой. Впрочемъ, едва ли есть основаніе опасаться и за будущность Франціи. Видимая измѣнчивость учреждений не должна обманывать тѣхъ, которые смотрятъ не на отдѣльныя только явленія, а на всю совокупность историческаго хода. Колебаніе между анархіей и диктатурой составляетъ неизбежное послѣдствіе революцій; въ Англии оно существовало такъ же, какъ и во Франціи. Вездѣ революціонный путь совершается однимъ и тѣмъ же порядкомъ: упорная охранительная система ведетъ къ переворотамъ; переворотъ, если только онъ не ограничивается одною смѣною правителей, поражаетъ анархію, анархія же ведетъ къ диктатурѣ, которая въ свою очередь уступаетъ мѣсто болѣе правильному ходу. Въ этомъ проявляется постоян-

ный историческій законъ, основанный на необходимой связи причинъ и слѣдствій. Но такой кругооборотъ не возвращаетъ однако общества на первоначальную точку отправленія; при всякомъ поворотѣ сохраняются и нѣкоторые плоды происшедшаго кризиса, дѣлается шагъ впередъ къ предназначенной цѣли. Безспорно, революціонный путь производитъ неисчислимыя бѣдствія; ни одинъ здравомыслящій человекъ не предпочтетъ его мирному, хотя болѣе медленному преобразованію, и если въ настоящее время во Франціи существуетъ цѣлая школа, которая на знамени своемъ написала слово: революція, то это одно изъ самыхъ печальныхъ послѣдствій насильственныхъ движеній. Революціонный путь, кромѣ временныхъ бѣдствій, какъ-то: междоусобныхъ войнъ, кровопролитныхъ возстаній, жестокихъ возмездій, анархическаго броженія страстей, насильственнаго подавленія свободы, производитъ въ народѣ и постоянный вредъ, который долго отзывается въ его жизни. Онъ уничтожаетъ въ гражданахъ чувство законности и любви къ своимъ учреждениямъ; онъ разрываетъ союзъ между правительствомъ и народомъ: правительство начинаетъ смотрѣть на народъ, какъ на опаснаго врага, народъ видитъ въ правительствѣ не защитника, а притѣснителя. Съ этимъ вмѣстѣ исчезаетъ въ обществѣ уваженіе къ чужимъ убѣжденіямъ, искажается въ немъ практической смыслъ, необходимый для управленія государствомъ; народъ начинаетъ предпочитать смѣло воздвигнутыя теоріи зрѣлому практическому сужденію вопросовъ; разжигаются его страсти, поражается въ немъ нетерпѣніе, ибо гораздо легче кажется достигнуть цѣли внезапнымъ переворотомъ, нежели мирнымъ развитіемъ учреждений. Наконецъ, что всего хуже, революціи поражаютъ временный упадокъ силъ и недовѣріе народа къ самому себѣ. Франція похожа на юношу, который, со всемъ буйствомъ молодыхъ силъ, стремится осуществить созданный

имъ идеаль, разрушая все, что къ нему не подходитъ, но который, безсильный противъ упорной дѣйствительности, крайней мѣрѣ временно падаетъ и изнемогаетъ въ борьбѣ, чтобъ потомъ снова, отдохнувши, воспрянуть съ свѣжею силою. Англія же болѣе похожа на зрѣлаго мужа, правда съ нѣсколькимъ одностороннимъ практическимъ направлениемъ, нерѣдко своекорыстнаго и несправедливаго къ сосѣдямъ, но который, задумавши извѣстное предпріятіе, идетъ къ нему твердою стопою, и съ неуклонною энергіей достигаетъ предназначенной цѣли. Обѣ онѣ, стоя во главѣ западнаго міра, имѣютъ въ себѣ неизсякаемый источникъ жизни и силы — свою народность, народность не исключительную, не младенческую, а просвѣтленную мыслью, усвоившую себѣ плоды всемірно-историческаго развитія, возродившуюся изъ средневѣковаго разложенія. Съ такимъ запасомъ силъ можно смѣло идти впередъ, не опасаясь за послѣдствія. Пока народъ сознаетъ себя, какъ единое общественное тѣло, пока у гражданина бьется сердце за отечество, до тѣхъ поръ въ обществѣ есть еще много залоговъ для будущаго.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ГОСУДАРСТВО

ВЪ АНГЛІИ.

Etudes sur l'Angleterre par Léon Faucher. 2-e édition considérablement augmentée. 1856.

I.

Книга Леона Фаше давно извѣстна образованной публикѣ. Она появилась еще въ 1844 году, и въ то время обратила на себя всеобщее вниманіе. Она поставила автора на ряду съ лучшими экономистами Франціи, открыла ему двери въ академію, въ представительныя палаты и наконецъ проложила ему дорогу въ министерство. Въ 1856 году, послѣ ранней смерти даровитаго писателя, сочиненіе его вышло въ свѣтъ вторымъ изданіемъ съ значительными дополненіями. Къ прежнимъ очеркамъ, которые остались въ первоначальномъ видѣ, присоединены новыя статьи, писанныя уже послѣ 1848 года.

Нельзя однакоже сказать, чтобъ книга много выиграла отъ этихъ прибавленій. Жизненная и государственная опытность автора не отражается въ послѣднихъ его статьяхъ ни большею ясностью воззрѣній, ни большею зрѣлостью таланта. Напротивъ, событія 1848 года повидимому имѣли на него не совсѣмъ благоприятное вліяніе. Анархическое броженіе умовъ, которое составляетъ естественное послѣдствіе насильственнаго переворота, безумныя проявленія социализма заставили

Леона Фоме броситься въ другую крайность. Онъ покинулъ точку зрѣнія безпристрастнаго наблюдателя и сдѣлался членомъ партіи. Вступивъ на политическое поприще, онъ примкнулъ къ тому близорукому большинству французскаго законодательнаго собранія, которое не умѣло ни поддержать существующій порядокъ, ни основать новыя учрежденія, которое слѣпою враждой къ республиканскимъ формамъ подкопало самыя основы парламентскаго правленія и предало Францію въ руки диктатуры. Такъ называемая умѣренная партія испугалась революціи, а испуганные люди менѣе всего способны къ дѣламъ государственнымъ, которыя требуютъ особенной зоркости. Странное дѣло! самый талантъ Леона Фоме понизился въ этомъ новомъ фазисѣ его жизни. Есть общественные дѣятели, которыхъ дарованія растутъ и крѣпнутъ въ борьбѣ. Это люди, созданные быть бойцами; въ нихъ энергія страсти преобладаетъ надъ зрѣлыми внушеніями разума: таковъ графъ Монталамберъ. Мыслитель, напротивъ, обыкновенно теряетъ часть своихъ способностей, когда онъ становится на точку зрѣнія болѣе или менѣе одностороннюю. Сила его заключается въ ширинѣ воззрѣній, въ возвышенности мысли, парящей надъ многообразными явленіями жизни. Какъ скоро суживается его взглядъ, такъ понижается и его талантъ. Конечно, есть рѣдкія натуры, въ которыхъ соединяются и энергія бойца и ширина воззрѣній мыслителя. Но къ нимъ не принадлежалъ Леонъ Фоме; потому и политическое поприще его не было блистательно. Мы не можемъ жалѣть о томъ, что при второмъ изданіи лежащей передъ нами книги, прежнія статьи не подверглись измѣненіямъ; мы думаемъ, что позднѣйшія поправки не послужили бы имъ въ пользу. Какъ бы то ни было, въ настоящемъ своемъ видѣ сочиненіе Леона Фоме остается безспорно однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній современной французской литературы.

Имъ мы намѣрены воспользоваться для краткаго очерка промышленнаго развитія Англіи. Правда, нѣкоторыя данныя уже нѣсколько устарѣли, но можно отчасти дополнить ихъ новѣйшими. Притомъ же мы имѣемъ въ виду не статистическое описаніе, а общую характеристику существенныхъ особенностей англійской промышленности и ея вліянія на государственныя учрежденія въ послѣднюю четверть нынѣшняго столѣтія. Въ этомъ отношеніи книга Леона Фоме сообщаетъ любопытныя черты, описанныя съ натуры мастерскою кистью, на основаніи личныхъ наблюденій и близкаго знакомства съ предметомъ. Постараемся передать читателямъ то впечатлѣніе, которое производитъ на насъ эта картина.

Здѣсь мы присутствуемъ при одномъ изъ самыхъ величественныхъ и громаднѣхъ зрѣлищъ, которыя когда-либо представляла исторія. Никогда могущество мысли и владычество челоуѣка надъ природой не достигали такихъ размѣровъ, какъ въ наше время. Въ древности были завоеватели, которые покоряли половину міра и отсюду собирали необъятныя сокровища. Египетскіе, индійскіе, вавилонскіе властители заставляли поколѣніе за поколѣніемъ трудиться надъ памятниками, которыхъ развалины донинѣ составляютъ предметъ удивленія для странниковъ. Желѣзная воля римскаго народа, подчинивши себѣ почти все извѣстныя тогда страны, скопила въ вѣчномъ городѣ неслыханныя богатства. Роскошь римскихъ цезарей и вельможъ не уступала самымъ затѣйливымъ вымысламъ нашего вѣка. Но эти дивныя храмы, эти чудесныя дворцы, эти вѣковыя дороги, эти пиршества, для которыхъ по всемъ концамъ земли изыскивались тончайшія яства, эти звѣринцы, въ которые изъ дикихъ пустынь привозились толпы животныхъ — все это было произведеніемъ рабства и насилія. Чѣмъ могущественнѣе былъ Римъ, чѣмъ великолѣпнѣе палаты, чѣмъ роскошнѣе пиры, тѣмъ громче раздавались стоны безчислен-

ныхъ жертвъ, погибавшихъ подъ невыносимымъ бременемъ деспотизма. Поля превращались въ пустыни, трудъ изсякалъ, энергія народа подрывалась въ самомъ корнѣ. Нынѣ же опять мы видимъ роскошь и удобства жизни, доведенныя до величайшей утонченности; все снова покоряется волѣ человѣка: желѣзныя дороги уничтожаютъ пространства; безчисленные пароходы снуютъ по океану; чрезъ далекіе края, чрезъ моря и пустыни могутъ люди переговаривать другъ съ другомъ посредствомъ электрическихъ нитей. Но все эти чудеса образованности, дворцы, сады, убранства, эти движимыя паромъ машины, эти дороги, телеграфы, которые древнему человѣку показались бы произведеніемъ чудодѣйственной силы, — все это плодъ мысли и свободы.

Нашъ вѣкъ часто укоряютъ въ излишнемъ развитіи меркантильнаго духа. Утверждаютъ, что въ стремленіи къ матеріальнымъ богатствамъ, къ утонченностямъ жизни, забываются благороднѣйшія побужденія человѣческой природы. Въ этихъ упрекахъ есть много преувеличеннаго. Правда, направленіе нашего времени не благопріятствуетъ великимъ созданіямъ искусства. Хотя это не можетъ служить признакомъ упадка, ибо недавно еще творенія Шиллера, Гете, Байрона, Пушкина показали, что XIX вѣкъ не уступаетъ въ этомъ отношеніи своимъ предшественникамъ; но въ настоящую минуту появленіе великаго художника едва ли возможно. Искусство требуетъ стройности въ жизни, спокойствія въ созерцаніи, а наше время есть время работы, время исканія. По всемъ отраслямъ человѣческой дѣятельности подвизаются труженики, съ несокрушимою вѣрой, съ неутомимой энергіей. Безчисленное множество рабочихъ, и темныхъ и стоящихъ на виду, проникаютъ во все дебри неизвѣданнаго еще зданія вселенной, покоряютъ волѣ человѣка окружающій міръ, стараются озарить свѣтомъ мысли таинства природы физической

и духовной. Мы пахари будущей жатвы, мы каменщики будущаго храма, котораго дивныя очертанія виднѣются уже вдали. Нельзя упрекнуть современнаго человѣка въ излишней жадности къ матеріальнымъ приобрѣтеніямъ; ибо онъ съ одинакою силой, съ одинакою отвагой стремится и по другимъ путямъ. Никогда еще общественные вопросы не имѣли такого значенія, какъ въ наше время, никогда общественное мнѣніе, эта могучая нравственная сила, не стояла такъ высоко, какъ теперь. Давно ли еще западная Европа дрожала отъ политическихъ потрясеній, которыя нарушали все матеріальные интересы во имя общественныхъ идей? И въ настоящую минуту взоры государственныхъ людей обращаются съ опасеніемъ къ народностямъ, которыя, не предаваясь обольщенію матеріальныхъ благъ, хотятъ достигнуть національной независимости. Едва ли прежнія времена могутъ поспорить съ нашимъ относительно способности къ самоотверженію. Сколько жертвъ своихъ убѣжденій разсыяно по всему міру! Сколько ихъ пало въ битвахъ и погибло въ душныхъ темницахъ! Пусть эти убѣжденія мечтательны, односторонни, пусть они проявляются иногда въ дѣйствіяхъ, которымъ невозможно сочувствовать; все это со временемъ сгладится неудержимымъ движеніемъ исторіи, вездѣ возстановляющей равновѣсіе. Но нельзя не преклониться передъ силой душевнаго огня, которая заставляетъ человѣка презирать спокойствіе, довольство, счастье и самую жизнь для осуществленія любимой мечты.

Если мы съ другой стороны взглянемъ на развитіе науки, на этотъ плодъ безкорыстной дѣятельности человѣка, на это высокое произведеніе одной изъ благороднѣйшихъ его способностей, то и здѣсь намъ представляется отрадное зрѣлище. Правда, и тутъ зданіе не достигло еще надлежащей полноты, и потому многимъ кажется неудовлетворительнымъ. Теперь нельзя уже легко и проворно разрѣшать все высшіе вопросы,

которые занимаютъ умъ человѣческой. Недовѣріе къ скороспѣлымъ произведеніямъ разума укротило слишкомъ быстрый его полетъ. Но зато мысль, углубляясь въ себя, получила несравненно бѣльшую крѣпость и основательность. Она идетъ медленно, шагъ за шагомъ, но стяжаетъ плоды вѣковѣчные. Горизонтъ науки расширился до безконечности. Тогда какъ въ прежнія времена весь итогъ человѣческаго знанія могъ умѣститься въ одной головѣ, теперь каждая отрасль отдѣльной науки въ состояніи поглотить цѣлую жизнь трудолюбивѣйшаго ученаго. И по всему этому необъятному пространству кипитъ самая дѣятельная работа. Въ безкорыстномъ служеніи напрягаются разумныя силы человѣка. Изумительное трудолюбіе собираетъ все крохи прошедшаго, и сочетаетъ ихъ въ одну неразрывную цѣпь. Дивная изобрѣтательность, подмѣчая скрытые законы природы, доставляетъ человѣку невѣдомыя прежде орудія. Во всемъ этомъ отражается одинъ великій фактъ современной жизни — могущество мысли.

Ни въ одной, можетъ-быть, области это могущество не проявляется въ такихъ яркихъ чертахъ, какъ въ развитіи промышленности. Здѣсь невѣжество, рутинна не въ силахъ уже удержать прежнее свое мѣсто; неумолимое соперничество отбрасываетъ ихъ на задній планъ, въ далекія захолустья, ушедшія отъ просвѣщенія. Каждый промышленникъ, который хочетъ устоять на ряду съ другими, долженъ покориться владычеству разума, слѣдовать правиламъ и путямъ, указаннымъ наукой. Такимъ образомъ мысль облагораживаетъ матеріальную дѣятельность человѣка, сообщаетъ ей высшее значеніе. Древніе не подозрѣвали даже такого переворота; глубочайшіе мыслители Греціи, начертывая идеальныя изображенія государства, ставили промышленниковъ на низшую ступень гражданскаго бытія. Свободному гражданину прилично было заниматься только государственными дѣлами, искусствомъ, нау-

кою. Теперь промышленная дѣятельность требуетъ отъ человѣческой мысли такой же силы, такой же проникательности, какъ и государственная практика или выводы философіи. Изобрѣтатель желѣзной дороги или парохода больше вѣситъ въ судьбѣ народовъ, нежели величайшій полководецъ или ораторъ. Теперь для того, чтобъ сдѣлать двѣнадцатую часть булавки, нужны высшія соображенія математики и естествознанія. Промышленная дѣятельность заставила науку низойти съ своей высоты и проникнуть въ самыя ничтожныя мелочи ежедневной жизни.

Съ другой стороны промышленность сближаетъ человѣка съ природой. Для древнихъ природа была великая мать, которая давала человѣку и жизнь, и питаніе. Охваченные всемогущею ея силой, они преклонялись передъ таинственнымъ ея величіемъ. Новый человѣкъ удалился отъ природы, вышелъ изъ ея подчиненія, отказалъ ей въ любви. Было время, когда онъ на матеріальный міръ смотрѣлъ, какъ на злое начало, увлекающее его къ гибели. Черезъ промышленность онъ снова возвращается къ природѣ. Чтобъ покорить ее себѣ, онъ долженъ сблизиться съ нею, познать все внутреннія ея влеченія, шагъ за шагомъ слѣдовать непреложнымъ ея законамъ. Въ недрахъ ея онъ находитъ неисчерпаемую сокровищницу, которой богатства превышаютъ созданія самаго пламеннаго воображенія. Передъ нами открылся новый, дивный міръ, невѣдомый нашимъ предкамъ.

Наконецъ, прежнему человѣчеству неизвѣстна была третья сторона, облагораживающая промышленную дѣятельность — святость труда. Древній гражданинъ не работалъ, а пользовался чужимъ трудомъ; въ средніе вѣка нищенствующій монахъ, высшее выраженіе стремленій той эпохи, питался подаеніемъ. Въ наше время трудъ сдѣлался единственнымъ нравственнымъ путемъ къ благосостоянію, къ удовлетворенію

потребностей человѣка. Нашему вѣку дано было признать трудъ свободнымъ по самому его существу, ибо онъ есть выраженіе свободной воли человѣка, покоряющаго себѣ природу. Человѣкъ влагаетъ въ него часть своего духовнаго естества, а потому произведенія труда обезпечиваются закономъ, считаются неприкосновенною собственностью. Отсюда и значеніе капитала, который есть накопленный трудъ, наслѣдіе труда предшествующаго. Оттого и самая земля, орошенная потомъ человѣка, считается его достояніемъ. Никогда еще работникъ не стоялъ такъ высоко на общественной лѣстницѣ, какъ теперь. Страданія его отзываются всюду, неудовольствіе его потрясаетъ государства; его благосостояніе, его просвѣщеніе становятся предметомъ всеобщей заботы. Не одни филантропы, но и мыслители и государственные люди смотрятъ съ уваженіемъ на эту массу народа, котораго дѣятельность составляетъ первую основу общественнаго благоденствія. И самая эта масса начинаетъ сознать свое достоинство, облагораживается въ собственныхъ глазахъ. Пока матерія считалась чѣмъ-то низкимъ, презрѣннымъ, недостойнымъ человѣческихъ помысловъ, до тѣхъ поръ и рабочій классъ, который своею дѣятельностью непосредственно связанъ съ матеріей, стоялъ на самыхъ низкихъ ступеняхъ общества, едва привлекая къ себѣ взоры стоящихъ на вершинѣ. Презрѣніе къ занятіямъ распространялось и на лица. Но чѣмъ болѣе мы углубляемся въ матеріальный міръ, тѣмъ выше поднимается нравственное и общественное значеніе огромнаго большинства человѣческаго рода. Крайности проникаютъ другъ друга и стремятся воздвигнуть изъ себя единое, цѣльное, стройное зданіе.

Въ этомъ всемірномъ движеніи промышленности Англія безспорно занимаетъ первое мѣсто. Здѣсь производительность достигаетъ самыхъ громаднѣхъ размѣровъ, создаетъ

величайшія чудеса. Есть, конечно, стороны экономической дѣятельности, въ которыхъ Англія не можетъ сравняться съ другими народами: тамъ, гдѣ нужны красота рисунка, изящество формы, тамъ первенство принадлежитъ Франціи; гдѣ производство движется терпѣніемъ, точностью, бережливостью отдѣльныхъ работниковъ и фабрикантовъ, Германія стоитъ впереди всѣхъ. Но въ англійскомъ народѣ соединяются высшія условія промышленной дѣятельности: громадная сила капиталовъ, гениальная изобрѣтательность, предприимчивость, не знающая себѣ границъ, неуклонная энергія въ достиженіи разъ задуманной цѣли. Англія какъ будто создана для промышленности. Она вся стоитъ на каменноугольномъ пластѣ, который въ продолженіи тысячелѣтій можетъ снабжать фабрики обильнымъ горючимъ матеріаломъ; желѣзные рудники ея неистощимы; окружающія ее моря дѣлаютъ рынкомъ ея — цѣлый міръ; удаленіе отъ материка обезпечиваетъ ее отъ вторженія сосѣдей; свободная конституція предохраняетъ ее и отъ внутреннихъ потрясеній и отъ гибельнаго застоя; наконецъ самый характеръ народа, преимущественно практическаго, который вездѣ ищетъ примѣнимость, пользу, удобство, влечетъ его на промышленный путь. Когда ко всѣмъ этимъ условіямъ присоединяется образованность, тогда, можно сказать, нѣтъ почти границъ для человѣческой дѣятельности. «Дайте намъ входъ на другую планету», говорилъ одинъ манчестерскій фабрикантъ, «и мы беремся ее одѣть».

Не всегда однако Англія стояла на такой высотѣ. Промышленное развитіе коснулось ее позднѣе многихъ. Было время, когда правители Англій жаловались на лѣность народа и указывали ей на Фландрію, какъ на образецъ. Только со второй половины XVIII вѣка начинается то движеніе, которое изумляетъ насъ въ настоящее время. XVIII вѣкъ, эта великая эпоха, которая произвела столько замѣчательныхъ

личностей по все́мъ отраслямъ человѣческой дѣятельности, породила въ Англіи рядъ людей, которые совершили въ промышленности историческій переворотъ. Тогда какъ во Франціи даровитѣйшіе люди посвящали себя преимущественно обсужденію вопросовъ философскихъ и общественныхъ, Англичане занялись практическимъ приложеніемъ знаній. Въ это время Уаттъ изобрѣлъ паровую машину и тѣмъ открылъ новую эру для экономическаго развитія обществъ. Гаргривзъ, Кромптонъ, Строттъ устроили и усовершенствовали прядильную машину, Картрайтъ изобрѣлъ механическій ткацкій станокъ; наконецъ все́ эти изобрѣтенія были сведены во едино и приложены къ дѣлу великимъ начинателемъ современной промышленности Англіи — Ричардомъ Аркрайтомъ. То былъ истинный Англичанинъ: энергическій, предприимчивый, неутомимый. Съ пяти часовъ утра до поздней ночи онъ каждый день работалъ надъ своимъ дѣломъ, управлялъ фабриками, непрерывно строилъ новые планы. Въ то время, какъ желѣзныя дороги не упростили еще путевыхъ сообщеній, онъ скакалъ безъ устали всюду, гдѣ только требовалось личное его присутствіе. Онъ развелся съ женою за то, что та разбила модели его машинъ, считая ихъ помѣхою домашнему благоденствію. Плодомъ этой дѣятельности было колоссальное богатство, которое показало путь и другимъ. Отсюда возникаетъ та аристократія значительныхъ капиталистовъ, которая отмѣнила хлѣбные законы, провозгласила свободу торговли и заняла видное мѣсто возлѣ старинной аристократіи поземельныхъ владѣльцевъ.

Двинутая этими передовыми людьми, англійская промышленность въ короткое время сдѣлала неимовѣрные успѣхи. Подъ вліяніемъ благопріятныхъ обстоятельствъ она быстро опередила своихъ соперниковъ. Нѣтъ страны въ Европѣ, которая бы въ новѣйшее время претерпѣла столько экономиче-

скихъ измѣненій, какъ Англія. Во Франціи, въ Германіи можно еще найти многія захоластья, куда не проникали ни машины, ни новые способы обработки произведеній, гдѣ хозяйство движется еще стародавнею рутинной и жизнь течетъ среди патріархальныхъ нравовъ, завѣщанныхъ прадедами. Въ Англіи подобныя явленія составляютъ рѣдкое исключенье. Она, можно сказать, обновилась вся; все здѣсь повинуется неумолимымъ требованіямъ соперничества, непрерывно понуждающаго человѣка къ усиленному труду. Промышленный духъ проникъ въ самые отдаленные углы государства; и богатство, и бѣдность посятъ на себѣ черты новаго порядка. Историческая почва, которая въ учрежденіяхъ проглядываетъ на каждомъ шагу, въ экономическомъ бытѣ держится развѣ только въ преобладаніи крупной поземельной собственности; но и здѣсь старинные лорды, чтобъ поддержать свое богатство, должны становиться двигателями земледѣлія, заводить у себя улучшенные способы хозяйства. Какъ-будто бы духъ обновленія, вытѣсненный изъ одной области, весь перенесся въ другую. Французъ, столь смѣлый въ построеніи теорій, столь склонный къ измѣненію государственныхъ учреждений, въ экономической области движется съ чрезвычайною медленностью. Онъ до крайности бережливъ и не охотно рискуетъ накопленнымъ достояніемъ; онъ какъ-будто боится переменъ и потому не допускаетъ у себя ни свободы торговли, ни значительнаго выпуска кредитныхъ знаковъ. Англичанинъ, наоборотъ, тратитъ свое богатство такъ же легко, какъ онъ его пріобрѣтаетъ. Предприимчивость его не знаетъ границъ. Самыя отважныя комбинаціи преслѣдуются съ неимовѣрною настойчивостью, не смотря ни на какія препятствія, и удивляютъ міръ своими результатами. Неудача возбуждаетъ въ Англичанинѣ только большее упорство. Здѣсь самая древность учреждений, историческій фактъ, передъ кото-

рымъ онъ въ другихъ случаяхъ раболѣпно преклоняется, для него ничего не значитъ. Недавно мы видѣли съ какою смѣлостью самые осторожные государственные люди Англiи, которые безъ настоящей нужды не смѣли бы коснуться безобразнѣйшаго стариннаго закона, произвели коренной экономическiй переворотъ въ государствѣ. Эта отважная предприимчивость въ промышленной сферѣ сдѣлалась отличительной чертой народнаго характера. Еще въ большей степени проявляется она въ юномъ отпрыскѣ англiйскаго народа — въ Сѣверо-американскихъ Штатахъ. Здѣсь уже все наслѣдіе старины кинуто за бортъ, и корабль пущенъ на всѣхъ парусахъ съ однимъ девизомъ: впередъ! Американецъ не задумается ѣхать по желѣзной дорогѣ, гдѣ есть пятьдесятъ шансовъ провалиться; онъ, не обинуясь, приметъ билетъ кредитнаго банка, не представляющаго ни малѣйшаго ручательства въ исполненіи своихъ обязательствъ; онъ пуститъ накопленный трудами капиталъ въ самый рискованный оборотъ, если есть какая-нибудь выгода въ виду. Потому въ Сѣверной Америкѣ банкротства и пріобрѣтеніе колоссальныхъ богатствъ слѣдуютъ другъ за другомъ въ самые короткіе сроки, и эти быстрыя превращенія нисколько не нарушаютъ ежедневнаго теченія жизни.

Промышленное движеніе новаго времени имѣло послѣдствіемъ чрезвычайное развитіе городского быта. Три четверти англiйскаго населенія обитаютъ нынѣ въ городахъ. Последніе получили вслѣдствіе этого совершенно особенный характеръ. Это не маленькіе областные центры, составляющіе средоточіе окрестной страны, какіе существовали въ прежнее время и какіе понынѣ существуютъ еще во множествѣ въ сосѣднихъ странахъ; это — всемірные рынки, это — созданныя промышленностью огромныя сборища людей, гдѣ не рѣдко тѣснятся отъ ста до четырехъ сотъ тысячъ жителей. Цѣлый

край принимаетъ иногда видъ города. И все это носить на себѣ отпечатокъ своего происхожденія. Здѣсь не отыщешь постепеннаго историческаго наростанія различныхъ общественныхъ слоевъ; не найдешь тутъ осѣдлой жизни, развившейся изъ мѣстныхъ элементовъ. Многіе изъ этихъ городовъ быстро возникли изъ ничтожества вслѣдствіе изобрѣтенія новыхъ машинъ и появленія капиталовъ. Въ нихъ происходитъ постоянный приливъ и отливъ народонаселенія, которое несетъ туда, гдѣ выгоднѣе работа. Здѣсь можно встрѣтить рядомъ и высшія проявленія человѣческаго могущества, и ту неизмѣримую глубину бѣдствія, въ которую впадаютъ цѣлыя массы людей, едва добывающихъ себѣ насущное пропитаніе.

Промышленная полоса Англiи тянется отъ юго-востока къ сѣверо-западу. Здѣсь же лежатъ и города, которые служатъ центрами экономическаго развитія: на юго-востокѣ Лондонъ, на сѣверо-западѣ Манчестеръ и Ливерпуль, въ среднихъ областяхъ Лидсъ, Шеффилдъ, Бермингамъ. Леонъ Фоше въ своихъ очеркахъ живо характеризуетъ ихъ особенности.

Прежде всего обращаетъ на себя наше вниманіе Лондонъ, величайшій городъ въ мірѣ. Во Франціи, на 36 милліоновъ жителей, столица заключаетъ въ себѣ около милліона. Въ Англiи, изъ 17 милліоновъ жителей, на столицу приходится 2,300,000. Здѣсь нѣтъ даже возможности приписать такое чрезмѣрное скопленіе народонаселенія искусственному развитію централизаціи, притягивающей къ себѣ лучшія силы государства; все это самородное произведеніе жизни. Лондонъ — городъ вмѣстѣ аристократическiй и торговый. Но обѣ его части, какъ и сословія въ Англiи, держатся вдали другъ отъ друга. Аристократія обитаетъ западный конецъ (West-End). Тамъ находятся вѣсковые парки, которые внутри города представляютъ картину сельской жизни; тамъ широкія улицы, дворцы вельможъ, тамъ соединяются роскошь и удобства са-

мой утонченной жизни. Восточный же конец составляет, напротив, средоточіе торговли. Сюда текутъ ежедневно массы людей, въ сравненіи съ которыми безлюдны кажутся другіе города. Сюда, къ устьямъ Темзы, со всѣхъ концовъ міра сходятся тысячи кораблей. Для нихъ устроены внутреннія гавани, доки, одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній технического искусства. Вокругъ доковъ построены огромные амбары, въ которые безъ затрудненій, безъ задержекъ выгружаются ежедневно груды товаровъ. Владѣльцамъ ихъ выдаются билеты; съ означеніемъ количества и качества помѣщенныхъ произведеній, и эти билеты ходятъ на рынкѣ, въ видѣ векселей. Далѣе, вверху по Темзѣ, находится самый центръ торговой дѣятельности — лондонскій Сити, городъ въ старинномъ смыслѣ. Сити донынѣ составляетъ корпорацію, которой начала коренятся въ первыхъ столѣтіяхъ исторіи Англіи. Это единственный остатокъ старины, который удержался послѣ преобразованія 1835 года, когда всѣ городовыя корпораціи измѣнены были согласно съ государственными началами новаго времени. Сити игралъ важную роль въ англійской исторіи: онъ поддерживалъ бароновъ, возставшихъ на Іоанна Безземельнаго и Генриха III; онъ составлялъ главную опору Долгаго Парламента въ борьбѣ его съ Карломъ I. Имя его неразрывно соединено съ свободными учрежденіями англійскаго народа. Теперь самый «городъ» покинутъ жителями; въ немъ можно видѣть только лавки, конторы, да биржи. Но ежедневно сюда сходятся властители торговаго міра; здѣсь происходятъ всѣ ихъ переговоры; здѣсь почти безъ словъ, часто простыми знаками, совершаются сдѣлки на громадныя суммы. Въ Сити возвышается банкъ, величайшее финансовое установленіе въ мірѣ, созданіе Монтегью. Со времени своего основанія, въ концѣ XVII-го вѣка, банкъ получилъ важное политическое значеніе. Тогда какъ въ борьбѣ партій, англиканская церковь

составляла главную поддержку торіевъ, банкъ всегда стоялъ на сторонѣ виговъ, и не рѣдко голосъ его перевѣшивалъ вліяніе священниковъ и епископовъ. Англійскій банкъ — пріемщикъ податей, кассиръ государства, правитель кредита въ Соединенномъ Королевствѣ. И эта обширная финансовая власть находится въ рукахъ частной компаніи. Огромнѣйшія монополіи болѣе въ духѣ англійскихъ учрежденій, нежели усиленная дѣятельность государства. Это видно и на примѣрѣ другаго установленія, котораго верховное правленіе также находится въ Сити — Остъ-индской компаніи. Товарищество нѣсколькихъ лондонскихъ купцовъ, получивши царскія преимущества, завоевало для Англіи богатѣйшую страну съ 180 милліонами жителей. Компанія содержитъ армію, взимаетъ подати, назначаетъ правителей. Однако въ настоящее время не можетъ, кажется, подлежать сомнѣнію, что эта старинная монополія скоро исчезнетъ. Последнія событія въ Индіи доказали, что для управленія народами не достаточно обладать духомъ промышленной предприимчивости.

Такимъ образомъ Лондонъ представляетъ намъ пеструю смѣсь разнообразныхъ элементовъ. Въ немъ средоточіе торговли и жительство аристократіи, верховное правительство, парламентъ, памятники старины. Лондонъ образовался исторически; онъ вышелъ изъ всей предыдущей жизни Англіи и носитъ на себѣ множество слѣдовъ прошедшаго. Если мы хотимъ видѣть новую промышленную дѣятельность во всей ея чистотѣ, мы должны искать ее не здѣсь. Мы должны перенестись въ сѣверо-западную часть Англіи, на берега Мерсея. Здѣсь намъ представятся два города, тѣсно связанные другъ съ другомъ, которые являются чистѣйшими прототипами промышленнаго движенія — Манчестеръ и Ливерпуль.

Мы не найдемъ въ нихъ памятниковъ старины; города эти возникли въ новое время. Двѣсти лѣтъ тому назадъ Ливер-

пуль былъ ничтожнымъ рыбацкимъ поселкомъ; въ 1750-мъ году въ немъ было не болѣе 6000 жителей, въ 1760-мъ народонаселеніе возрасло до 25,000, и съ тѣхъ поръ прогрессія шла все возвышаясь. Въ настоящее время Ливерпуль одинъ изъ значительнѣйшихъ городовъ Англіи болѣе чѣмъ съ 300,000 жителей. Манчестеръ въ концѣ XVII-го вѣка былъ точно также маленькій торговый городокъ, который заключалъ въ себѣ менѣе 6000 жителей; въ немъ не было ни одной кареты, ни одной типографіи. Теперь это одинъ изъ величайшихъ рынковъ въ мірѣ; въ немъ около 400,000 жителей, 100 типографій, 20 каретныхъ заведеній. Все это создала хлопчатобумажная промышленность, для которой Ланкастерское графство служило главнымъ средоточіемъ. Потому все здѣсь и направлено къ промышленнымъ цѣлямъ. Города не отличаются изяществомъ; они представляютъ собраніе кирпичныхъ домовъ, которые все имѣютъ видъ фабрикъ и закопчены дымомъ. Въ расположеніи улицъ и построекъ сообразовались единственно съ удобствами производства; потому нѣтъ здѣсь внутреннихъ парковъ и садовъ, которые составляютъ украшеніе другихъ городовъ Англіи. И въ жизни никто не думаетъ объ изяществѣ. Вопросы искусства, литературы, совершенно чужды этимъ огромнымъ массамъ народонаселенія; объ наукѣ нѣтъ и помину; за исключеніемъ экономическихъ вопросовъ, которые обсуждаются съ большимъ жаромъ и знаніемъ дѣла. Полезное—вотъ цѣль всехъ жизненныхъ стремленій, и въ этомъ отношеніи можно подивиться здѣсь плодамъ человѣческаго труда.

Въ цѣломъ мірѣ нѣтъ, можетъ-быть, мѣстности болѣе благопріятной для промышленнаго развитія, чѣмъ та, въ которой лежитъ Манчестеръ. Съ горъ течетъ множество потоковъ, которые вертятъ фабричныя колеса; подъ рукою находятся обильныя копи каменнаго угля и неисчерпаемые желѣзные рудники; народонаселеніе въ высшей степени одарено пред-

пріимчивымъ духомъ и способностью къ труду; наконецъ ливерпульская гавань представляетъ мѣсто сбыта, откуда товары расходятся по всему міру. Ливерпуль и Манчестеръ — это два колеса, принадлежащія къ одной машинѣ, это два неразрывныя звена единой цѣпи. Между ними, въ концѣ прошедшаго столѣтія, проведенъ былъ Бриджватерскій каналъ, первый, построенный въ Англіи; между ними же въ 1825 году знаменитый Стефенсонъ проложилъ первую желѣзную дорогу. Теперь отъ одного до другаго всего часъ разстоянія. Немудрено, что промышленность развилась здѣсь къ колоссальныхъ размѣрахъ. Центръ ея Манчестеръ, но около его расположено до пятнадцати другихъ меньшихъ центровъ, имѣющихъ каждый отъ 20 до 60 тысячъ жителей. Таковы Ольдгамъ, Бьюри, Рочдель, Галифаксъ, Болтонъ, Престонъ и другіе. Вслѣдствіе установленнаго между ними раздѣленія труда, главныя отрасли промышленности: пряжа, тканье, крашеніе, печатанье, распределяются между ними такъ, что все эти города находятся въ самой тѣсной связи. Но все вмѣстѣ группируется около одного главнаго производства — хлопчатобумажной фабрикаціи. Не смотря на дешевизну издѣлій, Англія ежегодно производитъ на 36 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ хлопчатобумажныхъ товаровъ, и три четверти этого количества принадлежатъ графству Ланкастерскому. Вся почти хлопчатая бумага, которая получается Англіею, привозится въ Ливерпуль, гдѣ сосредоточена торговля съ Америкой. Отсюда она тотчасъ отправляется на фабрики; съ неимоверною быстротой выдѣлываются изъ нея пряжа или ткани, и бѣольшая часть произведеній снова возвращается въ Ливерпуль для отправленія за границу. Кромѣ того, чрезъ Ливерпуль идетъ вся торговля съ Ирландіей, куда посылаются мануфактурныя издѣлія и откуда привозятся произведенія сельскаго хозяйства. Здѣсь же проходятъ и тѣ многочисленныя толпы Ирландцевъ, которыя еже-

годно отправляются на работу въ Англію и потомъ снова возвращаются въ свое отечество. Все это производитъ промышленное движеніе, какое трудно себѣ представить. Выгоды мѣстности такъ велики, что противъ Ливерпуля, на другомъ берегу Мерсея, возникаетъ какъ бы чудомъ новый городъ, Беркенгедъ, который грозитъ первому опаснымъ соперничествомъ. Отсюда тѣ колоссальныя богатства, которыя составляютъ въ этихъ странахъ. Аркрайтъ, Пиль, Кобденъ — все это ланкастерскіе фабриканты. Изъ Ланкашира вышла та аристократія капиталистовъ, которая, вступивши на политическое поприще, получила отъ своего мѣсторожденія названіе манчестерской партіи.

Совершенно другую физиономію имѣютъ другіе центры промышленности — Лидсѣ и Бермингамъ. Въ Манчестерѣ — громадныя фабрики, колоссальныя капиталы, сосредоточеніе богатства въ немногихъ рукахъ; это собственно новая Англія. Въ Лидсѣ и Бермингамѣ, напротивъ, богатство и капиталы дробятся между мелкими фабрикантами; здѣсь отчасти господствуетъ еще система домашняго производства. Это остатки прежней Англіи, получившіе новый видъ.

Лидсѣ лежитъ въ западномъ Йоркширѣ, на границѣ полосы фабричной и полосы земледѣльской. Здѣсь земледѣліе отчасти соединяется съ мануфактурнымъ производствомъ. Рядомъ съ большими фабриками можно найти въ селахъ, окружающихъ Лидсѣ, множество мелкихъ капиталистовъ, которые сами выдѣлываютъ сукна, соединяя это ремесло съ обработкою небольшихъ фермъ, а иногда и съ поденною работою. Въ другихъ европейскихъ государствахъ это явленіе весьма обыкновенное; въ Англіи оно существуетъ, какъ исключеніе, ибо употребленіе большихъ машинъ составляетъ здѣсь преобладающую систему промышленности. Такое домашнее производство невозможно уже въ странахъ хлопчатобумажной фабрикаціи,

которая доведена до высшей степени механическаго совершенства. Въ Манчестерѣ дробная промышленность исчезла давнымъ давно. Въ Лидсѣ она удержалась, ибо здѣсь главную отрасль составляетъ выдѣлка суконъ, въ которой дешевизна механическихъ произведеній не уничтожила еще возможности рукодѣлья. Поэтому, хотя Лидсѣ и не имѣетъ такого значенія, какъ Манчестеръ, но благосостояніе жителей здѣсь выше, ибо доходы отъ производства распределяются равномерно. Однако и въ Лидсѣ этотъ старинный бытъ долженъ былъ подчиниться вліянію новыхъ требованій. Домашнее производство осталось только для тканья суконъ; остальные операціи — пряжа шерсти, крашеніе и проч., производятся на фабрикахъ. Съ этой цѣлью мелкіе мануфактуристы вступаютъ въ товарищества; они общими силами заводятъ себѣ машины, которыя совершаютъ всѣ предварительныя работы. Потомъ каждый тчетъ у себя дома принадлежащій ему кусокъ, и наконецъ продаетъ его на рынкѣ отдѣльно отъ другихъ.

Почти то же, только въ иномъ видѣ, существуетъ и въ Бермингамѣ. Здѣсь самая мѣстность способствуетъ образованію дробныхъ капиталовъ. Бермингамъ лежитъ въ самой срединѣ Англіи, на перепутьи между различными полосами. Это мѣсто размѣна, мелкой торговли. Потому и производства здѣсь до крайности разнообразны; огромныя капиталы не сосредоточиваются на какой-нибудь отдѣльной отрасли, а текутъ чрезъ множество мелкихъ каналовъ. Однако главная промышленность состоитъ въ металлическихъ издѣліяхъ, которыя извѣстны въ цѣломъ мірѣ. Фабриканты имѣютъ здѣсь среднимъ числомъ не болѣе 20,000 франковъ капитала; заведенія заключаютъ въ себѣ обыкновенно не болѣе 50 работниковъ, тогда какъ ланкастерскія фабрики держатъ ихъ нерѣдко отъ 1000 да 1500. Но любопытенъ въ Бермингамѣ способъ ассоціаціи, который и мелкимъ капиталистамъ доставляетъ вы-

годы механическаго производства. Хозяева не вступаютъ здѣсь въ товарищества, какъ это дѣлается въ Лидсѣ, но частные люди заводятъ въ домахъ паровыя машины, отъ которыхъ рычаги идутъ по разнымъ комнатамъ. Въ каждой находятся станки и инструменты. Хозяинъ, получившій заказъ, нанимаетъ одну или нѣсколько комнатъ на болѣе или менѣе долгій срокъ и такимъ образомъ соединяетъ выгоды независимаго труда съ удобствами фабричнаго механизма.

Тѣмъ не менѣе это демократическое устройство промышленности составляетъ въ Англіи исключеніе. Если оно въ иныхъ мѣстностяхъ доставляетъ жителямъ нѣкоторое благосостояніе, зато въ другихъ оно содержитъ ихъ въ крайней нищетѣ, ибо невозможность соперничать съ большими капиталами заставляетъ работниковъ довольствоваться наименьшею платою. Вообще этотъ бытъ мало-по-малу исчезаетъ передъ сосѣдствомъ огромныхъ фабрикъ и капиталовъ. Вся промышленность Англіи рассчитана не столько на равномерное распределеніе богатства, сколько на силу производства. Раздѣленіемъ труда, сосредоточеніемъ громаднхъ капиталовъ на отдѣльныхъ отрасляхъ мануфактурной дѣятельности, она имѣетъ въ виду возможно большее умноженіе количества производимыхъ цѣнностей. Всякое производство, которое не обѣщаетъ значительныхъ выгодъ, оставляется въ сторонѣ, и вся масса экономическихъ силъ обращается на немногія издѣлія, которыя производятся въ колоссальныхъ размѣрахъ. Оттого англійская промышленность не боится безграничнаго соперничества; но съ другой стороны, вслѣдствіе этого направленія, самая промышленность, какъ и государственныя учрежденія, получаетъ здѣсь аристократическій характеръ.

Результаты этой изумительной дѣятельности можно представить въ нѣсколькихъ краснорѣчивыхъ цифрахъ. На основаніи данныхъ 1853 г., хлопчатой бумаги въ Европѣ ежегод-

но потребляется 1503 милліона фунтовъ; изъ нихъ на одну Англію приходится 734 милліона, то-есть около половины всего количества. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ пропорція была еще сильнѣе: въ 1851 г., она простиралась до 55 процентовъ. Франція съ сосѣдними странами потребляетъ всего 194 милліона фунтовъ; Германія, Голландія, Белгія и Россія вмѣстѣ — 185 милліоновъ. Изъ другихъ матеріаловъ, шерсти въ Европѣ производится свыше 5 милліоновъ центнеровъ (центнеръ = 123 русск. фунтамъ), а между тѣмъ одна Англія своей и ввозной шерсти потребляетъ 1,370,000 центнеровъ, то-есть 27 р. $\frac{0}{100}$ всего производимаго количества. Это составляетъ для Британскаго королевства 5 фунтовъ на человѣка. Въ нѣмецкомъ таможенномъ союзѣ потребляется всего $2\frac{1}{4}$ фунта на человѣка, то-есть около 674,000 центнеровъ, въ Австріи до 600,000 центнеровъ. Такое же превосходство имѣетъ Англія и относительно механическаго производства льняныхъ издѣлій. Въ 1853 году въ Европѣ было 1,725,000 механическихъ веретенъ; изъ нихъ на одну Англію приходилось 1,150,000, то-есть 66 р. $\frac{0}{100}$. Во Франціи было ихъ не болѣе 250,000, въ Германіи всего 135,000. Даже въ шелковомъ производствѣ Англія уступаетъ одной Франціи; послѣдняя потребляетъ ежегодно около 7,400,000 фунтовъ шелку, то-есть $43\frac{1}{2}$ $\frac{0}{100}$ всего потребляемаго въ Европѣ количества, Англія же 4,800,000 фунт., или $21\frac{1}{2}$ $\frac{0}{100}$. Но зато Англія беретъ рѣшительный перевѣсъ въ металлическихъ издѣльяхъ. Желѣза и чугуна въ Европѣ добывается ежегодно около 84 милліоновъ центнеровъ; изъ нихъ въ Англіи получается 50,000,000 ($60\frac{0}{100}$, 183 фунта на человѣка), во Франціи 10,850,000 ($13\frac{0}{100}$, 30 ф. на человѣка), въ Германіи около 9 милліоновъ; въ Россіи не болѣе $4\frac{1}{2}$ $\frac{0}{100}$ или 7 ф. на человѣка. Мѣди добывается въ Европѣ всего 710 т. центнеровъ; изъ нихъ въ Англіи 406 т. ($57\frac{0}{100}$), въ Германіи $97\frac{1}{2}$ т.

(13⁰/₀), въ Россіи 114 т. (15⁰/₀). Наконецъ каменнаго угля потребляется въ Европѣ ежегодно около 1040 милліоновъ центнеровъ; изъ нихъ въ одной Англіи 640 м. (61¹/₂ ⁰/₀), во Франціи 90 м. (8¹/₂ ⁰/₀), въ Германіи слишкомъ 197 м. (19⁰/₀).

Не менѣе замѣчательны цифры, обозначающія состояніе мореплаванія. Въ 1814 году въ гаваняхъ Соединеннаго королевства вписано было около 24 съ половиною тысячъ кораблей, которыхъ грузъ простирался до 2,600,000 тоннъ, и на которыхъ служили 172 тысячи матросовъ. Въ 1854 году вписано было уже 34 съ половиною тысячи кораблей съ 4,400,000 тоннъ груза и 243,000 матросовъ. Во Франціи, которая въ торговомъ судоходствѣ занимаетъ послѣ Англіи первое мѣсто въ Европѣ, было въ 1852 году всего 14,600 кораблей съ грузомъ въ 721,000 тоннъ. Однихъ большихъ кораблей въ 1853 году было въ Великобританіи 15,800, то-есть 45 процентовъ всего наличнаго въ Европѣ количества. Въ 1854 г. вошло въ британскія гавани и вышло изъ нихъ 41,500 кораблей англійскихъ и 43,500 иностранныхъ, всего 85,000 кораблей съ 18 милліонами тоннъ груза.

На этихъ корабляхъ въ 1854-мъ году ввезено 90,000 тоннъ льну, 106 милліоновъ фунтовъ шерсти, 887 м. фунтовъ хлопчатой бумаги. Вывезено въ 1855-мъ г. до 1,925 милліоновъ ярдовъ льняныхъ тканей (ярдъ 1²/₇ арш.), 165¹/₂ м. фунтовъ бумажной пряжи, 16 м. фунтовъ шерсти, около 60 м. ярдовъ шерстяныхъ тканей, 117 м. льняныхъ тканей и 20 м. фунтовъ нитокъ. Вообще, между тѣмъ какъ весь торговый оборотъ Европы въ 1854 г. простирался до суммы въ 3,737 м. талеровъ (талеръ 91¹/₄ коп. сер.), изъ которыхъ на ввозъ приходилось 1,951 м. талеровъ, а на вывозъ 1,785 м., одна Англія вывозила товаровъ на 661 м. талеровъ (95 м. ф. ст., 34⁰/₀ всего количества) и ввозила на 486 м. (27⁰/₀), такъ

что весь ея торговый оборотъ простирался до суммы въ 1147 м. талеровъ, что составляло 30 р. ⁰/₀ всего количества. Торговый оборотъ Франціи въ томъ же году равнялся 14¹/₂ ⁰/₀ всей суммы, Австріи около 5⁰/₀, таможеннаго союза около 14¹/₂ ⁰/₀. Соединенные Штаты торговали на сумму 575 м. талеровъ ¹).

Такимъ образомъ фабричная промышленность въ Англіи представляетъ намъ высшую степень совершенства, которой можетъ достигнуть въ настоящее время человѣческій трудъ. Теперь посмотримъ на другую отрасль — на земледѣліе. Допросимъ сельскаго хозяина; онъ также разскажетъ намъ чудеса ²).

Сельское хозяйство въ Англіи, какъ и мануфактурное производство, не отличается разнообразіемъ продуктовъ. И здѣсь экономическія силы сосредоточиваются на немногихъ отрасляхъ, которыя наиболѣе выгодны по мѣстнымъ условіямъ. Зато въ этихъ предѣлахъ ни одна страна не можетъ сравниться съ Англіей. «Другіе народы», говорилъ лордъ Ашбортонъ въ одномъ изъ засѣданій королевскаго общества сельскаго хозяйства, «могутъ оспорить у насъ пальму первенства въ мануфактурахъ и торговлѣ: Франція производитъ лучшія шелковыя ткани, Швейцарія лучшія бумажныя издѣлья, Америка равняется съ нами въ мореплаваніи; но произведенія англійскаго сельскаго хозяйства не имѣютъ себѣ равныхъ. Весь міръ приходитъ учиться земледѣлію въ нашей школѣ». Причина такихъ блистательныхъ успѣховъ заключается опять въ соединеніи промышленнаго генія съ могуществомъ капитала. Въ англійскомъ сельскомъ хозяйствѣ, также какъ и въ фабричномъ

¹) Всѣ эти цифры заимствованы изъ статистики Редена и изъ *Annuaire d'Economie politique et de statistique* за 1856 г.

²) См. L. de Lavergne: *Essais sur l'économie rurale en Angleterre, en Ecosse et en Irlande.*

производствѣ, богатство сосредоточивается въ немногихъ рукахъ. Земля не дѣлится, какъ во Франціи, на множество мелкихъ участковъ; здѣсь, напротивъ, преобладаетъ крупная собственность, и хозяйство ведется людьми, которые имѣютъ значительныя денежныя средства. Къ обработкѣ полей прилагаются механическія изобрѣтенія; сельское хозяйство идетъ на подобіе фабрики. Потому работникъ здѣсь лицо второстепенное: не крестьянскому труду обязано земледѣліе своими успѣхами; оно движется просвѣщенной дѣятельностью вельможъ и промышленнымъ духомъ богатыхъ фермеровъ.

Быстрое развитіе сельскаго хозяйства въ Англіи началось со второй половины XVIII-го вѣка. Здѣсь также были свои великіе люди. Пока Уаттъ и Аркрайтъ обращали свой геній на изобрѣтеніе машинъ, на устройство фабрикъ, Артуръ Юнгъ и Беквелль пролагали новые пути для земледѣлія и скотоводства. Артуръ Юнгъ уничтожилъ прежнее трехпольное хозяйство. Его поразила невыгода оставлять ежегодно третью часть почвы невоздѣланною. Чтобъ предупредить эту потерю, онъ изобрѣлъ плодотворную систему, которая отъ мѣста первоначальнаго приложенія получила названіе норфолькской; она довела англійское земледѣліе до того цвѣтушаго состоянія, въ которомъ оно находится въ настоящее время. По этой системѣ хлѣбпашецъ дѣлаетъ четыре сѣвооборота: въ первый годъ сѣется рѣпа (turnips), которая идетъ на прокормленіе скота, во второй овесъ или ячмень, въ третій луговая трава, въ четвертый, наконецъ, пшеница. Второй и четвертый посѣвъ истощаютъ почву, первый и третій, напротивъ, удобряютъ ее, такъ что равновѣсіе восстанавливается вслѣдствіе этого круговращенія.

Такой способъ обработки полей предполагаетъ, разумѣется, значительное развитіе скотоводства, ибо улучшающія почву произведенія идутъ, какъ мы сказали, на кормъ домашнимъ

животнымъ. Этой потребности удовлетворилъ Беквелль; онъ изобрѣлъ искусственное воспитаніе животныхъ. Задача его состояла въ томъ, чтобъ вывести породы, которыя бы въ наименьшій срокъ давали возможно большее количество мяса. Для этого онъ придумалъ методу выборки (selections): въ каждомъ поколѣніи, особи, наиболѣе соотвѣтствующія предположенной цѣли, отдѣляются отъ другихъ и служатъ для дальнѣйшаго размноженія породы. Этимъ способомъ, послѣ долгихъ трудовъ, онъ вывелъ лучшую породу англійскихъ барановъ, которая отъ имени его фермы получила названіе Динлей. Менѣе счастливы были его попытки относительно рогатаго скота, но метода его была приложена другими, и такимъ образомъ выведена порода дургамская, высшій плодъ англійскаго скотоводства. Въ настоящее время Англичане довели методу Беквелля до изумительнаго совершенства. Каждая порода животныхъ получаетъ свое назначеніе и воспитывается съ извѣстной цѣлью: одна для мяса, другая для жира, третья для молока, четвертая для работы. Величина, вѣсъ, сила отдѣльныхъ особей, все это достигаетъ неслыханныхъ размѣровъ. Животное становится машиною, которою человѣкъ управляетъ по своему произволу. Природа органическая покоряется разуму, который умѣетъ наблюдать ея законы и приспособлять ихъ къ своимъ требованіямъ.

Новыя системы сельскаго хозяйства произвели въ Англіи совершенный экономическій переворотъ. Прежнія, менѣе выгодныя производства были брошены; пастбища, луга распространились въ значительной степени. Въ настоящее время они составляютъ болѣе половины ($11/20$) всего воздѣланнаго пространства. Съ этимъ вмѣстѣ распространилась и крупная собственность, которая одна допускаетъ обширное скотоводство и употребленіе значительныхъ капиталовъ. Прежніе крестьяне-собственники, іомены, большею частью превратились

въ фермеровъ. Производительность быстро возростала подъ вліяніемъ разумнаго употребленія силъ, настойчивости промышленнаго труда и свободы государственныхъ учреждений.

Этотъ періодъ сельскохозяйственнаго развитія простирается почти до настоящаго времени. Теперь готовится въ этой области новый переворотъ, вводится новая система, основанная на дренажѣ, на жидкомъ удобреніи, на приложеніи пара къ земледѣлію. Безчисленные глиняные стоки извлекаютъ изъ почвы излишнюю влагу; паровая машина посредствомъ чугунныхъ трубъ разноситъ удобряющую жидкость во все концы поля; наконецъ, и самый плугъ обѣщаетъ покориться силѣ пароваго двигателя. Эта новая хозяйственная система требуетъ еще бѣльшаго капитала, нежели прежняя; но съ этимъ вмѣстѣ приложеніе ея къ слишкомъ обширнымъ владѣніямъ становится затруднительнымъ. Наиболѣе удобствъ представляетъ здѣсь собственность средняя, которая потому и грозитъ распространиться насчетъ аристократическихъ помѣстій.

Результаты этой производительности далеко оставляютъ за собой плоды сельскаго хозяйства другихъ европейскихъ странъ. Лавернь сравниваетъ къ этому отношеніи Великобританію съ Франціей, въ которой земледѣліе стоитъ также на высокой степени развитія; онъ выводитъ слѣдующія цифры. Во Франціи на пространство 53 милліоновъ гектаровъ земли, какъ обработанной, такъ и необработанной, приходится 35 милліоновъ головъ овецъ; на Британскихъ островахъ такое же количество распредѣляется на 34 милліонъ гектаровъ. При этомъ на одну Англію, которая заключаетъ въ себѣ до 15 милліоновъ гектаровъ, приходится 30 милліоновъ головъ, слѣдовательно относительно втрое болѣе, нежели во Франціи. Этотъ результатъ становится еще поразительнѣе, когда мы сообразимъ, что англійская овца, при одинакомъ количествѣ шерсти, даетъ вдвое болѣе мяса, не-

жели французская. Почти та же пропорція существуетъ и въ количествѣ рогатаго скота: во Франціи считается его 10 милліоновъ головъ, а на Британскихъ островахъ 8, но изъ этого количества на одну Англію приходится 5 милліоновъ, такъ что послѣдняя имѣетъ одну голову на три гектара, а Франція одну на пять. Главныя произведенія рогатаго скота суть молоко и мясо. Во Франціи коровы даютъ около милліарда литръ молока, идущаго на пищу человѣка, на Британскихъ островахъ два милліарда; во Франціи 4 милліона ежегодно битыхъ головъ даютъ 400 милліоновъ килограммъ мяса, на Британскихъ островахъ ежегодно бьютъ только два милліона головъ, но они даютъ среднимъ числомъ 500 милліоновъ килограммъ, то-есть одною пятою больше, нежели получается отъ двойнаго количества во Франціи. Надобно впрочемъ замѣтить, что французскій скотъ, кромѣ молока и мяса, доставляетъ рабочую силу, которая въ Англіи замѣняется лошадьми; но самое это обстоятельство служитъ признакомъ успѣховъ сельскаго хозяйства. Наконецъ изъ хлѣбовъ, идущихъ на пищу человѣка, Великобританія воздѣлываетъ исключительно пшеницу, то-есть хлѣбъ самый лучшій и самый дорогой; во Франціи кромѣ того съѣтся рожь, гречиха, кукуруза. Въ послѣдней странѣ гектаръ обработанной земли даетъ среднимъ числомъ, за исключеніемъ сѣмянъ, 11 гектолитровъ всехъ этихъ четырехъ породъ хлѣба; въ Великобританіи же гектаръ даетъ 25 гектолитровъ пшеницы, то-есть больше нежели вдвое по количеству и втрое по цѣнности. Въ общемъ итогѣ Лавернь считаетъ, что во Франціи гектаръ земли воздѣланной и невоздѣланной даетъ среднимъ числомъ 100 франковъ дохода, на Британскихъ островахъ 135 франковъ, а въ одной Англіи 200, то-есть вдвое больше, нежели во Франціи. Правда, въ сѣверо-восточной части Франціи, заключающей въ себѣ до 9 милліоновъ гектаровъ ($\frac{2}{3}$ всего пространства Англіи), поземель-

ный доходъ возвышается также до 200 франковъ съ гектара, но изъ этого слѣдуетъ, что вся Англія равняется въ сельскохозяйственномъ отношеніи наилучше обработанной части Франціи.

Мы не должны забывать при этомъ, что въ Англіи эти результаты достигаются съ меньшимъ количествомъ рукъ, ибо, не смотря на то, что народонаселеніе въ ней болѣе густо, нежели во Франціи, только $\frac{1}{4}$ жителей ея занята земледѣльческими работами, тогда какъ во Франціи сельскому хозяйству посвящаютъ себя около $\frac{2}{3}$ народонаселенія. Климатъ и почва также не благоприятствуютъ Англіи; Франція въ этомъ отношеніи находится въ лучшемъ положеніи. Единственное преимущество первой состоитъ въ удобствѣ сбыта: близость моря, развитіе фабрикъ значительно возвышаютъ цѣнность земледѣльческихъ продуктовъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ подвигаютъ впередъ и самое хозяйство. Но если выгодамъ сбыта много обязано англійское земледѣліе, то еще болѣе обязано оно промышленному духу и изобрѣтательности народа, массѣ капиталовъ, просвѣщенной дѣятельности высшихъ сословій и наконецъ свободѣ государственныхъ учрежденій. «Воздѣлываніе земель», говоритъ Монтескьё, «идетъ не соразмѣрно съ ихъ плодородіемъ, а соразмѣрно съ свободой жителей». Подъ вліяніемъ этихъ условій Англія получила видъ цвѣтущаго сада. Вездѣ пышныя пастбища, по которымъ гуляютъ на волѣ красивыя стада, вездѣ густыя нивы, живыя ограды, которыя составляютъ украшеніе ландшафта. Прежніе пустыри исчезли, болота осушены; каждый клочекъ земли, изъ котораго можно извлечь пользу, воздѣлывается тщательнымъ образомъ. Воля человѣка измѣняетъ видъ всего окружающаго міра; она создала себѣ какъ бы новую среду для своей промышленной дѣятельности. Почва не истощается, говорятъ англійскіе земледѣльцы, ибо человѣкъ возобновляетъ ее безпрестанно. Такимъ образомъ даровая цѣнность естественныхъ силъ земли со-

вершенно исчезаетъ, природа даетъ земледѣльцу только мѣсто; остальное есть плодъ человѣческаго труда, а потому и собственность человѣка.

Таково развитіе промышленности въ Англіи. Нельзя не преклониться передъ столь великимъ явленіемъ. Могущество разума, сила человѣческой воли, обращенной на борьбу съ природой, достигли здѣсь высшихъ своихъ результатовъ. Но эта великолѣпная картина имѣетъ свои темныя стороны. До сихъ поръ мы видѣли одно производство богатства; взглянемъ теперь на его распредѣленіе. Здѣсь мы касаемся одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ, которые занимаютъ современное человечество.

II.

Распредѣленіе богатства между отдѣльными членами общества, между различными производительными силами, зависитъ болѣею частью отъ естественныхъ условій, которыя человѣкъ не въ состояніи измѣнить. Какая доля полученнаго дохода достается капиталу и какая выпадаетъ труду, это опредѣляется числительнымъ отношеніемъ между капиталомъ и народонаселеніемъ. Чѣмъ обильнѣе капиталъ сравнительно съ числомъ жителей известной страны, тѣмъ болѣе вознагражденія получаетъ трудъ, и наоборотъ, въ силу экономическихъ законовъ, скудный капиталъ беретъ высокую плату за свое участіе въ производствѣ. Оба фактора, входящіе въ это отношеніе, одинаково ускользаютъ отъ человѣческой воли. Мы не въ силахъ ни умножить произвольно капиталъ, ни уменьшить произвольно народонаселеніе; самая эмиграція невозможна безъ значительныхъ денежныхъ средствъ. Естественные законы природы и труда владычествуютъ надъ чело-

вѣкомъ ; въ нихъ заключаются и условія прогрессивнаго движенія.

Пока земли много, а народонаселеніе скудно, трудъ имѣетъ высокую цѣну, ибо одна рука человѣческая можетъ извлечь пользу изъ нетронутыхъ сокровищъ почвы, изъ этого естественнаго капитала, который задаромъ доставляется природою первымъ поселенцамъ. Съ небольшими средствами — съ лошадью, сохой и сѣменами, получаютъ обильные плоды. При такихъ условіяхъ, въ обществахъ развитыхъ работникъ пользуется значительнымъ благосостояніемъ ; это мы видимъ, напримѣръ, въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ обществахъ же, которыя стоятъ на низкой степени просвѣщенія, такое положеніе нерѣдко поражаетъ крѣпостное состояніе, ибо могучіе люди, землевладѣльцы, стараются насильно удержать у себя рабочія руки. Но когда, съ бѣльшимъ и бѣльшимъ нарастаніемъ народонаселенія, естественныхъ богатствъ становится слишкомъ мало для всѣхъ, тогда рождаются потребность восполнить этотъ недостатокъ произведеніями труда и сбереженій, однимъ словомъ тѣмъ, что въ собственномъ смыслѣ называется капиталомъ. Тогда возникаетъ и антагонизмъ между капиталомъ и трудомъ. При опредѣленіи условій заработной платы каждый изъ этихъ элементовъ производства, имѣя въ виду только собственную выгоду, старается увеличить свою долю въ барышѣ. Однако естественный законъ, который проявляется въ свободномъ соперничествѣ, ведетъ къ постепенному пониженію доли капитала, а съ тѣмъ вмѣстѣ и къ возвышенію платы за трудъ. Капиталь растеть скорѣе, нежели народонаселеніе, и конкуренція, увеличивая предложеніе перваго, уменьшаетъ вознагражденіе, котораго онъ требуетъ за свои услуги. Въ богатой странѣ капиталистъ довольствуется меньшими процентами, нежели въ бѣдной. Такимъ образомъ, съ теченіемъ времени, вслѣдствіе естественнаго хода вещей, благосостояніе

рабочаго класса растеть само собою ; послѣдній приобщается болѣе и болѣе къ благодѣяніямъ капитала, и трудъ его цѣнится все дороже. Но пока это вождельное состояніе не достигнуто, въ промежуточный періодъ антагонизма, неравенство распредѣленія богатствъ выставляется во всей своей яркости ; рядомъ съ сильнѣйшимъ развитіемъ промышленныхъ силъ является страшное развитіе нищеты, и страданія нѣкоторой части народонаселенія, не имѣющей постояннаго куска хлѣба, достигаютъ иногда ужасающихъ размѣровъ.

Это неравенство, которое вытекаетъ изъ естественныхъ законовъ капитала и труда, можетъ еще болѣе увеличиться отъ особенностей государственнаго устройства, отъ характера промышленнаго развитія, наконецъ отъ самыхъ свойствъ народнаго духа. Въ этомъ отношеніи разительный примѣръ представляетъ Англія. Нигдѣ нѣтъ такого богатства, но зато нигдѣ нѣтъ и такой бѣдности. Неравенство составляетъ самую сущность англійскаго быта ; оно проявляется вездѣ — и въ учрежденіяхъ, и въ промышленности, и въ самыхъ мелочныхъ жизненныхъ обрядахъ. Земля находится болѣею частью во владѣніи аристократіи и обрабатывается богатыми фермерами ; привилегіи, монополіи даютъ нѣкоторымъ лицамъ возможность обогащаться на счетъ другихъ ; промышленность, имѣя въ виду преимущественно силу производства и дешевизну произведеній на иностранныхъ рынкахъ, дѣйствуетъ массою капиталовъ, которые естественно сосредоточиваются въ немногихъ рукахъ ; колоссальныя предпріятія подъемлются силами частныхъ лицъ, у которыхъ вслѣдствіе этого скопляются громадныя богатства. Работникъ является какъ бы обдѣленнымъ членомъ англійскаго общества. У него нѣтъ ни клочка земли, ни постояннаго жилища ; у него, за исключеніемъ самыхъ рѣдкихъ случаевъ, нѣтъ даже возможности подняться на общественной лѣстницѣ, которой высшія ступени отдѣлены отъ

низшихъ непроходимымъ разстояніемъ. Это неравенство нѣсколько смягчается силою производительности: если масса дохода велика, то работникъ можетъ быть достаточно вознагражденъ, даже получая въ немъ относительно меньшую долю, нежели въ другихъ странахъ. Но это обстоятельство уменьшаетъ только существующее зло, а не уничтожаетъ оное, и не смотря на успѣхи англійской промышленности, нигдѣ нѣтъ такого пролетаріата, какъ въ Англїи.

Послушаемъ, что рассказываетъ объ этомъ Леонъ Фоше. Онъ самъ видѣлъ бѣдственное положеніе рабочаго класса; онъ ѣздилъ по городамъ, свидѣтельствовалъ нищету, ощупывалъ, можно сказать, собственными руками болѣзненные раны великаго государства.

Начнемъ съ столицы.

Выше мы говорили о великолѣпїи Лондона. Съ одной стороны пышные парки, дворцы, роскошь аристократической жизни, съ другой — торговая и промышленная дѣятельность, громадные капиталы, колоссальные обороты. Но между этими двумя частями города втѣсняется третья, которая имѣетъ совершенно особенную физіономію, нисколько не похожую на первыя.

«Лондонъ», говоритъ Леонъ Фоше, «городъ контрастовъ. Рядомъ съ богатствомъ, которое превосходитъ всякое сравненіе, можно встрѣтить въ немъ самую ужасную и самую отвратительную нищету; тотъ же городъ, который содержитъ въ себѣ образцовые дома, красивыя улицы и зеленѣющія площади Западнаго конца, заключаетъ въ своей внутренности полуразвалившіяся хаты, улицы безъ мостовой, безъ освѣщенія, безъ стоковъ, площади, гдѣ нѣтъ выхода ни для воздуха, ни для воды, наконецъ зловонныя трущобы, въ которыхъ никакое другое народонаселеніе не стало бы жить, и которыя, для чести человѣческаго рода, не встрѣчаются въ другихъ мѣстахъ.»

Чтобы видѣть эту оборотную сторону картины не нужно даже идти въ далекія захолустья. Рядомъ почти съ домами надменной аристократіи и съ конторами миллионеровъ Сити лежатъ кварталы Сентъ-Джайльсъ, Спиталфильдсъ, Бетналь-Гринъ, Вайтъ-Чапелъ, средоточія нищеты, разврата и преступленія. Въ сороковыхъ годахъ, къ которымъ относится описаніе Леона Фоше, эти мѣстности казались совершенно покинутыми администраціей. Въ Вестъ-Эндѣ улицы имѣютъ обыкновенно около 50 футовъ (7 сажений) ширины, въ Вайтъ-Чапелѣ отъ 15 до 18. Здѣсь нѣтъ ни стоковъ, ни мостовой; на улицахъ по цѣлымъ недѣлямъ лежатъ кучи нечистотъ, площади представляютъ вѣчно гниющія болота. Дома, нерѣдко обитые просто изъ досокъ, грязные, смрадные, служатъ убѣжищемъ нищенскому народонаселенію. Цѣлое семейство имѣетъ обыкновенно одну комнату и одну постель. Родители и взрослые дѣти, мужчины и женщины — все это лежитъ рядомъ, безъ всякаго раздѣленія. Самое отвратительное, самое нездоровое жилище, отъ котораго постояльцы бѣгутъ какъ отъ заразы, находитъ еще несчастныхъ жильцовъ. И эти дома приносятъ до 20 процентовъ дохода! При такихъ условіяхъ нѣтъ даже побужденія къ исправленію зла.

Одежда соотвѣтствуетъ жилищу. Евреи, которые выбрали здѣсь постоянное свое мѣстопребываніе, скупаютъ ветхіе обноски барской прислуги и сносятъ ихъ сюда. Жители покупаютъ ихъ за дешевую цѣну и таскаютъ ихъ на себѣ, пока эти рубища не обратятся совершенно въ лохмотья. Наконецъ, самый видъ народонаселенія, блѣдный, изнеможенный съ ранняго возраста, свидѣтельствуетъ о его бѣдственномъ положеніи.

Разумѣется, въ такихъ мѣстностяхъ должны страшно свирѣпствовать болѣзни. Спертый воздухъ, зловоніе, гниющія воды, все это поражаетъ злокачественныя лихорадки и тифъ. Въ 1838-мъ году кварталъ Вайтъ-Чапелъ заключалъ въ себѣ

$7/100$ всего городского населенія, $9/100$ бѣдныхъ, и $17/100$ больныхъ. Средняя долгота жизни, которая въ Вестъ-Эндѣ простирается до 31 года, въ этихъ краяхъ достигаетъ не болѣе 21 или 22 лѣтъ. Въ аристократической части Лондона умираетъ ежегодно одна женщина на 57, въ Вайтъ-Чапелѣ одна на 28.

«Въ аристократическомъ кварталѣ», говоритъ Леонъ Фоше, «всякое семейство живетъ въ просторномъ и уютномъ домѣ, гдѣ воздухъ и вода текутъ въ изобиліи; въ частяхъ, гдѣ обитаетъ народъ, каждое хозяйство должно ограничиться одною комнатою, которая нерѣдко лишена вѣстѣ и воздуха, и свѣта, и воды, и огня. Въ Западномъ концѣ все рассчитано на то, чтобы продлить человѣческую жизнь; въ Восточномъ все соединяется къ тому, чтобы ее укоротить, такъ что въ одномъ и томъ же городѣ, человѣкъ, смотря по тому, богатъ ли онъ или бѣденъ, поселился ли онъ на этой или на той улицѣ, живетъ вдвое больше или въ половину меньше другаго. Когда общественныя неравенства доведены до такой степени презрѣнія къ человѣческой природѣ, не становятся ли они возмущеніемъ противъ Божественнаго Промысла, нѣкотораго рода святотатствомъ? Я понимаю всѣ правительственныя системы, я признаю крайнее сосредоточеніе, равно какъ и крайнее размельченіе собственности, ибо учрежденія народовъ должны разниться такъ же, какъ ихъ геній; но чего я не понимаю, и что кажется мнѣ не существеннымъ при какой бы то ни было системѣ, это порядокъ вещей, въ которомъ меньшинство безнаказанно присвоиваетъ себѣ землю, жилища и самый здоровый воздухъ, выгоняя большинство въ какой-нибудь уголъ, гдѣ, громоздя живыхъ около живыхъ и мертвыхъ около мертвыхъ, оно едва находитъ себѣ шесть футовъ, необходимыхъ для постели, или для гроба.»

Вайтъ-Чапелъ большею частью населенъ Ирландцами, эти-

ми паріями англійскаго общества. Сентъ-Джайльсъ служитъ главнымъ убѣжищемъ воровъ, разбойниковъ и распутныхъ женщинъ. Здѣсь, посреди лабиринта узкихъ и грязныхъ улицъ, можно найти таинственные проходы, заднія лазѣйки, черезъ которыя преступникъ ускользаетъ отъ дѣйствія власти. Нѣтъ, можетъ-быть, города въ мірѣ, который бы служилъ такимъ гнѣздомъ мошенничества, какъ Лондонъ. Съ тѣхъ поръ, какъ заведены желѣзныя дороги и пароходы, шайки Сентъ-Джайльскихъ воровъ владычествуютъ во всемъ королевствѣ. Вездѣ они имѣютъ своихъ агентовъ; при первомъ извѣщеніи они ѣдутъ на мѣсто, и тотчасъ по совершеніи преступленія возвращаются снова въ свои убѣжища.

Но самую характеристическую особенность народныхъ частей Лондона составляетъ рынокъ между Вайтъ-Чапелемъ и Бетналь-Гриномъ. Здѣсь по понедѣльникамъ и по вторникамъ собираются мальчики и дѣвочки отъ семи до десяти лѣтъ, иногда въ числѣ 300 человѣкъ. Родители приводятъ ихъ по утрамъ и предлагаютъ ихъ въ наймы первому попавшемуся на встрѣчу хозяину. Условія сдѣлки состоятъ въ томъ, что дѣтей можно употреблять на какую угодно работу въ продолженіи двѣнадцати или пятнадцати часовъ въ день. Приведемъ здѣсь опять слова г. Фоше.

«Читая рассказъ г. Гиксона», говоритъ онъ, «нельзя удержаться отъ тяжелаго чувства, которое доходитъ до негодованія и даже до ужаса. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли себѣ вообразить что-нибудь чудовищнѣе этихъ обстоятельствъ! Отецъ, мать ведутъ свое дитя на торгъ, оглашаютъ его, какъ товаръ, выставляютъ его на показъ проходящимъ, давая, такъ-сказать, ощупывать его и тѣлесно и душевно; въ тотъ возрастъ, когда силы едва зараждаются, они предаютъ его на эксплуатацію первому встрѣчному, который даетъ за наемъ хорошую цѣну, предають хозяину распутному равно какъ и воздержному въ

своихъ привычкахъ, безъ всякаго обезпеченія въ добромъ примѣрѣ и въ хорошемъ обращеніи. Нѣтъ сомнѣнія, что при отдачѣ въ наймы осла или лошади, хозяинъ внимательнѣе посмотрѣлъ бы на условія. . . . Сущность этихъ сдѣлокъ заключается въ себѣ нѣчто варварское, унижающее общественный порядокъ; во всей Европѣ я знаю только Лондонъ, въ которомъ возможны эти вещи, ибо для этого нужно, чтобы развратъ былъ въ одинаковой долѣ смѣшанъ съ свободою. Въ Парижѣ каменщики собираются въ понедѣльникъ утромъ на Гревской площади, выжидая подрядчика, который бы нанялъ ихъ на недѣлю. Въ Кальвадосѣ служанки и рабочіе при фермахъ ищутъ себѣ мѣста на торжищахъ. Но рынокъ, на которомъ бы нанимали дѣтей, этого еще не видать было въ образованной странѣ. Бетналь-Гринскую площадь можно сравнить только съ базарами, на которые выводятъ рабовъ; да и то надобно идти въ самую глубину Африки, чтобъ найти невольниковъ, которые продавались бы собственными родителями.»

Не мудрено, что изъ поколѣнія, воспитаннаго такимъ образомъ, выходятъ тѣ зачерствѣвшіе съ малолѣтства преступники, о которыхъ говоритъ Леонъ Фоше, или тѣ дошедшіе до полуживотнаго оупѣнія образчики людей, которыхъ типъ представленъ Дикенсомъ въ лицѣ мальчика Джо, типъ, въ которомъ романистъ, одаренный удивительною теплотою сердца и высшею степенью сочувствія ко всѣмъ живымъ движеніямъ души, едва можетъ разглядѣть что-нибудь человѣческое. Джо — явленіе чисто англійское. Въ Парижѣ онъ былъ бы *gamin de Paris*, то есть бойкій, ловкій, пронырливый мальчикъ, склонный къ плутовству, но способный и на великіе подвиги. Совершенное подавленіе всѣхъ человѣческихъ способностей въ низшемъ классѣ народа встрѣчается только въ Англии.

Подобныя зрѣлища представляютъ и другіе города Великобританіи. Ливерпуль не страдаетъ особенной нищетою, однако

въ немъ положеніе рабочихъ, если можно, еще хуже, нежели въ Лондонѣ. Они живутъ либо на тѣсныхъ дворахъ, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ высокими зданіями, исполненныхъ всякой нечистоты, гдѣ воздухъ, никогда не перемѣняющійся, зараженъ вредными испареніями, либо въ подземныхъ норахъ, куда спускаются по крутой лѣстницѣ. Последнія жилища до того низки, что человѣкъ едва можетъ стоять въ нихъ прямо; въ нихъ нѣтъ ни оконъ, ни половъ, такъ что здѣсь постоянно господствуютъ мракъ, сырость и зловоніе. Въ этихъ смрадныхъ труппахъ мушны, женщины, дѣти лежатъ рядомъ, и самыя противоестественныя преступленія бывають иногда послѣдствіемъ такого сосѣдства. При этихъ условіяхъ средняя жизнь человѣка, которая въ самыхъ бѣдныхъ частяхъ Лондона простирается до 21 года, понижается въ Ливерпуль до 17 лѣтъ; изъ дѣтей 53 на 100 умирають ранѣе 5 лѣтъ.

То же самое можно видѣть и въ Манчестерѣ. «Хозяева этихъ гнѣздъ лихорадокъ», говоритъ докторъ Феррайаръ, который изслѣдовалъ состояніе здоровья мѣстныхъ жителей, «ставятъ въ каждой комнатѣ столько кроватей, сколько можетъ въ ней помѣститься. Зрѣлище, которое представляютъ ночью эти мѣста, поистинѣ ужасно: кровати наполнены мужчинами, женщинами, дѣтьми, которые тѣснятъ другъ на другъ; полъ покрытъ отвратительными рубищами этихъ людей, или ихъ пожитками; зловонныя испаренія и духота невыносимы для всякаго, кто приходитъ съ свѣжаго воздуха. Днемъ эти жилища столь же нездоровы. Обыкновенно находишь тамъ нѣсколько человѣкъ въ постелѣ: одинъ, можетъ-быть, боленъ, другой отдыхаетъ отъ кутежа вчерашней ночи, третій убиваетъ время, потому что не имѣетъ занятія, или спитъ днемъ, потому что живетъ ночными продѣлками. Окна постоянно затворены; на освѣженіе воздуха не обращаютъ никакого вниманія, и зараженная атмосфера изливаетъ свой ядъ на новыхъ

пришельцевъ, которыхъ привычка не сдѣлала еще нечувствительными къ ея дѣйствию. Тамъ, гдѣ квартирами служатъ подвалы, задняя комната обращается въ спальню, и такъ какъ здѣсь нѣтъ окна, то воздухъ и свѣтъ проходятъ только въ двери. Поэтому лихорадки свирѣпствуютъ здѣсь съ большею силою, нежели гдѣ-либо.»

Во время холеры, наряженная для распоряженій комиссія открыла, что въ Манчестерѣ изъ 687 улицъ 284 вовсе не были мощены, 53 только отчасти, 112 были глухіе переулки, въ которыхъ невозможно было теченіе воздуха, 352 содержали въ себѣ кучи нечистотъ и гніющія болота. Изъ осмотренныхъ инспекторами 6,950 домовъ, 2,565 оказались совершенно зараженными, 960 походили на развалины, 1,435 были сыры, 452 не имѣли возможности освѣжать воздухъ и 2,221 лишены были самыхъ необходимыхъ условій чистоты. Спустя восемь лѣтъ было новое слѣдствіе, и положеніе дѣлъ было не лучше. Если прежнія части нѣсколько исправились, зато возникли новыя, которыя представляли то же зрѣлище. Въ Манчестерѣ, такъ же какъ и въ другихъ городахъ, общинныя власти заботились только о главныхъ, аристократическихъ улицахъ; кварталы, обитаемые бѣдными, оставались въ самомъ жалкомъ пренебреженіи. Потому здѣсь средняя долгота жизни не простирается выше 18 лѣтъ.

Подобно этому и въ Лидсѣ, на основаніи доклада 1841 года, изъ 586 улицъ только 86 находились подъ вѣдомствомъ общинной власти, и въ числѣ послѣднихъ только 68 были мощены. Остальное предоставлялось самимъ домохозяевамъ, а потому положеніе этихъ частей города было самое ужасное. Гніющія лужи, отвратительныя кучи нечистотъ, кладбища, бойни, наконецъ самыя ямы, въ которыя свозился навозъ, все это можно было видѣть посреди улицъ въ самыхъ многолюдныхъ кварталахъ. Къ прочимъ бѣдствіямъ низшаго класса

присоединялись еще частые разливы рѣки, которые затопляли занимаемые работниками подвалы. Въ слѣдствіе этихъ обстоятельствъ, въ то время, какъ въ высшихъ классахъ умираетъ здѣсь одинъ человѣкъ на 44, въ низшихъ умираетъ 1 на 19. Средняя долгота жизни въ Лидсѣ 21 годъ.

Изъ всего этого можно составить себѣ понятіе о положеніи рабочаго класса въ Англіи. Бѣдность, которая господствуетъ рядомъ съ баснословнымъ богатствомъ, составляетъ въ ней главное общественное зло, бѣдность закоренѣлая, стародавняя, нажитая вѣками, хотя и видоизмѣненная новымъ развитіемъ промышленности. Въ настоящее время число людей, которые получаютъ вспоможеніе отъ приходовъ, составляетъ около $\frac{1}{10}$ всего народонаселенія Англіи; въ хорошіе года оно понижается даже до $\frac{1}{13}$. Въ концѣ XVII вѣка цѣлая пятая часть народа была записана въ числѣ неимущихъ, питавшихся подаваніемъ. Уменьшенію числа нищихъ содѣйствовалъ отчасти строгій законъ 1833 года, но несравненно большее вліяніе оказало при этомъ развитіе общественнаго богатства и промышленныхъ силъ народа. Пролетаріатъ не составляетъ явленія, которое принадлежитъ исключительно нашему вѣку; теперь только обратили на него больше вниманія, нежели прежде. «Почти всѣ эти бѣдствія», говоритъ Маколей, «очень древни: что ново — это разумъ, который умѣетъ ихъ разобратъ, и челолюбіе, которое ихъ врачуетъ». Въ Англіи страшное распространеніе бѣдности коренилось издавна въ самыхъ основахъ государственнаго быта. Въ слѣдствіе своего морскаго положенія, Англія не была опустошаема внѣшними врагами, она не истощала послѣднихъ своихъ силъ въ войнахъ съ сосѣдями, какъ Франція въ началѣ XVIII вѣка; ее не разоряли до конца внутреннія междоусобія; она не стонала подъ излишнимъ бременемъ податей. А между тѣмъ, не смотря на благопріятныя условія, она постоянно страдала неиз-

цѣлимой язвою нищеты. Причину такого явленія нельзя не видѣть въ неравенствѣ, которое вытекло изъ исторіи. Даже до настоящаго времени неправильное распредѣленіе богатства осталось чуть ли не въ прежнемъ объемѣ. Сила капиталовъ выдвинула впередъ незначительную часть народа, развитіе промышленности увеличило общее благосостояніе; но съ другой стороны земля въ настоящее время сосредоточивается еще въ меньшемъ числѣ рукъ, нежели въ предыдущіе вѣка, и количество людей безземельныхъ, бездомныхъ, питающихся поденною работою, увеличилось противъ прежняго.

Эти пролетаріи въ обыкновенную пору получаютъ, вообще говоря, достаточное пропитаніе; они обладаютъ бѣльшими матеріальными средствами, нежели ихъ предки. Зато въ эпохи торговыхъ кризисовъ положеніе ихъ становится ужаснымъ. Мануфактурная промышленность совершенно зависитъ отъ сбыта, отъ состоянія торговаго рынка. Какъ скоро здѣсь происходитъ задержка, фабрики прекращаютъ работу и тысячи людей разомъ лишаются послѣдняго куска хлѣба. Какъ бы ни дѣятельна была благотворительность общественная и частная, что можетъ она сдѣлать противъ такого зла? Огромная масса рабочихъ должна терпѣливо сносить голодъ и нищету, стараясь кой-какъ продлить свою жизнь, пока мануфактурное движеніе не возвратится въ обычную свою колею. Бѣдствіе этого положенія живо изображается въ слѣдующемъ воззваніи, съ которымъ манчестерскіе ткачи обратились въ 1844 году къ мѣстнымъ купцамъ, фабрикантамъ и дворянамъ.

«Кризисъ, который господствуетъ въ фабричныхъ уѣздахъ», пишутъ они, «тяжело отзывается на рабочихъ классахъ народа, и въ особенности на несчастномъ ткачѣ, котораго ничтожный заработокъ, даже при постоянномъ занятіи, едва доставляетъ ему необходимое для жизни, о чемъ такъ очевидно свидѣтельствуютъ бѣдность его одежды и тщедушная слабость

его сложенія. Какимъ образомъ, господа, въ такое время, какъ наше, ткачъ не находитъ себѣ работы, такъ что жена его и голодные дѣти просятъ у него хлѣба, а онъ не можетъ имъ дать ни куска? Среди такой нищеты, что можетъ онъ, что долженъ онъ дѣлать? Онъ не нарушаетъ закона, онъ не производитъ беспорядковъ; онъ садится въ молчаливомъ раздумьи, помышляя о своихъ бѣдствіяхъ, пока наконецъ крики голодныхъ его дѣтей не приведутъ его въ отчаяніе, близкое къ безумію. Таково, господа, несчастное положеніе этого класса людей бѣдныхъ, но заслуживающихъ лучшую долю, людей, которые нѣкогда были живымъ свидѣтельствомъ величія Англии, которыхъ хижины разливали довольство вокругъ себя. Теперь, господа, мы обращаемся къ вамъ, какъ къ людямъ и христіанамъ, зная, что въ другихъ случаяхъ мы не даромъ къ вамъ прибѣгали. Мы искренно надѣемся, что вы отвѣтите на этотъ зовъ страждущаго челоуѣчества и спасете нашихъ бѣдныхъ дѣтей отъ голода и смерти.»

Черезъ годъ работники, доведенные до отчаянія, возстали, и надобно было усмирять ихъ силою.

За бѣдностью слѣдуетъ развратъ. Въ этомъ отношеніи мануфактурная промышленность имѣетъ самое пагубное дѣйствіе на народъ. Когда всѣ члены семейства работаютъ врознь, въ продолженіи 14 или 15 часовъ въ день, семейная связь не можетъ быть крѣпка. Малолѣтныя дѣти остаются безъ всякаго призора, или, что еще хуже, кормятся опиумомъ на время отсутствія матери. Подростая, они съ раннихъ лѣтъ привыкаютъ зарабатывать себѣ деньги собственнымъ трудомъ, а потому считаютъ себя самостоятельными и мало обращаютъ вниманія на семейство. Женщины, въ юномъ возрастѣ, мѣшаясь на фабрикахъ со всякимъ людомъ, заражаются дурными примѣрами, привыкаютъ къ непристойнымъ рѣчамъ, наконецъ совращаются, а потомъ сами начинаютъ совращать другихъ. Огром-

ное большинство женщинъ, работающихъ на фабрикахъ, предается распутству. Конечно, есть прекрасныя исключенія; есть фабрики, гдѣ хозяинъ, понимая нравственное свое значеніе, видитъ въ рабочихъ не простыхъ наемщиковъ, а людей, ввѣренныхъ его попеченію. Здѣсь фабричное населеніе представляетъ общину, дружно соединенную, которой члены не только не заражаютъ, а напротивъ поддерживаютъ другъ друга въ нравственномъ отношеніи. Но подобные примѣры въ Англіи болѣе рѣдки, нежели гдѣ-либо; обыкновенно имѣется въ виду единственно коммерческій расчетъ. Здѣсь самая сельская жизнь, которая обыкновенно способствуетъ сохраненію чистоты нравовъ, не имѣетъ этого дѣйствія, ибо даже изъ той четверти народонаселенія, которая обитаетъ въ деревняхъ, большинство состоитъ изъ бездомныхъ пролетаріевъ. Такимъ образомъ, въ то время, какъ въ высшихъ классахъ строгость семейныхъ нравовъ охраняется бдительнымъ надзоромъ общественнаго мнѣнія, въ низшихъ классахъ семейный бытъ разрушается болѣе и болѣе.

Нигдѣ нѣтъ такого количества распутныхъ женщинъ, какъ въ Англіи; Парижъ въ этомъ отношеніи далеко уступаетъ Лондону. Нигдѣ также безстыдство ихъ не достигаетъ такихъ размѣровъ. Съ 1829 года видимыя проявленія непотребства нѣсколько уменьшились, ибо въ это время были приняты противъ этого строгаго полицейскія мѣры; но что дѣлалось прежде — это превосходитъ всякое вѣроятіе. Вотъ прошеніе, которое въ 1816 году было подано лорду-меру двумя тысячами домохозяевъ Сити:

«Главныя улицы города», говорятъ они, «каждый вечеръ наполняются распутными женщинами, которыя своими непрерывными драками и своимъ безстыднымъ поведеніемъ беспокоятъ и тревожатъ честныхъ людей. Наглость, съ которою эти женщины приступаютъ къ прохожимъ, страшныя руга-

тельства и безстыдныя рѣчи, которыя у нихъ всегда на устахъ, вотъ что мы въ качествѣ отцовъ семейства и домохозяевъ считаемъ нестерпимымъ зломъ. Ни одна честная женщина, не смотря ни на какое покровительство, не можетъ вечеромъ пройти по улицѣ, не будучи свидѣтельницею этихъ отвратительныхъ зрѣлищъ, и всевозможная бдительность съ нашей стороны не предохраняетъ нашихъ сыновей и слугъ отъ навязчивости, которая преслѣдуетъ ихъ до самыхъ дверей дома. Привыкая къ виду женщинъ, которыя употребляютъ всевозможныя обольщенія, чтобъ развратить юношество, послѣднее невольно перестаетъ чувствовать къ нимъ отвращеніе, а это ослабленіе надзора имѣетъ самыя пагубныя послѣдствія для здоровья, репутаціи и нравственности того поколѣнія, которое составляетъ нашу надежду. Наконецъ тѣсная связь этихъ женщинъ съ одной стороны съ сидѣльцами и учениками, съ другой съ ворами, мошенниками и укрывателями, облегчаетъ грабежи. Онѣ составляютъ многочисленный классъ воровокъ, которыя повинны во множествѣ мелкихъ проступковъ.»

До сихъ поръ значительное число преступленій въ Лондонѣ совершается съ помощью распутныхъ женщинъ. Этимъ ремесломъ начинаютъ заниматься съ самыхъ раннихъ лѣтъ; шестнадцатилѣтнія дѣвушки уже увлекаютъ неосторожныхъ людей и передаютъ ихъ въ руки товарищей-воровъ. Иногда же онѣ останавливаютъ прохожаго, требуютъ съ него денегъ и въ случаѣ отказа грозятъ призвать его къ суду въ качествѣ соблазнителя. Такое приключеніе случилось нѣсколько лѣтъ тому назадъ съ знаменитымъ Гладстономъ.

Такимъ образомъ развратъ подаетъ руку преступленію. Страшное умноженіе послѣднихъ составляетъ опять одинъ изъ характеристическихъ признаковъ современнаго состоянія Англіи. По всеобщему замѣчанію, количество преступленій

растетъ съ густотою народонаселенія; это весьма естественно: человекъ въ одиночествѣ имѣетъ менѣе поводовъ къ нарушенію закона, нежели тотъ, кто непрерывно сталкивается съ другими. Оно возрастаетъ и съ умноженіемъ богатства, ибо здѣсь также увеличивается соблазнъ. Чѣмъ неравнобѣриѣе при этомъ распредѣляется имущество, тѣмъ, разумѣется, сильнѣе развиваются побудительныя причины къ преступленіямъ. Отсюда объясняется размѣръ этого явленія въ Англіи. Наконецъ къ тому же клонится и необычайное развитіе мануфактурной промышленности. Бездомная жизнь, невѣрность насущнаго пропитанія, заразительный воздухъ большихъ городовъ, въ которыхъ тѣснится народонаселеніе — все это не можетъ содѣйствовать поддержанію нравственности. Среди этой кипящей дѣятельности, потребности людей возбуждены несравненно сильнѣе прежняго, а между тѣмъ средства къ удовлетворенію скудны, и успѣхи нравственнаго образованія, сдерживающаго беззаконныя влеченія человека, не могутъ идти столь быстрыми шагами. Старый бытъ растрепанъ до основанія, а новый не пришелъ еще въ должный порядокъ. Такія времена бываютъ особенно неблагоприятны для нравственнаго состоянія народа. Оттого въ Англіи, въ странѣ, которая славится строгимъ соблюденіемъ законности, количество преступленій въ настоящемъ вѣкѣ умножилось въ невѣроятной степени. Съ 1810 года до 1848 г. число подсудимыхъ въ уголовныхъ судахъ собственной Англіи и княжества Вельскаго возрасло отъ 5,146 до 30,349; то-есть въ первомъ случаѣ приходился 1 на 1,972 жителя, во второмъ 1 на 560. Конечно здѣсь надобно взять въ соображеніе, что въ послѣднюю четверть столѣтія приняты сильнѣйшія мѣры для преслѣдованія преступленій, но все же значительное возрастаніе ихъ несомнѣнно. Означенныя цифры не обнимаютъ притомъ всѣхъ проступковъ. Если разсчитать об-

щее количество даже не подсудимыхъ, а однихъ только осужденныхъ всѣми судебными учрежденіями Англіи въ 1843 году, то мы получимъ страшную цифру 1 на 155 жителей¹⁾.

Обыкновенно въ статистикѣ преступленій является значительная разница между земледѣльческими и промышленными округами. Въ послѣднихъ больше городовъ, народонаселеніе гуще, а потому и число преступленій значительнѣе. Такъ во Франціи въ 1840 году считался среднимъ числомъ 1 подсудимый на 4,077 жителей. Въ этомъ числѣ на мануфактурные департаменты приходилось отъ 1 на 1,250 до 1 на 3 съ половиною тысячи (3,760); въ земледѣльческихъ же отъ 1 на 7 тысячъ до 1 на 13 т. Въ Англіи особенный характеръ земледѣльческой промышленности сгладилъ это различіе: земледѣльческіе округи занимаютъ здѣсь средину между значительными скопищами рабочаго народонаселенія и тѣми фабричными полосами, въ которыхъ слабѣе производительная дѣятельность. Въ 1841 г. въ земледѣльческихъ графствахъ считался среднимъ числомъ 1 подсудимый на 539 жителей (отъ 1 на 464 до 1 на 665), въ мануфактурныхъ отъ 1 на 368 до 1 на 778.

Любопытна также доля преступленій, которая приходится на женщинъ и несовершеннолѣтнихъ. Здѣсь разрушеніе семейныхъ связей въ низшемъ народонаселеніи выступаетъ во всей яркости. Въ Англіи женщины составляютъ пятую часть всего количества подсудимыхъ, и число это въ продолженіи второй четверти нынѣшняго столѣтія шло возрастая; во Фран-

¹⁾ Надобно впрочемъ сказать, что съ 1848 года количество преступленій понизилось: въ продолженіи пяти лѣтъ оно держалось около 27,000, въ 1854 г. возрасло до 29,359, а въ 1855 г. опять спустилось на 25,972. Послѣднее приписываютъ дѣйствию новыхъ уголовныхъ законовъ, по которымъ воровство наказывается безъ судебныхъ формальностей.

ціи онѣ составляютъ только шестую часть, и число ихъ постоянно уменьшается. Что касается до возраста, то въ Англіи цѣлая четвертая часть преступленій совершается людьми отъ 20 до 25 лѣтъ и почти столько же отъ 15 до 20, то-есть преступники отъ 15 до 25 лѣтъ составляютъ около половины всего количества. Если же считать двадцатилѣтній возрастъ признакомъ совершеннолѣтія, то въ Англіи число несовершеннолѣтнихъ подсудимыхъ обоихъ половъ составляетъ 284 на 1000. Во Франціи та же категорія, считая несовершеннолѣтній возрастъ даже до 21 года, составляетъ только 164 на 1000.

Эта страшная цифра преступленій, которыя совершаются несовершеннолѣтними въ Англіи, объясняется намъ характеромъ ихъ воспитанія. Замѣненіе ручной работы машинами позволило, вмѣсто взрослыхъ мужчинъ, употреблять на фабрикахъ женщинъ и дѣтей. Машина даетъ двигающую силу, а прочая работа требуетъ только нѣкотораго навыка. Такимъ образомъ значительное количество дѣтей съ раннихъ лѣтъ употребляется на фабрикахъ. Это имѣетъ самое неблагоприятное вліяніе какъ на ихъ здоровье, такъ и на ихъ нравственное развитіе. Само законодательство принуждено было наконецъ вмѣшаться въ эти отношенія и ограничить свободу найма. По этому случаю парламентъ нѣсколько разъ наряжалъ комиссіи для изслѣдованія положенія дѣтей въ мануфактурныхъ и другихъ рабочихъ заведеніяхъ. Факты, которые обнаружены этими слѣдствіями, заставляютъ иногда содрогаться отъ ужаса.

Съ самаго ранняго возраста мальчики и дѣвочки поступали на фабрики, гдѣ за ничтожную плату ихъ заставляли работать иногда до 14, 15 и даже до 16 часовъ въ сутки. Отправлялись они обыкновенно рано поутру, даже не поѣвши, во всякое время года, въ рубищахъ, босикомъ. Тамъ они прово-

дили цѣлый день, не имѣя почти ни минуты отдыха; самый обѣдъ они не рѣдко должны были глотать за работой. Послѣдствія такого напряженія силъ кидались въ глаза: бѣдные дѣти, малорослыя, блѣдныя, исхудалыя, не рѣдко зараженныя грудными болѣзнями, однимъ своимъ видомъ свидѣтельствовали объ ужасномъ своемъ положеніи. Разумѣется, объ умственномъ, о нравственномъ воспитаніи не могло быть рѣчи. Имъ некогда было ходить въ школы; они тупѣли въ безмысленной работѣ, которая истощала ихъ юныя силы. Кромѣ того, они на фабрикахъ заражались самыми дурными примѣрами; они привыкали къ безстыдству, къ преступленію и развращались до костей, прежде нежели достигали полного развитія физическихъ своихъ способностей. Отсюда тѣ юные типы закоренѣлыхъ изверговъ, которые можно видѣть въ англійскихъ судахъ и тюрьмахъ.

Въ мелкихъ заведеніяхъ было не лучше. Здѣсь существовала и до сихъ поръ еще существуетъ особенная система, тѣсно связанная со всеѣмъ устройствомъ англійскаго общества. Въ Англіи, когда бѣдный пользуется подавнїями прихода, у него отнимаютъ дѣтей и отдаютъ ихъ въ ученіе на сторону. Въ настоящее время запрещено отвозить ихъ далѣе 40 миль отъ жилища; прежде же не было даже и этого ограниченія. Несчастныхъ дѣтей, которыхъ родители впадали въ нищету, кучами вваливали на телѣги и везли на рынокъ продавать въ ученіе. Всякій негодяй бралъ ихъ охотно, ибо не только ученикъ не получалъ никакой платы, но самъ хозяинъ пользовался нѣкоторымъ пособіемъ отъ прихода, за то что избавлялъ послѣдній отъ излишняго бремени. Такимъ образомъ ученикъ до совершеннолѣтія лишался всякой самостоятельности: собственной волей онъ не имѣлъ права отойти отъ мѣста, отецъ не могъ за него заступиться; однимъ словомъ, онъ становился полнымъ рабомъ своего хозяина, кото-

рый старался извлечь изъ него всевозможную пользу, не имѣя даже тѣхъ побужденій къ хорошему обращенію, которыя заставляютъ американскихъ плантаторовъ беречь своихъ негровъ.

Образчикомъ тѣхъ ужасовъ, которые творятся въ этомъ быту, можетъ служить слѣдующее описаніе :

«Ничего нельзя себѣ представить безотраднѣе», говоритъ Леонъ Фоше, «какъ жизнь учениковъ въ Вилленголлѣ. Во всякомъ возрастѣ они должны работать одинаково съ своими хозяевами, истинными циклопами, которые не отдыхаютъ иногда въ продолженіи двадцати часовъ, закусывая стоя и не останавливаясь ни на минуту. Ночью они спятъ на жидкой соломѣ или на полу. Зимой и лѣтомъ они носятъ одну одежду. Ихъ почти не кормятъ, а въ наказаніе ихъ совершенно морятъ съ голода. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ не считали даже нужнымъ прибѣгать къ такимъ утонченностямъ. Одинъ хозяинъ прокололъ своего ученика раскаленнымъ желѣзомъ и пригвоздилъ его къ стѣнѣ; другой былъ повѣшенъ за то, что подвергъ ребенка истязаніямъ, столь же утонченнымъ, сколько и свирѣпымъ; позднѣе третій надѣлъ на ученика желѣзный ошейникъ, а четвертый къ ногѣ своего привязалъ толстое бревно, чтобы предупредить возможность побѣга. Въ настоящее время наказанія менѣе странны, но столь же жестоки. Учениковъ бьютъ ремненнымъ кнутомъ, узловатой веревкой или палкой, не пренебрегая и другимъ орудіемъ, которое попадетъ подъ руку. Хозяинъ покрываетъ ихъ тѣло ранами и синеяками, хозяйка дергаетъ имъ волосы и уши. Чѣмъ болѣе они умоляютъ о пощадѣ, тѣмъ менѣе оказывается имъ милосердія. Въ самомъ дѣлѣ, за что ихъ щадить? Лишь бы ребенокъ не умеръ, судъ умываетъ себѣ руки. Парламенту были представлены эти факты; однако онъ не старался имъ помочь. А между тѣмъ казалось бы, что въ тѣхъ случаяхъ,

когда люди находятся подъ гнетомъ бѣдности и не воздерживаются воспитаніемъ, которое служитъ личной уздой, тогда законъ, который есть узда общественная, не можетъ не вмѣшаться въ подобныя отношенія.»

Но все это ничего въ сравненіи съ тѣмъ положеніемъ, въ которомъ, по свидѣтельству слѣдователей 1842 года, находились дѣти при рудникахъ. Здѣсь ребенокъ поступалъ на работу съ четырехъ или пяти лѣтъ. Должность его состояла въ томъ, что онъ отворялъ двери при провозѣ вагоновъ съ каменнымъ углемъ. Съ шести часовъ утра его опускали въ колодезь, и тамъ, подъ землею, онъ проводилъ цѣлый день въ совершенномъ мракѣ и въ совершенномъ уединеніи, не смѣя отойти ни на минуту отъ двери, къ которой онъ былъ приставленъ. Едва ли можно представить себѣ что-либо болѣе возмущающее душу, какъ это варварское осужденіе самаго нѣжнаго возраста на уединенное заключеніе въ мрачномъ подземельѣ! Такъ проводили они нѣсколько лѣтъ. Когда силы ребенка крѣпли, его употребляли на возку вагоновъ. Проходы каменно-угольныхъ рудниковъ имѣли не болѣе двухъ футовъ вышины; обыкновенно они были наполнены грязью. И по этимъ-то трущобамъ должны были цѣлый день ползать на рукахъ и ногахъ мальчики и дѣвочки, запряженные въ тѣлѣжки. Когда эти факты были обнаружены, вопль негодованія раздался по всей Англіи, и парламентъ издалъ законъ, который глубоко вторгается въ свободу промышленныхъ сдѣлокъ.

Здѣсь впрочемъ мы можемъ повторить приведенныя выше слова Маколея. Это зло стародавнее, хотъ развитіе мануфактурной промышленности усилило его въ значительной степени. Въ концѣ XVII вѣка въ Норвичѣ, главномъ въ то время центрѣ суконной фабрикаціи, употреблялись для работы шестилѣтнія дѣти, которыя по расчету тогдашнихъ писателей производили на 12,000 ф. стерл. болѣе, нежели стоило ихъ

содержаніе. Нашему времени принадлежит честь прекращенія этихъ варварскихъ поступковъ; въ наше время законодательство въ своей благотворной дѣятельности проникаетъ до самыхъ низкихъ слоевъ общества.

Мы видѣли, что земледѣльческія графства Англіи не отличаются передъ городскими меньшимъ развитіемъ преступленій. Изъ этого уже можно заключить, что жизненные явленія въ тѣхъ и другихъ одинаковы. И точно, сельское рабочее населеніе находится не въ лучшемъ положеніи, нежели городское. Фермеры обыкновенно имѣютъ при себѣ нѣсколько работниковъ, нанятыхъ на годъ; послѣдніе получаютъ достаточную плату и хорошее содержаніе. Но главныя работы производятся инымъ способомъ. Хозяинъ, когда ему понадобятся рабочіе, договаривается съ подрядчикомъ, который въ свою очередь собираетъ потребное количество поденщиковъ — взрослыхъ и дѣтей, смотря по надобности. Толпа эта приводится или привозится на мѣсто, и по окончаніи работы, распускается на всѣ стороны. Эти-то поденщики, составляющіе большинство сельскаго населенія Англіи, являются бездомнымъ кочевымъ племенемъ, которое находится въ крайнемъ состояніи нищеты.

Вообще земледѣльческій классъ тогда только можетъ достигнуть нѣкотораго благосостоянія, когда онъ имѣетъ осѣдлость, жилища и постоянныя занятія. Между тѣмъ характеръ англійскаго земледѣльческаго хозяйства находится въ прямомъ противорѣчій съ этими требованіями. Задача его состоитъ въ томъ, чтобъ сосредоточить производство въ рукахъ нѣсколькихъ капиталистовъ и уменьшить по возможности количество работниковъ. Съ этой цѣлью благоустроенныя владѣнія очищаются отъ излишнихъ рукъ, то-есть богатые сословія вытѣсняютъ крестьянъ съ земли. Это явленіе, которое въ Англіи ведется съ давнихъ поръ. Когда въ XIV-мъ и XV-мъ

столѣтіяхъ крестьяне получили личную свободу, толпы бездомныхъ бродягъ разсѣялись по государству. Чтобъ избавиться отъ нихъ, надобно было прибѣгнуть къ законамъ о бѣдныхъ и къ колонизаціи. Позднѣе, въ концѣ XVIII вѣка, когда стала вводиться усовершенствованная система хозяйства, скотоводство распространилось на счетъ земледѣлія, крестьяне были вытѣснены овцами и рогатымъ скотомъ. Тогда усиленіе фабрикъ доставило имъ убѣжище; отсюда чрезмѣрное развитіе городской жизни. Это движеніе продолжается еще донынѣ: мелкіе собственники и арендаторы исчезаютъ болѣе и болѣе, и даже тѣ захолустья, въ которыхъ они еще сохранились, являются какъ бы обреченными на жертву приговоромъ неумолимой судьбы. Всякій порядочный хозяинъ считаетъ себя обязаннымъ очистить такимъ образомъ свою землю. Сэръ Джемсъ Граамъ, другъ и сподвижникъ Роберта Пиля, безспорно принадлежитъ къ числу самыхъ почтенныхъ людей Англіи; онъ же считается и превосходнымъ хозяиномъ. Когда онъ вступилъ въ управленіе своимъ имѣніемъ, онъ рѣшился поставить послѣднее на хорошую ногу. Съ этой цѣлью онъ немедленно согналъ всѣхъ своихъ мелкихъ фермеровъ и нашелъ нѣсколько богачей, между которыми онъ и раздѣлилъ аренду своихъ земель. Еще лучше поступилъ герцогъ Марлборо, рьяный защитникъ хлѣбныхъ законовъ. Когда въ 1844 г. уничтожена была старая система монополій, землевладѣльцы принуждены были понизить у себя поземельную ренту, ибо дешевизна хлѣба не позволяла фермерамъ давать имъ прежнюю высокую плату. Но герцогъ Марлборо не хотѣлъ на это соглашаться; онъ прогналъ всѣхъ фермеровъ и сталъ обрабатывать свою землю наймомъ. Англійскіе лорды имѣютъ право поступать такимъ образомъ, ибо обыкновенно они заключаютъ арендные контракты не болѣе какъ на годъ, съ цѣлью держать арендаторовъ въ постоянной политической за-

висимости отъ себя. Если фермеръ богатъ и покоренъ, онъ можетъ оставаться на мѣстѣ и передаетъ участокъ своему потомству. Но какъ скоро онъ вздумаетъ быть самостоятельнымъ, или не соотвѣтствуетъ хозяйственнымъ расчетамъ вельможи, онъ прогоняется безъ всякаго милосердія.

Эта система очищенія проявилась во всей своей яркости при введеніи рациональнаго хозяйства въ Шотландскихъ горахъ. Вотъ какъ происходило это дѣло.

Извѣстно что такое были шотландскіе горцы; они составляли воинственное племя, раздѣленное на кланы, которыхъ члены соединялись между собою тѣсною связью родства и подчиненіемъ наследственному вождю. Кромѣ послѣдняго они никому не хотѣли повиноваться. Когда вождь ополчался, обоженный крестъ переносился изъ хаты въ хату, члены клана собирались около патріарха и стояли за него на жизнь и на смерть. Нерѣдко эти страшныя полчища приводили въ трепетъ Англичанъ. Шотландскіе горцы были послѣдними защитниками изгнанныхъ Стюартовъ. Наконецъ послѣ Куллоденской битвы, въ половинѣ XVIII вѣка, англійское правительство рѣшилось избавиться отъ этихъ беспокойныхъ подданныхъ. Оно приступило къ дѣлу черезъ посредство самихъ вождей. Послѣдніе вступили въ ряды англійской аристократіи и получили въ полную собственность тѣ земли, которыя въ сущности были владѣніемъ клана. Вслѣдствіе новаго положенія они стали нуждаться въ деньгахъ. Надобно было возвысить доходъ съ земель, а наилучшимъ къ тому средствомъ было очищеніе владѣній отъ излишнихъ рукъ. Тогда бывшіе вожди клановъ рѣшились своихъ родственниковъ, людей, которые изъ рода въ родъ состояли подъ ихъ властью и питали къ нимъ фанатическую любовь, выгнать изъ родной земли и замѣнить ихъ овцами.

Одно изъ такихъ владѣній, едва ли не самое обширное,

принадлежало герцогамъ Судерландскимъ. Послѣдняя герцогиня вышла въ 1810 г. за герцога Стаффорда, богатаго англійскаго лорда. Онъ немедленно привелъ въ дѣйствіе систему очищенія. Горцамъ было объявлено, что они должны выйти изъ своихъ жилищъ и переселиться на берегъ моря, гдѣ для нихъ приготовлены дома. Напрасно несчастные говорили, что здѣсь ихъ родная земля, что родина имъ дороже жизни. Агенты герцога и герцогини разрушали хижины, предавали ихъ огню. Самыхъ подданныхъ хватали силой, переселяли къ морю, или заставляли отправляться въ Америку; однимъ словомъ, очищеніе было полное.

Теперь горная Шотландія представляетъ великолѣпныя пастбища, по которымъ гуляютъ огромныя стада овецъ высокой породы. Лѣса, возвращенные человѣческой рукой съ величайшимъ искусствомъ, покрываютъ вершины горъ. Путешественники могутъ безопасно ѣздить тамъ, гдѣ прежде происходили непрерывныя грабежи. Но населенія здѣсь почти нѣтъ; страна представляетъ пустыню, изъ которой человѣкъ извлекаетъ возможную выгоду. Изрѣдка можно встрѣтить пастуха, играющаго на свирѣли, туриста, который любитъ красотою мѣстоположенія, или охотника. Но суровое племя горцевъ, съ ихъ народной одеждой, съ ихъ страшными клейморами, съ ихъ воинственнымъ духомъ, съ ихъ безусловной преданностью наследственному вождю, исчезло навсегда.

III.

Чтоже дѣлаетъ въ Англии государство при видѣ такого страшнаго неравенства въ распредѣленіи земныхъ благъ?

Постараемся напередъ объяснить, что такое государство и какова его задача. У насъ господствуютъ на этотъ счетъ

странные предразсудки, почему необходимо начать нѣсколько издалека.

Не станемъ распространяться о томъ, что человѣкъ въ одиночествѣ обреченъ на совершенное безсиліе и едва ли можетъ возвыситься надъ уровнемъ животныхъ. Только сообщество съ другими, увеличивая его могущество, развивая въ немъ физическія и нравственныя способности, дѣлаетъ его царемъ земли. Цѣль всякаго человѣческаго общества состоитъ слѣдовательно въ увеличеніи общаго благосостоянія, посредствомъ дружной дѣятельности членовъ. Это положительная сторона союза. Но для того, чтобы эта цѣль могла осуществиться, необходимо одно условіе: единодушіе. Если члены, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать заодно, станутъ вредить другъ другу, общество не можетъ существовать. Отсюда необходимость запрещенія вредныхъ дѣйствій. Союзъ опредѣляетъ, на что каждый изъ его членовъ имѣетъ право, и если постановленіе нарушается чѣмъ бы то ни было, общество даетъ защиту обиженному. Такимъ образомъ вторая цѣль союза есть охраненіе права внутри общества. Наконецъ существуетъ и третья цѣль: защита отъ враговъ внѣшнихъ, не принадлежащихъ къ обществу, что также можетъ быть исполнено только совокупною дѣятельностью членовъ.

Для всего этого общество должно быть вооружено принудительною силой. Если каждый членъ станетъ вредить другому вопреки предписаніямъ закона, если онъ властенъ отказать отъ содѣйствія другимъ въ достиженіи общихъ цѣлей, то союзная дѣятельность становится невозможною, общественная цѣль не достигается и общество распадается врознь. •Потому въ каждомъ обществѣ необходимо существуетъ принудительный элементъ, который приводится въ дѣйствіе, когда которая-нибудь отдѣльная часть нарушаетъ волю цѣлаго союза. Иначе люди другъ съ другомъ жить не могутъ.

Государство есть одинъ изъ видовъ общественныхъ соединеній: это постоянный союзъ цѣлаго народа. Общество, организованное какъ государство, образуетъ недѣлимую единицу, имѣющую самостоятельную дѣятельность. Последняя состоитъ въ преслѣдованіи всѣхъ трехъ означенныхъ цѣлей. Государство 1) защищается отъ внѣшнихъ враговъ совокупными силами народа, 2) оно внутри себя охраняетъ право, доставляетъ защиту каждому изъ гражданъ, 3) оно печется объ общемъ благосостояніи, имѣя въ своемъ верховномъ вѣдомствѣ тѣ общественныя интересы, которые касаются не кого-либо изъ гражданъ въ особенности, а всѣхъ въ совокупности. Для достиженія этихъ цѣлей государство имѣетъ принудительную силу. Оно издаетъ законы, опредѣляющіе права каждого, устраняетъ или наказываетъ ихъ нарушеніе, наконецъ, оно требуетъ отъ подданныхъ нѣкоторой части ихъ достоянія или даже личной дѣятельности для поддержанія тѣхъ учреждений, которыя необходимы для благосостоянія общества. Сумма этихъ правъ образуетъ верховную власть, которая представляетъ волю цѣлаго союза и можетъ быть устроена различнымъ образомъ. Она имѣетъ свои органы, съ разнообразною дѣятельностью, которыхъ назначеніе состоитъ въ исполненіи и приложеніи воли верховной власти. Такимъ образомъ общество устроивается, какъ единое цѣлое; разнообразное содержаніе общественной жизни получаетъ извѣстную форму.

Государство не обнимаетъ однакоже всей жизни соединяющихся въ немъ людей. Союзъ не только образуетъ единое цѣлое, но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ состоитъ изъ частей, которыя имѣютъ свои особенности. Рядомъ съ интересами всей совокупности лицъ существуютъ интересы отдѣльных людей и отдѣльных союзовъ, заключающихся въ общемъ союзѣ. Въ этой сферѣ проявляется все разнообразіе жизни; здѣсь господствуетъ свобода, необходимая для человѣческой дѣятель-

ности. Въ отличіе отъ государства эта область называется обществомъ въ тѣсномъ смыслѣ, или гражданскимъ обществомъ, въ противоположность политическому. Такимъ образомъ въ народномъ союзѣ государство представляетъ элементъ общій, формальный, принудительный; общество же элементъ частный, матеріальный, свободный. Оба равно необходимы въ благоустроенномъ союзѣ людей, ибо только совокупною дѣятельностью обоихъ достигается всестороннее развитіе человѣческой жизни. Отношеніе ихъ опредѣляется особенностями народовъ и движеніемъ исторіи.

Въ средніе вѣка государство не существовало. Общество не соединялось въ единый организмъ, а распадалось на отдѣльныя группы, которыя состояли другъ съ другомъ въ разнообразной связи. Частное право поглощало въ себѣ общественное; каждая личность знала только себя и свои частныя отношенія; каждый интересъ становился самъ для себя средоточіемъ и не подчинялся общей системѣ. Это былъ порядокъ вещей, въ которомъ многообразные общественные элементы не приводились къ единству высшимъ, организующимъ началомъ, а предоставлялись собственному развитію. Но такъ какъ эти элементы были противоположны, то между ними необходимы были столкновенія. Личность, не сдержанная въ законныхъ предѣлахъ государственною властью, старалась расширить свое могущество насчетъ другихъ, покоряя себѣ слабѣйшихъ и вступая въ борьбу съ равными. Отсюда господство произвола, угнетеніе слабыхъ и анархическое состояніе общества. Изъ того же источника происходили и другія черты тогдашняго порядка. Гражданская дѣятельность на общую пользу не могла въ то время цѣниться: она получаетъ значеніе, когда надъ всѣмъ властвуетъ государство, которое, подчиняя себѣ личности, возвышаетъ каждую по мѣрѣ заслугъ, оказанныхъ ею цѣлому союзу. Въ средніе вѣка, напротивъ, положеніе че-

ловѣка опредѣлялось частными проявленіями его личности. Случайныя преимущества рожденія, образа жизни, наследственныя связи имѣли несравненно большее значеніе, нежели заслуги. Далѣе самыя общественныя установленія, безъ которыхъ не можетъ существовать ни одно общество, — судъ, зачатки полиціи, военная власть, подъ вліяніемъ частнаго права, обратились въ собственность отдѣльныхъ лицъ или союзовъ; передаваясь изъ рода въ родъ, они увеличивали могущество немногихъ. Изъ всего этого происходило чрезмѣрное неравенство правъ и положеній, естественное послѣдствіе такого порядка вещей, въ которомъ исчезъ государственный элементъ. Когда люди живутъ другъ съ другомъ, они уравниваются между собою въ качествѣ членовъ единого общественнаго тѣла, въ качествѣ гражданъ, ибо по праву всѣ одинаково пользуются благами, которыя общество предлагаетъ всѣмъ равно. Возвышеніе того или другаго лица, власть, которую оно получаетъ въ обществѣ, зависитъ отъ заслугъ, которыя оно оказываетъ послѣднему; такимъ образомъ въ государственномъ союзѣ избытокъ силъ одного передъ другимъ идетъ на пользу всѣхъ. Въ частной жизни, напротивъ, люди до крайности неравны между собою, и это преимущество силъ идетъ на личную пользу каждаго. Юридическому равенству правъ соответствуетъ фактическое неравенство способностей. Поэтому, чѣмъ болѣе эти разнообразныя, жизненные, фактическіе элементы получаютъ перевѣса надъ общимъ, тѣмъ болѣе развивается въ обществѣ неравенство положеній. Последнее же, разъ установившись, имѣетъ неодолимое влеченіе къ возрастанію; ибо человѣкъ, который своимъ могуществомъ возвысился надъ остальными, тѣмъ самымъ получаетъ болѣе средствъ въ подчиненію себѣ другихъ, и эти средства онъ употребляетъ въ свою пользу. Такимъ образомъ неравенство растетъ само собою. Чтобы уничтожить это стремленіе,

чтобы понизить сильныхъ и поднять угнетенныхъ, необходимо чтобъ надъ тѣми и другими возникла высшая власть, чтобы общій элементъ, подчинивъ себѣ частные, заставилъ ихъ служить общей цѣли и привелъ ихъ къ гармоническому единству. Этотъ общій элементъ есть государство.

Возникновеніе послѣдняго изъ средневѣковаго порядка было слѣдствіемъ настоятельной потребности жизни. Въ обществѣ элементъ единства столь же существенъ, какъ и элементъ разнообразія. Каждый изъ нихъ имѣетъ свою задачу, и потому оба должны существовать рядомъ, дѣйствуя каждый въ своей области. Тамъ, гдѣ государство не устроилось, неизбѣжны произволь, анархія, неравенство, чтò и было въ средніе вѣка. Именно эти недостатки, которые проявились безконечнымъ рядомъ страшныхъ междоусобій, повели къ установленію новаго порядка вещей. Анархія разрушается сама собою: при столкновеніи множества частныхъ силъ, каждая ослабляется другою, и надъ всѣми возвышается наконецъ единая общая сила, воплощенная въ государственной власти.

Въ Англіи, какъ и на западно-европейскомъ материкѣ, эта новая эпоха развитія естественно вытекла изъ предыдущей. Но способъ образованія государства здѣсь и тамъ не былъ совершенно одинаковъ. Это различіе историческаго хода зависѣло отъ особенностей той и другой среды, отъ событій, отъ народнаго характера, наконецъ отъ самаго географическаго положенія странъ. На островахъ единокровцы естественно ближе другъ къ другу и дальше отъ чужихъ. Взаимная связь ихъ тѣснѣе, нежели на обширномъ пространствѣ материка, а между тѣмъ они не нуждаются въ слишкомъ крѣпкомъ единствѣ, ибо потребность защиты отъ внѣшнихъ враговъ для нихъ не существуетъ. Такъ было въ Англіи. На материкѣ, напротивъ, люди были болѣе разсѣяны, общество болѣе распадалось врознь, а между тѣмъ потребность соединенія была силь-

нѣе: нужно было дружною дѣятельностью отстаивать свою независимость. Оттого здѣсь государство образовалось не изъ постепеннаго сплоченія частныхъ союзовъ: общій элементъ, воздвигаясь надъ разнообразными общественными стихіями, сталъ подчинять ихъ себѣ. Но вслѣдствіе этого онъ получилъ характеръ *отвлеченный*, которымъ опредѣляется все существо того періода, который мы разсматриваемъ теперь.

Образуясь отдѣльно отъ прочихъ жизненныхъ сферъ, государство должно было устроить свой собственный организмъ, посредствомъ котораго оно могло дѣйствовать на общество. Таково было происхожденіе бюрократіи. Чиновникъ явился представителемъ государства, и вслѣдствіе этого получилъ въ обществѣ высшее значеніе. Однако прежнія средневѣковыя силы старались противодѣйствовать развитію этого новаго элемента. Отсюда борьба бюрократіи съ одной стороны съ аристократіею, которая свои частныя права противопоставала государственнымъ требованіямъ, съ другой стороны съ автономіею городовъ, которые не хотѣли сдѣлаться звеньями единой системы. У привилегированныхъ сословій и корпорацій постепенно отнимаются политическія права, которыя переносятся на общественную власть. Вѣдомство правительства растетъ, государственный организмъ расширяется и глубже и глубже проникаетъ въ жизненные отношенія гражданъ. Вслѣдствіе этого историческаго хода, могущество отдѣльныхъ лицъ и союзовъ стало слабѣть и, напротивъ, возвысилось значеніе массы. Отсюда процессъ уравниенія гражданъ, который съ такимъ упорствомъ преслѣдуется государствомъ. Оно возвышаетъ людей незнатныхъ, давая мѣсто личнымъ заслугамъ, оно раздаетъ привилегіи по собственному усмотрѣнію и уничтожаетъ несоразмѣрно-великія права подданныхъ. Всѣ граждане одинаково подчиняются общей силѣ, одинаково пользуются общими интересами, созданными государствомъ; всѣ оди-

наково получаютъ возможность, вступленіемъ въ бюрократію, сдѣлаться причастниками общественной власти. Разрозненное общество получаетъ такимъ образомъ единую организацію, одни общіе интересы; крайности сближаются, между сословіями образуется множество переходовъ, и хаотическій средне-вѣковой порядокъ сплотняется въ стройное цѣлое.

Этотъ процессъ государственной организаціи не могъ однакоже обойтись безъ насильственного подавленія прежней общественной самостоятельности. Свободное развитіе средне-вѣковыхъ стихій привело къ крайнему неравенству и къ анархіи; чтобъ установить лучшій порядокъ, надобно было въ продолженіи этого образовательнаго процесса подавить временно свободу. Отдѣльные лица и союзы, повинувшись внутреннему влеченію, пріобрѣтенному прежнею жизнью, распались врознь; надобно было насильственно подчинить ихъ общему центру. Государство въ этотъ періодъ было исходною точкой развитія, зачинателемъ всякаго движенія. Оно не слѣдовало только за потребностями общества; оно само возбуждало эти потребности; оно было образователемъ общества. Такое положеніе естественно влекло за собою сильнѣйшее, хотя и одностороннее развитіе элемента формальнаго и принудительнаго. Государство далеко заходило за предѣлы управленія общими интересами союза; оно распоряжалось всемъ, оно все общественныя силы стягивало къ единству. Такимъ образомъ оно не довольствовалось покровительствомъ Церкви, содѣйствіемъ религіознымъ потребностямъ общества: оно хотѣло дать направленіе самымъ этимъ потребностямъ, подчинить волѣ государства внутреннія права человѣческой совѣсти. Оно не довольствовалось учрежденіемъ заведеній для развитія науки и воспитанія юношества: оно хотѣло дать направленіе самой наукѣ; свобода человѣческой мысли сжималась въ тѣсную рамку для удовлетворенія государственныхъ требованій. Оно

не довольствовалось покровительствомъ торговлѣ, промышленности, установленіемъ необходимыхъ для экономической дѣятельности путей сообщенія, биржъ, учебныхъ заведеній: оно хотѣло предписать направленіе самой промышленности; оно давало образцы издѣлій, учреждало монополіи, устанавливало высокіе тарифы. Однимъ словомъ, всякая дѣятельность, общественная и частная, становилась подъ ближайшій надзоръ и попеченіе государства.

Кому не случалось со всѣхъ сторонъ слышать и читать возгласы противъ этого направленія? Обыкновенно оно представляется историческою ошибкой, уклоненіемъ отъ истиннаго пути, и безспорно аргюги можно представить противъ него неопровержимыя возраженія. Последнія бываютъ впрочемъ различныхъ родовъ. Люди, которые останавливаются на внѣшнихъ признакахъ событій, обыкновенно говорятъ о придворномъ управленіи, которое не обращаетъ вниманія на потребности народа, о бюрократическомъ деспотизмѣ, который имѣетъ въ виду только собственныя выгоды, о чрезмѣрномъ развитіи централизаціи, подавляющей всякую самостоятельную дѣятельность общества. Здѣсь крайности, злоупотребленія принимаются за самую сущность учреждений. Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что извѣстныя злоупотребленія бываютъ послѣдствіемъ извѣстной системы; очевидно и то, что крайности въ развитіи даннаго порядка вещей показываютъ его односторонность и ведутъ къ новому движенію. Но изъ этого не слѣдуетъ, что этотъ порядокъ въ свое время не имѣлъ значенія. Самыя крайности и злоупотребленія обыкновенно являются въ учрежденіяхъ уже отживающихъ свой вѣкъ. Не на нихъ слѣдуетъ останавливаться при обсужденіи историческихъ эпохъ. Потому люди, которые глубже вникаютъ въ смыслъ общественнаго развитія, дѣлаютъ возраженія другаго рода, касающіяся до самой сущности осуждаемаго направле-

нія. Они говорятъ, что общество должно развиваться естественнымъ путемъ, что не слѣдуетъ производить въ немъ искусственныя явленія прежде, нежели послѣднія возникаютъ изъ самаго развитія жизни. Таковы, между прочимъ, обыкновенныя возраженія экономистовъ. Но при этомъ забываютъ, что самое естественное развитіе жизни ведетъ иногда къ потребности искусственныхъ мѣръ. Мы слишкомъ часто склонны судить исторію на основаніи современнаго быта. Наблюдая состояніе общества уже организованнаго, мы составляемъ себѣ известное понятіе объ естественномъ развитіи, и эту мѣру мы прилагаемъ ко всеѣмъ историческимъ явленіямъ, не позаботясь освѣдомиться о томъ, подъ какими условіями они возникли. А между тѣмъ это послѣднее обстоятельство всего важнѣе для оцѣнки историческихъ эпохъ. Надобно знать, въ какой средѣ и вслѣдствіе какихъ причинъ образовалось то или другое учрежденіе, надобно помнить, что каждая эпоха имѣетъ свою задачу, нерѣдко одностороннюю, и что взаимодѣйствіе жизненныхъ элементовъ происходитъ именно изъ ихъ жизненнаго положенія. Когда общество чувствуетъ необходимость единства, гармоніи, а между тѣмъ разнообразныя его элементы не пришли еще въ надлежащее соглашеніе, тогда естественно раждается потребность установить единство искусственное. Само общество воздвигаетъ надъ собою высшую силу, которая своимъ верховнымъ могуществомъ подчиняетъ единой цѣли все тяготящія врознь стихіи, и дѣйствіемъ сверху образуетъ ту общественную гармонію, которая не могла установиться сама собою. Принудительный элементъ точно такъ же принадлежитъ къ естественнымъ проявленіямъ общественной жизни, какъ и элементъ свободы. Въ какое отношеніе одинъ становится къ другому, государство ли получаетъ направление отъ частныхъ силъ, или само оно дѣйствуетъ на нихъ образовательно — это опредѣляется внутреннимъ состо-

яніемъ общества. Въ тотъ долгій періодъ, который слѣдовалъ за средними вѣками, задача государства состояла именно въ томъ, чтобъ соединить общество въ одно тѣло, устроить въ немъ порядокъ, возбудить въ немъ дремлющія силы, создать въ немъ интересы общіе для всеѣхъ; однимъ словомъ, воспитать общество къ самостоятельности и приготовить почву, на которой внутреннія его силы могли бы развиваться свободно и гармонически.

Государство достигло своей цѣли; но вслѣдствіе этого, въ концѣ означеннаго періода положеніе его значительно измѣнилось противъ прежняго. Въ первую пору своей дѣятельности, при возрожденіи изъ средневѣковаго хаоса, оно со всеѣхъ сторонъ еще опутывалось окружающею средой. Въ то время стихіи собственно общественныя имѣли несравненно большее значеніе, нежели государство, и послѣднему нужно было употреблять величайшія усилія, чтобъ занять должное мѣсто въ союзѣ. Но чѣмъ болѣе разнообразіе подчинялось единству, чѣмъ болѣе падали вокругъ государства все стѣснявшія его преграды, тѣмъ выше становилось его значеніе, тѣмъ болѣе выступалъ тотъ отвлеченный характеръ, который оно носило въ продолженіи этого періода. Наконецъ государство осталось всемогущимъ на развалинахъ прежняго порядка; самостоятельность общественныхъ элементовъ была совершенно уничтожена.

Здѣсь опять можно спросить себя: нужно ли было идти такъ далеко? не лучше ли было остановиться на полудорогѣ, и, давши должное значеніе государству, сохранить обществу законную самостоятельность? Но опять не слѣдуетъ забывать, что и здѣсь все опредѣляется условіями той среды, въ которой движется исторія. На половинѣ дороги противогосударственный характеръ средневѣковыхъ стихій былъ ослабленъ, а не уничтоженъ: вредныя для общества привилегіи,

излишнее неравенство классовъ, произволъ сильнаго надъ слабымъ, сохранялись еще въ значительной степени. Историческая задача не была еще исполнена. Самимъ естественнымъ движеніемъ событій, самими практическими потребностями общества, государство неудержимо влеклось къ большому и большому подавленію самостоятельности средневѣковыхъ силъ. Но когда оно такимъ образомъ возвысилось насчетъ всего остального, когда передъ нимъ уже не оказалось преградъ, тогда сама собой обнаружилась односторонность этого направленія: равновѣсіе, которое прежде было нарушено въ пользу одного элемента, теперь было нарушено въ пользу другаго.

А между тѣмъ общество несравненно меньше прежняго нуждалось въ подобной опеке. Чѣмъ болѣе государство, развиваясь, проникало въ глубину жизни, тѣмъ болѣе связывались между собою различные общественные элементы; каждый занималъ въ немъ должное мѣсто, и общіе интересы становились доступными всѣмъ. Въ обществѣ, которое такимъ образомъ было устроено подъ вліяніемъ государственныхъ началъ, въ которомъ вслѣдствіе этого произошло обобщеніе правъ, мыслей, интересовъ, свободное развитіе элементовъ становилось возможнымъ, и чѣмъ болѣе послѣднее стѣснялось государствомъ, тѣмъ болѣе чувствовалась для нихъ потребность самостоятельности. Взрослому человѣку нестерпимы и губельны тѣ стѣсненія, которыя для ребенка необходимы. Вслѣдствіе долгаго воспитанія, въ обществѣ образовалась уже гармонія естественная, а потому прежнія искусственныя мѣры оказались излишними. Отсюда начинается обратный ходъ исторіи. Какъ прежде развитіе состояло въ подчиненіи государству разнообразныхъ общественныхъ силъ, такъ теперь начинается освобожденіе общества изъ-подъ государственной опеки. Но, какъ мы сказали выше, это было уже не прежнее общество, а новое, воспитанное государствомъ.

Вмѣсто разрозненности средневѣковыхъ стихій, оно представляло единое тѣло, въ которомъ сильный не могъ безнаказанно притѣснять слабого, въ которомъ, вслѣдствіе обобщенія образованія и интересовъ, возможны стали и общественное мнѣніе и гласное обсужденіе вопросовъ. Этотъ послѣдній періодъ развитія можно обозначить общимъ именемъ либерализма. Хотя это начало у различныхъ народовъ можетъ принимать своеобразныя формы, однако оно вездѣ носитъ на себѣ нѣкоторыя общія черты: признается свобода человѣческой совѣсти, свободное развитіе науки, искусства, промышленности; устанавливается гласность, какъ необходимое условіе правильнаго развитія, признается общественное мнѣніе, какъ выраженіе общественныхъ потребностей. Государство, достигнувъ высшей степени своего развитія, само видитъ, что безъ содѣйствія общественныхъ силъ, оно не въ состояніи исполнить свою задачу. И не мудрено: для полноты развитія необходимо въ союзъ присутствіе обоихъ элементовъ. Какъ скоро одинъ изъ нихъ слишкомъ перевѣшиваетъ другой, такъ непременно оказываются вредныя послѣдствія односторонняго направленія. Поэтому съ своей стороны самостоятельное развитіе общества не должно вести къ уничтоженію дѣятельности государства. Послѣднее всегда сохраняетъ свое значеніе; оно всегда остается элементомъ, который связываетъ общественное тѣло, оберегаетъ въ немъ порядокъ и управляетъ интересами, общими всему народу. Такимъ образомъ и государство и общество дѣйствуютъ каждое въ своей сферѣ, предоставляя другъ другу необходимую для благоденствія союза степень самостоятельности. Признакъ зрѣлости общественнаго развитія состоитъ въ томъ, что каждый элементъ не старается уже притянуть къ себѣ какъ можно болѣе силы, но, дѣйствуя самостоятельно въ своей области, сознаетъ свои границы, умѣ-

еть воздержаться въ законныхъ предѣлахъ и предоставляетъ другимъ принадлежащее имъ мѣсто въ общемъ союзѣ.

Таковъ былъ, въ существенныхъ чертахъ, ходъ развитія государствъ на европейскомъ материкѣ. Въ Англіи мы видимъ то же самое, хотя и съ нѣкоторыми особенностями, которыя еще яснѣе покажутъ намъ различныя стороны историческаго процесса новаго времени. Въ Англіи, такъ же какъ и на материкѣ, средневѣковыя силы разрушались собственнымъ анархическимъ броженіемъ. Это окончательно совершилось въ войнахъ Алой и Бѣлой розы. На развалинахъ стараго порядка возникло самовластіе Тюдоровъ и Стюартовъ, эпоха блистательная, которая дала Англіи одно изъ славнѣйшихъ царствованій — правленіе королевы Елисаветы, и которая произвела величайшихъ ея людей въ наукѣ и искусствѣ — Шекспира и Бакона. Однако здѣсь государство никогда не приобрѣтало такой неограниченной власти, какъ на материкѣ. Англійское общество всегда сохраняло нѣкоторую степень самостоятельности. Различныя его элементы, и прежде уже тѣснѣе связанные между собой, нежели въ другихъ странахъ, скрѣпились еще болѣе подъ вліяніемъ государственнаго порядка. вмѣсто анархической дѣятельности, вмѣсто противоборствующихъ требованій, они могли королевской власти противопоставить дружныя силы. Борьба кончилась торжествомъ общественныхъ элементовъ. Соединеніе сословій, парламентъ, сталъ во главѣ государства. Это было возстановленіе старинной англійской конституціи, въ которой королевская власть ограничивалась представителями народа. Однако, не смотря на сохраненіе старыхъ формъ, въ ней произошли перемѣны, которыя приспособили ее къ новымъ государственнымъ требованіямъ. Прежнія средневѣковыя гарантіи противъ произвола состояли главнымъ образомъ въ правѣ cadaго отстаивать себя вооруженною рукой. Отсюда общественная анархія. Те-

перь подобный порядокъ слѣдлался невозможнымъ; государственная власть развилась до такой степени, что отдѣльныя лица не могли уже ей сопротивляться: надобно было установить гарантіи общественныя, и это совершилось перенесеніемъ значительной части королевскихъ правъ на парламентъ. Мало того: чтобъ возстановить въ новой формѣ старинныя свои учрежденія, англійскій народъ долженъ былъ пройти чрезъ коренной переворотъ въ самыхъ основныхъ своихъ вѣрованіяхъ, онъ долженъ былъ весь измѣниться нравственно; однимъ словомъ, новый конституціонный порядокъ возможенъ былъ только вслѣдствіе реформаціи.

Изъ всѣхъ историческихъ народовъ нѣтъ ни одного, который бы въ новое время не испыталъ на себѣ крутаго перелома въ той или другой жизненной области. Франція, подвергаясь многообразнымъ политическимъ перемѣнамъ, сохранила доселѣ старинную свою религію; Англія, которая осталась вѣрна стариннымъ учрежденіямъ, перемѣнила свою вѣру. Любопытно при этомъ, что именно та чисто національная форма, которую приняла въ Англіи реформація, менѣе всего благоприятствовала свободнымъ учрежденіямъ; извѣстно, что англиканская церковь постоянно поддерживала неограниченную власть королей. Старинныя права народа нашли себѣ защитника въ другомъ протестантскомъ элементѣ, въ элементѣ пришломъ, который не могъ пустить въ Англіи слишкомъ глубокаго корня. Кальвинисты, послѣдователи французскаго реформатора, вынесли на своихъ плечахъ древнюю конституцію Англіи. Но это было только орудіе, которое, исполнивъ свое назначеніе, сошло съ политическаго поприща; это была крайность, которая служила для уничтоженія другой. Побѣдителемъ изъ этой борьбы вышелъ чисто туземный элементъ — аристократія, отчасти впрочемъ уже заразившаяся духомъ пуританства.

Замѣчательны при этомъ переходы борьбы. Тѣ историкѣ и публицисты, которые обращаютъ главное вниманіе на современную жизнь, обыкновенно упрекаютъ Французовъ въ легкомысліи, съ которымъ они мѣняютъ свои политическія формы; этой измѣнчивости противопоставляютъ мѣрный ходъ Англіи, которая съ величайшею осторожностью касается древнихъ своихъ учреждений. Въ этомъ упрекѣ есть конечно доля справедливости, но съ другой стороны нельзя не вспомнить, что въ XVII вѣкѣ Англія подвергалась такимъ же перемѣнамъ, какъ Франція въ концѣ XVIII и въ XIX. Въ самомъ дѣлѣ, если мы оставимъ въ сторонѣ послѣднюю французскую революцію и ея послѣдствія, то сходство будетъ поразительное. И здѣсь и тамъ рядъ переворотовъ начинается революціей, которая, возбуждая страшныя междоусобія, ведетъ къ уничтоженію всего стараго порядка. И здѣсь и тамъ король падаетъ жертвою враждебной партіи, провозглашается республика, за тѣмъ представители народа разгоняются войскомъ, и властителемъ страны является геніальный полководецъ. Въ обоихъ государствахъ эта демократическая диктатура смѣняется восстановленіемъ стараго порядка, который длится въ теченіи двухъ царствованій. Первое, болѣе мягкое, умѣетъ принаравливаться къ потребностямъ, возникшимъ изъ переворота; второе, болѣе крутое, возбуждаетъ противъ себя всеобщее негодованіе и вслѣдствіе того новую революцію. Возстановленная династія, потерявъ опору въ народѣ, падаетъ безъ борьбы, безъ междоусобій, и на мѣстѣ ея возникаетъ другая, которая царствуетъ въ либеральномъ духѣ. До сихъ поръ общее историческое движеніе совершенно одинаково; все различіе состоитъ въ томъ, что Франція въ продолженіе этого времени вела съ сосѣдями постоянную борьбу, которая осложняла отношенія, Англія же всѣ эти перемѣны переработала внутри себя. Въ послѣдней, кромѣ того, къ политическому

движенію примѣшивается и религіозное, которое было еще столь сильно въ XVII вѣкѣ. Но на второй революціи останавливается сходство. Англія съ этихъ поръ вступила въ свойственный ей порядокъ жизни и потому развивается правильно и мирно. Во Франціи же владычество богатаго класса, которое установилось переворотомъ 1830 года, не соответствовало свойствамъ народнаго духа. Французскій народъ вынесъ изъ своей исторіи неодолимое стремленіе къ демократіи; отсюда новая революція и новая диктатура.

Кромѣ того, въ Англіи всѣ эти перевороты совершились гораздо ранѣе. Она почти на полтора столѣтія опередила своихъ сосѣдей, и это сообщило особенный характеръ ея государственному развитію. Отсюда вытекаютъ достоинства и недостатки ея учреждений. Мы сказали уже, что раннее установленіе парламентскаго владычества произошло вслѣдствіе прочнаго союза средневѣковыхъ общественныхъ силъ. Сліяніе сословій всего рѣзче обозначилось въ составѣ парламента, гдѣ низшее дворянство вступило въ одну камеру съ представителями городовъ. Дворянство раздѣлилось такимъ образомъ на двѣ части: высшее сомкнулось въ аристократію, низшее (gentry) образовало главный составъ средняго сословія. Но вслѣдствіе этого тѣснаго соединенія съ другими оно заняло вездѣ главныя мѣста и осталось первенствующимъ элементомъ въ государствѣ. Въ другихъ европейскихъ странахъ этого не могло случиться, ибо сословія оставались постоянно раздѣленными. Особенно важно здѣсь образованіе могущественнаго средняго сословія, которое въ государственномъ порядкѣ составляетъ связующее звено. Оно придало значеніе нижней палатѣ, гдѣ въ новое время рѣшаются важнѣйшіе государственные вопросы. Но такъ какъ главную роль играетъ здѣсь низшее дворянство, которое составляетъ какъ бы отдѣленіе аристократіи, такъ какъ самые представители нерѣдко

избираются по назначенію лордовъ, такъ какъ наконецъ и предводители партій обыкновенно выходятъ изъ высшаго сословія, то аристократія прямо или косвенно остается правительницей народа. Вступивъ въ союзъ съ прочими сословіями, она заняла здѣсь то мѣсто, которое въ другихъ странахъ принадлежало бюрократіи. Вельможа и чиновникъ — вотъ два образователя новаго государственнаго устройства; каждый наложилъ свою печать на созданный имъ порядокъ. Потому тѣ западные публицисты, которые ратуютъ противъ бюрократіи, обыкновенно склоняются на сторону вельможества. У насъ еще многіе имѣютъ наивность думать, что можно было обойтись безъ того и другаго.

Такимъ образомъ въ государствахъ западно-европейскаго материка общественная самостоятельность явилась уже въ то время, когда средневѣковой порядокъ потерялъ свою силу; въ Англіи, напротивъ, сословія стали во главѣ правленія, когда они еще въ значительной степени сохраняли свой средневѣковой характеръ. Отсюда въ Англіи раннее развитіе политической свободы со всѣми ея послѣдствіями: гласностью, общественнымъ мнѣніемъ, печатнымъ обсужденіемъ политическихъ вопросовъ. Отсюда та личная независимость, которая Англичанину обезпечивается закономъ, охраняющимъ его отъ произвола; отсюда наконецъ тотъ практическій смыслъ, который дается народу участіемъ въ общественныхъ дѣлахъ. Но вслѣдствіе тѣхъ же причинъ въ Англіи болѣе нежели гдѣ-либо сохранилось неравенство со всѣми его невыгодами. Оно коренится въ остаткахъ средневѣковыхъ учрежденій и усугубляется слабымъ развитіемъ государственнаго начала. Тѣ общественные интересы, которые, находясь въ управленіи государства, составляютъ достояніе всѣхъ, сосредоточиваясь въ частныхъ рукахъ, обращаются въ выгоду немногихъ. Отсюда необыкновенное развитіе монополій. Можно сказать,

что въ Англіи все государственное управленіе составляетъ монополію землевладѣльцевъ и корпорацій. То единство, которое въ другихъ странахъ сообщается ему централизаціей, въ Англіи проистекаетъ изъ крѣпости аристократическаго духа. Каждый лордъ имѣетъ неограниченное вліяніе на свой округъ, а между тѣмъ онъ является членомъ верховной палаты, въ которой цѣлое сословіе соединяется для охраненія существующаго порядка. Всѣ чиновники графствъ берутся изъ мѣстныхъ богатыхъ землевладѣльцевъ и назначаются министерствомъ, то-есть опять же аристократіей. Такимъ же способомъ опредѣляются и судьи, а извѣстно, какую роль они играютъ въ Англіи. Наконецъ и въ промышленномъ мірѣ слабое развитіе государственнаго начала ведетъ къ громаднымъ монополіямъ: таковы Остъ-Индская компанія и Англійскій банкъ. Послѣдній, какъ мы сказали, заправляя обращеніемъ денежныхъ цѣнностей во всей странѣ, есть вмѣстѣ съ тѣмъ кассиръ государства. Между тѣмъ правительство не считаетъ нужнымъ взять въ свои руки это державное право. «Прибыль, которая необходимо проистекаетъ изъ обращенія денегъ», говорилъ въ 1844 году сэръ Робертъ Пиль, «должна ли принадлежать правительству, или оставаться въ рукахъ частной компаніи? Единственная выгода правительственнаго банка, которую я могъ открыть, въ сравненіи съ банкомъ, находящимся въ управленіи компаніи, состоитъ въ томъ, что первый находится въ вѣдомствѣ отвѣтственныхъ директоровъ, и весь барышъ получается отъ него публикой. Но съ другой стороны эта выгода, какъ мнѣ кажется, слишкомъ перевѣшивается политической опасностью, которая можетъ произойти, если банкъ будетъ поставленъ подъ управленіе правительства. Я думаю, что контроль денежнаго обращенія въ рукахъ государства будетъ имѣть самыя вредныя послѣдствія.»

Вообще до послѣдней четверти столѣтія государство устра-

нялось по возможности отъ участія въ общественныхъ дѣлахъ. Правда, еще во времена Тюдоровъ правительство издавало иногда самыя стѣснительныя для промышленности постановленія, опредѣляя на примѣръ количество высѣваемого льна, ограничивая число овецъ въ каждой фермѣ, выдавая обязательные образцы мануфактурныхъ издѣлій, и т. п. Но подъ владычествомъ парламента эта система постепенно пришла въ упадокъ и общество было предоставлено самому себѣ. Не только устройство городовъ, путей сообщенія, пожарныхъ инструментовъ, но и самое преслѣдованіе преступленій осталось на рукахъ частныхъ лицъ и компаній. Такимъ образомъ, самыя значительныя общественныя предпріятія, составляя монополію немногихъ, еще болѣе увеличивали неравенство. Бѣдному, слабому не было доступа къ выгодамъ общежитія, ибо частная дѣятельность естественно влечется туда, гдѣ можно получить наиболѣе прибыли. Только въ Англіи можно было сказать, что бѣдняку нѣтъ мѣста на пиру природы. Законъ давалъ каждому Англичанину юридическія гарантіи противъ правительственнаго произвола, но за тѣмъ онъ предоставлялъ его собственнымъ силамъ. Если онъ оказывались недостаточными для огражденія лица, если частныя стѣсненія и общественное неравенство ввергали человѣка въ самое жалкое положеніе, общество оставалось спокойнымъ и въ крайнихъ случаяхъ ограничивалось милостыней.

Можно удивляться, какимъ образомъ этотъ порядокъ вещей могъ существовать такъ долго и сохранять притомъ такую прочность; какимъ образомъ обдѣленные благами жизни сословія не старались занять болѣе выгодное положеніе въ обществѣ? Дѣло въ томъ, что Англія имѣла въ рукахъ два могущественныя орудія для поправленія своихъ недостатковъ, два клапана, которые давали исходъ накопившемуся неудовольствію, именно: колонизацію и законъ о бѣдныхъ.

Въ Англіи, членъ низшаго сословія осужденъ былъ стоять на самой крайней ступени общественной лѣстницы; онъ чувствовалъ себя утѣсненнымъ и не находилъ защитника въ государственной власти. Но стоило ему перешагнуть черезъ проливъ — и здѣсь онъ немедленно вступалъ въ ряды сословія владычествующаго; онъ видѣлъ подъ собой толпы угнетенныхъ Ирландцевъ, которыхъ онъ презиралъ всею силой души, привыкшей къ презрѣнію неравныхъ. Онъ могъ ѣхать въ Остъ-Индію, и тамъ ему открывался доступъ къ безцѣннымъ сокровищамъ; тамъ передъ нимъ пресмыкались милліоны людей, съ которыми онъ обращался какъ съ собаками. Такимъ образомъ на низшихъ, на людяхъ другой породы, вымѣщалось все то высокоуміе, вся та несправедливость, которая Англичанинъ испытывалъ отъ высшихъ. Въ своемъ отечествѣ онъ раболѣпствовалъ передъ лордомъ, но относительно остальнаго человѣческаго рода онъ считалъ себя аристократомъ и дорожилъ и гордился тѣмъ порядкомъ вещей, который доставлялъ ему это значеніе. Конечно, были энергическія натуры, которыя не могли ужиться въ такомъ порядкѣ, которыя не удовлетворялись возможностью вымѣщать на другихъ собственныя обиды; но имъ былъ другой исходъ: они отправлялись въ Америку, заселяли пустынные страны, гдѣ не знали надъ собой другихъ владыкъ, кромѣ ими же выбранной власти. Можно сказать, что Англія выслала въ Соединенные Штаты все то народонаселеніе, которому было тѣсно въ отечествѣ, которое было одержимо демократическимъ духомъ и могло произвести потрясенія въ государствѣ.

Отсюда та необыкновенная сила колонизаціи, которою ода-ренъ англійскій народъ. Энергія мощнаго племени, стѣсненная внутри государства, обращается на внѣшнюю дѣятельность и вездѣ стремится къ преобладанію. На этомъ основаны вся промышленность, вся политика Англіи: это необходимое усло-

віе для сохраненія въ ней общественнаго порядка. Англійскіе мануфактуристы разсчитываютъ свое производство не столько на внутренній, сколько на внѣшній сбытъ. Цѣль ихъ—дешевизной произведеній побѣдить своихъ соперниковъ на всѣхъ рынкахъ міра. Но влѣдствіе этого они должны по возможности понижать заработную плату, и при малѣйшемъ кризисѣ вся страна подвергается страшнымъ бѣдствіямъ. Изъ тѣхъ же стремленій проистекаютъ и торговые трактаты, въ которыхъ Англія беретъ себѣ львиную часть: Португалію она сдѣлала своимъ торговымъ вассаломъ, Китайцевъ она заставила покупать у себя опиумъ. Отсюда наконецъ и та своекорыстная политика, которая никогда не имѣетъ въ виду общей пользы, которая вездѣ старается устранить чужую прибыль и завоевать себѣ исключительныя выгоды или преобладаніе. Стѣдуетъ вспомнить о тѣхъ препятствіяхъ, которыя въ настоящее время Англія полагаетъ прорытію Суэзскаго перешейка. Многіе писатели, которые восхищаются внутреннимъ устройствомъ Англіи, въ то же время негодуютъ на внѣшнюю ея политику. Таково, между прочимъ, мнѣніе графа Манталамбера. Они не видятъ, что обѣ эти стороны тѣсно связаны между собой, что внѣшняя политика проистекаетъ именно изъ тѣхъ потребностей, которыя зараждаются внутреннимъ бытомъ.

Однако внѣшнее преобладаніе не въ состояніи было залѣчить всѣ раны англійскаго общества; нужно было другое внутреннее врачеваніе. Оно было найдено въ законахъ о бѣдныхъ. Вездѣ государство обязываетъ общины помогать своимъ обѣднѣвшимъ членамъ, но нигдѣ эти подаянія не достигли такихъ громаднхъ размѣровъ, какъ въ Англіи. Это одно обстоятельство указываетъ намъ на недостатки общественной системы. Отказавшись отъ дѣятельнаго управленія общественными дѣлами, государство должно было возвращать подданнымъ въ видѣ милостыни то, что оно отнимало у всѣхъ своею косностью.

Вознагражденіе было однако плохое: подаяніе унижаетъ чело-вѣка и ставитъ его въ зависимое положеніе, тогда какъ законное пользованіе правомъ, напротивъ, возвышаетъ его достоинство и благосостояніе. Выше мы видѣли, въ какомъ бѣдственномъ и угнетенномъ положеніи находились дѣти бѣдныхъ, содержимыхъ приходами. Отцы страдали не менѣе сыновей. Нищенство возрастало съ умноженіемъ народонаселенія. Съ тѣмъ вмѣстѣ росла въ ужасающей прогрессіи и ежегодная сумма подаяній, а между тѣмъ зло нисколько не убавлялось. Наконецъ государство должно было вмѣшаться въ это дѣло. Условія приема, способы содержанія пользующихся милостыней, были опредѣлены закономъ; общественная благотворительность была поставлена подъ непосредственный надзоръ правительства. Въ этомъ выразилось то направленіе, которое приняло англійское законодательство въ послѣднюю четверть столѣтія. Безвыходность прежняго порядка заставила его прибѣгнуть къ усиленію государственной дѣятельности.

Такія же послѣдствія имѣло и промышленное развитіе новаго времени. Мы сказали уже, что съ конца прошедшаго столѣтія села стали пустѣть и народонаселеніе сосредоточилось въ городахъ. Такое перемѣщеніе общественныхъ элементовъ измѣнило прежнія ихъ отношенія и вмѣстѣ съ тѣмъ породило потребность инаго порядка. Аристократія, состоящая изъ землевладѣльцевъ, могла держаться во главѣ государства, пока сельскіе жители составляли большинство гражданъ; но когда три четверти народонаселенія живетъ въ городахъ, вельможа естественно долженъ потерять прежнее свое значеніе. Власть, которою онъ облеченъ, мало-по-малу переходитъ къ чиновнику, представителю государства. Невозможно стало сохранить и прежнія замкнутыя корпораціи, которыя управляли городами; прочее народонаселеніе сдѣлалось слишкомъ многи-

сленнымъ, и не могло ужиться въ старыхъ учрежденіяхъ. Наконецъ это скопленіе людей въ большихъ центрахъ установило новый порядокъ жизни, который требуетъ новыхъ опредѣленій. Всѣ прежнія отношенія расшатались; люди не сдерживаются болѣе обычными связями, которыя передаются изъ рода въ родъ; рабочее народонаселеніе переносится съ одного мѣста на другое, гоняясь за выгодной работой; многолюдные города представляютъ беспорядочную массу людей, которая не рѣдко впадаетъ въ самое бѣдственное положеніе и постоянно требуетъ бдительнаго надзора. Бѣдлая близость людей другъ къ другу, возбужденіе новыхъ потребностей и стремленій, самое чрезмѣрное напряженіе силъ, которое составляетъ одинъ изъ признаковъ современной промышленности — все это осложнило общественныя отношенія и породило развитіе зла, какого не бывало прежде. Мы видѣли страшное умноженіе страданій, порока, преступленій. Новый порядокъ вещей, чтобы придти къ гармоническому устройству, очевидно требуетъ бѣдшаго нежели прежде вмѣшательства закона, большей дѣятельности правительства.

Тѣ же явленія, въ меньшихъ размѣрахъ, повторяются въ каждой области. Англійскія общины, по примѣру государства, привыкли дѣйствовать какъ можно менѣе; онѣ любятъ предоставлять все частной предпріимчивости. Этою беззаботностью онѣ рѣзко отличаются отъ общинъ французскихъ. Послѣднія непрерывно заняты предпріятіями для устройства и улучшенія городовъ, вслѣдствіе чего государство должно ставить ихъ подъ свой контроль и воздерживать излишнюю ихъ дѣятельность. Англійскія общины, напротивъ того, даже когда обладаютъ значительными средствами, употребляютъ ихъ большею частью на чисто административные расходы; отсюда то ужасное состояніе бѣдныхъ кварталовъ, о которомъ мы говорили выше. Государство должно всѣми силами побуждать общин-

ныя власти къ дѣятельности, и не смотря на то, оно съ трудомъ добивается исполненія своихъ предписаній. Отсюда въ новѣйшемъ англійскомъ законодательствѣ значительное усиленіе централизаціи.

Однимъ словомъ, тогда какъ въ государствахъ европейскаго материка чувствуется потребность ослабить излишнее развитіе администраціи, уничтожающее самостоятельность общества, въ Англии, напротивъ того, нужно усилить дѣятельность государства, которая, вслѣдствіе предыдущаго историческаго развитія, была слишкомъ слаба. Односторонность каждаго изъ этихъ направленій проявляется въ практическихъ неудобствахъ, и самое теченіе жизни ведетъ къ необходимости восполнить существующій недостатокъ, чтобы возвратить общественному развитію надлежащую полноту.

Бросимъ взглядъ на главныя постановленія англійскаго законодательства, въ которыхъ выразилось новое направленіе.

IV.

Мы видѣли выше несчастное положеніе рабочаго класса въ городахъ — бѣдность его жилищъ, зараженный воздухъ, которымъ онъ дышетъ, заброшенное состояніе обитаемыхъ имъ кварталовъ. Эти обстоятельства наконецъ обратили на себя вниманіе государственныхъ людей Англии. Частная предпріимчивость, общинная дѣятельность явно были недостаточны для уничтоженія зла; парламентъ самъ долженъ былъ приняться за дѣло. 9-го августа 1844-го года изданъ былъ первый законъ по этому поводу; онъ касался только столицы и назывался актомъ о столичныхъ зданіяхъ (metropolitan buildings-act). Въ немъ было постановлено, чтобы впредь ширина улицъ была не менѣе 40 англійскихъ футовъ, ширина пере-

улковъ не менѣе 20, пространство заднихъ дворовъ не менѣе 100 кв. футовъ. Высота домовъ не должна превосходить ширину улицъ и переулковъ. Вездѣ должны быть устроены дождевыя трубы и стоки, связанные съ цѣлою системой городского осушенія. Запрещено отдавать внаймы подземныя комнаты и подвалы, если нѣтъ въ нихъ камина и если окно въ 9 кв. футовъ пространства не выходитъ на открытое мѣсто, имѣющее до самой вышины улицы не менѣе пяти футовъ длины на два съ половиною ширины. Наконецъ предписаны разныя правила для устройства заведеній, могущихъ вредно дѣйствовать на здоровье или угрожающихъ опасностью сосѣднимъ кварталамъ. Для приведенія въ дѣйствіе этихъ предписаній учреждена особенная столичная строительная коммиссія (metropolitan buildings-commission), изъ трехъ членовъ, назначаемыхъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Она имѣетъ въ своемъ вѣдомствѣ инспекторовъ по отдѣльнымъ округамъ столицы.

Замѣтимъ, что въ то время даже французское законодательство не заходило такъ далеко въ своихъ предписаніяхъ: опредѣливъ ширину улицъ и высоту домовъ, оно предоставляло задніе дворы произволу владѣльцевъ.

Но это былъ только первый шагъ. 31 августа 1845-го года издано было гораздо болѣе обширное законоположеніе, которое распространялось на всю Англію. Мы говоримъ о такъ называемомъ Актѣ о народномъ здоровіи (Public health act или Board of health act). Онъ приводится въ исполненіе либо по желанію жителей, тамъ, гдѣ этого требуетъ десятая часть народонаселенія, платящаго подать въ пользу бѣдныхъ, либо въ силу закона, тамъ, гдѣ ежегодная смертность доходитъ до 33 жителей на 1000. Здѣсь соображены все обстоятельства, нужныя для сохраненія чистоты и здоровья, и предписаны подробныя правила относительно устройства и содержанія улицъ, стоковъ, помойныхъ ямъ, отхожихъ мѣсть, скла-

довъ для нечистотъ. На всякій кварталъ возложена обязанность мостить, содержать и освѣщать улицы, устраивать стоки, проводить воду, что прежде въ бѣдныхъ частяхъ города обыкновенно предоставлялось на волю домовладѣльцамъ. И здѣсь, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, законодательство не ограничилось предписаніями: для управленія этой частью устроена цѣлая отдѣльная администрація. Въ каждой мѣстности или въ округѣ учрежденъ комитетъ здоровья (Board of health), и все они подчинены центральному комитету, который завѣдуетъ этою отраслью по всей Англіи. Подъ вѣдомствомъ его находятся надзирающіе инспекторы, которые употребляются для объѣздовъ и для надзора за исполненіемъ закона въ областяхъ. Все это устанавливается, говоритъ законъ, «потому, что болѣе дѣйствительныя мѣры должны быть приняты къ улучшенію нужныхъ для здоровья условій въ городахъ и многочисленныхъ стеченіяхъ народа въ Англіи, и необходимо, чтобы водопроводы, осушеніе, стоки, чистка и моченіе означенныхъ городовъ находились по возможности подъ однимъ контролемъ и подлежали одному общему надзору».

Въ послѣдствіи эти акты были дополнены новыми законоположеніями: законъ 4-го сентября 1848-го утвердилъ права столичной коммиссіи сточныхъ трубъ (metropolitan commission of Sewers), съ самою обширною административною властью не только относительно улицъ и стоковъ, но и относительно надзора за частными домами; законъ 24 іюня 1851 предписалъ правила для хорошаго содержанія отдающихся въ наймы домовъ; законъ, изданный въ іюнѣ тогожь года, облекъ министра внутреннихъ дѣлъ новою властью для лучшаго устройства лондонскихъ кладбищъ; законъ 20 августа 1852 предписалъ всемъ владѣльцамъ домовъ, фабрикъ и пароходовъ въ столицѣ имѣть у себя дымогарныя печи, чтобъ дымъ не распространялся по городу.

Въ томъ же направленіи пересматривались и законы о бѣдныхъ. Выше мы видѣли, что преобразование ихъ послѣдовало въ 1834 (Poor-law-act 14 августа 1834). Въ послѣдствіи это постановленіе было дополнено нѣсколькими другими. Всѣ они имѣли цѣлью положить предѣлъ безпутному управленію общественною благотворительностью, которое, находясь въ рукахъ общинныхъ властей, разрозненныхъ, своекорыстныхъ, часто страдающихъ недостаткомъ средствъ и образованія, представляло жалкую картину административной безурядицы и увеличивало зло вмѣсто того, чтобы его уменьшить. Такой порядокъ нельзя было измѣнить иначе, какъ сильнымъ вмѣшательствомъ верховной правительственной власти. Новый законъ имѣлъ въ виду сдѣлать положеніе бѣднаго, получающаго вспоможеніе отъ прихода, на столько тяжелымъ, чтобъ здоровый работникъ не имѣлъ попользованія бросить свое занятіе и питаться подаеніемъ. Съ этою цѣлью постановлены были строгія правила для приѣма и работъ, подробно опредѣлено устройство домовъ для бѣдныхъ, наконецъ учреждена особая администрація по этой части. Отдѣльные приходы, по распоряженію правительства, соединяются въ округа; жители, платящіе подать на бѣдныхъ, раздѣляются на классы и выбираютъ изъ себя членовъ окружнаго правленія (Board of guardians), къ которымъ присоединяются мѣстные мирные судьи. Высшее управленіе съ 1834-го г. состояло въ рукахъ министра внутреннихъ дѣлъ; но въ 1847-мъ г. учреждена особая центральная коммиссія (Poor-law-board), состоящая изъ четырехъ министровъ и нѣсколькихъ комиссаровъ. Она обязана наблюдать за исполненіемъ закона, контролировать дѣйствія мѣстныхъ властей, она разрѣшаетъ споры и недоумѣнія, ревизуетъ счета, устанавливаетъ округа, предписываетъ правила для постройки и содержанія домовъ, наконецъ учреждаетъ новыя заведенія даже безъ согласія мѣстныхъ жите-

лей, если издержки не превышаютъ одной десятой ежегодной суммы подати. Въ случаѣ недоумѣній окружныя правленія охотнѣе обращаются къ коммиссіи, нежели къ судамъ, потому что въ первой дѣлопроизводство быстрѣе и дешевле. Коммиссія опредѣляетъ 12 инспекторовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ подъ своимъ надзоромъ отъ 40 до 75 округовъ. Кроме того существуетъ еще 50 счетчиковъ, которые выбираются окружными правленіями, но получаютъ жалованье отъ правительства и могутъ быть отставляемы центральной коммиссіей.

Въ 1853 г. учреждено было новое управленіе и для другихъ благотворительныхъ заведеній. До того времени ими заведывали общинныя власти; актомъ 20-го августа (charitable trusts-bill), управленіе вручено благотворительной коммиссіи (charity commission), состоящей изъ трехъ комиссаровъ, которые назначаются лордомъ-канцлеромъ; имъ подчинены два инспектора. Этимъ новымъ администраторамъ предоставлены обширныя права: они имѣютъ ближайшій надзоръ за всѣми благотворительными заведеніями Англіи, требуютъ отчетовъ, даютъ совѣты, издають правила, наблюдаютъ за тяжбами, сами иногда вчинають иски, отставляютъ управителей, наконецъ они могутъ даже уничтожать и измѣнять первоначальныя распоряженія основателей заведеній, если эти распоряженія противорѣчатъ новымъ потребностямъ. Особенному управленію подлежатъ сумашедшіе дома. Вслѣдствіе страшныхъ злоупотребленій установлено для надзора за ними 11 комиссаровъ, commissioners in lunacy, подъ вѣдомствомъ лорда-канцлера. Кроме того, для освидѣтельствованія сумашедшихъ существуютъ два masters in lunacy и пять visitors of lunatics, всѣ также назначаемые лордомъ-канцлеромъ.

Бѣдности можно пособить не только подаеніемъ, но и эмиграціей. Англійское законодательство обратило вниманіе и на

эту сторону дѣла. Въ 1831-мъ году парламентъ разрѣшилъ министерству дѣлать ссуды эмигрантамъ изъ нѣкоторыхъ бѣдныхъ округовъ Шотландіи. Въ то же время учреждена коммиссія для общаго разсмотрѣнія этого вопроса. Послѣ нѣкоторыхъ измѣненій она получила окончательное устройство въ 1847, подъ именемъ коммиссіи для колониальныхъ земель и эмиграціи (*colonial land and emigration commission*). Она состоитъ изъ президента и двухъ комиссаровъ съ канцеляріей, которымъ подчинены до 25 мѣстныхъ чиновниковъ. Обязанность ихъ состоитъ въ содѣйствіи эмиграціи, въ наблюденіи за исполненіемъ законныхъ правилъ при перевозѣ пассажировъ, наконецъ въ завѣдываніи продажей и отдачей въ наемъ казенныхъ колониальныхъ земель въ тѣхъ мѣстахъ, куда выселяются эмигранты. Не говоримъ объ Ирландіи, гдѣ послѣ голода 1846 г., англійское правительство истратило до 10 милліоновъ ф. ст. на общественныя работы, на разныя вспоможенія и на отправленіе выходцевъ.

Таковы законы, изданные въ пользу бѣдныхъ и безпомощныхъ. Не менѣе замѣчательны постановленія, вызванныя умноженіемъ преступленій. Здѣсь мы увидимъ значительное расширеніе полицейской дѣятельности государства. До 1829-го года въ Англіи, можно сказать, почти вовсе не было полиціи. Только въ городахъ многочисленныя и разрозненныя приходы содержали каждый по нѣскольку несчастныхъ сторожей (*watchmen*), которые служили посмѣшищемъ ворами и разбойникамъ. Слабая и разъединенная полиція была почти не въ состояніи открыть преступленіе; уже частныя компаніи должны были брать на себя эти обязанности, чтобы сохранить въ нѣкоторой степени общественный порядокъ. Мы видѣли выше, какія отвратительныя сцены происходили въ то время на лондонскихъ улицахъ; честная женщина не могла вечеромъ выходить изъ дому. Такое положеніе вещей невозможно было

терпѣть; оно настоятельно требовало исправленія. Однако преобразованія подвигались медленно. Въ 1829 сэръ Робертъ Пиль предложилъ билль, который былъ принятъ парламентомъ и перешелъ въ законъ (*metropolitan police-act 19 июня 1829 г.*). Имъ вводилось новое устройство въ лондонской полиціи. За исключеніемъ Сити, на который это учрежденіе было распространено въ 1839 г., весь Лондонъ былъ подчиненъ одному полицейскому вѣдомству. Помимо всѣхъ приходскихъ очертаній, городъ былъ раздѣленъ на 18 округовъ, каждый округъ на 8 кварталовъ, каждый кварталъ на 8 обходовъ. Во главѣ всей полиціи былъ поставленъ надзирающій суперъ-интендантъ (*inspecting-superintendent*); ему подчинены 18 суперъ-интендантовъ, одинъ для cadaго округа. Послѣдніе имѣютъ подъ начальствомъ 125 инспекторовъ, съ ротами, состоящими изъ сержантовъ и констаблей. Одинъ изъ инспекторовъ постоянно обходитъ свой округъ, а констабль свой рундъ. Въ настоящее время, вмѣсто надзирающаго суперъ-интенданта, во главѣ полиціи стоятъ три комиссара съ канцеляріей. Всѣ чиновники, за исключеніемъ констаблей, назначаются министромъ внутреннихъ дѣлъ, констабли же опредѣляются комиссарами. Наконецъ ко всему этому присоединяются особенныя, назначаемыя министромъ внутреннихъ дѣлъ и состоящія на жалованьи у правительства, полицейскіе судьи, которые замѣняютъ прежнихъ мирныхъ судей. Послѣдствіемъ этого устройства было значительное уменьшеніе преступленій въ столицѣ, почему оно постепенно стало вводиться и въ другіе города и отчасти даже и въ села. Къ несчастью однако до сихъ поръ еще многіе округи остаются безъ всякой почти полиціи, вслѣдствіе чего значительная часть преступниковъ выселилась изъ городовъ въ деревни.

Новое устройство городской полиціи въ Англіи оказалось до такой степени успѣшнымъ, что самая Франція въ 1852 г.

ввела его у себя; императоръ нарочно посылалъ изучать устройство лондонской полиціи, чтобы по этому образцу преобразовать парижскую. Еще замѣчательнѣе то, что полиція въ Англіи пользуется значительною популярностью. «Обязанная пресѣкать преступленія», говоритъ Леонъ Фоше, «и оберегать честныхъ гражданъ, хранительница ихъ личности и собственности, она считается настоящею магистратурой. Народъ вездѣ ее уважаетъ; въ нѣкоторыхъ городахъ это уваженіе доходитъ до любви. Это можно видѣть въ Глазговѣ, городѣ весьма безпокойномъ, гдѣ ссоры между работниками не рѣдко кончаются убійствами. Тамъ, въ самыхъ ужасныхъ кварталахъ, печально знаменитыхъ болѣзнями, нищетой и преступленіями, я съ сердечнымъ умиленіемъ слышалъ народныя восклицанія, сопровождавшія полицейскаго суперъ-интенданта, который водилъ меня по этимъ мѣстамъ: «Многія лѣта капитану Миллеру! Богъ да благословитъ васъ, капитанъ Миллеръ!»

Леонъ Фоше объясняетъ и причины такой популярности. «Во Франціи», говоритъ онъ, «полицейскій агентъ думаетъ, что его обязанности ограничиваются преслѣдованіемъ преступленій и проступковъ; онъ не считаетъ себя призваннымъ къ другому рода дѣятельности. Покровительствовать честнымъ людямъ не его дѣло; одни мошенники подлежатъ его вѣдомству. Онъ не предупреждаетъ зла и не препятствуетъ оному, а ограничивается пресѣченіемъ, употребляя свою силу для исполненія закона. Отсюда его рѣзкій тонъ, его дерзкій, а иногда и вызывающій взглядъ; отсюда шпага, которую онъ носитъ при себѣ. Это машина для протоколовъ и орудіе для арестовъ, ничего болѣе, и ничего менѣе. Въ Англіи же полисманъ имѣетъ гораздо обширнѣйшія обязанности; на него возложена отвѣтственность за безопасность лицъ и собственности. На сколько онъ долженъ быть бдительнымъ и мужественнымъ въ преслѣдованіи преступленій, на столько же ему предписано быть

вѣжливымъ, предупредительнымъ и заботливымъ объ интересахъ всего общества. Онъ считаетъ себя не только врагомъ мошенниковъ, но и слугою честныхъ людей. Въ каждый часъ дня или ночи вы встрѣчаете его на дорогѣ, и онъ сообщаетъ вамъ названія улицъ, адресъ жителей, однимъ словомъ, все тѣ свѣдѣнія, которыя вамъ могутъ быть полезны. Онъ затворяетъ двери вашего дома, если вы оставили ихъ отворенными, онъ извѣщаетъ васъ въ случаѣ пожара или вторженія воровъ, онъ сзываетъ помощь, возвращаетъ вамъ или ведетъ въ часть вашего заблудившагося ребенка, устраняетъ всякое препятствіе и опасность отъ проѣзда или прохода, однимъ словомъ, заботится о васъ и за васъ.» Англичане съ своимъ практическимъ смысломъ не считаютъ, видно, нужнымъ ограничивать обязанности служителя общества одною отрицательной дѣятельностью.

Другая причина нравственнаго значенія англійской полиціи состоитъ въ томъ, что она никогда не употребляетъ тайныхъ агентовъ. «Если самое имя полиціи сдѣлалось безчестіемъ во Франціи», говоритъ Леонъ Фоше, «это происходитъ отъ тайственныхъ средствъ, которыми она дѣйствуетъ и отъ безнравственнаго характера ея агентовъ; и съ другой стороны, если полиція повсемѣстно уважается въ Англіи, можно, не обинуясь, приписать ея популярность откровенности и достоинству ея поведенія. Все люди, которые обладаютъ опытностью по этой части, г. Миллеръ въ Глазговѣ, г. Уитти въ Ливерпульѣ, г. Бесвикъ въ Манчестерѣ, все самые рѣшительные противники тайной полиціи. Они гордятся тѣмъ, что никогда къ ней не прибѣгали, и находятъ въ усердіи, съ которымъ граждане сообщаютъ имъ все нужныя указанія и свѣдѣнія о преступленіяхъ и преступникахъ, такую помощь, которой не могла бы имъ оказать никакая тайственная рота.»

Наконецъ Леонъ Фоше считаетъ третьею причиною попу-

лярности английской полиціи то, что она зависитъ отъ общинной власти, тогда какъ во Франціи она подчиняется центральному правительству. На это надобно замѣтить, что въ Лондонѣ, такъ же какъ въ Парижѣ, полицейскіе чиновники назначаются министромъ; въ областяхъ же, какъ въ Англіи, такъ и во Франціи, полиція находится подъ вѣдомствомъ мера, главы общины. При Людовикѣ-Филиппѣ, въ то время какъ писалъ Леонъ Фоше, меры назначались правительствомъ, не иначе какъ изъ членовъ выборнаго муниципальнаго совѣта; съ 48 до 52 г. самые меры были выбираемы, и если они съ этихъ поръ прямо назначаются центральной властью, то съ другой стороны и Англія сдѣлала значительный шагъ къ полицейской централизациі: въ 1856-мъ г. вся полиція въ государствѣ поставлена подъ непосредственное вѣдомство министра внутреннихъ дѣлъ.

Такое же развитіе центральной административной власти появилось въ послѣднее время и въ преобразованіи исправительныхъ учрежденій: актомъ 25 августа 1835 г. (prison-act) всѣ тюрьмы въ Англіи, которыя прежде оставались на попеченіи общинъ, подчинены статсъ-секретарю внутреннихъ дѣлъ. Онъ можетъ исправлять ихъ, вводить новое устройство и назначать тюремныхъ инспекторовъ для всего государства. Въ 1847 г. самая система наказаній измѣнена въ пользу административнаго начала. До того времени преступники большею частью подвергались ссылкѣ въ колоніи. Первоначально они просто отвозились на мѣсто, и оставались тамъ безъ всякаго надзора. Но такое наполненіе подвластныхъ земель сбродомъ негодяевъ возбуждало сильныя протесты со стороны жителей. Велѣдствіе этого Англія принуждена была прибѣгнуть къ другой системѣ: осужденные назначались отдѣльнымъ колонистамъ въ качествѣ работниковъ. Это было не что иное, какъ отдача преступниковъ въ кабалу; послѣдствія это-

го образа дѣйствія были таковы, что сами Англичане называли свои ссылочные учрежденія адскою системой. Во всѣхъ этихъ мѣрахъ проявлялась одна цѣль: избавить правительство отъ излишнихъ заботъ, сбыть приговоренныхъ преступниковъ съ рукъ государства и взвалить содержаніе ихъ и надзоръ за ними на частныя лица. Подобный порядокъ сдѣлался наконецъ невыносимымъ; надобно было подумать о лучшемъ устройствѣ исправительной системы. Въ 1847 г. она была преобразована на основаніи новыхъ началъ: устроено нѣсколько тюремъ по системѣ одиночнаго заключенія. Таковы Мильбанкъ, Пентонвилль, Вэкфильдъ. Здѣсь преступники содержатся въ продолженіи года, послѣ чего они отправляются либо на темзенскіе или бермудскіе понтоны, либо въ Портлендъ, гдѣ ихъ употребляютъ на общественныя работы. Въ этомъ вторичномъ мѣстѣ заключенія, срокъ содержанія опредѣляется поведеніемъ заключенныхъ. Онъ можетъ быть сокращенъ для тѣхъ, которые ведутъ себя хорошо: такимъ образомъ осужденные на семилѣтнее заключеніе остаются здѣсь годъ, осужденные на десятилѣтнее заключеніе—два, на пятнадцатилѣтнее—три, на двадцатилѣтнее—четыре, на пожизненное—шесть. Выдержавъ сокращенный срокъ, преступники, хорошо аттестованные начальствомъ, получаютъ позволеніе ѣхать на свободѣ въ Австралію, тогда какъ неисправимые отправляются на каторжную работу въ Норфолькъ. Понятно, какой просторъ предоставляется здѣсь административному произволу: въ пользу его уничтожаются самыя судебныя рѣшенія и искажается вся система уголовного права. Въ самомъ дѣлѣ, сущность уголовного правосудія состоитъ въ соразмѣрности наказанія съ преступленіемъ: по мѣрѣ виновности лица, по степени важности совершеннаго преступленія, законъ и судья опредѣляютъ болѣе или менѣе продолжительное заключеніе. Но въ новѣйшей английской системѣ тюремная администрація можетъ присуж-

деннымъ наказаніемъ распоряжаться по-своему; она сокращаетъ его или усиливаетъ по произволу. Не совершенное преступленіе, а поведеніе преступника въ тюрьмѣ опредѣляетъ участь послѣдняго: одинъ, болѣе виновный, можетъ быть послѣ сокращеннаго срока отправленъ въ колонію, гдѣ его ожидаютъ свобода и избытокъ; другой, менѣе виновный, можетъ быть послѣ долголѣтняго заключенія сосланъ на каторгу. И это опредѣляется не судебнымъ приговоромъ, а усмотрѣніемъ чиновниковъ! Нельзя не замѣтить, какое значительное отклоненіе отъ прежняго своего духа претерпѣло новѣйшее англійское законодательство; практическія цѣли повели къ такому развитію административнаго произвола, какое не встрѣчается въ другихъ странахъ. Въ настоящее время для надзора за тюрьмами, состоящими на попеченіи мѣстныхъ властей, существуютъ 4 инспектора, и кромѣ того особенное учрежденіе изъ 3-хъ директоровъ для управленія тюрьмами, находящимися въ вѣдомствѣ центрального правительства. Число послѣднихъ простирается теперь до 18; всѣ они имѣютъ значительный штатъ; между прочимъ въ одной Мильбанкской тюрьмѣ находится 176 служащихъ.

Расширяясь такимъ образомъ во всѣ стороны, правительственная власть не могла не обратить вниманія на участь дѣтей въ рабочихъ заведеніяхъ. Государство, естественный opiekунъ беспомощныхъ, по выраженію Маколея, должно было вступить тамъ, гдѣ родительская власть оказывалась недостаточною, либо вслѣдствіе бѣдности, либо по нераденію. О работѣ дѣтей издано въ послѣднее время нѣсколько замѣчательныхъ законоположеній. Еще постановленіе 1819 года ограничило возрастъ вступленія ихъ на фабрики девятью годами, а срокъ работы двѣнадцатью часами. 29 августа 1833 года изданъ болѣе подробный законъ: запрещено употреблять на фабрикахъ дѣтей ниже 9 лѣтъ; поступающіе на работу отъ

9 до 18 лѣтъ должны имѣть медицинское свидѣтельство о возрастѣ и здоровьи; дѣтямъ отъ 9 до 13 лѣтъ запрещено работать болѣе 8 часовъ въ сутки, отъ 13 до 18 лѣтъ болѣе 12 часовъ. Впрочемъ послѣдній срокъ въ особенныхъ случаяхъ могъ быть продолженъ. Наконецъ все это относилось единственно къ фабрикамъ бумажнымъ, шерстянымъ, льнянымъ и шелковымъ; въ остальныхъ заведеніяхъ приѣмъ и работа не подверглись никакимъ ограниченіямъ. Въ 1842 г. попеченіе закона распространилось и на рудники: актомъ 10 августа запрещено было употреблять въ нихъ дѣтей ниже 10 лѣтъ. Что еще важнѣе, законодательство вступило и въ договоры, заключаемые взрослыми: работа женщинъ на рудникахъ была совершенно запрещена. Однако подобное вмѣшательство власти въ свободу промышленныхъ отношеній подверглось многимъ нареканіямъ. Въ настоящемъ случаѣ самъ законъ давалъ на себя орудіе: вызванная филантропическими стремленіями, эта мѣра была принята такъ внезапно, что многіе несчастные остались безъ куска хлѣба. Менѣе противодѣйствія встрѣтило другое постановленіе, которое, въ дополненіе къ прежнимъ законамъ, воспрещавшимъ плату работникамъ натурою, не позволяло производить уплаты въ кабакахъ и другихъ подобныхъ заведеніяхъ. Въ 1844 году срокъ работы дѣтей ниже 13 лѣтъ на вышеозначенныхъ фабрикахъ сокращенъ на 7 часовъ; законъ предписываетъ, чтобъ они въ этомъ возрастѣ ходили въ школы по крайней мѣрѣ по три часа въ день. Работа женщинъ въ тѣхъ же заведеніяхъ ограничена двѣнадцатью часами. Черезъ это косвенно сокращается и работа взрослыхъ мужчинъ, ибо фабрикамъ невозможно идти, когда часть работниковъ покидаетъ работу. Ко всему этому надобно прибавить, что законодательство не ограничилось постановленіями: для надзора за исполненіемъ предписанныхъ мѣръ введена особенная администрація. Законъ 1833 г. съ

этою цѣлью учредилъ четырехъ инспекторовъ, назначаемыхъ отъ правительства; они въ любое время могутъ осматривать фабрики, дѣлать распоряженія, предписывать способъ веденія реестровъ, ревизовать школы, предавать суду виновныхъ въ нарушеніи законовъ. Во Франціи, гдѣ централизація несравненно сильнѣе, нежели въ Англіи, надзоръ за исполненіемъ законныхъ правилъ о работѣ дѣтей возлагается на мѣстныхъ инспекторовъ, не получающихъ жалованья. Въ настоящемъ случаѣ оказалось, что послѣдній способъ хуже перваго.

Англійское законодательство коснулось наконецъ и народнаго обученія. До сихъ поръ, вслѣдствіе религіозныхъ препятствій, правительство не взяло на себя учрежденія школъ; но въ 1834 году въ первый разъ парламентъ вотировалъ 20 т. ф. ст. на пособіе заведеніямъ, которыя содержатся частными людьми. Съ тѣхъ поръ эта сумма возрасла до 326 т. ф. ст. (1855 г.); она идетъ на поддержаніе частныхъ элементарныхъ и нормальныхъ школъ и на пособіе учителямъ. Школы, получающія вспоможенія, находятся подъ надзоромъ назначаемыхъ правительствомъ инспекторовъ, которыхъ число простирается въ настоящее время до 35. Они доносятъ о результатѣ своихъ ревизій центральному комитету для воспитанія, составляющему отдѣленіе тайнаго совѣта (committee of the privy council for education). Тамъ донесеніе разсматривается экзаменаторомъ и опредѣляется размѣръ пособія.

Такимъ образомъ мы видимъ въ новѣйшемъ англійскомъ законодательствѣ цѣлый рядъ запрещеній, стѣсняющихъ личную дѣятельность, и такой же рядъ постановленій, расширяющихъ дѣятельность государства. Притомъ мы еще далеко не вычислили всего; по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія изданы подобные законы. Такъ въ 1844 и 1845 гг., запрещено учреждать новые банки безъ разрѣшенія правительства, и существующимъ запрещено выпускать болѣе извѣстной сум-

мы билетовъ; желѣзныя дороги поставлены подъ ближайшій надзоръ правительства; изданы подробныя правила для частныхъ пассажирскихъ пароходовъ; учреждены особенные инспекторы для надзора за анатомическими заведеніями; установлены метрическія книги съ цѣлою системою чиновниковъ—отъ мѣстнаго регистратора до генераль-регистратора, который завѣдываетъ этимъ дѣломъ по всему государству. Однимъ словомъ, вмѣшательство правительственной власти въ общественную жизнь вездѣ принимаетъ самые обширные размѣры.

Что же это значитъ? Неужели общественное развитіе ведетъ къ большому и большому стѣсненію личной свободы? Нѣтъ сомнѣнія, что въ нѣкоторой степени это неизбежно, ибо въ этомъ состоитъ самая сущность общежитія: свобода одного человѣка ограничивается свободою другаго; чтобы не вредить другъ другу, люди должны воздерживаться отъ нѣкоторыхъ дѣйствій. Чѣмъ гуще притомъ народонаселеніе, чѣмъ многосложнѣе общественныя отношенія, тѣмъ болѣе каждый долженъ претерпѣвать ограниченій своего произвола. Всякая новая отрасль дѣятельности, доставляя человѣку новую возможность проявить свою свободу, вмѣстѣ съ тѣмъ ведетъ къ необходимости устранить стѣснительныя для него поступки другихъ. Чтобы дать мѣсто новой жизненной потребности, человѣкъ долженъ воздержаться отъ дѣйствій прежде безвредныхъ. Такъ, напримѣръ, когда развитіе промышленности заставляетъ учредить на рѣкѣ судоходство, запрещается строить по ней мельницы; когда лѣсоводство становится правильною отраслью государственнаго хозяйства, запрещается рубить лѣса иначе, какъ по извѣстной системѣ. Въ городахъ, гдѣ люди ближе другъ къ другу, гдѣ сложнѣе общественныя отношенія, жители подвергаются болѣе ограниченіямъ, нежели въ селахъ. Въ деревнѣ каждый можетъ строить и содержать домъ по своей прихоти; въ городѣ запрещается пре-

ступать известныя правила. Подобныя ограниченія, вытекающія изъ самой сущности общественнаго порядка, вознаграждаются однакоже тѣмъ, что люди избавляются черезъ это отъ стѣснительной дѣятельности сосѣдей. Пользуясь всѣми выгодами общежитія, они не должны употреблять часть своихъ силъ для устранения воздвигаемыхъ другими препятствій. Болѣе всего выигрываетъ отъ этого бѣдный: обладая скудными средствами, онъ мало имѣетъ случаевъ стѣснять другихъ своею дѣятельностью; онъ большею частью только терпитъ, а потому и нуждается въ защитѣ закона. Такъ напримѣръ для богатыхъ излишне запрещеніе отдавать дѣтей въ работу съ слишкомъ ранняго возраста; для бѣдныхъ это составляетъ существенное обезпеченіе жизни. Поэтому бѣдный человѣкъ получаетъ болѣе выгодъ отъ необходимыхъ ограниченій общежитія, нежели сколько онъ можетъ потерять отъ уменьшенія своей свободы.

Но законъ не останавливается на однихъ запрещеніяхъ: онъ предписываетъ гражданамъ положительныя дѣйствія, необходимыя для общей пользы. Сожительство людей требуетъ не только, чтобъ члены общества воздерживались отъ поступковъ, которые могутъ вредить другимъ; каждый кромѣ того долженъ содѣйствовать установленію условій, необходимыхъ для общежитія. И здѣсь опять, чѣмъ болѣе развита общественная жизнь, тѣмъ разнообразнѣе и многосложнѣе становятся эти условія, тѣмъ болѣе цѣлей преслѣдуются совокупными силами всего общества, тѣмъ болѣе устанавливается учреждений, полезныхъ для всѣхъ. Въ городѣ каждый домохозяинъ долженъ устроить у себя особое мѣсто для склада нечистотъ, онъ обязанъ провѣсть подземныя трубы для стока воды; онъ долженъ имѣть дымогарную печь; въ наемныхъ покояхъ онъ долженъ сдѣлать окно известнаго размѣра. Точно такъ же и хозяинъ парохода обязанъ строить свое судно по правиламъ, которыя предписываются закономъ; хозяинъ фаб-

рики, подъ страхомъ наказанія, долженъ соблюдать известныя предосторожности. И здѣсь, съ умноженіемъ потребностей, съ развитіемъ общежитія, многія дѣйствія, которыя повидимому совершенно подлежатъ человѣческому произволу, становятся обязательными. Такъ напримѣръ въ 1856 г. въ Австраліи изданъ законъ, предписывающій землевладѣльцамъ уничтоженіе репейниковъ. Всякій хозяинъ или фермеръ, получивши увѣдомленіе, подписанное мирнымъ судьей, обязанъ черезъ двѣ недѣли приступить къ истребленію всѣхъ репейниковъ на своей землѣ. Если онъ въ продолженіи 7 дней этого не исполнитъ, онъ подвергается штрафу отъ 5 до 20 ф. ст. Кромѣ того, въ этомъ случаѣ каждый сосѣдъ можетъ, испросивъ письменное разрѣшеніе мирнаго судьи, вступать на владѣнія ослушника съ достаточнымъ количествомъ рабочихъ и самъ приняться за уничтоженіе сорныхъ травъ; хозяинъ же обязанъ вознаградить его по оцѣнкѣ, сдѣланной мирными судьями. Въ настоящее время англійскіе земледѣльцы требуютъ подобнаго закона и въ своемъ отечествѣ.

Издавая правила, ограничивающія свободу гражданъ, законодательство можетъ двоякимъ образомъ обезпечить ихъ исполненіе: или каждому гражданину предоставляется дѣйствовать по усмотрѣнію, причемъ нарушитель закона преслѣдуется и наказывается судомъ, или же правительство требуетъ, чтобы всякій, кто желаетъ приступить къ известному дѣйствію, могущему нанести вредъ другимъ, предварительно получилъ на него разрѣшеніе административной власти. Первый способъ называется системою пресѣченія, второй системою предупрежденія. Первая въ свою очередь можетъ быть приведена въ дѣйствіе двоякимъ образомъ: преслѣдованіе виновнаго въ нарушеніи закона или предоставляется обиженному, или производится общественною властью. Въ первомъ случаѣ администрація становится совершенно лишнею: есть только за-

конъ и судъ. Англія до послѣдняго времени большею частью держалась этого правила: правительство вовсе не вмѣшивалось въ дѣла гражданъ, предоставляя имъ вѣдаться между собою законными путями. Во Франціи, напротивъ того, администрація издавна играетъ значительную роль; она не только преслѣдуетъ нарушителей закона, но даетъ разрѣшенія на многія дѣйствія.

Которая же изъ двухъ системъ лучше? Люди, страдающіе отъ излишней опеки, обыкновенно видятъ только благую сторону противоположнаго порядка. Нѣтъ сомнѣнія, что система пресѣченія оставляетъ болѣе простора человѣческой личности, допускаетъ полное и законное проявленіе той энергіи, которою одаренъ каждый человѣкъ; она обезпечиваетъ права гражданина отъ произвольныхъ стѣсненій; она снимаетъ съ общества опеку, часто излишнюю, а нерѣдко и вредную. Поэтому замѣненіе во многихъ случаяхъ системы предупрежденія системою пресѣченія должно быть вождѣленнымъ желаніемъ всякаго, кто считаетъ свободное развитіе общественныхъ силъ необходимымъ условіемъ народнаго благосостоянія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы не должны забывать, что вопросъ этотъ не такъ простъ, какъ онъ кажется съ перваго взгляда; если мы хотимъ дать себѣ вѣрный отчетъ въ задачѣ, которая въ настоящемъ случаѣ предстоитъ обществу, мы должны обратить вниманіе на ту и другую сторону. Для этого необходимо взглянуть на существо законодательства, суда и администраціи.

Чтобы законъ могъ исполняться путемъ пресѣченія, надобно, чтобъ онъ былъ одинъ для всѣхъ, чтобъ каждый зналъ точные предѣлы своего права. Въ этомъ отношеніи мы замѣчаемъ значительную разницу между законодательствами англійскимъ и французскимъ. Въ первомъ нѣтъ различія между закономъ и распоряженіемъ. Всякое общественное постановленіе, общее или мѣстное, временное или постоянное, издается

парламентомъ. Законъ долженъ входить во всѣ подробности, предусматривать всѣ возможные случаи, такъ чтобъ судебнымъ мѣстамъ оставалось только непосредственное его приложение. Во Франціи, напротивъ, законъ составляетъ общую, постоянную норму, одинакую для всѣхъ. Частныя правила, видоизмѣненія, мѣстныя приложения — все это дѣло административныхъ распоряженій. Государственный совѣтъ обсуждаетъ здѣсь общія для всего государства распорядительныя мѣры, которыя издаются подъ именемъ правилъ общественной администраціи (*règlements d'administration publique*); въ департаментахъ же и въ общинахъ префекты и меры постановляютъ свои рѣшенія (*arrêtés*). Нельзя не согласиться, что послѣдняя система гораздо раціональнѣе, если только административный произволъ сдерживается въ должныхъ границахъ. Все, что говорится обыкновенно противъ рѣшенія мѣстныхъ дѣлъ центральнымъ правительствомъ путемъ административнымъ, все это имѣетъ еще болѣшую силу, когда центральное законодательство издаетъ постоянныя правила для мѣстной дѣятельности. Различныя мѣстности, по своимъ особенностямъ, требуютъ различнаго приложенія общихъ постановленій, а между тѣмъ законодательству невозможно принять во вниманіе всѣхъ обстоятельствъ. Поэтому оно по необходимости должно ограничиться опредѣленіемъ общихъ условій, при которыхъ постановленіе должно быть приведено въ дѣйствіе. Но подобныя условія, вслѣдствіе своей общности, всегда будутъ или слишкомъ обширны, или слишкомъ тѣсны. Такъ напримѣръ англійское законодательство предписываетъ введеніе акта о народномъ здравіи во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ ежегодная смертность достигаетъ до 33 жителей на 1000. Еслибы при этомъ законъ ограничивался одними общими указаніями, предоставляя подробности частнымъ административнымъ распоряженіямъ, то это условіе не имѣло

бы въ себѣ ничего стѣснительнаго. Но когда общій законъ опредѣляетъ все мелочи исполненія, очевидно, что условіе будетъ или слишкомъ стѣснительно, ибо подъ него подойдутъ мѣстности, гдѣ приложеніе неудобно, или недостаточно, ибо имъ исключатся мѣстности, гдѣ приложеніе нѣкоторыхъ правилъ могло бы быть полезно. Кромѣ того законодательство, издавая общія постановленія о благоустройствѣ, всегда основывается на большинствѣ случаевъ. Если при этомъ оно будетъ не достаточно подробно, оно допуститъ множество вредныхъ дѣйствій, отъ которыхъ будутъ терпѣть слабые. Если же съ другой стороны оно вдастся въ слишкомъ большія подробности, оно по необходимости должно будетъ запретить множество дѣйствій, которыя при извѣстныхъ условіяхъ могутъ быть совершенно безвредны. Наконецъ общее законодательство никогда не можетъ предусмотрѣть всѣхъ случаевъ, а потому оно легко можетъ быть обойдено тѣми людьми, которыхъ личные интересы нарушаются во имя общей пользы; подобные примѣры встрѣчаются не рѣдко въ Англіи.

Какъ же поступаетъ въ этомъ случаѣ судъ? Судья есть блюститель закона: онъ не дѣлаетъ отъ себя распоряженій, онъ только возстановляетъ нарушенное право. Поэтому дѣятельность его простирается до тѣхъ предѣловъ, до какихъ идетъ самый законъ, ни болѣе, ни менѣе. Если законъ въ данномъ случаѣ стѣснителенъ, судья не можетъ облегчить его мягкимъ исполненіемъ; если законъ недостаточенъ, онъ не можетъ дополнить его по собственному усмотрѣнію; если законъ искусно обойденъ онъ не можетъ произвольнымъ приговоромъ устранить злоумышленіе. Не дѣло судьи разсматривать, вреденъ ли поступокъ или нѣтъ? онъ обязанъ только рѣшить, дѣйствовалъ ли обвиненный въ предѣлахъ своего права? Если послѣдній не преступилъ постановленной закономъ границы, судъ не можетъ подвергнуть его наказанію.

Этими чертами судья существенно отличается отъ администратора: онъ не обсуждаетъ пользу или вредъ, удобство или неудобство; онъ имѣетъ въ виду единственно право и беззаконіе. Поэтому для судьи требуются особеннаго рода знанія, особенныя способности, особенный образъ дѣйствія, особенное возрѣніе на вещи. Потому въ западныхъ законодательствахъ самое обсужденіе фактической стороны уголовного дѣла отдѣлено отъ суда: присяжные рѣшаютъ, виновенъ ли подсудимый или нѣтъ; судья же прилагаетъ только законъ къ данному факту. Этотъ чисто-юридическій характеръ судебной дѣятельности влечетъ за собою и другія послѣдствія. Имѣя дѣло только съ правомъ, съ общимъ закономъ, судья не знаетъ мѣстныхъ особенностей или выгодъ; все судилища въ государствѣ, согласно съ своимъ назначеніемъ, должны давать одинакія рѣшенія. Судья — хранитель общей нормы, единой для всѣхъ; онъ вѣщатель вѣчной правды, которая въ невозмутимомъ величіи изрекаетъ верховныя приговоры, не взирая ни на лица, ни на мѣста. Наконецъ судья даже не преслѣдуетъ и не наказываетъ нарушителей закона. Когда до него доходитъ жалоба или обвиненіе, онъ безпристрастно взвѣшиваетъ доводы обѣихъ сторонъ и затѣмъ произноситъ свое рѣшеніе; далѣе онъ ни во что не вступается. Поэтому, если законъ нарушенъ, а обвинитель не является, нарушитель остается безъ наказанія. Между тѣмъ подобныхъ случаевъ можетъ быть много: ребенокъ не пойдетъ жаловаться на хозяина, который употребляетъ его въ работу вопреки закону, нищій-жилецъ на домовладѣльца, который не соблюдаетъ правилъ, постановленныхъ для устройства комнатъ, работникъ на фабриканта, который содержитъ машину безъ надлежащихъ предосторожностей. Пассажиръ обыкновенно даже не въ состояніи знать, построенъ ли пароходъ согласно съ законными предписаніями или нѣтъ? Наконецъ многіе не имѣютъ ни вре-

мени, ни средствъ постоянно прибѣгать къ защитѣ суда. Самая жалоба, при господствѣ системы пресѣченія обыкновенно приносится, когда вредъ уже нанесенъ, и судья не всегда можетъ его исправить. Если на примѣръ, вслѣдствіе несоблюденія законныхъ предосторожностей, лопнула машина на фабрикѣ или на паракодѣ, и нѣсколько человекъ лишились жизни или членовъ, судья не въ силахъ уничтожить совершившееся зло.

Иная задача администраціи: она имѣетъ въ виду не право, а благосостояніе народа; она заботится объ общественныхъ интересахъ, разсматриваетъ пользу или вредъ, удобство или неудобство извѣстныхъ дѣйствій. Она примѣняется ко всѣмъ мѣстнымъ и временнымъ обстоятельствамъ, и соображаясь съ ними, прилагаетъ общій законъ. Если постановленіе въ извѣстномъ случаѣ оказывается неудобнымъ, администраторъ исполняетъ его въ меньшихъ размѣрахъ или даже вовсе оставляетъ его въ бездѣйствіи; если постановленіе недостаточно, онъ дополняетъ его собственными распоряженіями. Такимъ образомъ въ этой области господствуетъ не строгое, формальное право, а личное усмотрѣніе. Въ государствѣ этотъ элементъ совершенно необходимъ. Предоставляя ему должный просторъ, законодательство не только оказываетъ уваженіе къ частнымъ обстоятельствамъ, которыя ускользаютъ отъ общихъ опредѣленій, но въ сущности оно тѣмъ самымъ подвергаетъ дѣйствія гражданъ меньшему стѣсненію, ибо администрація, усматривая каждый разъ пользу или вредъ поступка, дѣлаетъ излишними подробныя и потому стѣснительныя опредѣленія, и можетъ разрѣшить тѣ дѣйствія, которыя по мѣстнымъ обстоятельствамъ безвредны, хотя во вниманіи къ большинству случаевъ они должны бы были быть запрещены. Однимъ словомъ, администрація есть подвижной элементъ правительственной дѣятельности, который соображается не

съ вѣчными законами правды, а съ обстоятельствами, съ удобствомъ, съ мѣстомъ, временемъ и случаемъ.

Отсюда мы можемъ понять, каковы должны быть общіе признаки, которыми разграничиваются система предупрежденія и система пресѣченія, дѣятельность администраціи и область суда. Тамъ, гдѣ законъ одинъ для всѣхъ, гдѣ право должно быть ограждено отъ произвола, гдѣ частное дѣйствіе не влечетъ за собою непосредственнаго вреда для другихъ, тамъ должна господствовать система пресѣченія, и охраненіе закона должно быть предоставлено суду. Напротивъ тамъ, гдѣ законъ долженъ примѣняться къ обстоятельствамъ, гдѣ административное усмотрѣніе, не нарушая существенныхъ правъ гражданина, избавляетъ его отъ излишнихъ запрещеній, гдѣ частное лицо, по недостатку средствъ или безпомощности, не въ состояніи стоять за себя, гдѣ наконецъ въ случаѣ недосмотра можетъ послѣдовать неисправимый вредъ, тамъ должна дѣйствовать администрація.

Новѣйшее англійское законодательство пришло къ сознанію этой упущенной имъ прежде стороны. Мы видѣли, что по всѣмъ отраслямъ государственнаго благоустройства установлены новыя административныя учрежденія, что въ управленіе введено большее единство и вездѣ расширенъ надзоръ центральной власти. На практикѣ эта система нашла себѣ полное приложеніе. Англійскій чиновникъ не стѣсняется въ своихъ дѣйствіяхъ; онъ поступаетъ даже съ большею самостоятельностью, нежели французскій. Онъ входитъ во всѣ части своего управленія, дѣлаетъ распоряженія, даетъ предписанія, и общество на это не жалуется, ибо оно знаетъ, что дѣятельность каждаго лица тогда только можетъ быть успѣшна, когда ему предоставлена достаточная степень самостоятельности. Не въ боязливомъ ограниченіи правъ чиновниковъ ищетъ Англія обезпеченія отъ административнаго произвола, а въ томъ

безпрерывномъ надзорѣ и контролѣ, которые сохраняютъ надъ ними и правительство и общество. Каждый гражданинъ, котораго право нарушено, можетъ подать жалобу въ судъ, гдѣ онъ найдетъ всегда справедливое удовлетвореніе. Гласность дѣлаетъ извѣстнымъ всякій темный поступокъ, общественное мнѣніе поднимаетъ крикъ при малѣйшемъ беззаконіи; наконецъ въ парламентѣ каждый представитель народа требуетъ отъ министровъ отчета въ дѣйствіяхъ постановленныхъ ими чиновниковъ.

Но задача государственной администраціи не ограничивается надзоромъ за исполненіемъ законовъ, предупрежденіемъ зла и пресѣченіемъ онаго. Она кромѣ того оказываетъ помощь и пособіе гражданамъ, если того требуетъ общественное благо; наконецъ она имѣетъ и свой самостоятельный кругъ дѣятельности: въ ея рукахъ находятся тѣ общія условія общежитія, тѣ общественныя учрежденія, которыми одинаково пользуются все. Мы видѣли, что и съ этой стороны новѣйшее англійское законодательство расширило вѣдомство администраціи. Въ городахъ, гдѣ прежде того самимъ домохозяевамъ предоставлялось мостить и освѣщать улицы, дѣлать стоки и т. п., администрація приняла все это на себя; устроены отдѣльныя вѣдомства для распоряженій по народному здоровью; общественная благотворительность поставлена подъ непосредственный надзоръ центральной власти. Предписавши посѣщеніе школъ малолѣтнимъ рабочимъ на фабрикахъ, парламентъ опредѣлилъ особенныя суммы для первоначальнаго обученія юношества. Наконецъ эта административная дѣятельность проявляется и въ промышленности. Въ этой области до послѣдняго времени англійское законодательство дѣйствовало болѣе мѣрами косвенными — тарифами, монополіями, а за тѣмъ предоставляло остальное частной предпримчивости. Вельможи, богатые капиталисты, занимали

здѣсь то мѣсто, которое въ другихъ государствахъ принадлежало правительству; они производили новые опыты, устраивали обширныя заведенія, слишкомъ значительныя для средствъ частнаго человѣка. Такъ въ Англійи овцеводство подвинулось геніальными усиліями Беквелля, тогда какъ Франція обязана успѣхами этой отрасли правительственной фермѣ въ Рамбулье. Но въ настоящее время англійское правительство приступило къ прямому содѣйствію народному труду. Въ видахъ пользы сельскаго хозяйства, въ 1846 г. ассигнованы три милліона фунтовъ стерл. на ссуды для распространенія дренажа; скоро все это было разобрано, и правительство приступило къ новымъ пособіямъ. Для Ирландіи изданы даже особенныя, весьма стѣснительныя законоположенія въ пользу этого новаго двигателя земледѣлія: если сосѣдняя земля оказывается нужною для дренажа, землевладѣлецъ обязанъ ее продать. Такимъ образомъ частное предпріятіе возводится на степень общественнаго установленія. Такія же ссуды сдѣланы были пакетботамъ, плавающимъ чрезъ Атлантическій океанъ. Наконецъ правительство оказало содѣйствіе и самой мануфактурной промышленности. Относительно прочности и дешевизны издѣлій англійскія фабрики не уступаютъ другимъ, но въ изяществѣ отдѣлки онѣ не могутъ сравниться съ французскими. Чтобы восполнить этотъ недостатокъ, парламентъ въ 1836 г. опредѣлялъ суммы для школъ рисованія въ приложеніи къ мануфактурной промышленности. Такихъ школъ устроено до двадцати.

Въ 1852 г. законодательство пошло еще далѣе: учрежденъ былъ особенный департаментъ пракческаго искусства (department of practical art, въ 1853 г. соединенный съ другимъ и переименованный въ department of practical science and art), который имѣетъ задачей принимать нужныя мѣры для развитія вкуса къ изящному во всехъ классахъ народа и

для приложенія правилъ искусства къ произведеніямъ отечественной промышленности.

Такимъ образомъ самыя практическія потребности жизни привели Англію къ новой системѣ управленія, приближающейся къ той, которой давно слѣдуютъ государства европейскаго материка. «Наше довѣріе къ частной предприимчивости понизилось, говоритъ англійскій журналъ «Экономистъ». Должны ли мы подражать нашимъ сосѣдямъ на материкѣ и довѣриться государству болѣе, нежели когда-нибудь? Это важный и серьезный вопросъ, который практика разрѣшаетъ утвердительно, а теорія отрицательно. Правда, опытъ указываетъ намъ на рискъ, которому мы подвергаемся, поставляя подъ контроль законовъ промышленность, созидающую богатство. Но публика настоятельно и безпрестанно требуетъ вмѣшательства въ это дѣло законодательной власти.»

Впрочемъ въ настоящее время самая теорія склоняется на ту же сторону. Одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ современныхъ экономистовъ Англій, на котораго ссылаются обыкновенно во всѣхъ преніяхъ парламента, Джонъ Стьюартъ Милль, предоставляетъ государству гораздо обширнѣйшую дѣятельность, нежели какую допускали его предшественники. Онъ возстаетъ на прежнюю экономическую теорію, которая ограничивала обязанности государства охраненіемъ гражданъ отъ насилія и обмана. Въ самомъ дѣлѣ, подъ эту категорію не подходитъ множество самыхъ обыкновенныхъ предметовъ вѣдомства, которые невозможно отнять у правительственной власти, какъ-то: постановленія о собственности, о договорахъ, о наследствѣ, принужденіе къ исполненію обязательствъ, когда нарушившій контрактъ не употребляетъ для этого ни насилія, ни обмана, наконецъ все гражданское судопроизводство. Кромѣ того «есть множество случаевъ, говоритъ Милль, въ которыхъ правительство, при всеобщемъ одобреніи, при-

своиваетъ себѣ власть и беретъ на себя обязанности, для которыхъ нѣтъ другой причины, кромѣ самой простой, именно то, что это служитъ для общей пользы. Назовемъ здѣсь монетное дѣло (которое къ тому же есть монополія); государство беретъ его на себя единственно для того, чтобъ избавить частныя лица отъ труда, траты времени и издержекъ, которые требуются для взвѣшиванія и пробы.» Сюда же относится установленіе мѣръ и вѣсовъ, мощеніе, освѣщеніе и очистка улицъ, устройство гаваней, маяковъ, плотинъ, геометрическое измѣреніе края. «Этихъ примѣровъ, продолжаетъ Милль, достаточно для доказательства, что признаваемые всѣми обязанности государства простираются такъ далеко, что ихъ невозможно заключить въ тѣсное опредѣленіе и что трудно найти имъ другое оправданіе, кромѣ того, что это совершается для общественной пользы. Вмѣшательство правительственной власти нельзя поэтому ограничить какимъ-либо другимъ общимъ правиломъ, кромѣ простаго и неопредѣленнаго указанія, что оно должно быть допущено тамъ, гдѣ сильно выступаетъ эта польза». «Вообще можно сказать, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, что все, что нужно сдѣлать въ общемъ интересѣ человечества или будущихъ поколѣній, или для блага тѣхъ членовъ общества, которые нуждаются во внѣшней помощи, и что между тѣмъ не можетъ вознаграждать издержекъ частнымъ людямъ или компаніямъ, которыя бы взяли на себя эти предпріятія — все это входитъ въ кругъ вѣдомства государства. Однако, прежде нежели оно приметъ на себя подобное дѣло, правительство должно каждый разъ обсудить, нѣтъ ли основательнаго вѣроятія, что предпріятіе можетъ исполниться тѣмъ способомъ, который мы назвали свободнымъ, и въ такомъ случаѣ вѣроятно ли, что оно лучше приведется въ дѣйствіе правительственной властью, нежели пожертвованіями и ревностью частныхъ лицъ».

Прибавимъ, что всѣ тѣ общественныя учрежденія, которыя не подлежатъ соперничеству, а по необходимости составляютъ монополію, должны, какъ признаетъ и Милль, находиться въ вѣдомствѣ государства. Таковы газовое освѣщеніе, водопроводы, пути сообщенія. Правительство можетъ на извѣстный срокъ предоставить компаніи монополію желѣзной дороги съ цѣлью вознаградить частныхъ предпринимателей за издержки построения; но благоразумное правительство никогда не отдастъ желѣзной дороги въ вѣчную собственность частнымъ лицамъ, ибо она по существу своему составляетъ достояніе всего общества. Здѣсь временная монополія должна имѣть то же значеніе, какъ во всякомъ новомъ предпріятіи. Изобрѣтатель новаго способа производства получаетъ временную привилегію въ вознагражденіе за труды и издержки, но по истеченіи срока изобрѣтеніе его становится общимъ достояніемъ всѣхъ.

Правительству подлежатъ далѣе всѣ тѣ общественныя установленія, которыя не требуютъ личной предпріимчивости и энергіи. Таково напримѣръ застрахованіе. Въ наше время оно производится частными компаніями, но нѣтъ сомнѣнія, что оно съ такимъ же успѣхомъ можетъ быть предпринято правительствомъ. Настоящее мѣсто частнаго капитала тамъ, гдѣ онъ является орудіемъ личной дѣятельности; здѣсь же капиталъ цѣлаго общества служитъ обезпеченіемъ риска, которому подвергается каждый изъ его членовъ. Потому мы думаемъ, что съ бѣльшимъ и бѣльшимъ развитіемъ системы застрахованія, она поступитъ наконецъ въ вѣдомство правительственной власти. Самое государство можно въ нѣкоторомъ отношеніи разсматривать какъ общество взаимнаго застрахованія, составленное цѣлымъ народомъ: каждый гражданинъ удѣляетъ часть своего достоянія въ общую кассу, для

того чтобы получить отъ государства обезпеченіе личной своей дѣятельности.

Наконецъ вѣдомству государства подлежатъ вообще всѣ тѣ общественныя установленія, которыя существуютъ для блага цѣлаго общества. Государство не есть только союзъ, учрежденный для обезпеченія правъ и дѣятельности каждаго; оно представляетъ собою соединеніе силъ цѣлаго народа для общепользныхъ предпріятій. Чѣмъ болѣе развита общественная жизнь, тѣмъ тѣснѣе связь между людьми, тѣмъ живѣе сознаются выгоды взаимной помощи, тѣмъ плодотворнѣе результаты соединенной дѣятельности. Каждый народъ дружными силами поколѣній накапливаетъ себѣ вещественный и духовный капиталъ, который не принадлежитъ кому-либо въ особенности, а составляетъ общее достояніе всѣхъ, капиталъ, который постоянно растетъ съ улучшеніемъ быта, съ развитіемъ просвѣщенія. Часть его, по духовному своему естеству, разлита во всемъ обществѣ и не подлежитъ управленію. Другая же часть, по вещественной своей природѣ, находится въ рукахъ общественныхъ органовъ, которые употребляютъ ее для блага цѣлаго союза. Такимъ органомъ служитъ именно государство, представитель общественнаго единства, выраженіе общественной воли, воплощеніе соединенныхъ силъ цѣлаго народа.

Можно опасаться, что сильное развитіе государственной дѣятельности поведетъ къ чрезмѣрному стѣсненію тѣхъ частныхъ силъ, изъ которыхъ слагается общество. Но въ сущности это не такъ. Чѣмъ значительнѣе общественный капиталъ, тѣмъ болѣе пользуется имъ каждый; чѣмъ обширнѣе система общихъ всѣмъ условій общежитія, тѣмъ шире, свободнѣе, многостороннѣе становится дѣятельность отдѣльныхъ лицъ. Гражданинъ свободнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ, когда государство беретъ на себя обезпеченіе его безопасности, не-

жели когда онъ долженъ ходить съ ножомъ въ рукахъ и отражать чужія нападенія. Промышленникъ можетъ вступать въ несравненно обширнѣйшія предпріятія, когда государство заботится объ устройствѣ желѣзныхъ дорогъ, нежели когда пути сообщенія предоставлены на произволъ судьбы. Въ просвѣщенномъ обществѣ должно установиться раздѣленіе работъ: государство получаетъ въ свое вѣдомство учрежденія, полезныя для цѣлаго союза; отдѣльныя же лица и частныя общества преслѣдуютъ свои частныя цѣли. При такой системѣ самостоятельность государственной дѣятельности не только не ограничиваетъ свободу гражданъ, а напротивъ часто избавляетъ послѣднихъ отъ излишнихъ стѣсненій. Очевидно напримѣръ, что хозяинъ дома болѣе стѣсненъ въ своихъ дѣйствіяхъ, когда его обязываютъ мостить и освѣщать улицу, нежели когда администрація, обладающая достаточными средствами, принимаетъ эту часть на свое иждивеніе. Государство, которое имѣетъ значительныя финансовыя средства и благоустроенную финансовую систему, не находитъ нужды прибѣгать къ укрѣпленію подданныхъ для обезпеченія платежа податей. Государство, которое обладаетъ обширною и зоркою полиціей, не нуждается въ стѣснительной системѣ внутреннихъ паспортовъ, ибо преступникъ найденъ будетъ и безъ того. Государство, которое увѣрено въ своей силѣ, которое покоится на твердомъ основаніи народной любви, не имѣетъ надобности запрещать свободное выраженіе мысли гражданъ; оно убѣждено, что частныя противорѣчія вызовутъ только сильнѣйшее проявленіе общаго мнѣнія и поведутъ къ большому утверженію существующаго порядка. Сила терпитъ сосѣдство свободы; слабость держится только стѣсненіемъ другихъ.

При такомъ раздѣленіи работъ общество не старается излишнею недовѣрчивостью ограничить дѣятельность государ-

ства, а послѣднее съ своей стороны не выходитъ изъ разумныхъ предѣловъ своей власти. Оно знаетъ, что есть области, которыя по существу своему не подлежатъ его вліянію: область частныхъ интересовъ, область человеческой совѣсти, человеческой мысли. Государство не можетъ предписать гражданамъ въ ихъ частномъ быту тотъ или другой образъ жизни, тотъ или другой способъ дѣйствія. Оно не должно запрещать человѣку слѣдовать въ дѣлахъ вѣры и внушеніямъ своей совѣсти. Оно не должно смотрѣть на себя, какъ на блюстителя общественной нравственности, ибо для этого существуетъ другая власть — общественное мнѣніе, которое въ нравственномъ осужденіи поступковъ имѣетъ несравненно большее могущество, нежели всякое правительственное предписаніе, и безъ котораго послѣднее въ этой области всегда останется безсильнымъ. Государство наконецъ не можетъ предписать правила искусству, наукѣ, ибо искусство повинуется только вдохновенію, а наука слѣдуетъ въ своей дѣятельности единственно повелѣніямъ разума, ищущаго истины. Мысль человеческая по существу своему свободна; налагать на нее оковы — и безразумно и бесполезно. Но съ другой стороны самая мысль, проявляясь въ обществѣ, должна держаться въ разумныхъ границахъ и не употреблять во зло предоставленную ей свободу. Въ этомъ отношеніи всякій народъ можетъ поучиться у Англии, гдѣ самая широкая свобода умѣетъ сочетаться съ самымъ строгимъ уваженіемъ къ отечественному закону.

СТАРАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ МОНАРХІЯ

И РЕВОЛЮЦІЯ.

(*L'ancien régime et la révolution*, par Alexis de Tocqueville).

Великія политическія событія производятъ перевороты не въ одной государственной жизни народовъ; они отзываются вездѣ, проникаютъ во всѣ области человѣческаго быта, кладутъ свою печать на умы современниковъ. Иногда, возвѣщая имъ зарю новой жизни, они возбуждаютъ ихъ къ новой дѣятельности, открываютъ имъ невѣдомые прежде пути; иногда, напротивъ, сокрушая слишкомъ-пылкія надежды, временно подавляя даже самыя законныя стремленія, они задерживаютъ развитіе народныхъ силъ и нерѣдко сообщаютъ умамъ ложное направленіе. Немногіе способны оторваться отъ временной игры событій и взойти на высоту, съ которой созерцается общее теченіе жизни. Охваченное окружающею средою, отзывается на современныя скорби, большинство людей смотритъ на все прошедшее и будущее съ точки зрѣнія минутныхъ надеждъ и опасеній. Эта и безъ того естественная склонность еще болѣе усиливается, когда накопившееся чувство не находитъ себѣ правильного исхода въ настоящей жизни. Тогда сдавленные силы пробиваются во всѣ стороны незаконными путями; неудовольствіе настоящимъ переносится всюду; не довѣряя

себѣ, народъ перестаетъ довѣрять и своей исторіи. Тогда самая наука является въ другомъ свѣтѣ, искажается подъ вліяніемъ стремленій, получившихъ неестественный ходъ. Исторія перестаетъ быть великою учительницею народовъ, которая общимъ своимъ движеніемъ, своимъ философскимъ смысломъ наставляетъ современниковъ. Она дѣлается орудіемъ политическихъ партій; въ нее вливается и горечь неудовлетворенныхъ желаній, и позднее сожалѣніе о своихъ ошибкахъ, и ненависть къ врагамъ и, наконецъ, мечтаніе о лучшемъ будущемъ. Это мечтаніе окрашиваетъ радужными цвѣтами все, что въ прошедшемъ имѣетъ съ нимъ малѣйшее сходство, и, напротивъ, все, что содѣйствовало утвержденію существующаго порядка, становится предметомъ беспощадной критики. Тогда рождаются вопросы: зачѣмъ это, такъ произошло? не лучше ли было поступать иначе? И такъ-какъ эти вопросы задаются и разрѣшаются не безпристрастно, то, конечно, въ выводахъ трудно найти правильное пониманіе исторіи. Подъ вліяніемъ такого направленія событія прошедшаго дѣлаются болѣею частью предлогомъ для намековъ на настоящее положеніе вещей, на современныхъ дѣятелей; явленія народной жизни теряютъ свое историческое значеніе и подводятся подъ уровень позднѣйшихъ требованій и взглядовъ. вмѣсто того, чтобъ стараться постигнуть чего хотѣли, къ чему стремились отжившіе люди, историки навязываютъ имъ свои собственные желанія и страсти, и, разумѣется, чѣмъ болѣе эти страсти имѣютъ характеръ временной, чѣмъ болѣе они носятъ на себѣ печать политическаго неудовольствія и раздражительности, тѣмъ болѣе искажается самый смыслъ исторіи. Она теряетъ свое достоинство; она перестаетъ быть наукою и превращается въ поприще, на которомъ борются враждующія партіи.

Таково положеніе современной Франціи. Всѣ ея передовые люди — знаменитые историки, даровитые публицисты, при-

надлежать къ партіи либеральной, и было время, когда они достойнымъ образомъ носили знамя науки. Въ эпоху парламентскаго владычества, съ 1815 до 1852 года, либеральная партія, увѣренная въ своихъ силахъ, спокойная въ своемъ торжествѣ, не думала низводить науку на степень орудія политическихъ страстей, не изучала исторіи съ тѣмъ, чтобъ вносить въ нее безплодные сожалѣнія огорченнаго ума. Обни-мая широкимъ взглядомъ все теченіе народной жизни, лучшіе представители либерализма отдавали должное мѣсто даже настоящимъ своимъ врагамъ — и средневѣковому католицизму, противъ котораго они ратовали, и старой монархіи, съ остатками которой они боролись при Лудовикѣ XVIII и Карлѣ X. Если въ сороковыхъ годахъ нѣкоторые писатели съ демократическими и социальными убѣжденіями стали разсматривать исторію съ точки зрѣнія современной политики, то это отнюдь не было направлениемъ большинства. Новая французская историческая школа стояла на твердой почвѣ, и труды ея дѣятелей оказали наукѣ незабвенныя услуги.

Совсѣмъ другое мы видимъ въ настоящее время. Прежній конституціонный порядокъ погибъ среди волненій, вызванныхъ послѣднимъ переворотомъ; диктаторъ, возведенный на престоль волею народа, стѣснилъ политическое поприще, на которомъ привыкли дѣйствовать передовые люди Франціи. Силы, сдержанныя въ естественномъ своемъ ходѣ, хлынули въ другую сторону, и вотъ въ настоящее время корифеи либерализма принялись за разработку исторіи, за изученіе законодательствъ сосѣднихъ народовъ. Но эти новыя изслѣдованія не совершаются уже съ тѣмъ исполненнымъ высококаго безпристрастія научнымъ взглядомъ, съ тѣмъ историческимъ тактомъ, къ которымъ приучили насъ прежніе труды. Слишкомъ часто проглядываетъ въ нихъ политическая страсть; современныя требованія подкладываются подъ историческія собы-

тія; намеки представляютъ обильный источникъ хвалы и сатиры. Кто не помнитъ академической рѣчи герцога де-Брольи, въ которой, подъ видомъ исторіи Фронды, рассказывались событія настоящаго дня, и лицо Мазарини служило маскою для изображенія современнаго владыки? Конечно, въ этомъ нельзя винить писателей и ораторовъ: такое направленіе естественно вытекаетъ изъ невозможности высказывать свое сужденіе явно. Но, къ несчастью, даже величайшіе ученые въ историческихъ трудахъ своихъ не сумѣли освободиться отъ этой болѣзни. Одинъ французскій публицистъ, разбирая книгу Гизо о дѣятеляхъ первой англійской революціи, остроумно сравниваетъ его съ человѣкомъ, который, стоя на лондонскомъ мосту, бросаетъ въ Темзу камешки, въ надеждѣ, что нѣкоторые изъ нихъ, отпрыгнувъ, поранятъ кого-нибудь на берегахъ Сены. Великій историкъ какъ-будто исчезъ; передъ нами стоитъ неудовлетворенный политическій дѣятель.

Вся исторія Франціи подверглась такого рода критикѣ, возникшей изъ современнаго неудовольствія. Кине, Ремюза, Альберъ де-Брольи печатно высказали свои сомнѣнія на счетъ исторической системы новѣйшей школы. «Мы (говорятъ они) доселѣ разработывали свое прошлое какъ-будто для того, чтобъ воздвигнуть пьедесталъ своимъ врагамъ; мы слишкомъ мало цѣнили противодѣйствіе, которое встрѣчала абсолютная монархія въ тогдашнемъ обществѣ. До-сихъ-поръ мы были довольны своей исторіею, потому-что она привела насъ къ свободѣ; теперь наши надежды рушились и мы начинаемъ сомнѣваться. Вотъ Англія въ настоящую минуту пользуется тѣми благами, которыхъ мы лишены; не лучше ли было бы, еслибъ Франція развивалась какъ Англія?» Появленіе такого критическаго взгляда, который исторію и народность приноситъ въ жертву современному политическому раздраженію, омрачило послѣдніе дни одного изъ великихъ ученыхъ Франціи — Августина Тьер-

ри. Давно-ослѣпшій, умирающій, но все еще преданный наукѣ всѣмъ пыломъ благороднаго сердца, онъ въ тишинѣ своего уединенія слышалъ голоса, исполненные страсти, и не могъ не скорбѣть о вторженіи временныхъ элементовъ въ любимую имъ науку. По своему положенію чуждый игры политическихъ партій, онъ могъ возвыситься до той созерцательной высоты, на которой ежедневное волненіе жизни уступаетъ мѣсто общему мѣрному ходу, гдѣ всякое явленіе находитъ мѣсто въ стройномъ зданіи, и сердце историка откликается уже не на одни бурныя требованія современности, а на каждое движеніе жизни, на каждое проявленіе мысли.

Сочиненіе, котораго заглавіе стоитъ въ началѣ настоящей статьи, къ несчастью, написано подъ вліяніемъ означеннаго направленія умовъ. Самъ авторъ отчасти въ этомъ сознается: «Надѣюсь (говоритъ онъ въ предисловіи), что я эту книгу писалъ безъ предразсудка, но я не утверждаю, что я писалъ ее безъ страсти. Едва-ли даже позволительно Французу не поддаться страсти, когда онъ говоритъ о своемъ отечествѣ и думаетъ о настоящемъ его положеніи. Признаюсь, что, изучая старое наше общество во всѣхъ его частяхъ, я не терялъ совершенно изъ вида новаго... Цѣль моя была изобразить картину, которая, будучи вѣрна, была бы вмѣстѣ съ тѣмъ и назидательна. Поэтому всякій разъ, какъ я встрѣчалъ у нашихъ предковъ одну изъ тѣхъ добродѣтелей, которыя были бы намъ болѣе всего необходимы — истинный духъ независимости, любовь къ великимъ подвигамъ, вѣру въ самихъ себя и въ свое дѣло, я выставялъ ее на-показъ; и наоборотъ, когда я въ законахъ, въ мысляхъ, въ нравахъ того времени находилъ слѣды тѣхъ пороковъ, которые, разрушивъ старое общество, продолжаютъ насъ тревожить, я съ намѣреніемъ выводилъ ихъ на свѣтъ для того, чтобъ, видя зло, которое они произвели, мы лучше поняли то, которое они могутъ причинить намъ

впередъ». Ясно, что при такомъ освѣщеніи трудно сохранить правильность историческаго взгляда, проникнуть въ потребности минувшихъ временъ, поставить каждое явленіе на своемъ мѣстѣ. Нелегко совмѣстить вѣрность изображенія и его назидательность для совершенно другой эпохи. Въ исторіи поучительна не столько отдѣльная картина, вырванная изъ жизни и поставленная подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія, сколько цѣлый ходъ событий, преемственность явленій, эта дивная цѣпь, которая вяжется внутреннею дѣятельностью мысли, вѣчноприсущей, неутомимо работающей и подвигающей исторію впередъ, безостановочно и неудержимо. Народъ, удовлетворяя насущнымъ своимъ потребностямъ, предается иногда одностороннему направленію; но полнота развитія не составляетъ принадлежности всякой данной минуты. Каждая эпоха совершаетъ свое дѣло; и тогда уже, когда оно приводится къ окончанію, когда удовлетворены настоятельныя требованія жизни, становится яснымъ, что этимъ развитіемъ еще не кончилось, что въ обществѣ кроется еще много стремленій, которыя просятся наружу, и что далекій путь предстоитъ еще впереди. Поэтому требованія, которыя въ одну эпоху стоятъ на первомъ планѣ, въ другую представляютъ только помѣху народному развитію. Поэтому нельзя освѣщать прошедшее тѣмъ способомъ, какъ дѣлаетъ Токвилль въ своей книгѣ. Чтобъ раскрыть настоящей смыслъ извѣстной эпохи, нужно изучить ее не для назиданія современниковъ, но въ живой связи съ ея прошедшимъ и будущимъ; нужно не только сравнить ее съ послѣдующимъ временемъ, но прежде всего прослѣдить ея корни, присутствовать, такъ сказать, при самомъ процесѣ ея зарожденія; а этого мы въ книгѣ Токвилля не видимъ. Для изображенія стараго порядка онъ взялъ періодъ, непосредственно предшествовавшій революціи, и представилъ намъ картину его довольно подробно, на основаніи добросовѣстнаго изученія даже цѣлой массы неиз-

данныхъ документовъ; многіе собранные имъ факты чрезвычайно интересны, а цѣль все-таки не достигается: нѣтъ не только назиданія, но даже настоящаго историческаго пониманія стараго быта.

Прежде всего надобно замѣтить, что если авторъ хотѣлъ познакомить читателей съ характеромъ и значеніемъ того порядка вещей, который былъ установленъ абсолютными монархами Франціи, то время, имъ изображенное, выбрано не совсѣмъ удачно. Въ XVIII вѣкѣ мы видимъ уже упадокъ тѣхъ учреждений, которыя впродолженіе многихъ вѣковъ подвигали Францію на высоту величія и славы. Въ XVIII вѣкѣ слабое или развращенное правительство, успокоившись на пріобрѣтенной силѣ, упустило изъ вида настоящее свое призваніе, стало пренебрегать интересами народа и не умѣло справиться съ тѣми препятствіями, которыя оно встрѣчало даже въ благихъ своихъ намѣреніяхъ. Сила и значеніе стараго порядка является не въ эту эпоху растленія, въ которую неудержимо пробиваются уже новыя требованія, а въ борьбѣ его съ средневѣковыми стихіями, съ могучими вассалами, съ бунтующими городами, съ притязаніями католической церкви. Здѣсь королевская власть, собирающая и организующая, является въ полномъ блескѣ, и цѣлый рядъ великихъ дѣятелей запечатлѣваетъ каждый шагъ ея мѣрами, благотѣльными для народа, развитіемъ права, порядка, просвѣщенія. Все это въ книгѣ Токвилля упущено изъ вида. XVIII вѣкъ является у него результатомъ, оторваннымъ отъ своихъ корней; мы не знаемъ, что къ нему привело, а потому онъ представляется намъ не въ надлежащемъ свѣтѣ. Мало того: даже въ XVIII вѣкѣ сохраняются живучіе слѣды средневѣковыхъ формъ; они со всѣхъ сторонъ опутываютъ и сдерживаютъ верховную власть. Они, правда, служатъ иногда отпоромъ произволу, но за то они сами въ себѣ несутъ весьма мало зачатковъ лучшаго порядка и

выступаютъ обыкновенно во имя стародавнихъ, отжившихъ притязаній. Токвилль, имѣя въ виду назидательную цѣль, обращаетъ вниманіе преимущественно на первую сторону; вторая же остается въ тѣни, такъ-что искусственное освѣщеніе сильно искажаетъ картину. Однако строгая добросовѣстность заставляетъ автора излагать факты такъ, какъ они были въ дѣйствительности; но это самое нерѣдко ведетъ къ явнымъ противорѣчіямъ между его сужденіями и самимъ же имъ собранными данными, а иногда попадаются даже мнѣнія, прямо противоположныя другимъ, высказаннымъ въ книгѣ, такъ-что читатель не знаетъ, какъ ихъ согласить. На это мы укажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Но если такимъ образомъ картина управленія XVIII-го вѣка является у Токвилля оторванной отъ своего прошедшаго, то, съ другой стороны, такъ же мало связи имѣетъ она и съ будущимъ. Правда, въ разысканіи непосредственныхъ причинъ революціи, Токвилль сообщаетъ множество отдѣльныхъ замѣчаній, чрезвычайно тонкихъ и меткихъ. Въ нихъ видѣнъ и добросовѣстный изслѣдователь, и практическій умъ, и наблюдательность опытнаго государственнаго человѣка. Но если мы всѣ эти отдѣльныя черты захотимъ свести къ одному итогу, то общей мысли мы не выведемъ и значеніе революціи останется для насъ непонятнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, изъ книги Токвилля выходитъ, что существенный смыслъ и результатъ революціи состоялъ въ усиленіи центральной власти, въ уничтоженіи всѣхъ стѣснявшихъ ее преградъ. Но для чего же совершился такой страшный переворотъ въ народной жизни, когда центральная власть и безъ того уже была такъ сильна, что поглощала собою все, когда въ этомъ чрезмѣрномъ ея преобладаніи надъ остальными элементами состояло главное зло, которымъ страдалъ старый порядокъ? — вотъ вопросъ, который естественно возникаетъ въ умѣ читателя и

на который книга Токвилля не даетъ отвѣта. Передъ нами выступаютъ разные физиологическіе признаки, весьма умно подмѣченные, но смыслъ событія исчезаетъ. А событіе такъ громадно, что составляетъ эпоху въ новѣйшей исторіи Западной Европы.

Этими существенными недостатками, которые не выкупаются и несомнѣнными достоинствами сочиненія, не ограничиваются невыгодныя послѣдствія ложной исходной точки. Постоянно сохраняя въ виду назидательную цѣль, Токвилль нѣсколько разъ съ любовью обращается къ исторіи Англіи, какъ будто бы стараясь выставить ее образцомъ для своихъ соотечественниковъ. «До XIV-го вѣка (говоритъ онъ) учрежденія обѣихъ странъ чрезвычайно сходны между собою; но съ этого времени начинается совершенно различное направленіе, которое привело ихъ къ противоположнымъ результатамъ: въ Англіи устанавливается политическая свобода, во Франціи водворяется абсолютизмъ». Въ этомъ, по мнѣнію Токвилля, заключался корень тѣхъ золъ, которыми послѣдняя страдаетъ донинѣ. Политическая свобода представляется автору всеобщимъ лекарствомъ противъ всѣхъ возможныхъ общественныхъ бѣдствій. Еслибъ Франція не пренебрегла ею и послѣдовала бы примѣру Англіи, то она не испытала бы на себѣ тѣхъ страшныхъ переворотовъ, которые ознаменовали ее новѣйшую исторію, и не пришла бы къ настоящему своему положенію.

Но очевидно, что при такомъ взглядѣ, который устремляется исключительно на одну сторону, на ту, которая составляетъ живой интересъ современности, не только исчезаетъ смыслъ исторіи, но сглаживается самое національное различіе. Каждый народъ стремится къ развитію всей полноты своихъ жизненныхъ силъ, но путь, по которому онъ идетъ, имѣетъ у каждаго свои особенности. Какому началу извѣстный народъ даетъ преимущество передъ другими, въ какомъ

преимствѣ онъ старается достигнуть тѣхъ или другихъ результатовъ, какимъ способомъ онъ дѣйствуетъ — все это зависитъ отъ свойствъ духа его; въ этомъ выражается его національная особенность. Поэтому невозможно развитіе одного народа ставить въ образецъ другому. Англичане въ теченіе всей своей исторіи стремились преимущественно къ утвержденію личныхъ правъ и основанной на нихъ свободы, Французы — къ установленію порядка и равенства, къ единству народной жизни; у нихъ стремленіе къ свободѣ явилось уже тогда, когда общественное тѣло было устроено, когда раздробленныя или выдающіяся части подведены были подъ общій уровень и зародилась потребность оживить это цѣльное зданіе общественнымъ духомъ. Въ Англіи государство сложилось какъ агрегатъ различныхъ частныхъ союзовъ, вслѣдствіе сдѣлки между ними; до сихъ поръ оно все основано на равновѣсіи разнообразныхъ элементовъ, которые завѣщаны еще средними вѣками, хотя съ теченіемъ времени они приняли новый характеръ. Во Франціи, напротивъ, государство явилось выраженіемъ общей, цѣльной жизни народа, которая беспощадною, неутомимою дѣятельностью разбивала все, что противилось ей единству. Въ Англіи все историческое развитіе носитъ по преимуществу характеръ практическій; во Франціи, напротивъ, преобладаютъ стремленія рациональныя; мы видимъ въ ней господство идей.

Эта коренная разница въ развитіи обоихъ народовъ, кромѣ несходства ихъ характеровъ, условливалась также различіемъ точекъ отправленія и самыхъ двигающихъ силъ. Несправедливо, что до XIV-го вѣка существовало совершенное тождество учреждений Франціи и Англіи. Конечно, и здѣсь и тамъ господствовалъ феодализмъ, основанный на частномъ правѣ; были привилегированные города; была церковь съ могущественнымъ вліаніемъ на гражданское общество, съ обширными

помѣстями, была довольно сильная королевская власть; но съ раннихъ поръ обнаружилось уже различіе, которое имѣло значительное вліяніе на весь послѣдующій ходъ исторіи. Гизо гораздо глубже Токвилля взглянулъ на этотъ вопросъ; онъ прослѣдилъ различіе до самаго корня и отнесъ начало его къ тѣмъ условіямъ, при которыхъ совершилось завоеваніе той и другой страны.

Въ Англіи завоеванія повторялись нѣсколько разъ; нѣсколько отдѣльныхъ племенъ наѣли другъ на друга. Англо-саксы, которые вошли, какъ главный элементъ, въ составъ англійскаго народа, представляли уже крѣпко организованное общество, когда вторглись къ нимъ Норманны. Послѣдніе также потеряли уже прежній разбойничій свой характеръ; они побывали на французской почвѣ и тамъ получили феодальное устройство во всей его чистотѣ. Оба племени, завоеватели и завоеванные, какъ два сомкнутыя тѣла, стали лицомъ къ лицу. Взаимный отпоръ, который они должны были давать другъ другу, еще болѣе вселилъ въ тѣхъ и другихъ потребность дружнаго дѣйствія, способность къ единодушному преслѣдованію своихъ цѣлей. Съ другой стороны водворилась вражда и посреди самихъ завоевателей: вспыхнула борьба между королемъ и знатными вассалами. Въ Англіи королевская власть имѣла съ самаго начала такое значеніе, какое досталось ей во Франціи послѣ долгихъ усилій. Она смѣло шла къ своей цѣли и явно старалась забрать какъ можно болѣе силы въ свои руки. Вслѣдствіе этого сомкнутые ряды феодальныхъ владѣльцевъ не только должны были стараться удержать свое первенствующее положеніе въ покоренной землѣ, но принуждены были, съ другой стороны, давать отпоръ возрастающимъ притязаніямъ королей. Завоеватели подали руку завоеваннымъ, чтобъ вмѣстѣ отстаивать свои права. Такимъ образомъ съ самаго начала различныя общественныя стихіи имѣли въ Англіи до-

вольно крѣпости, чтобъ удержать каждая свое мѣсто и не дать другимъ слишкомъ распространяться на свой счетъ. Потребность самосохраненія научила ихъ единодушію; взаимная борьба развила въ нихъ чувство права, желаніе свободы. Впослѣдствіи племенное различіе сгладилось, потребность порядка повела къ взаимнымъ уступкамъ, къ нѣкоторому уравненію сословій, но существенный характеръ развитія остался тотъ же въ продолженіе всей исторіи. Прибавимъ къ этому, что самое географическое положеніе Англіи способствовало такому ходу событій; небольшой островъ, окруженный моремъ, съ одной стороны сближалъ народонаселеніе, дѣлалъ возможными тѣсныя взаимныя сношенія и общую дѣятельность, съ другой затруднялъ вторженія внѣшнихъ враговъ. Англія не была терзаема могучими сосѣдями; ей не нужно было подчиняться единой центральной власти, чтобъ спасти національную независимость; не нужно было, наконецъ, держать постоянное войско, а это одно обстоятельство имѣло огромное вліяніе на все послѣдующее развитіе государства.

Во Франціи завоеваніе совершилось иначе. Оно произошло гораздо ранѣе. Дикія дружины Германцевъ ринулись на дряхлыя развалины римскаго государства и покорили ихъ почти безъ препятствій. Скоро завоеватели и завоеванные смѣшались, и все это вмѣстѣ произвело страшный хаосъ, изъ котораго медленно, труднымъ процессомъ жизни, выработалась нѣкоторая организація. Наконецъ установился феодальный порядокъ, но все въ немъ тянуло врозь; каждая часть, каждая мѣстность, каждое лицо стремились къ большому и большому обособленію. Обширное пространство земли, съ необыкновенно разнообразными мѣстными условіями и обычаями, дѣлало невозможнымъ совокупное дѣйствіе сословій, а вторженіе могучихъ сосѣдей, поставляя въ опасность самую неза-

висимость общества, заставляло народъ толпиться около знамени національнаго единства. Поэтому развитіе общественной жизни состояло здѣсь не въ равновѣсіи и дружномъ дѣйствіи различныхъ элементовъ, а въ подчиненіи всего тяготящаго врозь разнообразія единому центру.

Отсюда понятно, что и двигатели должны были быть различны въ обѣихъ странахъ. Въ Англіи на первомъ планѣ стояла аристократія. Отстаивая свои историческія права, защищаясь отъ притязаній королей, она вывела народъ на тотъ путь, по которому онъ слѣдуетъ въ продолженіе многихъ лѣтъ; она, послѣ многихъ колебаній, окончательно явилась властвующимъ элементомъ въ англійской жизни. Только въ послѣднее время новыя демократическія стремленія грозятъ ей неизбежнымъ, хотя и отдаленнымъ паденіемъ. Все это способствовало раннему утвержденію въ Англіи политической свободы, но препятствовало правильному развитію государственнаго порядка, установленію равенства, и сообщило всему развитію характеръ нѣсколько узкій — практической, своекорыстный и сословный. Во Франціи, напротивъ, главными двигателями исторіи были, съ одной стороны, королевская власть, воплощеніе національнаго единства, съ другой стороны третье сословіе (*tiers-état*), которое сначала заключало въ себѣ только горожанъ, но мало по малу приняло въ свои нѣдра всю народную массу, такъ-что съ XV-го вѣка подъ этимъ именемъ разумѣется уже весь народъ, за исключеніемъ двухъ привилегированныхъ сословій — дворянства и духовенства. Понятно, что здѣсь движеніе должно было состоять не въ сохраненіи старыхъ правъ, а въ приобрѣтеніи новыхъ, въ уравненіи сословій, что могло быть достигнуто только сильнымъ развитіемъ королевской власти и подавленіемъ политической свободы, которая въ то время находилась въ неразрывной связи съ привилегіями высшихъ классовъ. Коро-

левская власть явилась здѣсь символомъ идеи; развитіе получило характеръ теоретическій и всенародный.

Любопытно прослѣдить въ главныхъ чертахъ этотъ вѣковой ходъ французской исторіи, въ которой, какъ говоритъ Тьерри, каждая знаменательная эпоха въ приобрѣтеніи низшими классами свободы, благосостоянія, просвѣщенія, общественнаго значенія, соотвѣтствуетъ въ порядкѣ царствованій имени великаго короля или великаго министра. Взглянувъ на это движеніе, мы путемъ историческаго развитія подойдемъ къ той эпохѣ, которая изображается въ книгѣ Токвилля и будемъ въ состояніи вѣрнѣе оцѣнить содержаніе послѣдней. Просимъ замѣтить, что мы во всемъ послѣдующемъ изложеніи будемъ держаться точки зрѣнія чисто-исторической. Мы будемъ стараться постигнуть значеніе cadaго начала въ данную эпоху, не выдавая его за норму для цѣлой народной жизни, а еще менѣе для всякаго человѣческаго общества.

Печальную картину внутренней разорванности представляетъ Франція во времена владычества феодализма. Вся страна раздѣлена на множество мелкихъ областей, другъ отъ друга почти независимыхъ. Многія провинціи находятся подъ властью чужестранныхъ государей; особенно король англійскій, со времени брака Генриха II-го съ Элеонорою Гіенской, приобрѣлъ такія значительныя владѣнія, что могущество его далеко превышало силу французскаго короля. Послѣдній считается главою общества, верховнымъ феодальнымъ владѣльцемъ, верховнымъ собственникомъ земли; церковь вѣнчаніемъ на царство сообщаетъ ему каноническое освященіе. Однако ни то, ни другое не даетъ ему дѣйствительныхъ правъ. Онъ является владыкою только въ небольшомъ своемъ герцогствѣ *Il de France*, а надъ прочими землями имѣетъ право чисто номинальное; одна пустая присяга въ вѣрности, безпрерывно нарушаемая, соединяетъ съ нимъ могучихъ ленниковъ, гер-

цоговъ и графовъ другихъ областей. Последніе первоначально были намѣстниками короля въ провинціяхъ; но давно уже они сдѣлались въ нихъ наследственными владѣльцами. Въ то время, подъ вліяніемъ частнаго права, которое господствовало въ обществѣ, всякая должность стремилась принять характеръ потомственной собственности. Судъ, полиція, дань сдѣлались принадлежностью поземельнаго владѣнія, такъ-что каждый отдѣльный землевладѣлецъ, баронъ, являлся верховнымъ владкою въ своей бароніи: *chaque baron est souverain en sa baronie*. Правда, онъ землю получалъ въ видѣ лена отъ своего господина — герцога или графа; онъ составлялъ третью или даже четвертую ступень на іерархической лѣстницѣ феодализма, но связь его съ господиномъ была немногимъ крѣпче связи высшихъ ленниковъ съ королемъ. Основанная такъ же, какъ последняя, на феодальномъ или служебномъ договорѣ, она ограничивалась тѣмъ что баронъ обязанъ былъ отправлять въ пользу господина извѣстную военную службу, засѣдать у него въ судѣ, да приносить ему изрѣдка нѣкоторые обычные дары. Утвердившись въ своемъ неприступномъ замкѣ, баронъ часто уклонялся и отъ этихъ обязанностей, а господинъ не всегда имѣлъ средства принудить его къ ихъ исполненію. Баронъ, въ свою очередь, имѣлъ вассаловъ, служилыхъ людей, вѣчныхъ спутниковъ въ военныхъ подвигахъ и разбояхъ; онъ имѣлъ и крестьянъ, болѣе или менѣе крѣпостныхъ, которые сидѣли на его землѣ и отправляли въ его пользу разныя повинности. Осѣдлый землевладѣлецъ всею своею мочью тяготѣлъ надъ осѣдлою общиной, хотя последняя обладала устройствомъ весьма демократическимъ. Ея отношенія къ владѣльцу были болѣею частью опредѣленныя — либо договоромъ, либо обычаемъ; крестьяне потомственно владѣли землями; у нихъ была своя мірская сходка, которая собиралась подъ колокольный звонъ и рѣшала свои мірскія дѣла; во многихъ мѣстахъ

общинные выборные засѣдали въ дворовомъ судѣ, въ которомъ судились виланы. Но, разумѣется, пользованіе всеми этими правами окончательно зависѣло отъ произвола барона, потому что въ его рукахъ была сила, а надъ нимъ не было принудительной власти. Баронъ былъ верховнымъ судьей въ своихъ земляхъ: ему принадлежалъ какъ высшій судъ надъ преступленіями, повинными смерти, такъ и низшій, который, впрочемъ, болѣею частью передавался во владѣніе вассаловъ. Каждый свободный или даже полусвободный челоуѣкъ, судился своими равными; судопроизводство было чисто-обвинительное; главнымъ доказательствомъ былъ судебный поединокъ; апелляція состояла либо въ отреченіи отъ подданства, либо въ вызовѣ судей на поединокъ за лживый приговоръ. Источникомъ судебныхъ опредѣленій служилъ мѣстный обычай, который разнообразился до безконечности. Иногда, впрочемъ, и баронъ, въ качествѣ землевладѣльца, издавалъ постановленія по совѣщаніи съ вассалами. Но королевскія предписанія не имѣли силы въ его владѣніяхъ; общее законодательство являлось, какъ сдѣлка между верховнымъ феодальнымъ господиномъ-королемъ и подчиненными ему вассалами. Словомъ, баронія представляла мелкій союзъ, крѣпко организованный, основанный на отношеніяхъ договорныхъ или на личной зависимости, но въ которомъ, съ одной стороны, свобода была частнымъ правомъ, привилегіей, а съ другой стороны, подчиненные должны были защищаться отъ притѣсненій собственными силами и, конечно, въ этой борьбѣ выгода была не на сторонѣ слабѣйшаго.

Вплоть почти до XII-го вѣка это устройство обнимало собою всю совокупность гражданскаго общества. Почти все свѣтское народонаселеніе раздѣлялось на двѣ главныя массы: на сословіе людей военныхъ и на сословіе людей податныхъ, занятыхъ промышленнымъ трудомъ. Между обоими было не-

измѣримое разстояніе : первые предавались благородной дѣятельности, которая давала имъ и знатность и силу, которая не только правами, но и всѣмъ образомъ жизни отдѣляла ихъ отъ низшаго класса. Послѣдніе утруждены были подлою работою, которая не позволяла имъ уподобляться благороднымъ рыцарямъ. Но съ XI-го, особенно же съ XII-го вѣка между этими крайними сословіями становится среднее. Въ это время во Франціи начинается великое общинное движеніе, которое съ такимъ блескомъ изображено новѣйшими французскими историками. Стѣсненные феодализмомъ, города собираются съ силами, жители договариваются стоять другъ за друга на жизнь и на смерть. Крѣпкіе своимъ единодушіемъ, они возстаютъ на притѣсняющихъ ихъ феодальныхъ господъ и, послѣ долгой борьбы, наконецъ пріобрѣтаютъ себѣ привилегіи, до крайности разнообразныя, но которыя возвышаютъ горожанъ на степень третьяго привилегированнаго сословія, занимающаго мѣсто вслѣдъ за духовенствомъ и дворянствомъ. Впрочемъ, это сословіе пока еще не представляетъ собою единого цѣлаго; оно состоитъ изъ отдѣльныхъ общинъ съ весьма неравными правами. Въ это время общественная разрозненность достигаетъ высшей степени; даже внутри каждой общины, несмотря на демократическое ея устройство, отдѣльныя занятія и ремесла смыкаются въ привилегированныя корпораціи. Повидимому, каждая особенность стремится къ отдѣленію себя отъ другихъ, къ пріобрѣтенію исключительныхъ правъ, къ отстаиванію себя собственной силой; потому-что нѣтъ еще высшей власти, имѣющей обязанность сохранять порядокъ въ государствѣ.

Очевидно, что такой бытъ не могъ не прозвести страшнаго анархическаго броженія въ обществѣ. Въ самомъ дѣлѣ, вездѣ раздаются стукъ оружія, повсюду войны, междоусобія, грабежи. Тамъ городъ дерется съ епископомъ, тамъ съ свѣтскимъ владѣльцемъ; тамъ бароць, сидя въ замкѣ, разбойничаетъ без-

наказанно и смѣется надъ ополченіями королей. Пользуясь правомъ частныхъ войнъ, которое принадлежитъ каждому феодальному владѣльцу и вовлекаетъ во вражду весь его родъ, ленные господа непрерывно дерутся между собою. Безопасности нѣтъ нигдѣ; каждый долженъ вѣчно ходить съ оружіемъ, быть на сторожѣ, ибо только сила воздерживаетъ силу, а слабость не находитъ себѣ защиты.

Но рядомъ съ этимъ феодальнымъ и общиннымъ міромъ, который растерзанъ во всѣ стороны и предается буйству несдержанныхъ страстей, стоитъ другой міръ, носящій въ себѣ другія начала, которыя воздѣйствуютъ на гражданскія учрежденія, но и съ своей стороны заражаются ихъ неурядицею. Мы говоримъ о церкви. Католицизмъ въ средніе вѣка представляетъ одно изъ самыхъ громадныхъ явленій всемірной исторіи. Вся западная Европа, въ церковномъ отношеніи, составляетъ единое тѣло съ единымъ главою и единымъ управленіемъ. Между тѣмъ, какъ въ каждой отдѣльной области гражданское общество разрывается на клочки и представляетъ картину непрерывныхъ раздоровъ, голосъ римскаго первосвященника находитъ повиновеніе всюду и заставляетъ самыхъ могучихъ владыкъ склоняться къ подножію папскаго престола. Церковь въ эти времена неустройства замѣняетъ собою исчезнувшее государство; нося въ себѣ нравственную идею, она является наставницею, блюстительницею порядка, карательницею неправды. Ей принадлежитъ обширная гражданская власть; значительныя матеріальныя средства сосредоточиваются въ ея рукахъ. Въ каждой странѣ бѣольшая часть лучшихъ земель, съ многочисленнымъ населеніемъ, составляетъ ея собственность. Она пріобрѣла себѣ привилегіи, которыя постоянно возрастаютъ. Хотя въ качествѣ вотчинниковъ, подлежащихъ феодальному праву, духовныя лица и установленія находятся въ разнообразныхъ отношеніяхъ къ свѣтскимъ вла-

стамъ, но церковь постоянно стремится къ избавленію себя отъ всякаго ихъ вмѣшательства. Папы стараются утвердить ученіе, что все, прикосновенное къ церкви, подлежитъ исключительно ея вѣдомству, и нерѣдко эти притязанія вѣнчаются успѣхомъ. Церковь имѣетъ своей судъ, не только для духовенства, но и для подданныхъ мірянъ. Въ эти анархическія времена всѣ стремятся подчинить себя суду духовенства, ибо здѣсь только можно найти и признаніе права и человѣческую справедливость. Дѣла семейныя, наследственныя, преступленія противъ вѣры и нравственности отнесены къ церковному вѣдомству. По ученію Иннокентія III-го, суду церкви подлежитъ даже всякое дѣйствіе, въ которомъ проявляется грѣхъ, такъ-что вѣдомству ея уже нѣтъ предѣловъ. Она завѣдываетъ и общественнымъ призрѣніемъ; около церквей и монастырей собираются толпы нищихъ и убогихъ, которыя питаются ея подаваніями и подлежатъ ея суду. Въ ея рукахъ находится, наконецъ, и народное просвѣщеніе: школы, устроенныя при монастыряхъ, самыя университеты состоятъ въ вѣдомствѣ духовенства и наполнены учителями изъ его среды. Словомъ, вездѣ является ея дѣятельность, большею частью благотворная, воздерживающая войны, смягчающая нравы, возвышающая нравственность, просвѣщающая народъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ признаніи своего нравственного превосходства, католицизмъ объявляетъ притязаніе на все; свѣтскимъ владыкамъ трудно совладать съ массою духовенства, сильно организованнаго, тяготящаго къ Риму и имѣющаго въ рукахъ самое страшное оружіе — отлученіе отъ церкви, которое дѣлаетъ человѣка отверженникомъ общества.

Таковы главныя черты средневѣковаго быта: съ одной стороны анархія феодальныхъ и общественныхъ союзовъ, стоящихъ за свои привилегіи, стремящихся врозь, враждующихъ между собою; съ другой, учрежденіе, имѣющее значеніе все-

мирное и направляющее человѣка къ цѣли небесной. Правильнаго общественнаго порядка еще нѣтъ; не образовались еще ни настоящее правительство, ни народъ, ни государство.

Такое зданіе, составленное изъ элементовъ столь различныхъ и даже противоборствующихъ, не могло быть прочно. И вотъ изъ среды этой средневѣковой жизни, преданной разгуду, возникаетъ новая сила, которая пролагаетъ новые пути и мало по малу подчиняетъ своей власти всю эту разнородную массу. Глава феодализма — король, освященный церковнымъ благословеніемъ, является представителемъ народа, носителемъ идеи государства, то-есть союза, основаннаго на интересахъ общества, какъ единого цѣлаго. Во имя общественнаго права, онъ смиряетъ буйныхъ вельможъ, уничтожаетъ независимость городовъ и забираетъ въ свои руки гражданское управленіе церкви. Созидается единое тѣло, проникнутое народнымъ духомъ, подчиненное единой верховной власти.

Въ этомъ движеніи юному правительству предстоялъ путь медленный и трудный. Прежде всего надобно было въ существующихъ элементахъ отыскать силу, на которую бы можно было опираться въ зачинающейся борьбѣ. Короли нашли ее въ третьемъ сословіи, которое состояло пока изъ горожанъ, но съ тѣхъ поръ стало постепенно расширяться, пока не заключило въ себѣ весь народъ французскій. Третье сословіе доставило королевской власти тѣ орудія, которыя дали ей возможность успешно бороться съ феодализмомъ и съ притязаніями церкви. Эти орудія были общины и юристы.

Общинное движеніе возникло само собою, вслѣдствіе потребности горожанъ освободиться отъ феодальнаго ига. Но короли искусно воспользовались имъ для своихъ цѣлей. Общинамъ нужна была поддержка въ борьбѣ за свою независимость; онѣ съ радостью готовы были примкнуть къ высшей власти, которая принимала ихъ подъ свое покровительство, и

сами обращались къ ней за защитой. Такимъ образомъ короли явились посредниками въ спорахъ нѣкоторыхъ значительныхъ городовъ съ духовными владѣльцами — епископами и аббатами; они утвердили добытыя городами привилегіи, которыя нельзя уже было измѣнять безъ королевскаго согласія. Въ собственныхъ владѣніяхъ они роздали жалованныя грамоты множеству общинъ, которыя чрезъ это получили правильное устройство. То же самое дѣлали въ это время и другіе значительные ленники, которые также нуждались въ этой силѣ для борьбы съ непокорными вассалами. Но мало по малу образовалось ученіе, что все общинныя привилегіи исходятъ изъ власти королевской. Города были изъяты изъ вѣдомства феодальныхъ владѣльцевъ и непосредственно подчинены королю; даже остальнымъ жителямъ области открытъ былъ свободный доступъ въ городовыя общины. Хотя, вслѣдствіе жалобъ ленныхъ господъ на такое нарушеніе правъ, постановлены были нѣкоторыя условія для перехода, однако, эти ограниченія были такъ ничтожны, что они не могли оказать серьезнаго препятствія влеченію народонаселенія къ городамъ. Двери растворялись все шире и шире; наконецъ, ненужно было даже переселяться въ городъ, чтобъ воспользоваться городовымъ правомъ; подданный леннаго господина могъ просто отказать ему въ подданствѣ и, оставаясь на своемъ мѣстѣ, объявить себя королевскимъ буржуа: этимъ актомъ онъ переходилъ въ непосредственное подданство короля, хотя оставался въ чужихъ владѣніяхъ. Понятно, что многіе воспользовались возможностью выйти изъ стѣсненнаго положенія. Вся лучшая часть низшаго народонаселенія, разбогатѣвшая отъ торговли, промышленности и земледѣлія, стала переселяться въ города; угнетеннымъ классамъ открылся исходъ въ привилегированное сословіе, и королевская власть получила въ свое вѣдѣніе цѣлую массу гражданъ, богатыхъ, предприимчивыхъ,

образованныхъ, готовыхъ на рѣшительную борьбу съ утѣснявшимъ ихъ старымъ порядкомъ.

Изъ среды этихъ людей вышли юристы, которые сдѣлались самыми усердными слугами королей, ревностными поборниками новыхъ ихъ притязаній. Первоначально дѣльцы набирались изъ духовнаго званія, которое въ то время одно обладало грамотностью и нѣкоторыми юридическими свѣдѣніями; потому они назывались клерками, дяками. Но, съ возвышеніемъ третьяго сословія, съ успѣхами его въ богатствѣ и просвѣщеніи, въ немъ сосредоточилось юридическое образованіе, которое изъ духовнаго сдѣлалось свѣтскимъ и черезъ это получило возможность содѣйствовать развитію новаго порядка вещей. Общины были слишкомъ разрознены и самостоятельны; въ нихъ преобладалъ духъ мѣстный, корпоративный, онѣ подчасъ готовы были возстать на самого короля для защиты своихъ привилегій; въ нихъ неорганизованный еще демократическій духъ могъ прорываться мятежами, которые угрожали опасностью юному государству. Въ юристахъ не было этого духа мѣстной независимости; они дѣйствовали во имя общей цѣли. Вооруженные римскимъ правомъ, они являлись проводниками идеи государства, злѣйшими врагами стараго порядка; за то ихъ и ненавидѣли бароны. Почти каждый вступавшій на престолъ государь долженъ былъ жертвовать имъ нѣсколькими юристами, любимцами своего предшественника; но на мѣсто погибшихъ являлись другіе, столь же неустрашимые, готовые на всякія средства и подвиги, съ запасомъ ученыхъ доводовъ въ пользу королевской власти. И чѣмъ болѣе прилагалось ихъ ученіе, тѣмъ они становились необходимѣе. Скоро стало невозможнымъ рѣшить какое либо дѣло безъ ихъ участія, такъ что мало по малу они все забрали въ свои руки. Даже феодальные владѣльцы не могли обойтись безъ ихъ помощи; для суда, для управленія они выбирали юристовъ и полагались на

нихъ, сами оставаясь въ сторонѣ. «Не могу воздержаться отъ осужденія невѣжественныхъ господъ», говоритъ Комминъ; «почти всеѣ господа охотно отыскиваютъ себѣ какихъ нибудь дьяковъ и людей съ длинными платьями, которые очень полезны, когда хороши, и очень опасны, когда дурны. При всякомъ случаѣ у нихъ на языкѣ какой нибудь законъ или розказни. Но повѣрьте, что Богъ не установилъ должности короля или князя для того, чтобъ исполняли ее глупцы или такіе люди, которые по ложному тщеславію говорятъ: я не дьякъ; пусть рѣшаетъ мой совѣтъ, я довѣряюсь ему. И потомъ уходятъ, не подавая другаго мнѣнія въ разсужденіяхъ о дѣлахъ». Въ этихъ словахъ Коммина слышно прискорбіе; но исторія сильнѣе этихъ тщетныхъ сожалѣній. На первый планъ выдвигалась новая сила, которая затмѣвала прежнія; у нея въ рукахъ было знаніе, и могущественное невѣжество должно было склоняться передъ незнатною образованностью.

Дѣятельность юристовъ, обладавшихъ теоретическимъ образованіемъ, сообщала самому развитію государства характеръ теоретическій. Не частныя сдѣлки между различными общественными элементами, не потребности, возникающія изъ отдѣльныхъ жизненныхъ столкновеній, вели къ установленію новаго порядка: онъ водворялся во имя начала духовнаго, во имя идеи. Старымъ привилегіямъ, раздѣлявшимъ народъ на части, противопологалось понятіе о государствѣ, какъ о единомъ общественномъ тѣлѣ, и борьба этихъ двухъ противоположныхъ возрѣній клонилась болѣе и болѣе къ побѣдѣ послѣдняго. Главнымъ ея орудіемъ, важнѣйшимъ источникомъ новой теоріи, явилось римское право, которое, вслѣдствіе этого, получило первенствующее значеніе въ развитіи государства. Вообще введеніе римскаго права, вмѣстѣ съ развитіемъ королевской власти, служитъ поворотною точкою новой исторіи, гранью, которая отдѣляетъ новый общественный бытъ

отъ средневѣковаго. Въ юридической области это было такое же возвращеніе къ древности, какъ въ области наукъ и искусствъ великое движеніе эпохи возрожденія. Забытыя сокровища античнаго міра поступали въ обладаніе новаго человечества, просвѣщеннаго христіанствомъ и развившаго въ себѣ чувство личнаго права. Изъ этихъ элементовъ составила жизнь новаго времени, въ которой наслѣдіе, завѣщанное Греціею и Римомъ, служило руководствомъ на пути общественности и просвѣщенія. Если въ возрожденіи наукъ и искусствъ первенство принадлежитъ Италіи и Германіи, то въ развитіи общественной жизни первое мѣсто безспорно остается за Франціей. Прежде всеѣхъ она приняла римское право и приложила его къ дѣлу; вслѣдствіе этого она сдѣлалась образцомъ для остальныхъ государствъ западно-европейскаго материка.

Объяснимъ вкратцѣ, въ чемъ состояло великое значеніе римскаго права.

Юридическій элементъ составляетъ ту сторону жизни, которая обнимаетъ общественныя отношенія людей, которая опредѣляетъ права и обязанности человѣка, какъ члена общества, и устройство общества, какъ единого тѣла. Чѣмъ выше въ народѣ юридическое сознаніе, раскрывающее идею справедливости, тѣмъ болѣе развита его общественная жизнь. Но извѣстно, что ни одинъ народъ въ мірѣ не обладалъ такимъ юридическимъ тактомъ, какъ Римляне. Вслѣдствіе вѣковой борьбы патриціевъ съ плебеями, у нихъ развилось такое глубокое пониманіе всеѣхъ общественныхъ отношеній, такой тонкій анализъ различныхъ юридическихъ элементовъ, такое дивное сочетаніе теоріи съ практикой, соблюденія строгой законности съ стремленіемъ къ чистой справедливости, что они достойны были сдѣлаться въ этомъ отношеніи наставниками всеѣхъ временъ и народовъ. И этотъ удивительный юридическій смыслъ они сохранили во всеѣ эпохи своей исторіи. Начавъ

съ развитія системы права исключительно народной, они мало по малу расширяли эту тѣсную сферу. Въ римскую народность постепенно входили другія, которыя требовали болѣе широкихъ юридическихъ опредѣленій, и этотъ процессъ продолжался до тѣхъ поръ, пока Римская Имперія не приняла въ свои нѣдра весь почти извѣстный тогда міръ. Древняя національность не выдержала этого безмѣрнаго расширенія общественныхъ отношеній: она разложилась; подорванъ былъ самый корень жизни и государство необходимо стало клониться къ упадку. Обнимая собою цѣлый міръ, оторвавшись отъ мѣстной почвы, Римская Имперія, а вмѣстѣ съ нею и римское право должны были получить характеръ отвлеченный. Но чрезъ это самое они приобрѣли значеніе общечеловѣческое. Римское право перестало быть дѣломъ одного народа; оно стало правомъ всѣхъ народовъ (*jus gentium*). Оно раскрывало чистую идею справедливости, независимую отъ историческихъ данныхъ; оно анализировало чистое понятіе объ обществѣ, о государствѣ, какъ о самостоятельной области человѣческаго бытія, имѣющей собственное, внутреннее начало, и выводило изъ этого понятія тѣ основныя положенія, на которыхъ должны держаться всѣ человѣческія общества. Изъ глубины разлагавшейся жизни весь выработанный вѣками юридическій тактъ перешелъ въ область теоріи, которая черезъ это получила необыкновенную стройность, ясность, доказательность. Какъ результатъ міровой работы величайшаго въ этой области народа, она могла сдѣлаться воспитательницею юныхъ племенъ, неоцѣненнымъ сокровищемъ, которое древній міръ завѣщалъ новому человечеству.

Понятно, какую силу такое оружіе должно было сообщить его обладателю. Королевская власть выступала съ грознымъ авторитетомъ, съ авторитетомъ того народа, котораго величественные слѣды виднѣлись еще всюду, приводя въ изумле-

ніе потомковъ, съ авторитетомъ мысли и просвѣщенія, самымъ законнымъ и необходимымъ въ дѣлѣ воспитанія. Во имя государства, какъ самостоятельнаго союза, во имя правъ общества, какъ единого цѣлаго, обращалась она и противъ историческихъ притязаній привилегированныхъ лицъ, и противъ теократическаго ученія средневѣковой церкви, которая хотѣла свѣтское, общественное начало государства подчинить началу каноническому.

Съ одной стороны частному праву противопоставалось общественное. Если государство составляетъ союзъ всенародный, который подчиняетъ себѣ всѣ отдѣльныя части, то всякое общественное право должно истекать изъ власти, представляющей общественное единство, власти, которая поэтому называется верховною, каковъ бы ни былъ, впрочемъ, образъ правленія: монархическій неограниченный, ограниченный или республиканскій. Идеи государства противны всякія частныя привилегіи, которыя дѣлаютъ право собственности нѣкоторыхъ лицъ или частей. Если государство допускаетъ ихъ въ себѣ, то это показываетъ, что оно еще не успѣло освободиться отъ прошедшаго и стоитъ на низшей степени развитія. Чѣмъ болѣе оно сознаетъ свою сущность, тѣмъ сильнѣе оно обращается противъ несовмѣстныхъ съ ней привилегій. Поэтому дѣятельность французскихъ королей естественно клонилась къ разрушенію средневѣковаго порядка, въ которомъ господствовало частное право. Феодалы знали только подчиненіе личное, основанное на отношеніяхъ договорныхъ и имущественныхъ. Въ качествѣ вассаловъ, они имѣли извѣстныя обязанности, которыя они брали на себя въ-замѣнъ полученнаго во владѣніе лена; но дальше они не хотѣли уже допускать никакихъ требованій. Собственные ихъ подданные состояли въ личной зависимости отъ нихъ и не имѣли непосредственныхъ отношеній къ высшей власти. Новое ученіе,

напротивъ, утверждало, что всѣ жители Франціи прежде всего суть подданные короля, что каждый членъ общества имѣетъ обязанности къ верховной государственной власти, независимо отъ отношеній имущественныхъ и договорныхъ. По средневѣковымъ понятіямъ, власть законодательная, судебная, полицейская составляла принадлежность поземельнаго владѣнія; это было преимущество, которое вытекало изъ феодальнаго права. Юристы же видѣли въ королѣ, какъ представителѣ верховной власти, единственный источникъ всякихъ общественныхъ правъ и преимуществъ. Они говорили, что верховной власти принадлежитъ право издавать законы, обязательные для всѣхъ; что судъ и полиція составляютъ неотъемлемое ея достояніе, которое она раздаетъ въ видахъ общественной пользы; что привилегіи даруются ею и ею же могутъ быть взяты назадъ. Считая себя верховнымъ блюстителемъ порядка въ государствѣ, король не хотѣлъ болѣе терпѣть частныхъ войнъ, которыя въ средніе вѣка представлялись естественнымъ послѣдствіемъ свободы; частныя войны стали преслѣдоваться, какъ разбои. Наконецъ, когда бароны въ предѣлахъ своей земли хотѣли безответственно пользоваться общественными правами, имъ противопоставляли одинъ изъ тѣхъ римскихъ афоризмовъ, которые кажутся вылитыми изъ вѣчной формы, какъ образецъ для всѣхъ будущихъ поколѣній: *ubi emolumentum, ibi opus*, гдѣ выгода, тамъ и тяжесть, и заставляли ихъ заботиться объ исправномъ состояніи тѣхъ частей, которыя находились въ ихъ вѣдомствѣ, объ устройствѣ дорогъ, объ отправленіи правосудія, о преслѣдованіи преступленій.

Съ другой стороны, въ опроверженіе католическихъ теорій о значеніи духовной власти, юристы утверждали, что король, какъ представитель государства, одинъ имѣетъ верховную власть на землѣ; что онъ въ своихъ рѣшеніяхъ руководствуется единой общественной пользой и не обязанъ подчиняться

никому; что папскія буллы получаютъ силу въ государствѣ не иначе, какъ съ утвержденія короля; что церковныя наказанія могутъ имѣть гражданскія послѣдствія не иначе, какъ если свѣтская власть найдетъ ихъ справедливыми; что право суда въ гражданскихъ дѣлахъ сообщается духовенству свѣтскимъ правительствомъ, которое вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ обязанность блюсти за отправленіемъ правосудія; что духовенство, какъ гражданское сословіе, принадлежитъ къ числу подданныхъ короля и обязано участвовать въ податяхъ на пользу государства; словомъ, средневѣковому ученію, которое надъ всѣмъ старалось возвысить духовную власть, противопоставилось ученіе новое, которое дѣлало государство совершенно независимымъ, ставило его на первое мѣсто въ общественномъ бытѣ и подчиняло ему всю гражданскую сторону церкви.

Разумѣется, всѣ эти юридическія теоріи не появились въ жизни разомъ, какъ готовое цѣлое. Возникающая власть не выступила внезапно на поприще въ обновленномъ видѣ, въ полномъ вооруженіи. Прошедшее сглаживается не такъ легко, и долго еще, можно сказать, даже до конца, короли носили на себѣ характеръ полуканоническій, полуфеодальный. Но сквозь эти старыя формы непрерывно пробиваются новыя; при каждомъ удобномъ случаѣ, при каждомъ жизненномъ столкновеніи, для поддержанія правъ короля выставляется ученіе, которое историческія начала разбиваетъ началами рациональными. Неудержимо идетъ юное правительство къ своей цѣли, и хотя нерѣдко наступаютъ реакціи, побѣда постоянно остается на его сторонѣ.

Становясь такимъ образомъ въ прямую оппозицію съ старымъ бытомъ, государственная власть должна была образовать собственную организацію, которая выдѣлялась изъ окружающей среды. Такое самостоятельное устройство она получила въ чиновничествѣ. Это было понятіе новое, которое плохо

клеилось съ тогдашнею жизнью. Какъ мы уже имѣли случай сказать, въ средніе вѣка всякая должность, всякое общественное положеніе стремились принять характеръ частной собственности, прирожденнаго права: одинъ былъ природный судья, другой естественный полиціймейстеръ, третій потомственный военачальникъ, четвертый рождался защитникомъ какого-нибудь архіепископства, и каждое такое право, разъ прибрѣтенное, передавалось изъ рода въ родъ. Чиновникъ же, по понятіямъ римскаго права, былъ лицомъ чисто общественнымъ; верховная власть поручала ему извѣстную должность, смотря по способностямъ, и, пока онъ являлся исправнымъ и усерднымъ ея исполнителемъ, онъ занималъ мѣсто и возвышался не по рожденію, а по мѣрѣ заслугъ; ему не принадлежало извѣстное право, а на него возлагались общественныя обязанности, за исполненіе которыхъ онъ получалъ соразмѣрное вознагражденіе. Система чиновничества явилась воплощеніемъ началъ государственныхъ, орудіемъ, посредствомъ котораго короли разрушали средневѣковой порядокъ и создавали бытъ новаго времени.

Первыми представителями бюрократіи въ подчиненныхъ королю областяхъ были учрежденные съ конца XII-го и начала XIII-го вѣка бальи и сеншалы. Эти должности запрещено было отдавать на откупъ, какъ дѣлалось съ другими. На новыхъ чиновниковъ перенесены нѣкоторыя постановленія о римскихъ проконсулахъ, которые, вслѣдствіе удаленія отъ контроля центральной власти, подвергались значительнымъ ограниченіямъ: они не могли назначаться въ области, гдѣ родились; имъ запрещено было получать подарки, покупать имѣнія въ округахъ своего вѣдомства, жениться въ нихъ и отдавать замужъ дочерей. Бальи и сеншалы были уполномоченными короля по дѣламъ всякаго рода, а дѣла эти раздѣлялись на два разряда: съ одной стороны, новые чиновники являлись

представителями феодальныхъ правъ короля надъ его вассалами, съ другой — управителями королевскихъ имѣній. Но естественно, что они права послѣдней должности, которая предоставляла болѣе власти, старались перенести и на первую. Отсюда постоянное воздѣйствіе вотчинныхъ правъ короля на права феодальныя, постоянное стѣсненіе ленныхъ владѣльцевъ королевскими чиновниками. Подъ ихъ вліяніемъ, вслѣдствіе соединенія засѣданій по обѣимъ должностямъ, судъ перовъ, который, при существующемъ неравенствѣ лицъ, устанавливалъ для каждаго отдѣльную категорію подсудности, замѣнился судомъ юристовъ, равнымъ для всѣхъ; средневѣковыя формы судопроизводства стали замѣняться римскими; судебный поединокъ уступилъ мѣсто доказательствамъ болѣе разумнымъ.

Рядомъ съ этими органами явились другіе чиновники — королевскіе прокуроры, повѣренные по дѣламъ короля: они должны были всюду охранять его права; а такъ-какъ послѣднія получали болѣе и болѣе объемъ, то прокуроры сдѣлались общими блюстителями правосудія, обвинителями преступниковъ, установителями новыхъ началъ уголовного права и слѣдственнаго процесса.

Наконецъ преобразованія совершились и въ центрѣ. Въ Парижѣ возникъ королевскій парламентъ. Первоначально, также какъ должность бальи, онъ былъ соединеніемъ высшей судебной куріи по дѣламъ феодальнымъ и административной коллегіи по дѣламъ вотчиннымъ. И здѣсь это сочетаніе разнородныхъ дѣлъ привело къ тѣмъ же результатамъ. Юристы, которые засѣдали въ немъ для послѣднихъ, получили вліяніе и на первыя; судъ перовъ замѣнился судомъ коллегіи. Тогда-какъ въ Англіи Верхняя Палата осталась учрежденіемъ чисто аристократическимъ, во Франціи соотвѣтствовавшей ей парламентъ наполнился людьми незнатнаго проис-

хожденія, большею частью изъ третьяго сословія, которые составили первое зерно столь высоко стоящей французской магистратуры. Парламентъ завѣдывалъ сначала всѣми дѣлами; впослѣдствіи отъ него отдѣлилась по финансовой части счетная камера, а по административной — королевскій совѣтъ; впрочемъ, вѣдомство ихъ никогда не было точно разграничено. Парламентъ явился лучшимъ проводникомъ государственныхъ идей, самымъ ревностнымъ защитникомъ правъ короля. Подъ вліяніемъ выработанной имъ юриспруденціи, съ помощью чиновной іерархіи, средневѣковые союзы все болѣе и болѣе подчинялись центральной власти. Въ противоположность поземельнымъ правамъ феодальныхъ владѣльцевъ составлялась цѣлая система казусовъ, которая подлежала исключительно вѣдомству короля (*cas royaux*). Всякая новая отрасль управленія включалась въ эти регальныя права, такъ что съ развитіемъ общественныхъ потребностей, эта система становилась все обширнѣе. На церковный судъ введена апелляція о злоупотребленіяхъ (*appels comme d'abus*), которая подала поводъ къ постоянному вмѣшательству королевской власти. Сами тяжущіеся, при лучшемъ устройствѣ свѣтскихъ судилищъ, стали обращаться къ нимъ преимущественно передъ судами духовными. Наконецъ правительство поставило самыя общины въ ближайшую отъ себя зависимость. Тѣ изъ нихъ, которыя пріобрѣли себѣ права возстаніемъ и собственно носили названіе коммунъ, уничтожились, нѣкоторыя по повелѣнію королей, въ наказаніе за неповиновеніе, другія по просьбѣ самихъ жителей, которымъ легче казалось отдаться подъ покровительство короля, нежели стоять вѣчно на сторожѣ съ оружіемъ въ рукахъ. Всѣ вообще городовыя и даже многія сельскія общины приблизились къ устройству городовъ, получившихъ королевскія привилегіи. Послѣднихъ было роздано множество въ теченіе XIV-го и XV-го столѣтій, но во всѣхъ

граматахъ замѣтно стараніе усилить значеніе центральной власти, лишить общины политической независимости. У нихъ отнято было право вести войны и держать вооруженную армію; общинныя ополченія подчинены королевскимъ военачальникамъ. Демократическое устройство городовъ, при существованіи множества разнородныхъ правъ, сословіи, корпорацій, подавало поводъ къ спорамъ, смутамъ и беспорядкамъ: общины дѣйствовали заодно, пока нужно было отстаивать силою свое существованіе; какъ-скоро водворился болѣе мирный порядокъ, вспыхнули внутреннія несогласія. Вслѣдствіе этого демократическія учрежденія тамъ, гдѣ они были, стали замѣняться устройствомъ болѣе искусственнымъ, въ которомъ вводилось сильное участіе центральной власти. Общины стали давать отчетъ въ употребленіи своихъ денегъ, нѣкоторыя представляли даже свои бюджеты на утвержденіе королевскихъ чиновниковъ; на приговоры ихъ судей можно было подавать апелляціи въ королевскіе трибуналы. Всѣ эти мѣры имѣли цѣлью уничтожить въ нихъ духъ исключительно мѣстный, часто революціонный, ввести ихъ въ общій порядокъ, уравнять ихъ съ остальнымъ народонаселеніемъ, наконецъ доставить королямъ силу, на которую бы они могли постоянно разчитывать.

Такъ мало по малу собиралось государство. Въ концѣ XV-го вѣка политическое единство Франціи было создано; власть могучихъ вассаловъ уничтожена, церковь подчинена государству, общины поставлены въ зависимость отъ центра. До сихъ поръ короли, выбиваясь изъ старыхъ формъ, дѣйствовали болѣе частными мѣрами, урывками, хитростью, приспособляясь къ стѣснительнымъ обстоятельствамъ и часто склоняясь передъ ними. Теперь, упрочивъ за собою верховную власть, они стали поступать рѣшительнѣе. Они стараются ввести въ законодательство порядокъ и единообразіе, подвести подъ общія нормы безконечно различныя граждан-

скія учрежденія края. Съ этой цѣлью они издають постановленія общія, обязательныя для всѣхъ, разрушаютъ по возможности все, что противорѣчитъ государственной системѣ, развиваютъ правительственный организмъ, стараются возбудить народную дѣятельность, покровительствуютъ наукамъ, искусствамъ, промышленности, и вмѣстѣ съ тѣмъ естественно все болѣе и болѣе стягиваютъ въ свои руки, ибо въ противоположность разрозненному средневѣковому обществу они являются проводниками идеи народного единства и образующаго государственнаго начала.

Съ XVI-го вѣка начинается совершенное уничтоженіе господскаго суда. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сохраняются еще слабые остатки этого средневѣковаго учрежденія, но и здѣсь правительство требуетъ, чтобъ судьями были законовѣдцы; къ нимъ приставляются для надзора королевскіе чиновники; словомъ, эти судилища организуются по образцу государственныхъ. Полиція также вся переходитъ въ руки правительства. Потомки феодальныхъ владѣльцевъ теряютъ такимъ образомъ всякую власть надъ прежними подданными, хотя за ними остаются еще многообразныя и весьма стѣснительныя для крестьянъ феодальныя подати и повинности. Въ XVI-мъ вѣкѣ отняты многія права и у духовенства: конкордатъ Франциска I предоставилъ королю самое назначеніе епископовъ; изъ вѣдомства духовныхъ судилищъ изъята большая часть гражданскихъ дѣлъ, которыя подлежали имъ прежде. За ними остались только дѣла чисто церковныя да личные иски противъ духовныхъ особъ. Однако и здѣсь королевская власть вмѣшивалась постоянно посредствомъ права вытребовать нужныя дѣла на свое разсмотрѣніе. Съ XVII-го же вѣка стали и въ духовныя судилища вводить королевскихъ чиновниковъ. Духовенство жаловалось на такія стѣсненія, но ему отвѣчали, что король можетъ по своему изволенію ограничивать

церковный судъ, ибо онъ самъ же его установилъ. Наконецъ въ XVI-мъ вѣкѣ уничтожена была и судебная власть общинъ. Въ 1566 году у нихъ отнято было вѣдомство дѣлъ гражданскихъ, а въ 1579 и 1580 онѣ окончательно лишены были права суда уголовного. Все это перешло къ королевскимъ судилищамъ. Въ самомъ дѣлѣ, общинный судъ въ это время сдѣлался невозможнымъ: составленный изъ скабиновъ и присяжныхъ, выбранныхъ мѣстными жителями и корпораціями, онъ былъ органомъ мѣстнаго обычая, а послѣдній сталъ болѣе и болѣе подчиняться вліянію общаго законодательства и римскаго права. Для рѣшенія судебныхъ дѣлъ необходимо было ученое знаніе законовъ, котораго мѣстные выборные не имѣли; естественно, что судъ долженъ былъ отъ нихъ перейти къ королевскимъ судилищамъ, гдѣ заседали юристы, также люди третьяго сословія, и притомъ, какъ увидимъ ниже, весьма независимые отъ центральной власти. Около того же времени началась и письменная редація обычаевъ; она составила многотомные сборники. То были крѣпкіе средневѣковые выростки, которые долго сохраняли свою силу и противились расширенію общихъ постановленій; еще въ XVIII-мъ вѣкѣ д'Агессо считалъ невозможнымъ введеніе единообразнаго законодательства. Изъ взаимодѣйствія этихъ двухъ элементовъ сложилось французское право новаго времени. Оба разрабатывались учеными юристами, которые образовали цѣлыя школы съ различными направленіями. Главныхъ были двѣ: школа римская, которой высшими представителями было Куяцій, а впоследствии Потье, и школа обычная, которая прославилась особенно трудами Дюмулена.

Основавъ на твердыхъ началахъ свое политическое могущество, соединивъ всю Францію въ своихъ рукахъ, королевская власть стала заботиться и о лучшемъ устройствѣ управленія. Отдѣльныя отрасли, одна за другою, выдѣлялись изъ

вѣдомства бальи и получали самостоятельную организацію. Военная власть предоставлена была губернаторамъ провинцій; полиція, преимущественно преслѣдованіе воровъ и разбойниковъ, а равно и судъ надъ ними, перешла большею частью въ руки превотовъ (*prévôts des maréchaux*), которые имѣли подъ командою особенную стражу подъ именемъ *maréchaussée*; для финансовъ, кромѣ разныхъ другихъ мѣстъ и лицъ, установлены въ каждой провинціи финансовыя бюро (*bureaux des finances*), которыя завѣдывали сборомъ податей. Бальи сохранили большею частью только судебное вѣдомство, да и то они раздѣляли съ своими лейтенантами и съ другими установленіями, каковы были, напримѣръ, учрежденные въ XVI-мъ вѣкѣ президіальные трибуналы. Несмотря однако на это раздѣленіе, точнаго, систематическаго разграниченія вѣдомствъ еще не было. Судебныя власти вступались въ дѣла административныя, и наоборотъ; да и самыя административныя власти часто приходили въ столкновеніе между собою. Это была машина, въ которой постепенно устраивались отдѣльныя колеса, но которая не была еще приведена въ надлежащій порядокъ. Это неустройство управленія, а равно и трудность контроля при тогдашнихъ средствахъ привели къ необходимости вновь сосредоточить въ рукахъ одной мѣстной власти раздробленныя отрасли. Съ этой цѣлью стали посылать въ провинціи особенныхъ комиссаровъ (*commissaires départis*), а со временъ Ришльё они замѣнены постоянными интендантами для юстиціи, полиціи и финансовъ. Последніе, какъ и прежніе бальи, соединяли всю высшую мѣстную власть въ своихъ рукахъ, но рядомъ съ ними не было уже совершенно независимыхъ феодальныхъ владѣльцевъ, а подъ ними стояла цѣлая система управленія, учрежденнаго государствомъ. Интенданты были прямыми исполнителями рѣшеній центральной власти; они непосредственно подчинялись высшему прави-

тельственому мѣсту — Королевскому Совѣту; въ царствованіе же Лудовика XIV они поставлены въ зависимость отъ генераль-контролера, который завѣдывалъ почти всѣми внутренними дѣлами.

Такимъ образомъ правительственная власть получила уже весьма значительное развитіе, хотя собственно правильнаго, единообразнаго подчиненія еще не было и дѣйствія ея всюду стѣснялись корпоративнымъ устройствомъ мѣстъ и привилегированными сословіями. По судебной части нѣкоторыя провинціи имѣли свои собственные парламенты, независимые отъ парижскаго; другія имѣли даже мѣстное представительство — провинціальныя штаты, которые управляли дѣлами края. Наконецъ, что всего важнѣе, назначеніе и отрѣшеніе значительной части судебныхъ и финансовыхъ чиновниковъ совершенно не зависѣло отъ правительства. Мы сказали уже, что хотя юное государство проникалось началами римскаго права, однако оно не могло отрѣшиться совершенно отъ окружающей среды. Средневѣковой порядокъ вторгался въ него со всѣхъ сторонъ, нарушалъ его цѣльность и часто внушалъ правительству мѣры, которыя противорѣчили общимъ его стремленіямъ. Особенно финансовыя затрудненія заставляли иногда королей прибѣгать къ средствамъ, въ которыхъ сильно отзывалось средневѣковое воззрѣніе. Такова была продажа должностей — явленіе, которое особенно съ XIV-го вѣка сдѣлалось во Франціи весьма обыкновеннымъ. Потребности королевства умножались, а денежные средства были скудны. Хотя короли присвоили себѣ право устанавливать новые налоги безъ согласія генеральныхъ штатовъ, однако и это не покрывало нужды; да притомъ же такія произвольныя мѣры подавали поводъ къ неудовольствіямъ и затрудненіямъ. Для пополненія оскудѣвшей казны, короли рѣшались продавать должности сначала пожизненно, потомъ и наследственно, за постоянную

плату. При этомъ строго опредѣлялись личныя условія, необходимыя для пріобрѣтенія мѣстъ; сами чиновныя корпораціи, которыя въ этомъ случаѣ замѣняли собою общественную власть, ревниво слѣдили за своими членами; но все же, при такой системѣ, должности разсматривались, какъ доходныя статьи, и раздавались не по достоинству, а по богатству. Однако это имѣло и нѣкоторыя послѣдствія, не совсѣмъ невыгодныя для того времени. Съ одной стороны, должностныя лица становились черезъ это неотрѣшимыми, что составляло важное обезпеченіе въ непристрастіи судей; въ коллегіяхъ развивался духъ независимости, духъ корпоративный, основанный на высокомъ понятіи о магистратурѣ, на строгомъ исполненіи правилъ честности; парламенты получали возможность противостоятъ иногда королевской власти, воздерживать слишкомъ сильныя проявленія произвола; съ другой стороны, это способствовало возвышенію третьяго сословія; оно было богаче другихъ и легко могло уплачивать значительныя суммы за должности. Много людей незнатнаго происхожденія проникли такимъ образомъ въ правительственную сферу; они образовали особаго рода чиновное дворянство, *noblesse de robe*, изъ котораго вышли нѣкоторыя изъ лучшихъ людей Франціи. Всѣ эти причины объясняютъ намъ, почему даже такой великій умъ, какъ Монтескьё, могъ писать въ пользу продажи должностей; правда, что онъ имѣлъ при этомъ и личный свой интересъ.

Какъ продавались мѣста, такъ продавались и граматы на дворянство. Званіе дворянина, которое въ средніе вѣка было принадлежностью леннаго владѣнія, военныхъ занятій, переходившихъ изъ рода въ родъ, теперь сдѣлалось почетнымъ титуломъ, который верховная власть могла раздавать по своему изволенію. Въ первый разъ въ 1270 году парижскій золотыхъ дѣлъ мастеръ возведенъ былъ въ дворянство; съ тѣхъ поръ это продолжалось непрерывно и сдѣлалось источникомъ

казенныхъ доходовъ. Въ XVI вѣкѣ патенты продавались дѣжжинами. Такое расточеніе сословныхъ правъ открыло третьему сословію широкія двери въ высшее званіе и оно, разумѣется, воспользовалось удобнымъ случаемъ. Изъ лицъ пожалованныхъ и купившихъ себѣ титулъ, составилось особое дворянство — патентное, *noblesse par lettres*. Другой путь къ возвышенію открылся съ учрежденіемъ постоянного войска. Последнее съ XVI-го вѣка все болѣе и болѣе замѣняетъ прежнія феодальныя ополченія, которыя въ войнахъ съ Англіею покрыли себя позоромъ. Въ новой арміи незнатный человекъ могъ выслужить себѣ дворянство, достигнувъ капитанскаго чина. Хотя старое благородное сословіе старалось сдѣлать военныя должности исключительною своею принадлежностью, однако правительство не допускало этого и давало ходъ людямъ изъ низшаго званія. Выше мы упоминали уже о дворянствѣ, которое пріобрѣталось чинами гражданскими; наконецъ было еще дворянство городное, *noblesse d'échevinage*, которое пріобрѣталось нѣкоторыми должностями по городскому управленію. Такимъ образомъ въ высшее сословіе введены разнородные элементы, что давало возможность возвышаться предприимчивости и заслугамъ. Несмотря, однако, на это сближеніе дворянства съ прочими сословіями, несмотря на уменьшеніе его значенія, оно все еще пользовалось привилегіями, слишкомъ обременительными для общества. Стѣсняя политическія его права, опасныя для государства, короли старались привязать его къ себѣ оставленіемъ за нимъ преимуществъ почетныхъ, которыя напоминали ему прежнее значеніе. Сюда относится въ особенности освобожденіе отъ податей, за которое дворянство стояло всеми силами, стараясь свалить все бремя на третье сословіе.

Такова была образующая и уравнивающая дѣятельность французскихъ королей. Рядъ великихъ людей знаменуетъ этотъ

путь къ установленію новаго порядка вещей. Короли находили себѣ достойныхъ сподвижниковъ въ окружающихъ лицахъ: имена л'Опиталя, Сюлли, Ришельё, Кольбера останутся вѣчно памятными для исторіи. вмѣстѣ съ тѣмъ мысль народная постоянно сопутствовала правительству. При затруднительныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ нерѣдко находилась Франція, созывались генеральные штаты, собирались представители сословій, и здѣсь, на общемъ совѣщаніи, излагались жалобы на злоупотребленія, высказывались мнѣнія на счетъ лучшаго устройства. Сюда сходились люди опытные, образованные, краснорѣчивые, которые понимали потребности своего отечества и обширнымъ умомъ своимъ обхватывали всѣ стороны законодательства. Тетради, въ которыя вносились пренія и рѣшенія этихъ земскихъ собраній, составляютъ одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ французской исторіи. Въ особенности тетради третьяго сословія отличаются необыкновенною полнотою и государственнымъ разумомъ. Содержаніе ихъ обыкновенно переходило въ постановленія королей, которыя издавались послѣ распушенія генеральныхъ штатовъ, такъ что законодательство постоянно черпало свои опредѣленія изъ народной опытности.

Менѣе счастливы были генеральные штаты, когда они сами хотѣли дѣйствовать, какъ политическая власть. Здѣсь проявлялись разрозненность сословій, столкновеніе враждебныхъ интересовъ, отсутствіе единого общественнаго духа, которые составляютъ отличительныя черты государства, собирающагося изъ отдѣльныхъ частей. Потому эти попытки всегда кончались неудачно и приводили къ большому усилению королевской власти. Таково было знаменитое демократическое движеніе XIV-го вѣка, во главѣ котораго стоялъ Стефанъ Марсель. Покинутые остальными сословіями, горожане должны были смириться передъ королемъ. Такой же несчастный ис-

ходъ имѣли властолюбивые замыслы штатовъ 1588 года, въ которыхъ, подъ вліяніемъ лиги, третье сословіе явилось проникнуто духомъ величайшей нетерпимости.

До какой степени генеральные штаты были въ то время неспособны управлять государствомъ — это лучше всего раскрывается изъ дѣятельности штатовъ 1614 года, послѣднихъ, которые были собраны передъ революціею. Съ первыхъ шаговъ обозначился уже полный разрывъ между дворянствомъ и третьимъ сословіемъ. Послѣ нѣсколькихъ столкновеній, первое стало просить уничтоженія наслѣдственности купленныхъ должностей, которая благопріятствовала возвышенію послѣдняго. Третье сословіе согласилось, но съ тѣмъ, чтобъ прекращены были и обременительныя для казны пенсіи, платимыя дворянамъ. Это предложеніе произвело страшный раздоръ. Духовенство сдѣлало попытку примиренія, но переговоры не только не утишили вражды, а, напротивъ, разожгли ее еще больше. Третье сословіе послало къ дворянству депутацію объявить, что оно не имѣло намѣренія оскорбить благородное званіе. Исполняя это порученіе, одинъ изъ депутатовъ, лейтенантъ де-Мемъ, сказалъ, что всѣ три сословія представляютъ трехъ братьевъ, дѣтей общей матери — Франціи; что духовенство есть старшій, дворянство второй, а третье сословіе младшій; что какъ послѣднее признаетъ дворянство высшимъ надъ собою, такъ и дворянство должно признать его братомъ, а не считать его за ничто; что, наконецъ, бываютъ семейства, въ которыхъ старшіе разоряютъ родительскій домъ, а младшіе его возстановляютъ. Дворянство взволновалось и отправилось съ жалобою къ королю. Ораторъ его, баронъ Сенесей, такъ описывалъ третье сословіе: «Классъ, составленный изъ народа городского и сельскаго; послѣдніе почти всѣ подвластные и подсудные высшимъ сословіямъ, горожане, состоящіе изъ мѣщанъ, ремесленниковъ и нѣсколькихъ чиновниковъ».

Потомъ онъ продолжалъ: «послѣдніе, забывая свое состояніе, безъ вѣдома своихъ избирателей, хотятъ сравнивать себя съ нами. Мнѣ стыдно, ваше величество, пересказывать слова, которыя снова насъ оскорбили; они сравниваютъ ваше государство съ семействомъ, составленнымъ изъ трехъ братьевъ, считаютъ духовенство старшимъ, насъ вторымъ, а самихъ себя третьимъ, и говорятъ, что дома разоренные старшими, восстанавливаются иногда младшими. До чего унизились мы, если эти слова справедливы!... И не довольствуясь тѣмъ, что называютъ себя нашими братьями, они приписываютъ себѣ восстановление государства, въ чемъ, какъ Франція знаетъ, они нисколько не участвовали, потому всякій и увѣренъ, что они ни въ какомъ случаѣ не могутъ сравнивать себя съ нами, и что такое притязаніе было бы невыносимо. Разсудите объ этомъ, ваше величество, и рѣшеніемъ, исполненнымъ справедливости, заставьте ихъ вспомнить о своихъ обязанностяхъ». Толпа дворянства вполне одобрила эту рѣчь и твердила: «Мы не хотимъ, чтобъ дѣти сапожниковъ называли насъ братьями: между ими и нами такое же разстояніе, какъ между бариномъ и холопомъ». Наконецъ дѣло было кой-какъ улажено; но едва оно прекратилось, какъ вспыхнула новая ссора между третьимъ сословіемъ и духовенствомъ. Первое, при составленіи общей тетради, поставило въ началѣ ея статью, которою утверждалась совершенная независимость королевской власти отъ какой бы то ни было другой, свѣтской или духовной. Духовенство возмутилось, и дворянство, изъ ненависти къ третьему сословію, приняло его сторону. Наконецъ правительство должно было объявить, что оно эту статью приняло къ свѣдѣнію и не велѣло вписывать ее въ тетрадь.

Эти раздоры показали совершенную невозможность дать генеральнымъ штатамъ участіе въ политической власти; тѣмъ не менѣе эти собранія имѣли въ исторіи Франціи великое

значеніе. Тетради ихъ свидѣтельствуютъ о глубокомъ пониманіи государственныхъ нуждъ, и самыя неудачныя попытки захватить власть въ свои руки показываютъ, до какой степени жива въ нихъ была политическая жизнь. Потому и мысль о народномъ представительствѣ не обратилась для Франціи въ древность, которой слѣды откапывались учеными; къ ней обращались съ любовью не одни изслѣдователи старины. Память о земскихъ совѣщаніяхъ постоянно сохранялась въ народѣ; она поддерживалась и тѣми частными собраніями, которыя оставались въ провинціяхъ. Впродолженіе XVII-го и XVIII-го столѣтій мысль эта непрерывно всплываетъ наружу съ большею и большею силою, и когда, по прошествіи слишкомъ полутора ста лѣтъ послѣ послѣдняго созванія народныхъ представителей, Франція увидѣла себя въ такомъ положеніи, изъ котораго, казалось, не было исхода, общій, неудержимый голосъ потребовалъ генеральныхъ штатовъ, какъ единственнаго спасенія для государства. Тогда снова собрались сословія, снова вспыхнули раздоры, но уже время было другое и результатъ былъ иной. Теперь же враждебныя отношенія классовъ способствовали только ббльшему усилению королевской власти; съ этихъ поръ она уже не встрѣчаетъ себѣ противодѣйствія, ибо и сопротивленіе парламента оказалось такъ же несостоятельнымъ, какъ и прочія преграды. Въ малолѣтство Лудовика XIV-го парламентъ, въ соединеніи съ аристократіей, пытался было возвысить свое политическое значеніе, но возбужденныя ими смуты, въ особенности же союзъ съ иностранцами, показали до какой степени сословія и корпорація мало были способны стоять во главѣ государства. Королевская власть вышла побѣдительницею изъ этой борьбы, ибо она въ то время одна была представительница народного единства и началъ государственнаго порядка.

При Лудовикѣ XIV она достигла такой высоты, на какой

не бывала еще доселѣ. Франція стояла на вершинѣ могущества и славы; съ нею не могло сравняться никакое европейское государство. Войско у нея было многочисленное и образцовое; флотъ, подъ управленіемъ Кольбера, не только возникъ изъ ничтожества, но могъ соперничать съ знаменитымъ флотомъ голландскимъ. Финансы тотъ же Кольберъ неутомимо дѣятельностью и безкорыстіемъ привелъ въ цвѣтущее состояніе; подати уменьшились, а доходы казны умножились. Всѣми этими средствами правительство располагало безпрепятственно. Старыя притязанія умолкли; оппозиція была подавлена. Пышностью двора, блескомъ воинскихъ дѣлъ дворянство было привлечено къ правительству; оно покинуло свои помѣстья и столпилось въ Парижѣ. Но, осыпая его наградами, заманивая его изяществомъ жизни, король не забывалъ и низшихъ сословій, напротивъ, со временъ Лудовика XI-го, никогда еще они не получали такого хода; недовольные изъ дворянъ, которые съ сожалѣніемъ вспоминали о прежней своей власти, называли этотъ вѣкъ царствованіемъ подлаго мѣщанства, *un règne de vile bourgeoisie*. Духовенство, подъ вліяніемъ короля, издало памятную декларацію 1682 года, которая устанавливала совершенную независимость свѣтской власти отъ духовной, и утверждала права галликанской церкви. Общины поставлены подъ ближайшій надзоръ центрального правительства; управленіе приняло болѣе стройный видъ: всѣ части его приводились въ согласіе и администрація становилась наукою. По всѣмъ отраслямъ государственнаго быта издавались, одно за другимъ, замѣчательныя законоположенія, которыя составляютъ славу царствованія Лудовика XIV-го. Между тѣмъ, престоль окружали цѣлые ряды знаменитыхъ именъ: славные министры, полководцы, адмиралы, писатели, проповѣдники покрывали удивительнымъ блескомъ и Францію и ея короля. Французская литература была предметомъ все-

общаго поклоненія; нравы славились утонченностью и служили образцомъ для всей Европы; самый языкъ французскій сдѣлался господствующимъ не только въ дипломатическихъ сношеніяхъ, но и въ самыхъ европейскихъ гостиныхъ. Возникли пышные дворцы съ волшебными садами, украшались города, пролагались дороги, строился каналъ, который долженъ былъ соединить Средиземное море съ Океаномъ. И все громкимъ хоромъ славилло короля; улыбка его озаряла счастіемъ окружающихъ, подвигала ихъ на упорные труды. Поклоненіе королевской власти сдѣлалось для Французовъ какъ-бы религіознымъ вѣрованіемъ; въ ней они видѣли символъ своего народнаго единства, виновницу своего величія. Не одною лестью, не придворнымъ раболѣпствомъ руководились они въ похвалахъ, расточаемыхъ власти — нѣтъ; съ искреннею любовью стремились къ престолу сердца подданныхъ; неподдѣльное чувство, вытекшее изъ исторіи, заставляло ихъ дорожить каждою мелочью, которая исходила отъ особы монарха. Такъ въ заключительныхъ инструкціяхъ, которыя Кольберъ писалъ для сына, между прочимъ, говорится: «Онъ долженъ положить себѣ за твердое и несомнѣнное правило, которое не должно подвергаться ни нарушенію, ни измѣненіямъ, что никакое дѣло, ни по какой причинѣ и ни подъ какимъ предлогомъ не можетъ быть отправлено безъ повелѣнія короля; то-есть, онъ долженъ составлять записки обо всемъ, что будетъ требоваться, класть ихъ на мой столъ и дожидаться, пока я не получу приказаній его величества и не изложу письменно его рѣшенія; и когда онъ прилежаніемъ и работою достигнетъ того, что самъ будетъ принимать повелѣнія короля, онъ долженъ благочестиво соблюдать въ продолженіе всей своей жизни, чтобъ никакое дѣло не было отправлено безъ приказаній его величества». И далѣе: «такъ-какъ высшая цѣль, которую онъ долженъ имѣть въ виду, состоитъ въ томъ, чтобъ быть пріят-

нымъ королю, онъ долженъ прилежно стараться узнавать въ продолженіе всей своей жизни, что можетъ быть угоднымъ его величеству, сдѣлать изъ этого предметъ особеннаго изученія, и такъ какъ постоянное пребываніе при его особѣ, конечно, можетъ весьма много содѣйствовать этой цѣли, то надобно стараться никогда не отлучаться отъ него, если можно». И эти слова писалъ не придворный угодникъ, а великій гражданинъ, который всю жизнь свою работалъ неутомимо для пользы общественной, который оказалъ отечеству незабвенныя услуги и хотѣлъ сына своего направить на тотъ же путь. Для него король былъ воплощеніемъ отечества и, умирая, онъ могъ по справедливости сказать: «еслибъ я для Бога сдѣлалъ то, что я сдѣлалъ для этого человѣка, я былъ бы дважды спасень».

Не легко было однако же удержаться на этой высотѣ, на которую короли возведены были историческимъ своимъ значеніемъ и любовью подданныхъ. Власть, которая уничтожила передъ собою преграды и лишилась внѣшняго побужденія къ дѣятельности, имѣетъ естественную склонность забыть свое общественное значеніе, предаться наслажденію своимъ величіемъ и неумѣренному употребленію пріобрѣтенной силы. Счастливо правительство, которое умѣетъ себя воздержать, которое, допуская свободное мнѣніе гражданъ, умѣетъ прислушиваться къ общественному голосу, понимаетъ новыя требованія и безъ потрясеній и переворотовъ производитъ нужныя измѣненія въ учрежденіяхъ. Къ несчастію, французское правительство потеряло сознаніе о своихъ обязанностяхъ. Вторая половина царствованія Людовика XIV-го составляетъ поворотную точку, съ которой прекращается благодѣтельная и прогрессивная его дѣятельность и начинается обратный ходъ. Блескъ, окружавшій короля, какъ-будто бы вскружилъ ему голову; природная склонность къ деспотизму стала про-

являться въ мѣрахъ, противныхъ общественной пользѣ. Стоитъ вспомнить объ отмѣненіи нантскаго эдикта. Прельстившись своимъ величіемъ, правительство осталось на немъ неподвижнымъ; его покинулъ прежній духъ неутомимой дѣятельности на пользу государства, а вмѣстѣ съ тѣмъ стала покидать его и любовь народа, которая уменьшалась постепенно до тѣхъ поръ, пока второй наслѣдникъ обожаемаго короля сложилъ голову свою на плахѣ. Исторія сдѣлала королевское имя символомъ отечества и народности; французскіе короли забыли это значеніе и начали все относить лично къ себѣ. «Государство—это я!» сказалъ Людовикъ XIV-й, и это выраженіе принималось буквально. «Въ прежнее время (говоритъ одинъ современникъ) государство входило всюду: толковали только объ интересахъ государства, о сохраненіи государства, о службѣ государству; теперь подобныя выраженія были бы настоящимъ преступленіемъ противъ королевскаго величества. Король занялъ мѣсто государства. Говорятъ о службѣ королю, о выгодахъ короля, о сохраненіи областей и имѣній короля. При французскомъ дворѣ не знаютъ другихъ интересовъ, кромѣ личныхъ интересовъ короля, то-есть его величія и славы. Это идеаль, которому приносятъ въ жертву князей, вельможъ, людей ничтожныхъ, дома, провинціи, города, финансы и вообще все. Не для пользы государства совершаются всѣ эти страшныя притѣсенія, ибо государство болѣе не существуетъ, стало быть и не для потребностей государства, ибо никогда Франція не имѣла ихъ меньше. Въ продолженіе тридцати лѣтъ у нея не было другихъ враговъ, кромѣ тѣхъ, которыхъ она сама себѣ создала изъ прихоти». Личныя страсти французскихъ королей и лицъ, окружающихъ престолъ, дѣлаются такимъ образомъ главными двигателями правительственной дѣятельности въ XVIII-мъ вѣкѣ; для нихъ погибають цѣлыя войска и выжимаются изъ народа милліоны,

которые легкомысленно расточаются вѣтреннымъ женщинамъ и угодникамъ. Настаетъ время владычества любовницъ и фаворитовъ; протекція дѣлается единственнымъ путемъ къ возвышенію. Роскошь, забавы поглощаютъ лучшія силы государства; народъ стонетъ подъ тяжестью обременительныхъ податей, бѣдность низшихъ классовъ достигаетъ ужасающихъ размѣровъ, а между-тѣмъ финансовый дефицитъ растетъ и растетъ съ каждымъ годомъ. Въ обществѣ живо чувствовалась потребность выйти изъ этого положенія, поправить разладившійся организмъ; но правительство не въ состояніи было это сдѣлать. Самъ Лудовикъ XVI-й, несмотря на свою благонамѣренность, не могъ оторваться отъ вліянія окружающей среды. Уступая натиску привилегированныхъ лицъ, которыя, во что бы ни стало, хотѣли удержать свое положеніе, онъ отказался отъ благихъ начинаній. Въ безплодномъ колебаніи провелъ онъ всю лучшую половину своего царствованія и упустилъ драгоцѣнное время. При такомъ положеніи вещей глубокое общественное потрясеніе казалось неизбѣжнымъ. Такъ протекла большая часть XVIII-го вѣка.

Остановимся на этой точкѣ и разберемъ подробнѣе состояніе, въ которомъ находилась Франція въ это время. На основаніи книги Токвилля, переберемъ отдѣльныя стороны государственной жизни и посмотримъ, какіе въ нихъ заключались элементы. Раскрывая такимъ образомъ существенныя черты эпохи, мы вмѣстѣ съ тѣмъ изложимъ самое содержаніе разбираемаго сочиненія и будемъ въ состояніи оправдать высказанное о немъ сужденіе.

Всматриваясь въ характеръ управленія XVIII-го вѣка, мы прежде всего замѣчаемъ въ немъ сильное развитіе правительственной власти. Выше было сказано, что верховнымъ правительственнымъ мѣстомъ въ государствѣ былъ Королевскій Совѣтъ, въ которомъ соединялись дѣла законодательныя, адми-

нистративныя и судебныя. Главнымъ министромъ былъ генераль-контролеръ, который мало по малу перетянулъ къ себѣ все дѣла, какою бы то ни было стороною касавшіяся финансовъ, то-есть почти все существенныя отрасли управленія. Отдѣльными областями правили назначенные королемъ интенданты для юстиціи, полиціи и финансовъ, а въ каждомъ кантонѣ былъ субделегатъ, который опредѣлялся интендантомъ. Все почти мѣстныя дѣла находились въ совершенной зависимости отъ послѣдняго; нерѣдко же они восходили къ генераль-контролеру и выше, въ Королевскій Совѣтъ. Чтобы нѣсколько познакомиться съ тогдашнимъ дѣлопроизводствомъ, послѣдуемъ за изложеніемъ Токвилля, который представилъ довольно полную, хотя и недостаточно подробную картину различныхъ отраслей управленія.

Прямые подати, которыя не отдавались на откупъ, устанавливались ежегодно и распредѣлялись по провинціямъ Королевскимъ Совѣтомъ. Затѣмъ интендантъ разлагалъ назначенную сумму по приходамъ или общинамъ (ибо это было одно и то же); вмѣстѣ съ своими агентами онъ надзиралъ за сборщиками, разрѣшалъ отсрочки и могъ даже слагать недоимки. Относительно милиціи точно такъ же Совѣтъ назначалъ ежегодно количество общаго набора и опредѣлялъ часть, которая падала на каждую провинцію; интендантъ разлагалъ это количество по приходамъ, а субделегатъ завѣдывалъ метаніемъ жребія, произносилъ приговоры объ изъятіяхъ, назначалъ ратниковъ, которые могли оставаться дома, и тѣхъ, которые должны были идти въ походъ, наконецъ, сдавалъ послѣднихъ военному начальству. Въ вѣдомствѣ правительственныхъ властей состояла и большая часть публичныхъ работъ и дорогъ. Для этой отрасли учрежденъ былъ Корпусъ Инженеровъ, который производилъ мѣстныя работы подъ вѣдомствомъ интендантовъ и подвергался ежегодной ревизіи рассылаемыхъ по

всей Франціи инспекторовъ. Для сохраненія общественнаго порядка въ каждой провинціи существовала особенная команда — марешоссе, подъ начальствомъ превода, который также подчинялся интенданту. Послѣдній завѣдывалъ и общественною благотворительностью: онъ распредѣлялъ по приходамъ суммы, ежегодно назначаемыя для этого изъ общаго государственнаго бюджета, онъ во время голода раздавалъ народу хлѣбъ и рисъ, онъ же устраивалъ и мѣстныя благотворительныя заведенія для нищихъ и бѣдныхъ. Наконецъ интендантъ, подъ апелляціею Совѣта, завѣдывалъ административнымъ судопроизводствомъ. Всѣ вообще споры, возникавшіе по случаю мѣръ, изданныхъ правительствомъ, отвлекались отъ вѣдомства обыкновенныхъ судилищъ и подвергались суду интенданта и Совѣта. То же самое происходило и съ жалобами на королевскихъ чиновниковъ. Кромѣ того, Совѣтъ могъ всякое дѣло, какъ бы мало оно ни соприкасалось съ администраціею, вытребовать къ себѣ подъ видомъ государственной пользы; не говоря уже о томъ, что ему подчинялось множество лицъ, которыя, или по закону или по собственной просьбѣ, пріобрѣли привилегированную подеудность.

Общины потеряли почти всякую самостоятельность. До второй половины царствованія Лудовика XIV-го города, какъ мы видѣли, подчинялись королевской власти, но сохраняли еще право избирать своихъ сановниковъ. Въ 1692 году, вслѣдствіе скуднаго состоянія казны, главныя общинныя должности были пущены въ продажу. Большая часть изъ нихъ была куплена самими общинами, которыя дорожили своимъ правомъ, такъ-что въ сущности это было только средство вытянуть изъ нихъ деньги. Но при каждомъ новомъ финансовомъ затрудненіи снова эти должности отбирались въ казну, создавались многія другія, часто вовсе ненужныя, и все это продавалось желающимъ. Токвилль справедливо считаетъ эти мѣры вели-

чайшимъ позоромъ для стараго правительства Франціи. Онѣ разорили городскія общины, перепутали все ихъ управленіе и значительно умножили число привилегированныхъ лицъ, ибо каждая должность тогда только продавалась выгодно, когда доставляла какія нибудь привилегіи. При этомъ сохранялись еще общинныя собранія. Они были двоякія: одно, состоявшее изъ общинныхъ сановниковъ, управляло городомъ; другое, состоявшее изъ гражданъ, обыкновенно только знатнѣйшихъ, производило выборы и участвовало въ важнѣйшихъ дѣлахъ. Но ни то, ни другое не имѣло уже самостоятельной дѣятельности; не было почти дѣлъ, не исключая самыхъ ничтожныхъ, въ которыя бы не вмѣшивалась правительственная власть. Установленіе мѣстныхъ податей, управленіе имуществами, веденіе тяжбъ, употребленіе излишка доходовъ, производство публичныхъ работъ — все это восходило на разрѣшеніе Королевскаго Совѣта. Самыя празднества устраивались интендантомъ. Независимость мѣстной власти совершенно исчезла; она не имѣла ни энергіи, ни инициативы.

То же самое было и въ селахъ. Здѣсь жилъ классъ народа самый бѣдный и необразованный. Мы сказали ужъ, что когда короли, противодѣйствуя феодализму, открыли сельскимъ жителямъ доступъ въ города, сюда хлынула цѣлая масса народонаселенія, состоявшая изъ лучшихъ людей, которые желали избавиться отъ феодальнаго гнета. Этотъ приливъ сельскаго народонаселенія къ городамъ продолжается до XVIII-го вѣка. Каждый сколько нибудь зажиточный и образованный крестьянинъ стремится перейти въ горожане, какъ для пріобрѣтенія бѣльшаго почета и привилегій, такъ и съ цѣлью избавиться отъ тяжести сельскаго управленія и оставшихся на крестьянахъ феодальныхъ повинностей. Между тѣмъ сельская община сохранила еще старинное свое демократическое устройство. Весь міръ выбираетъ своихъ общинныхъ начальни-

ковъ — синдика и сборщика податей; когда нужно рѣшить какое нибудь общее дѣло, богатые и бѣдные собираются передъ церковью при звукѣ колокола, каждый подаетъ свой голосъ и маклеръ записываетъ мнѣнія въ книгу. Но съ этими формами соединяется совершенное безсиліе: община ничего не можетъ сдѣлать безъ разрѣшенія правительства; она не имѣетъ права ни окладываться податями, ни распоряжаться своими землями, ни вести тяжбы безъ разрѣшенія Королевскаго Совѣта. Къ послѣднему нерѣдко восходили даже представленія о самыхъ пустыхъ расходахъ и перестройкахъ. Часто община, несмотря на свои права, должна была выбирать тѣхъ начальниковъ, на которыхъ указывалъ ей интендантъ. Самые выборные были только исполнителями приказаній интендантовъ, и если они думали сопротивляться, ихъ легко усмиряли. Потому эти должности считались не почетомъ, а тяжестью, отъ которой члены общины старались избавиться всякими средствами. При такомъ положеніи нужно было ввести, наконецъ, очередные выборы, чтобъ сохранить какую нибудь уравнительность. Особенно должность сборщика податей сдѣлалась невыносимымъ бременемъ. Сумма главной прямой подати (taille) опредѣлялась ежегодно, такъ-что никто не могъ заранѣе знать, что ему придется платить. Въ большей части Франціи она распредѣлялась между членами общины не на основаніи постоянного окладнаго предмета, напримѣръ, земли, а по предполагаемому богатству жителей; причемъ, по старому правилу, вся община отвѣтствовала за каждаго члена. Ежегодно интендантъ назначалъ общую сумму платежа, а выборный сборщикъ опредѣлялъ уже участіе каждаго жителя, отвѣтствуя притомъ за недоимки не только своимъ имуществомъ, но даже и лицомъ. Отсюда происходило бѣдственное его положеніе. «Эта должность (говоритъ Тюрго) приводитъ въ отчаяніе и даже разоряетъ тѣхъ, на которыхъ она возлагаетъ»

ся; этимъ способомъ постепенно приводятся въ нищету все зажиточныя семейства въ селѣ». Общинный окладной списокъ не могъ быть составленъ порядочнымъ образомъ. Еслибъ сборщикъ имѣлъ даже для этого достаточно способностей, «то можетъ ли онъ успѣть въ своемъ дѣлѣ (говоритъ беррійское провинціальное собраніе), когда онъ дѣйствуетъ въ потемкахъ? Ибо кто можетъ навѣрное знать богатство сосѣда и отношеніе онаго къ богатству другаго?» Чтобъ не подвергнуться слишкомъ высокому окладу, сельскіе жители старались по возможности скрывать свое состояніе. Для этого они должны были пускаться на всякія хитрости; ибо каждый ревниво слѣдилъ за сосѣдомъ и указывалъ сборщику на успѣхи его зажиточности, чтобъ свалить на него часть бремени съ себя. Такимъ образомъ въ жителяхъ развивались зависть, ненависть и склонность къ доносамъ. Кромѣ того, при значительной власти, которая въ этомъ отношеніи предоставлена была выборному лицу, частные его виды препятствовали правильному исполненію должности. «Предпочтеніе, которое оказывается роднымъ, друзьямъ и сосѣдямъ (говоритъ то же собраніе), ненависть, месть, потребность покровителя, боязнь не угодить богатому крестьянину, который даетъ работу — все это заглушаетъ въ его сердцѣ чувство справедливости». Сборщикъ податей, замѣчаетъ Токвилль, былъ столько же тираномъ, сколько и мученикомъ. Въ нѣкоторыхъ приходяхъ онъ иначе не ходилъ, какъ окруженный военною силою. Подобнымъ тягостямъ подвергался и синдикъ. Немудрено, что всякій старался добыть себѣ привилегію, избавляющую отъ выборныхъ должностей.

Изъ этого видно, что присутствіе выборнаго начала и мірской сходки, даже собирающейся при колокольномъ звонѣ, ничего еще не доказываютъ относительно силы общиннаго быта. Тѣ же самыя формы, замѣчаетъ Токвилль, существовали

въ то время въ Англіи и въ Америкѣ, но положеніе общинъ было тамъ совершенно другое: тамъ онѣ составляли самостоятельныя единицы, которыя пользовались самою широкою автономіею. Въ сущности эти формы были вездѣ; онѣ составляютъ самую естественную принадлежность сельскаго быта. Вопросъ состоитъ въ томъ, до какой степени онѣ доставляютъ общинамъ самостоятельность и не служатъ ли онѣ только орудіемъ, которое государство употребляетъ для своихъ цѣлей. Въ XVIII-мъ вѣкѣ во Франціи мы именно видимъ совершенное подчиненіе общинъ правительству, несмотря на призракъ демократическихъ формъ.

Такъ изображаетъ Токвилль управленіе Франціи. Онъ видитъ въ этомъ чрезмѣрное развитіе централизаціи и потому относитъ уже къ тому времени начало существующаго нынѣ порядка вещей. Но здѣсь необходимо точнѣе опредѣлить термины. Подъ именемъ централизаціи разумѣется не тотъ или другой образъ правленія; централизація можетъ существовать при всякомъ образѣ правленія: въ неограниченной монархіи, какъ и въ чистой демократіи, при совершенномъ уничтоженіи общественной самостоятельности, какъ и при самомъ широкомъ развитіи личной свободы. Когда мы говоримъ о централизаціи, мы разумѣемъ только извѣстное распредѣленіе общественныхъ дѣлъ между установленными закономъ властями. Въ администраціи этимъ словомъ означается подчиненіе мѣстныхъ властей центральному правительству, восхожденіе дѣлъ изъ отдѣльныхъ областей въ верховныя учрежденія, установленныя для всего государства. Областной же правитель представляетъ собою власть мѣстную, кѣмъ бы онъ, впрочемъ, ни назначался, верховною ли властью или по выбору. Выборный чиновникъ можетъ находиться въ весьма тѣсной зависимости отъ центра, и наоборотъ, правительственный чиновникъ можетъ дѣйствовать совершенно независимо. Въ пер-

вомъ случаѣ будетъ существовать централизація, во второмъ — нѣтъ. Такъ, на примѣръ, нельзя говорить о централизаціи при управленіи пашей, хотя они назначаются центральной властью, и наоборотъ никто не утверждаетъ, что въ Англіи существуетъ централизація, хотя, за исключеніемъ коронеровъ, которые не имѣютъ большаго значенія, всѣ чиновники въ графствахъ — лорды-лейтенанты, шерифы, мирные судьи, назначаются верховнымъ правительствомъ. Поэтому, разбирая этотъ вопросъ въ администраціи XVIII-го вѣка, Токвилль необходимо долженъ былъ показать отношенія интендантовъ къ генераль-контролеру и Королевскому Совѣту; а на это въ его книгѣ находятся только слабые намеки. Нельзя не замѣтить такого значительнаго пробѣла въ сочиненіи, которое имѣетъ въ виду представить картину управленія въ извѣстную эпоху. Между тѣмъ мы видимъ, что въ XVIII-мъ вѣкѣ интенданты дѣйствуютъ весьма самостоятельно. Они произносятъ смертные приговоры, опредѣляютъ способъ взиманія податей, замѣняютъ въ публичныхъ работахъ земскую повинность денежною платою, что для мѣстныхъ жителей составляло весьма важную статью. Вообще все благосостояніе провинціи находилось въ полной зависимости отъ интенданта. Плохой правитель могъ безпрепятственно ее разорить и, наоборотъ, дѣятельный и честный приводилъ ее въ цвѣтущее состояніе, чему примѣръ представляетъ славное управленіе Тюрго въ Лимузенѣ, а другой примѣръ приводится Токвиллемъ относительно провинціи *Pe de France*. Интендантъ иногда вовсе не слушался министровъ, на что также есть указанія у Токвилля. При такой независимости мѣстныхъ правителей трудно говорить о централизаціи. Она существовала безспорно, ибо иногда самыя пустыя дѣла восходили въ Парижъ, но рядомъ съ нею существовала и децентрализація. Въ то время не опредѣлялись еще точнымъ образомъ

предѣлы властей такъ же, какъ не разграничивались и вѣдомства: судебная власть вступалась въ дѣла административныя, и наоборотъ, исполнительная власть вѣдала дѣла судебныя. Точное и правильное установленіе обоихъ началъ было ужь дѣломъ позднѣйшаго времени.

Отсутствіе централизаціи являлось не только въ самостоятельности назначенныхъ отъ правительства лицъ, оно выражалось и въ независимости многообразныхъ корпорацій и сословій, которыя въ то время составляли одно изъ самыхъ значительныхъ явленій общественнаго быта. Изобразивъ дѣятельность правительства и его агентовъ, Токвилль посвящаетъ отдѣльную главу указанію препятствій, которыя оно встрѣчало со всѣхъ сторонъ. Старыя средневѣковыя формы удержали часть своей прежней самостоятельности. Дворянство сохраняло еще высокое свое положеніе въ обществѣ; оно упорно стояло за свои привилегіи и единодушно противилось всякой государственной мѣрѣ, которая клонилась къ распространенію на него общественныхъ тяжестей. Этимъ оно непрерывно затрудняло дѣйствія правительства. Съ другой стороны, духовенство составляло крѣпко организованную корпорацію, которая всѣми силами отстаивала свою независимость и съ которою еще труднѣе было сладить, ибо здѣсь замѣшивались религіозные вопросы. Далѣе, городскія сословія, уступая правительству въ политическихъ и административныхъ дѣлахъ, поднимали громкій крикъ всякій разъ, какъ нарушалась какая нибудь почетная ихъ привилегія, а эта было неизбѣжно при всякой общей мѣрѣ, которая принималась съ цѣлью разумнѣе устроить государство. Такія же препятствія встрѣчало правительство и въ чиновныхъ корпораціяхъ, судебныхъ, финансовыхъ и административныхъ, которыя пополнялись продажею должностей. Мы говорили уже о томъ, до какой степени эта мѣра поставляла чиновниковъ въ независимое поло-

женіе. Свою самостоятельность они старались отстаивать всѣми средствами. Особенно дѣйствовали въ этомъ случаѣ парламенты, которые, какъ высшія мѣста, имѣли ближайшія столкновенія съ правительствомъ. Последнее, желая сохранить свободу своихъ дѣйствій, старалось отнять у нихъ какъ можно больше дѣлъ и, напротивъ, расширить вѣдомство назначенныхъ имъ чиновниковъ; но при этомъ всякій разъ раздавались протесты и правительственные мѣры подвергались осужденію въ самыхъ строгихъ выраженіяхъ. Извѣстно, что парижскій парламентъ, пользуясь правомъ вписывать въ книгу новые законы и постановленія (*droit d'enregistrement*), хотѣлъ присвоить себѣ и право предварительнаго ихъ осужденія. Попытки его были большею частью неудачны; короли всегда имѣли возможность заставить его молчать. Но при благоприятныхъ обстоятельствахъ голоса раздавались громче прежняго и въ правительственныхъ мѣрахъ происходила остановка, которая затрудняла всю администрацію. Потому правительство такъ часто прибѣгало къ мѣрамъ косвеннымъ. Дѣйствуя прямо, оно оскорбило бы историческія притязанія, возбудило бы громкіе вопли, произвело бы безчисленные затрудненія. Конечно, твердая власть, имѣя въ виду общее благо, могла бы на этомъ не остановиться; но слабое правительство робѣло и предпочитало прибѣгать къ кривымъ и незаконнымъ путямъ. Прибавимъ ко всему этому, что цѣлая четверть Франціи состояла изъ провинцій, имѣвшихъ свое мѣстное представительство—провинціальныя штаты, которые многими дѣлами управляли совершенно независимо отъ центральной власти, и мы поймемъ, что о централизаціи въ нынѣшнемъ смыслѣ невозможно говорить. Существовали зачатки централизаціи, но рядомъ съ нею было многое, что ее уничтожало или ослабляло.

Теперь посмотримъ, который изъ этихъ двухъ элементовъ:

мѣстная и корпоративная самостоятельность, или правительственная власть исходившая изъ центра, носилъ въ себѣ болѣе зачатковъ разумной дѣятельности, имѣлъ болѣе права на общественное бытіе? Въ этомъ вопросѣ, собственно говоря, заключается вся сущность книги Токвилля. Имѣя въ виду настоящее положеніе Франціи, авторъ полагаетъ, что всякаго рода независимость, всякаго рода обезпеченіе противъ возможности безграничнаго произвола, достойны сочувствія и уваженія. Правда, онъ этой мысли не высказываетъ совершенно явно; онъ не можетъ не видѣть того зла, которое лежало въ самой сущности средневѣковыхъ привилегій. Но именно эти оговорки, вызванныя необходимостью, иногда отброшенные въ примѣчанія, разрушаютъ общее впечатлѣніе; онѣ составляютъ въ книгѣ тѣ противорѣчія, на которыя мы указали въ началѣ настоящей статьи. Полагаемъ, что источникъ ихъ заключается въ самой ошибочности основнаго воззрѣнія, вытекашаго изъ современныхъ политическихъ требованій. Думаемъ, что не всякаго рода самостоятельность можетъ имѣть притязаніе на государственное значеніе, и что чрезмѣрное развитіе правительственной дѣятельности возникаетъ исторически именно изъ потребности уничтожить гарантіи, несовмѣстныя съ государственнымъ порядкомъ. Вообще этотъ вопросъ зависитъ отъ духа времени и отъ народныхъ особенностей; нельзя ставить его въ видѣ безусловнаго требованія.

Переберемъ же, одинъ за другимъ, всѣ тѣ самостоятельные органы, которые могли представить преграду дѣйствіямъ центральной власти. Въ этомъ разборѣ мы будемъ по прежнему руководствоваться книгою Токвилля, дополняя ее только изрѣдка другими источниками. Такимъ образомъ мы увидимъ, что вытекаетъ изъ самаго его изложенія.

Дворянство во многихъ мѣстахъ сочиненія выставляется въ несовсѣмъ выгодномъ свѣтѣ. Потерявъ политическія права,

оно еще крѣпко стояло за свои гражданскія привилегіи, наслѣдованныя отъ временъ феодализма. Но съ развитіемъ жизни историческая почва, на которой оно стояло, совершенно измѣнилась. Въ средніе вѣка общественныя учрежденія составляли нѣчто цѣльное, вытекавшее изъ однихъ началъ: дворянство имѣло права, но оно имѣло и обязанности. Если вещественныя тяжести лежали на низшихъ классахъ, то оно, съ своей стороны, безвозмездно несло военную службу; если оно получало отъ подданныхъ разнообразныя подати и повинности, то на немъ лежала вся тяжесть мѣстнаго управленія. Теперь же оно избавилось отъ обязанностей, а сохранило всѣ льготы. Податей оно почти не платило. Впродолженіе нѣсколькихъ вѣковъ государственныя тяжести росли постоянно вслѣдствіе умноженія потребностей; онѣ представляли собою уже не подать въ пользу леннаго владѣльца, а общее приношеніе на общественныя нужды, которое, поэтому, должно было распространяться на всѣхъ. Однако дворянство отстраняло отъ себя всякія требованія. Мало того: не жертвуя ничѣмъ государству, оно старалось какъ можно болѣе черпать изъ общаго источника. Знатные дворяне, особенно придворные, получали отъ королей множество даровъ и пенсій, которые, разумѣется, брались изъ казны, то есть изъ податей, платимыхъ низшими классами. Между тѣмъ обязательная служба высшаго сословія исчезла; ибо съ введеніемъ постоянныхъ войскъ, феодальныя полчища, по негодности, вышли изъ употребленія, а другой службы оно не обязано было нести. Правда, въ замѣнъ этой юридической обязанности, короли возлагаютъ на него нравственную; мѣрами косвенными, угрозою и ласкою стараются они привлечь его къ служебной дѣятельности. Отъ интендантовъ требуются подробные отчеты, кто изъ дворянъ живетъ въ своихъ помѣстьяхъ, не исполняя долга въ отношеніи къ королю; придворнымъ блескомъ правительство старает-

ся заманить ихъ къ центру, сдѣлать изъ нихъ опору королевской власти. Но и на службѣ французскіе дворяне приносили немного пользы. Они являлись сюда не съ ревностью къ общему дѣлу, не съ привычкою къ работѣ, къ порядку, къ строгой справедливости, а съ барскими нравами, съ стремленіемъ нажиться для удовлетворенія своихъ потребностей неимовѣрной роскоши, для того, чтобъ жить вельможами, не стѣняясь въ своихъ расходахъ, по примѣру какого нибудь мелкаго буржуа. Они приносили на службу свои дворянскія притязанія и съ ненавистью смотрѣли на возвышеніе людей незнатныхъ. Слабыя правительства XVIII-го вѣка не умѣли противиться этому напору. Такъ при Лудовикѣ XIV доступъ низшихъ сословій въ офицерскіе чины былъ значительно облегченъ, а при его наследникахъ снова умножены затрудненія. Между тѣмъ это пребываніе на службѣ, это стремленіе ко двору отвлекали дворянъ отъ собственныхъ дѣлъ, разобщали ихъ съ окружающею средою. Политическая власть ихъ надъ мѣстными жителями была уже большею частью уничтожена: они не судили, не завѣдывали полиціей; все это перешло на государство. Многія земли были отчуждены крестьянамъ и сдѣлались собственностью послѣднихъ. Но феодальныя подати и повинности сохранялись еще во всей силѣ, ими то дворянство преимущественно дорожило, ибо они составляли главный источникъ его доходовъ. Все вниманіе владѣльцевъ устремилось теперь на эту фискальную сторону правъ, вслѣдствіе чего положеніе крестьянъ становилось иногда хуже прежняго. Рядомъ съ ними стоялъ значительный владѣлецъ, который не входилъ въ составъ ихъ общины, избавленъ былъ отъ всякихъ обязанностей, сваливалъ на нихъ все тяжести, разнаго рода правами стѣснялъ ихъ дѣятельность, ихъ гражданскія отношенія и обороты, наконецъ, не будучи связанъ съ ними никакими обоюдными выгодами, старался вытянуть изъ нихъ послѣд-

нюю копейку. Это дѣлали все, отъ малаго до великаго. Вельможи большею частью жили при дворѣ; за нихъ управляли повѣренные, отъ которыхъ они требовали денегъ, во что бы ни стало, а повѣренные, конечно, употребляли на это все стараніе, разоряя податныхъ людей. Съ другой стороны, мелкій дворянинъ, не имѣя возможности содержать себя при дворѣ, сидѣлъ въ своемъ замкѣ и старался нажить деньгу. Жадный къ приобрѣтеніямъ, беспощадный въ своихъ требованіяхъ, онъ былъ грозою окружавшихъ жителей, которые уподобляли его мелкой хищной птицѣ, кобчику (le hobereau). И несмотря на все это, въ то время, какъ оно своими правами разоряло сельское сословіе и заставляло жителей переселяться въ города, дворянство постоянно бѣднѣло; богатство же третьяго сословія замѣтно росло. Англійская аристократія, чтобъ поддержать свое значеніе, сосредоточила въ своихъ рукахъ большинство земель въ государствѣ, а крестьянъ оставила ни при чемъ. Французское дворянство не сумѣло такъ ловко устроить свои дѣла; къ тому же у него не было подъ руками Ирландіи, да и колоніи короли взяли въ свое вѣдомство. Феодальныя доходы, какъ они ни были стѣснительны, были опредѣлены разъ навсегда и не могли возрастать, какъ поземельная рента. Роскошь, расточительность — плодъ легкомыслія и тщеславія, были неимовѣрны, а между тѣмъ у дворянства не было ни привычки къ работѣ, ни предприимчиваго духа, необходимого для увеличенія богатства. Источники доходовъ заключались либо въ обвѣтшалыхъ привилегіяхъ, которыми можно было пользоваться безъ всякаго труда, либо въ королевскихъ милостяхъ, которыя добывались лестью и униженіемъ. Чтобъ восполнить нѣсколько этотъ недостатокъ, вельможи грабили самымъ безсовѣстнымъ образомъ, но и это не мѣшало имъ разоряться: безумная расточительность поглощала все; на бездѣлицы кидались несмѣтныя суммы, а между

тѣмъ, когда нужно было сдѣлать маленькій расмѣдъ на общественную потребность, дворянинъ отказывался отъ него упорно. Токвилль, который любитъ приводить примѣры типическіе, характеризующіе цѣлые классы, рассказываетъ слѣдующій любопытный случай. «Въ одномъ селѣ пужно было перестроить церковь, для чего, по закону 1684 года, слѣдовало обложить податью всѣхъ жителей. Маркизь Х. объявляетъ, что онъ въ платежѣ не хочетъ участвовать, потому что беретъ поправленіе клироса на свое иждивеніе. Ему возражаютъ, что послѣдняя обязанность и безъ того лежитъ на немъ, какъ на владѣльцѣ и обладателѣ церковныхъ десятинъ. Однако онъ не унимается и въ дюжинѣ сохранившихся писемъ громко требуетъ изъятія отъ подати». Уже интендантъ долженъ былъ вмѣшаться въ это дѣло и заставить его заплатить. При такомъ отношеніи классовъ, чтобъ вышло, еслибъ агенты центрального правительства имѣли менѣе силы въ своихъ рукахъ? Известно, что, до установленія интендантовъ, мѣстное дворянство затворялось въ замкахъ и съ помощью дворни противилось всѣмъ законнымъ требованіямъ властей.

Изъ этой картины ясно, что французское дворянство въ XVIII-мъ вѣкѣ перестало быть полезнымъ дѣятелемъ въ государствѣ, но сохраняло льготы, невыносимыя для мѣстныхъ жителей и несовмѣстныя съ государственнымъ порядкомъ. Чтò же послѣ этого сказать о слѣдующихъ словахъ Токвилля: «Мы должны будемъ вѣчно сожалѣть о томъ, что, вмѣсто подчиненія дворянства владычеству законовъ, его уничтожили и вырвали съ корнемъ. Этимъ народъ лишился необходимой части своего существа и свободѣ нанесена рана, отъ которой она никогда не излечится. Сословіе, которое впродолженіе многихъ вѣковъ шло на первомъ мѣстѣ, пріобрѣтаетъ въ этомъ долгомъ и безспорномъ обладаніи величія

нѣкоторую душевную гордость, естественную довѣренность къ своимъ силамъ, привычку быть всегда на виду, которая дѣлаютъ его самую крѣпкою точкою сопротивленія въ общественномъ тѣлѣ. Оно не только само имѣетъ мужественные нравы; оно своимъ примѣромъ поднимаетъ мужество другихъ классовъ». Какимъ образомъ можно было французское дворянство подчинить владычеству закона, когда главная его историческая роль заключалась въ сопротивленіи закону? Шагъ за шагомъ вырывали у него короли привилегіи, противныя государству, и оно все еще крѣпко стояло за остальное, и это остальное все еще сохранялось въ ущербъ прочему народонаселенію. Что же касается мужественныхъ нравовъ, то, кажется, трудно приписать ихъ придворнымъ Лудовика XIV и Лудовика XV. Французское дворянство говорило съ высокомеріемъ, когда дѣло шло о сохраненіи привилегій; мы видѣли рѣчи его на сеймѣ 1614 года. Но когда нужно было испросить милость, оно принимало совершенно другой тонъ. Французскій вельможа счелъ бы себя оскорбленнымъ, еслибъ его назначили интендантомъ; но когда онъ къ интенданту обращался съ просьбою, онъ употреблялъ самыя униженные выраженія: онъ называлъ его уже не *monsieur*, какъ обыкновенно дѣлали дворяне, а *monseigneur*, по примѣру простыхъ мѣщанъ, и даже умолялъ его о пощадѣ. «Ваше чувствительное сердце (пишетъ одинъ дворянинъ къ интенданту) не потерпитъ, чтобъ отецъ семейства изъ моего званія былъ обложенъ податью по закону, наравнѣ съ отцомъ семейства изъ низшаго сословія». Эти анекдоты заимствованы у Токвилля, они стоятъ рядомъ съ сожалѣніемъ о мужественности старыхъ нравовъ. Какъ согласить эти противорѣчія—трудно сказать. Въ сущности выкиньте нѣсколько фразъ, которыя внушены любовью къ Англіи, происходящею изъ современныхъ политическихъ стремленій, и вы изъ книги вынесете совершенно

другое впечатлѣніе. Изъ нея очевидно, что потребность того времени состояла въ усиленіи центральной власти для того, чтобъ сокрушить обветшалыя привилегіи дворянства. Но слабые короли XVIII-го вѣка не сумѣли закончить такимъ образомъ начатое предками дѣло. Это было совершено революціею.

То же самое должно сказать и о французскомъ духовенствѣ, какъ о гражданскомъ сословіи. Токвилль ставитъ его очень высоко: «По тщательномъ соображеніи, говоритъ онъ, несмотря на явные пороки нѣкоторыхъ его членовъ, не знаю, было ли когда нибудь въ мірѣ духовенство, болѣе замѣчательное, нежели духовенство Франціи въ то время, какъ его застигла революція, болѣе образованное, болѣе національное, менѣе ограниченное однѣми частными добродѣтелями и болѣе исполненное добродѣтелей общественныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣры — это доказало гоненіе». Въ особенности Токвиллю нравится въ немъ духъ независимости, который представлялъ преграду абсолютизму. Правда, онъ къ этому очерку прибавляетъ: «Въ сущности оно имѣло только недостатки, составляющіе принадлежность всѣхъ корпорацій, какъ политическихъ, такъ и религіозныхъ, когда онѣ крѣпко связаны и хорошо устроены, именно: стремленіе все забирать въ свои руки, духъ нетерпимости да инстинктивную, нерѣдко слѣпую привязанность къ частнымъ привилегіямъ корпорацій».

Посмотримъ же, къ какимъ послѣдствіямъ приводило въ общественномъ отношеніи это корпоративное устройство, основаніе независимаго духа.

Католическое духовенство обладало цѣлыми $\frac{7}{12}$ земель Франціи. Кромѣ того, доходы его состояли изъ множества феодалныхъ и церковныхъ податей и повинностей, которыя лежали на мѣстныхъ жителяхъ, и безъ того уже обремененныхъ государственными податями и господскими поборами.

Отъ церковныхъ повинностей не было даже возможности откупиться, ибо онѣ составляли неотъемлемую принадлежность католической церкви. Такимъ образомъ все это гражданское наслѣдіе среднихъ вѣковъ сохранялось невредимымъ, и духовенство стояло за него всеми силами. Государству оно платило подать сравнительно весьма скудную, имъ самимъ назначенную и имъ же взимаемую. Отъ всякихъ другихъ тяжестей оно старалось, по возможности, отклоняться и, напротивъ, стремилось постоянно къ расширенію своихъ привилегій. Токвилль рассказываетъ нѣсколько случаевъ, которые считаемъ не лишнимъ передать, какъ живые примѣры корпоративныхъ притязаній. Вспомнимъ, что онъ собираетъ черты общія, характеристическія, въ убѣжденіи, что одни сословія, а не лица, должны занимать историка. Вотъ что мы у него читаемъ: «Въ 1780 году пріоръ и каноники лавальскаго пріоратства жалуются, что ихъ хотятъ подвергнуть уплатѣ таможенныхъ пошлинъ на предметы потребленія и на строительные матеріалы. Они утверждаютъ, что такъ какъ таможенные пошлины замѣняютъ прямой налогъ (taille), а послѣдній падаетъ на одни низшіе классы, то они должны быть избавлены и отъ первыхъ». Другой примѣръ: священникъ въ Нуазе утверждаетъ, что жители должны поправлять его амбаръ и жомъ, и требуетъ для этого установленія мѣстной подати. Интендантъ отвѣчаетъ, что жители обязаны поправлять только домъ священника, амбаръ же и жомъ должны оставаться на иждивеніи послѣдняго. Опять мы видимъ здѣсь правительственнаго агента, стѣсняющаго произвольныя требованія привилегированныхъ лицъ; мудрено ли, что ему надобно было вступаться во все мелочи? Но если духовенство стремилось расширить права свои даже незаконнымъ путемъ, то мы не можемъ ожидать отъ него большей снисходительности при взысканіи доходовъ законныхъ, какъ бы они ни были тяжелы. Точно, мы

имѣемъ прямыя свидѣтельства о томъ, какъ эти фискальныя стремленія дѣйствовали разорительно на крестьянъ. Такъ, на-примѣръ, при всякой перемѣнѣ настоятеля церковной должности возобновлялись всѣ контракты съ поселенцами, и это служило поводомъ къ безчисленнымъ притѣсненіямъ и грабительствамъ. Гражданскія права духовенства подрывали даже самое вліяніе его на паству. «Священникъ, говоритъ Токвилль, несмотря на Вольтера, остался бы властителемъ сельскаго населенія, еслибъ онъ самъ не былъ такъ тѣсно и такъ явно связанъ съ политическою іерархіей; обладая нѣкоторыми изъ привилегій послѣдней, онъ внушалъ отчасти ту ненависть, которая возбуждалась ею въ народѣ».

И послѣ этого тотъ же Токвилль жалѣетъ о томъ, что революція отобрала имѣнія у духовенства; онъ утверждаетъ, что независимая поземельная собственность одна спасаетъ католическое духовенство отъ ультрамонтанизма и отъ излишней преданности правительственной власти. Конечно, если въ корпоративномъ устройствѣ искать обезпеченія свободы, то это будетъ отчасти справедливо; но развѣ въ этомъ состоитъ существенное значеніе духовенства? Когда, съ другой стороны, это же самое корпоративное устройство возбуждаетъ къ нему ненависть паствы, то гдѣ же будетъ выгода? Въ мірѣ не было лучшаго духовенства, какъ французское, говоритъ Токвилль, а дѣло кончилось тѣмъ, что священникъ былъ ненавидимъ и невѣріе распространилось даже въ низшемъ народонаселеніи.

При обсужденіи этихъ вопросовъ, надобно нѣсколько возвыситься надъ этой узкой точкой зрѣнія. Гражданское устройство французскаго духовенства явно существовало въ ущербъ другимъ классамъ народа и общему государственному порядку. Въ средніе вѣка оно имѣло значеніе: тогда церковь замѣняла государство; она составляла независимое тѣло, ко-

торое завѣдывало не только духовными, но и свѣтскими дѣлами. Въ новое время послѣднія отошли къ государству; гражданское значеніе церкви исчезло. Нельзя же было оставить ее при гражданскихъ правахъ. Притомъ, обладая такими громадными матеріальными средствами, пользуясь всею силою религіознаго вліянія на паству, представляя собою крѣпко организованную корпорацію, одушевленную властолюбіемъ, свойственнымъ католицизму, духовенство являлось не сословіемъ, составляющимъ членъ государства, а государствомъ въ государствѣ. Правительство въ благоустроенномъ обществѣ не могло терпѣть такого опаснаго сосѣда. Можно сказать, что чѣмъ значительнѣе были средства духовенства, тѣмъ менѣе ему могло быть предоставлено свободы, ибо никакая сила не въ состояніи была войти съ нимъ въ соперничество. Отобравъ у духовенства имѣнія, разрушивъ его корпоративное устройство, революція открыла ему путь къ единственной свободѣ, которая могла быть предоставлена ему законнымъ образомъ, и не служила въ ущербъ народу — къ свободѣ религіозной пропаганды наравнѣ съ другими. Этимъ оно и пользуется, чему доказательствомъ служитъ самое развитіе ультрамонтанизма. Стремленіе къ безусловному подчиненію папѣ возникло не вѣдѣствіе того, что духовенство лишилось гражданскихъ своихъ преимуществъ, какъ говоритъ Токвилль, а потому, что въ поклоненіи видимому авторитету многіе видятъ единственное спасеніе противъ распространяющагося безвѣрія. Во имя свободы требовалось при Лудовикѣ Филиппѣ и допущеніе во Францію іезуитовъ и совершенное изъятіе духовныхъ училищъ изъ вѣдомства свѣтской власти. Въ наше время все это производитъ только маленькое волпленіе умовъ; но еслибъ духовенство осталось при прежнихъ своихъ средствахъ, можно утвердительно сказать, что во всѣхъ политическихъ смутахъ, которыя обуревали Францію,

оно получило бы рѣшительный голосъ и стало бы едва ли не владычествующимъ сословіемъ въ государствѣ.

Обратимся теперь къ общинамъ и посмотримъ, какіе элементы онѣ могли противопоставить центральному правительству.

Городъ представлялъ собою единицу, совершенно отдѣльную отъ окружающихъ его силъ. Составляя вмѣстѣ съ крестьянами одно сословіе, третье, горожане считали себя, однако, несравненно выше ихъ и глядѣли на нихъ съ пренебреженіемъ, такъ же, какъ дворянинъ съ пренебреженіемъ глядѣлъ на мѣщанъ. «Каждый городъ», говоритъ Тюрго, «занятый частными своими выгодами, готовъ принести имъ въ жертву села и деревни своего округа». Въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ субделегатамъ: «Вы часто принуждены были воздерживать стремленіе городовъ къ расширенію своей власти насчетъ селъ и деревень своего округа». Даже въ самомъ городѣ, между мѣщанами, буржуа и простымъ народомъ было широкое разстояніе. Городъ дѣлился внутри себя на множество мелкихъ корпорацій: ремесленниковъ, торговцевъ, городскихъ чиновниковъ, корпораціи знатныхъ и незнатныхъ лицъ. Каждая изъ нихъ прежде всего имѣла въ виду самое себя и съ удивительною заботливостью ограждала честь свою отъ возможнаго пониженія. Споры о первенствѣ въ церемоніяхъ волновали весь городъ. Иногда члены этихъ маленькихъ союзовъ просто отказывались отъ общественныхъ дѣлъ, чтобъ не потерпѣть возвышенія соперниковъ. Такъ, на примѣръ, въ одномъ городѣ корпусъ парикмахеровъ подобнымъ рѣшеніемъ «выражаетъ справедливое свое огорченіе насчетъ преимущества, которое предоставлено булочникамъ». Между различными ремесленными цехами иногда впродолженіе нѣсколькихъ вѣковъ велись тяжбы о томъ, какія занятія принадлежатъ къ тому или другому ремеслу. И разумѣется, каждая изъ этихъ

корпорацій стремилась захватить въ свои руки какъ можно болѣе власти. Богатые и знатные сваливали все тяжести на бѣдныхъ и простыхъ гражданъ; сами они старались добыть себѣ какъ можно болѣе привилегій и при всякомъ случаѣ настаивали на томъ, чтобъ простой народъ исключенъ былъ изъ участія въ дѣлахъ и олигархія сдѣлалась бы еще тѣснѣе. Рассказывая объ одномъ совѣщаніи правительства съ общинами насчетъ городского устройства, Токвилль замѣчаетъ, что интендантъ выказывалъ болѣе либеральный и демократическій духъ, нежели знатные горожане, но менѣе, нежели самъ король. При этомъ авторъ долженъ сознаться, что когда дѣла города находятся въ рукахъ правительственной олигархіи, для которой нечувствительны послѣдствія плохаго управленія, тогда административная опека можетъ показаться необходимою.

Въ самомъ дѣлѣ, если въ XVIII мѣ вѣкѣ мѣры правительства, которыя не могутъ быть ничѣмъ оправданы, вели къ разоренію городовъ, то въ другихъ случаяхъ вмѣшательство центральной власти въ управленіе являлось мѣрою самою благодѣтельною. Доказательствомъ служитъ административная реформа, произведенная при Лудовикѣ XIV, который поставилъ города подъ ближайшій надзоръ правительства. Въ это время городскія общины вошли въ неоплатные долги, которые съ каждымъ годомъ увеличивались. Одною изъ главныхъ причинъ такого хозяйственнаго разстройства были значительныя траты на поѣздки городскихъ сановниковъ. Последніе, подъ предлогомъ городскихъ тяжбъ и иныхъ дѣлъ, разъѣзжали въ Парижъ и другіе города, расточали большія суммы, а сограждане ихъ должны были все это уплачивать. Чтобъ положить предѣлъ злу, Лудовикъ XIV постановилъ, что впредь депутаціи отъ городовъ должны быть посылаемы не иначе, какъ съ разрѣшенія интендантовъ, и что депутатами ни въ какомъ слу-

чаѣ не могутъ быть назначаемы меры и скабины, развѣ они захотятъ предпринять поѣздки на собственное иждивеніе. Но этого было мало: нужно было привести въ извѣстность долги общинъ, и эта операція встрѣтила величайшія затрудненія. Привилегированныя лица, которыхъ грабительства черезъ это пресѣкались, подняли крикъ, возопили противъ нарушенія городскихъ привилегій, а простой народъ, напротивъ, изъявилъ испестовую радость. «Вездѣ», пишетъ первый президентъ бургундскаго парламента, Брюларъ, «чернь возстановлена противъ лучшихъ и знатнѣйшихъ жителей. Это зло, которое увеличивается съ каждымъ днемъ, порождено повѣркою долговъ; теперь оно доходитъ до возмущеній, до сборищъ и даже до публичнаго грабежа домовъ. Явно (прибавляетъ онъ), что цѣль партій состоитъ въ униженіи знатныхъ людей». Однако, благодаря успліямъ Кольбера, который принялся за дѣло съ свойственной ему энергіей, задуманная мѣра была приведена къ окончанію, и города стали въ лучшее положеніе, нежели прежде. «Привилегіи городовъ», говоритъ Форбонне, «всегда почтенны, когда онѣ полезны для народа; но князь, который есть отецъ народа, не долженъ терпѣть, чтобъ частные интересы обращали ихъ въ свою пользу». Между тѣмъ при тогдашнемъ корпоративномъ устройствѣ, частные интересы являлись именно преобладающими. Въ свое время корпораціи имѣли важное общественное значеніе: при отсутствіи общей государственной организаціи, онѣ представляли надежную опору для отдѣльныхъ личностей, которыя, вступая въ мелкіе союзы, могли дѣйствовать соединенными силами. Въ свое время онѣ способствовали и развитію ремеслъ, промышленности, ибо въ нихъ можно было найти и общій интересъ и правильное образованіе и защиту отъ внѣшнихъ притѣсненій. Но съ развитіемъ общаго государственнаго порядка, съ распространеніемъ въ массѣ народа промышленныхъ свѣдѣній и предприимчиво-

сти, онѣ превратились въ ненужное бремя, которое служило только къ несправедливому возышенію однихъ насчетъ другихъ, къ стѣсненію народнаго труда. Само французское правительство пришло къ этому сознанію. Лудовикъ XVI принялся было за уничтоженіе промышленныхъ корпорацій, но сопротивление привилегированныхъ лицъ было такъ сильно, что начинщикъ этой мѣры, Тюрго, долженъ былъ выйти изъ министерства. Уже революція уничтожила все эти мелкіе союзы и установила въ городахъ гражданскую свободу и равенство.

Что касается сельскихъ общинъ, то мы видѣли уже, что онѣ находились въ несчастномъ положеніи. Такъ какъ зажиточные крестьяне, чтобъ избавиться отъ разнообразныхъ и обременительныхъ обязанностей, покупали себѣ привилегіи или переселялись въ города, то масса остальныхъ должна была сдѣлаться несравненно хуже. «Сельскія общины», говоритъ Тюрго, «въ большей части Франціи состоятъ изъ крестьянъ бѣдныхъ, невѣжественныхъ и грубыхъ, неспособныхъ управлять собою». Правда, что рядомъ съ подобными сужденіями встрѣчались и идиллическія изображенія крестьянскаго быта. Отдѣлившись совершенно изъ низшаго народонаселенія, потерявъ даже способность понимать его мысли и интересы, окруженное роскошью, развращенное въ нравахъ, высшее сословіе приходило въ умиленіе отъ мирнаго быта поселянъ и яркими красками расписывало крестьянскія добродѣтели, кротость и покорность народа, его невинныя забавы — словомъ, воображеніе гуляло на просторѣ. Благородныя маркизы сами наряжались пастушками и окружали себя овечками, чтобъ нѣсколько уподобиться милымъ крестьянкамъ. Однако эта невинная любовь къ сельскому сословію не приносила послѣднему никакой пользы; идиллическіе любители народа преспокойно продолжали пользоваться своими феодальными правами, ибо деньги были все-таки нужны. Сельскія общины не въ состоя-

ни были сами собою избавить отъ тяготѣвшихъ на нихъ привилегій и улучшить свое положеніе; вся ихъ надежда была на центральную власть. «Что подумать обо всѣхъ этихъ доходахъ, которые уплачиваются всякаго рода хлѣбомъ, овощами, деньгами, птицею, повинностями, лѣсомъ, плодами, свѣчами?» пишетъ одинъ крестьянинъ того времени. «Я знаю много этихъ странныхъ поборовъ хлѣбомъ, воскомъ, яицами, свиньями безъ головы, букетами розъ и фіялокъ, золотыми шпорами и проч. Есть еще множество другихъ феодальныхъ правъ. Отчего не избавили Францію отъ всѣхъ этихъ безумныхъ обязанностей? Отчего не позволить бѣднымъ земледѣльцамъ заплатить выкупъ и освободиться отъ множества поземельныхъ и феодальныхъ доходовъ, которые такъ обременительны для вассаловъ и такъ мало приносятъ пользы господамъ? Наконецъ начинаютъ открывать глаза и, кажется, можно всего ожидать отъ мудрости настоящаго правительства; оно протянетъ руку помощи жертвамъ стараго фискальнаго порядка». Лудовикъ XVI дѣйствительно открылъ глаза; онъ издалъ законъ, въ которомъ объявлялъ безчеловѣчными всѣ остатки крѣпостной зависимости, уничтожалъ ихъ въ собственныхъ имѣніяхъ и вызывалъ дворянство послѣдовать его примѣру. «Намъ будетъ весьма пріятно», пишетъ онъ въ эдиктѣ 1779 г., «если нашъ примѣръ и любовь къ челоуѣчеству, столь свойственная Французамъ, приведутъ къ общему уничтоженію вассальныхъ правъ и если мы такимъ образомъ будемъ свидѣтелями полнаго освобожденія нашихъ поданныхъ». Но дворянство осталось глухо, а правительство не имѣло силъ къ принужденію. Уже переворотъ 89-го года уничтожилъ всѣ эти остатки старины и тѣмъ даровалъ поселянамъ значительное облегченіе.

Кромѣ городскихъ и сельскихъ общинъ, къ третьему сословию принадлежали чиновныя корпораціи, возникшія изъ продажи должностей. Здѣсь уже самая сущность ихъ была несов-

мѣстна съ государственнымъ порядкомъ. Онѣ не имѣли даже корня въ исторической жизни народа, а возникли случайно изъ фискальныхъ мѣръ правительства, а потому лишены были даже разумаго права на существованіе. Конечно, въ нихъ сохранялся духъ независимости, но на чемъ онъ былъ основанъ и во имя чего выступалъ? Главное, что они постоянно имѣли въ виду, были выгоды собственной корпораціи. Увеличить свое значеніе, выставить на показъ свою власть, вмѣшиваться во всѣ дѣла — въ этомъ состояла ихъ дѣятельность. Это былъ не правильный органъ управленія, а безпорядочное колесо, которое производило безпрестанныя задержки. Немудрено, что правительство старалось обрѣзать ихъ вѣдомство и не хотѣло подвергать своихъ чиновниковъ ихъ суду. Во главѣ ихъ стоялъ парижскій парламентъ, который имѣлъ наиболѣе политическаго значенія. Если онъ составлялъ нѣчто въ родѣ англійской Палаты Перовъ, если онъ передъ послѣднею имѣлъ даже то преимущество, что въ немъ засѣдали не одни аристократы, то, съ другой стороны, англійская аристократія, будучи сословіемъ владычествующимъ, которое имѣло корни всюду, болѣе носило въ себѣ общихъ интересовъ, тогда какъ Парламентъ представлялъ собою тѣсную корпорацію, которая хотѣла занять первое мѣсто. Своекорыстныя стремленія, которыя онъ обнаруживалъ не разъ, сохранились въ немъ до конца. Передъ революціею, послѣ рьяной оппозиціи, впродолженіе которой нѣкоторые изъ его членовъ пользовались безграничною популярностью, онъ явился столь же яростнымъ противникомъ преобразованій и генеральныхъ штатовъ, ибо самъ хотѣлъ играть первую роль, а не уступать ее другимъ. Потому онъ, съ наступленіемъ новаго порядка, закрылся безъ всякаго сожалѣнія со стороны кого бы то ни было.

Такимъ образомъ, въ противоположность всѣмъ этимъ сословнымъ и корпоративнымъ элементамъ, центральная власть

одна являлась представительницею общаго начала, государственнаго порядка, жизни всенародной. Она одна могла сблизить и уравнить сословія, дать защиту угнетеннымъ, организовать правильную администрацію. Предоставленные самимъ себѣ, частные союзы упрочили бы средневѣковыя формы или разрѣшились бы безконечными раздорами. Доказательствомъ служатъ генеральныя штаты 1614 года. Другой примѣръ представляетъ неудачная, хотя поучительная попытка административной реформы, произведенная въ 1787 году. Уступая вліянію новыхъ либеральныхъ идей, правительство рѣшилось выборнымъ началомъ ограничить власть интендантовъ. Рядомъ съ ними оно поставило провинціальныя собранія изъ мѣстныхъ жителей, которымъ предоставлена была распорядительная власть; интенданты же должны были только содѣйствовать имъ и надзирать за ними. Субделегаты такимъ же образомъ ограничены были окружными собраніями, а въ общинахъ управленіе вручено выборному Муниципальному Совету. Къ несчастью, не было сдѣлано различія между властью исполнительною и совѣщательною. Собранія не только обсуждали и рѣшали дѣла, но завѣдывали и самымъ исполненіемъ, къ чему коллегіальная форма неспособна. Послѣдствіемъ такого преобразованія были прежде всего нескончаемые споры между интендантами и совѣтами, а вслѣдствіе того остановка всѣхъ дѣлъ и разстройство управленія. Каждая изъ двухъ властей старалась какъ можно болѣе дѣлъ забрать въ свои руки и устранить другую отъ участія въ нихъ. Но здѣсь, по крайней мѣрѣ, занятые враждою къ интендантамъ, члены Совета забывали собственные раздоры. Въ общинахъ же, особенно сельскихъ, разрозненность сословій проявилась въ полномъ свѣтѣ. Здѣсь главнымъ дѣломъ были раскладка и сборъ податей; но въ этомъ отношеніи жители подлежали совершенно различнымъ правиламъ: одни, именно дворяне и духов-

ныя лица, были совершенно изъяты отъ податей; другіе, пріобрѣтшіе привилегіи, были отчасти отъ нихъ свободны; на третьихъ, наконецъ, лежала вся ихъ тяжесть. Какъ же могли они вмѣстѣ участвовать въ общемъ дѣлѣ? «Они составляли», говоритъ Токвилль, «какъ-бы три прихода, изъ которыхъ каждый имѣлъ свои интересы и требовалъ особеннаго управленія». Вражда тотчасъ и обнаружилась; начались пренія о томъ, въ какихъ дѣлахъ должны участвовать дворяне и священники, отъ какихъ они должны быть удалены. Господа желали пріобрѣсти какъ можно больше вліянія на мѣстное управленіе, а поселяне, напротивъ, старались всячески устранить ихъ и исключить изъ своей среды. Но этимъ еще затрудненія не ограничились; король спросилъ: не нужно ли въ общихъ дѣлахъ лишить голоса господскихъ фермеровъ, изъ опасенія, чтобъ дворяне, располагая ихъ мнѣніемъ, не сдѣлались властителями въ собраніяхъ? и общины отвѣчали, что это непременно слѣдуетъ исполнить; словомъ, при разрозненности интересовъ, эта попытка повела только къ безконечнымъ смутамъ.

Вражда продолжалась вплоть до революціи. Она вполне обнаружилась при выборахъ въ генеральныя штаты 1789 года. Дворянство подвергло строгому разбору права всѣхъ членовъ избирательныхъ собраній и устраняло всякаго, кто сколько-нибудь принадлежалъ къ третьему сословію; послѣднее, съ своей стороны, дѣлало то же самое. Еще не собрались выборные, какъ Сіэсъ издалъ свою знаменитую брошюру, въ которой вопросъ ставился слѣдующимъ образомъ: что такое третье сословіе? ничего; чѣмъ оно должно быть? всѣмъ. Но дворянство не думало соглашаться на такія требованія и долго не хотѣло даже соединиться въ одну камеру съ третьимъ сословіемъ. Когда же, потомъ, собраніе въ своей законодательной дѣятельности коснулось старыхъ привилегій, дворянство выѣ-

хало изъ Франціи, духовенство стало волновать народъ и начались междоусобія. Можно сказать, что главная причина тѣхъ страшныхъ смуть, которыя произвела революція, состояла въ томъ, что народъ самъ взялся за дѣло преобразования, когда, при разрозненности элементовъ, онъ далеко еще не былъ къ этому приготовленъ.

Несмотря на эти общія явленія, были, однако, мѣстности, въ которыхъ всѣ сословія дѣйствовали заодно и дѣла шли успешно, именно, нѣкоторые провинціальныя штаты. Токвилль приводитъ въ примѣръ Лангедокъ и ставитъ его образцомъ, по которому могла быть устроена вся Франція того времени. Здѣсь было мѣстное представительство, которое заведывало управленіемъ; хотя во многихъ отношеніяхъ оно подчинялось центру, однако оно имѣло самостоятельный кругъ дѣйствія. Здѣсь были свои мѣстныя подати и расходы; налоги раскладывались здѣсь удобнѣе и рациональнѣе, нежели въ остальной Франціи; пути сообщенія находились въ лучшемъ положеніи. Все это Токвилль приписываетъ вліянію мѣстнаго, совѣщательнаго начала. Но надобно замѣтить, что Лангедокъ находился въ совершенно исключительномъ положеніи. Пользуясь привилегіями, онъ огражденъ былъ отъ тѣхъ фискальныхъ мѣръ, къ которымъ такъ часто прибѣгали правительства XVIII-го вѣка; потому онъ, сравнительно съ другими провинціями, несъ бремя легкое. Кромѣ того, что еще важнѣе, въ немъ феодализмъ никогда не пускалъ такіе глубокіе корни, какъ въ остальной Франціи. Онъ издавна былъ страной права письменнаго, римскаго (*paus de droit écrit*), тогда-какъ другія провинціи составляли страну права обычнаго, феодальнаго (*paus de droit coutumier*). Поэтому въ немъ рано развились такія привычки и приемы, которые были неизвѣстны въ другихъ мѣстахъ; онъ лучше умѣлъ управлять своими дѣлами. Примѣромъ можетъ служить устройство до-

рогъ: въ Лангедокѣ онѣ были удобны, тогда-какъ въ остальной Франціи, говоритъ самъ Токвилль, областныя дороги предоставлены были мѣстнымъ властямъ; «*поэтому онѣ и были непроѣзжаемы*». Но главное обстоятельство заключалось въ томъ, что, вслѣдствіе означенной исторической особенности, сословія въ Лангедокѣ не находились въ такой взаимной враждѣ, какъ въ другихъ провинціяхъ. Третье сословіе занимало здѣсь главное мѣсто въ провинціальныхъ штатахъ; оно имѣло двойное представительство, располагало большинствомъ голосовъ и управляло дѣлами, пользуясь только содѣйствіемъ другихъ. Не то было въ прочихъ областяхъ. Въ Бретани, въ Бургундіи, въ графствѣ По, которые сохраняли еще свое мѣстное представительство, города имѣли весьма малое число депутатовъ, тогда какъ дворянство являлось въ собранія поголовно, почему Токвилль уподобляетъ бретанскіе штаты польскимъ сеймамъ. Городовыхъ депутатовъ здѣсь было всего 40, между тѣмъ, какъ одно духовенство посылало около 60 представителей. Въ Бургундіи, изъ числа болѣе 400 членовъ, только 72 принадлежали третьему сословію¹⁾. Надобно притомъ замѣтить, что села нигдѣ почти не участвовали въ мѣстномъ представительствѣ, да и города далеко не всѣ пользовались этимъ правомъ. Причина тому заключалась въ самомъ происхожденіи провинціальныхъ штатовъ: первоначально это было собраніе свѣтскихъ и духовныхъ вассаловъ мѣстнаго феодальнаго владѣльца — герцога или графа; только съ конца XIV-го вѣка начали созывать въ нихъ и депутатовъ значительнѣйшихъ городовъ. Такъ это и осталось до конца. Между тѣмъ и это соприкосновеніе сословій производило между ними столкновенія: въ Дофинѣ провинціальныя штаты были, наконецъ, закрыты вслѣдствіе вѣковой вражды сословій. Токвилль

¹⁾ Это цифра, которую показываетъ Dareste de la Chavanne; Варн-кѣнигъ же считаетъ ихъ только 35, основываясь на Boulainvilliers.

утверждаетъ, что съ энергіей и постоянствомъ можно было все исправить и приспособить эти элементы къ новымъ потребностямъ. Но сладить съ провинціальными штатами было не такъ легко, даже когда нужно было подвинуть ихъ на общепольное предпріятіе; что же, если дѣло касалось сословныхъ привилегій? Сами лангедокскіе штаты представляютъ рѣзкіе примѣры сопротивленія. «Слабый и лѣнивый Лудовикъ XIII, который ничего не любилъ», говоритъ Токвилль, «ненавидѣлъ ихъ. Удивительно, сколько энергіи имѣютъ слабыя души, чтобъ ненавидѣть то, что заставляетъ ихъ сдѣлать малѣйшее усиліе». Правду сказать было за что и не любить ихъ: когда правительство потребовало, чтобъ они выплачивали въ казну сумму, болѣе соразмѣрную съ тѣмъ, что платила остальная Франція, они схватились за оружіе и соединились съ конетаблемъ Монморанси, который, въ это время бунтовалъ противъ короля. Однако Ришельё успѣлъ ихъ усмирить, и съ тѣхъ поръ они уже не оказывали политическаго сопротивленія. Но въ гражданскихъ дѣлахъ продолжалась иногда самая неблагоприятная оппозиція. Такъ, когда Лудовикъ XIV предпринялъ постройку Лангедокскаго Канала, штаты долго не соглашались нести свою часть потребныхъ на него расходовъ, и знаменитый строитель канала, инженеръ Рикé, долженъ былъ преодолѣть безчисленные препятствія со стороны туземныхъ жителей и властей, чтобъ привести къ окончанію свое великое предпріятіе. Здѣсь вполне проявился тотъ мѣстный духъ, который такъ часто бываетъ проникнутъ мелочными страстями. «Если вы послушаете мѣстныхъ жителей», говоритъ одинъ современникъ, «вы никого почти не найдете, кто бы не сталъ увѣрять васъ, что построение канала не можетъ имѣть успѣха; ибо, кромѣ предразсудковъ, невѣжества, нѣкоторые толкуютъ такъ вслѣдствіе огорченія, можетъ быть, потому что для проведенія канала у нихъ от-

няли клочокъ земли, за который они не получили двойнаго или тройнаго вознагражденія, какъ они ожидали. Кромѣ-того, есть недовольные умы, которые привыкли порицать все, что дѣлается необыкновеннаго. Есть другіе, которые дурно отзываются о предпріятіи по зависти къ достоинствамъ и счастію г. Рикé и, наконецъ, такъ какъ очень немногіе въ здѣшней провинціи смыслятъ что нибудь въ этихъ дѣлахъ, то нѣкоторые повторяютъ то, что говорятъ другіе; а такъ какъ всегда есть недовольные, то эти работы подвергаются многимъ осужденіямъ». Въ этомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, энергія центральной власти преодолѣла мѣстные препятствія, но въ другихъ она должна была имъ уступать, и это останавливало самыя благодѣтельные мѣры, ибо областные штаты, выросшіе изъ исторической розрознности провинцій, всегда приносили въ жертву общую пользу своимъ мѣстнымъ интересамъ. Поразительный примѣръ такого близорукаго сопротивленія представила попытка къ установленію во Франціи единой таможенной системы. Лудовикъ XIV былъ въ то время на вершинѣ своего могущества; Кольберъ былъ министръ, исполненный удивительной силы воли; но при всемъ томъ это важное народное дѣло сокрушилось объ оппозицію мѣстныхъ штатовъ. Тѣ провинціи, которыя не имѣли мѣстнаго представительства, соединены были въ одинъ таможенный округъ; остальнымъ же правительство принуждено было предоставить на волю устройство таможенной линіи. Какъ же онѣ этимъ воспользовались? Нѣкоторыя окружили себя заставами со всѣхъ сторонъ, другія поставили таможни противъ французскихъ провинцій и открыли границу со стороны иностранныхъ державъ. Тѣ и другія, въ томъ числѣ и Лангедокъ, стали поэтому считаться провинціями *иностранными* (*provinces réputées étrangères*); онѣ какъ-бы выдѣлили себя изъ общаго отечества. Такъ же крѣпко стояли онѣ и за мѣстные обычаи,

большую частью пропитанные феодализмомъ, и потому чрезвычайно невыгодные для низшихъ классовъ. Народъ страдалъ; Французъ, разъѣзжая по отечеству, непрерывно вступалъ въ область новаго права; но сила мѣстнаго элемента препятствовала установленію общаго законодательства.

И послѣ всего этого Токвилль выставляетъ провинціальныя штаты нормою, по которой должна была устроиться вся Франція. Онъ говоритъ, что вездѣ могло бы быть то же, что въ Лангедокѣ, еслибъ короли не заботились единственно о томъ, чтобъ сдѣлаться и остаться властителями. Можно угадать, какія послѣдствія могъ имѣть такой историческій ходъ: средневѣковыя привилегіи, найдя себѣ твердую точку опоры, сохранились бы на цѣлыя столѣтія; каждая провинція стала бы для другой иностранною, и Франція могла бы превратиться въ федеративное государство съ разнообразнымъ, полуфеодалнымъ устройствомъ. Вышло бы нѣчто въ родѣ Нѣмецкой Имперіи. Нельзя не сказать, что старые французскіе короли лучше понимали геній своего народа, нежели новѣйшіе публицисты, преслѣдующіе въ исторіи современныя политическія цѣли.

Между тѣмъ на королей Токвилль возлагаетъ всю вину бѣдственнаго положенія того времени. Онъ указываетъ на два коренныя зла, которыми страдало тогдашнее общество: разрозненность сословій и недостатокъ политической свободы; въ обоихъ онъ обвиняетъ королей. Они, по его мнѣнію, сдѣлали изъ дворянства замкнутое сословіе и разлучили его съ прочими; они уничтожили демократическія учрежденія городовъ и замѣнили ихъ олигархіями; они же умножили промышленныя корпораціи и превратили ихъ въ привилегированные союзы; словомъ, вся ихъ дѣятельность клонилась къ тому, чтобъ разобщать людей для того, чтобъ, при невозможности взаимной помощи, остаться самими властителями надъ всѣми.

Трудно высказать обвиненіе, болѣе противорѣчащее исто-

ріи. Можно подумать, что королевская власть приняла Францію единою и оставила ее разобщенною; а въ дѣйствительности случилось наоборотъ. Выше, въ историческомъ очеркѣ, мы старались изложить дѣятельность королей въ этомъ отношеніи; мы видѣли, что они сословія не разобщали, а сближали и уравнивали. Разумѣется, они были люди своего вѣка; они пользовались тѣми элементами, которые находили подъ руками; они сами часто заражены были господствующимъ духомъ; но, разсматривая общіе результаты ихъ правленія, невозможно согласиться съ Токвиллемъ. Только въ XVIII-мъ вѣкѣ короли забываютъ свое историческое призваніе и начинается попятный ходъ.

Разберемъ, однако, нѣсколько подробнѣе каждое изъ этихъ обвиненій, ибо здѣсь мы встрѣтимъ нѣкоторыя мысли, характеризующія направленіе Токвилля, и которыя съ перваго взгляда кажутся довольно заманчивы.

Токвилль поставляетъ въ параллель Францію и Англію, въ которыхъ политическая свобода и абсолютизмъ привели къ совершенно противоположнымъ результатамъ относительно сословнаго устройства. Въ Англіи, при существующей потребности взаимнаго соглашенія, сгладилось рѣзкое отличіе дворянства отъ другихъ классовъ народа; оно постепенно превратилось въ аристократію, которая не составляетъ отдѣльнаго сословія съ опредѣленными правами. Во Франціи, напротивъ, по мнѣнію Токвилля, дворянство, подъ вліяніемъ королевской власти, все болѣе и болѣе принимало значеніе касты.

Съ первымъ положеніемъ нельзя не согласиться: оно составляетъ очевидный историческій фактъ; но трудно видѣть въ этомъ превращеніи великій успѣхъ гражданственности. Тамъ, гдѣ народъ не представляетъ единой, нераздѣльной массы, безразличной въ гражданскихъ правахъ, тамъ сословія являются каждое однимъ изъ элементовъ государственной жизни. Они

составляютъ какъ бы члены одинаго тѣла: каждое занимаетъ свое мѣсто и всѣ одинаково подчиняются верховной власти, представительницѣ общественнаго единства. Но какое же значеніе имѣетъ могущество нѣсколькихъ лицъ стоящихъ на вершинѣ зданія, основывающихъ свое владычество на частныхъ, потомственныхъ правахъ и представляющихъ не народное единство, а только самихъ себя? На этотъ вопросъ можно дать развѣ тотъ отвѣтъ, которымъ Англичане возражаютъ на всякую критику туземныхъ ихъ учреждений: «повидимому это очень дурно, но мы съ этимъ сжились и довольны своею судьбою; стало-быть это хорошо». Но тогда вопросъ сводится въ область чисто практическую, то-есть имѣющую совершенно мѣстное значеніе. Когда же учрежденія разсматриваются сравнительно съ другими, тогда и точка зрѣнія должна быть иная. Въ средневѣковыхъ сословіяхъ было два начала, несовмѣстныхъ съ государственнымъ порядкомъ, который основывается на интересахъ не какой-нибудь части, а всей совокупности народа: во-первыхъ, особность сословій, которая простиралась не только на права и занятія, но даже на образъ мыслей, на нравы, на одежду, и такимъ образомъ полагала между различными классами людей неизмѣримую бездну; во-вторыхъ, владычество одного сословія надъ другими, ибо рыцарь являлся господиномъ и только горожане могли кой-какъ отбиваться отъ него силою оружія. Оба эти начала въ Англіи сохранились. Они, разумѣется, смягчились вслѣдствіе потребностей новаго времени; но, съ другой стороны, они сгузились и сосредоточились въ рукахъ немногихъ. Тогда какъ французское дворянство было понижено и, наравнѣ съ другими сословіями, подчинено общей государственной власти, англійская аристократія явилась владычествующею въ государствѣ. Тогда какъ во Франціи права дворянства, несмотря на исключительный духъ сословія, легко

приобрѣтались и деньгами и службою, доступъ въ англійскую аристократію чрезвычайно затруднился, ибо только особенныя заслуги возвышаютъ государственнаго человѣка на высшую степень.

Преимуществомъ англійской аристократіи Токвилль считаетъ отсутствіе видимой грани между нею и другими классами, почему и привилегіи ея не такъ колятъ глаза; кромѣ того, она утратила нѣкоторыя гражданскія льготы, которыя во французскомъ дворянствѣ были особенно ненавистны. Последнее дѣйствительно справедливо; англійская аристократія пожертвовала нѣкоторыми привилегіями, чтобъ упрочить свое политическое могущество; это показываетъ ея государственный смыслъ. Но въ отсутствіи видимой грани опять трудно видѣть преимущество; напротивъ, такой явственный рубежъ представляетъ весьма много выгодныхъ сторонъ. Отдѣляя общими чертами одно сословіе отъ другаго, онъ внутри cadaго уравниваетъ всѣхъ членовъ; черезъ это значеніе послѣднихъ основывается уже не на личномъ ихъ положеніи, а на обладаніи извѣстными общественными правами, составляющими одинъ изъ разрядовъ государственнаго организма. Если, притомъ, грань эта легко переступается, то человѣкъ скоро успокоивается въ своихъ честолюбивыхъ стремленіяхъ: онъ не тянется непрерывно кверху, чтобъ сдѣлаться спутникомъ одного изъ первенствующихъ свѣтилъ; ему ненужно пробивать себѣ путь личнымъ искательствомъ и частною зависимою; въ немъ не пробуждаются мелочныя страсти; онъ собственнымъ трудомъ прибрѣтаетъ себѣ высокое право, считаетъ себя равнымъ всѣмъ другимъ и находится въ зависимости единственно отъ власти общественной, зависимость во всякомъ случаѣ, гораздо болѣе возвышенная и благородная, нежели частное клиентство. Наконецъ видимая грань всегда находится въ рукахъ государства, которое можетъ понижать ее по произволу.

Привилегіи неопредѣленныя уходятъ глубоко въ жизнь и ускользаютъ отъ дѣйствія власти; привилегіи опредѣленныя могутъ быть измѣняемы и направляемы согласно съ видами общественной пользы. Французское правительство XVIII-го вѣка не всегда умѣло это сдѣлать: оно слишкомъ часто поддавалось требованіямъ привилегированныхъ лицъ. Но распространять это на всю исторію, какъ дѣлаетъ Токвилль, противорѣчитъ истинѣ. Возведеніемъ лицъ изъ низшихъ сословій въ дворянское достоинство, дарованіемъ служебному классу права пріобрѣтать дворянство, наконецъ продажей дворянскихъ грамотъ короли уничтожили бездну, раздѣлявшую высшее сословіе отъ другихъ. Токвилль говоритъ, что новые дворяне сдѣлались предметомъ особенной нелюбви со стороны низшихъ классовъ, ибо черезъ ихъ возвышеніе умножилось число лицъ, неплатящихъ подати, и бремя остальныхъ становилось тяжелѣе. Но все же между сословіями былъ кинуть мостъ, и мостъ широкій. Возраженіе показываетъ только, что надобно было уничтожить обременительныя привилегіи, какъ и вообще слѣдуетъ уменьшать невыгодныя льготы, а не увеличивать недоступность сословій. Лудовикъ XIV-й подчинилъ дворянъ даже податному окладу; онъ установилъ двѣ подати: поголовную и двадцатую деньгу, которыя распространялись на всѣхъ подданныхъ. Токвилль говоритъ, что способъ взиманія былъ различенъ, такъ-что грань все-таки оставалась. Это правда; но высшее сословіе обложено податью, чего прежде не было, слѣдственно сближено съ прочими. Съ горожанами дворяне приведены были въ постоянное соприкосновеніе. Средневѣковыя коммуны состояли исключительно изъ мѣщанъ; въ нихъ не допускались другія сословія. Короли расширили это право, впустили дворянъ въ города, а нѣкоторыхъ изъ мѣщанъ возвели въ дворянское достоинство, такъ-что высшее сословіе получило мѣсто и въ городахъ. Дворян-

ство служебное, купленное, городское составляли звенья, соединившія оба класса неразрывною цѣпью. Короли же въ генеральныхъ штатахъ пріобщили къ прочимъ сословіямъ и депутатовъ отъ городовъ, а высшіе ленные владѣльцы сдѣлали тоже въ провинціальныхъ штатахъ. Последній способъ сближенія Токвилль предпочитаетъ всѣмъ другимъ; но надобно замѣтить, что въ штатахъ сословія имѣли каждое свою камеру, такъ-что различіе сохранялось во всей силѣ. Въ общей же государственной службѣ, въ парламентахъ, въ войнѣ, при дворѣ, сословія смѣшивались такъ, что исчезала самая грань. Здѣсь уже не было мѣста привилегіямъ и притязаніямъ; всѣ подчинялись общимъ правиламъ и служили общему дѣлу. Такимъ образомъ бюрократія служила несравненно лучшимъ средствомъ соединенія и уравнианія, нежели сословное представительство. Она составляла общій государственный организмъ, равный для всѣхъ, въ которомъ положеніе и права давались единственно заслугами государству.

Изъ всѣхъ обвиненій Токвилля справедливо только то, что дворяне разобщены были съ окружавшими ихъ сельскими жителями. Но прежнее ихъ соединеніе состояло въ полной зависимости послѣднихъ отъ первыхъ. Ставъ между ними, правительство приняло подъ свою защиту угнетенныхъ феодализмомъ; оно перенесло на себя тѣ права, которыя могутъ принадлежать только цѣлому обществу, а не частному человѣку: судъ, полицію, право взимать подати. Если оставшіяся феодальныя повинности были чрезмѣрно отяготительны для низшаго сословія, то что же было, когда у высшаго къ этому присоединялась произвольная власть? Уничтоживъ ее, короли приравнивали сословія одно къ другому; изъ господина дворянинъ превратился въ мѣстнаго жителя, и приготвилось то время, когда можно было всѣмъ заодно завѣдывать интересами, равными для всѣхъ.

Но если монархи дѣйствовали въ смыслѣ сближенія сословій, то дворянство, съ своей стороны, показывало духъ нетерпимости и исключительности. Лишившись политическихъ правъ, оно силилось отстоять свои гражданскія привилегіи; оно пользовалось слабостью правительства, чтобъ ихъ увеличить, оно старалось исключить изъ среды своей все, что возвышалось снизу. Этотъ узкій корпоративный духъ сдѣлалъ его предметомъ ненависти для другихъ и приготовилъ его погибель, но въ этомъ виновато оно, а не короли.

Такой же доступъ открытъ былъ французскими монархами въ города и въ привилегированныя корпораціи. Преимущества, которыя прежде считались собственностью этихъ союзовъ, были перенесены на верховную власть, какъ на единственный ихъ источникъ, чѣмъ самымъ сдѣлалась возможна раздача ихъ постороннимъ людямъ. Потому и самое право работы объявлено королевскою привилегіей. Отсюда проистекло и умноженіе корпорацій, которыя короли приспособляли къ своимъ цѣлямъ, какъ силу, которою они могли располагать для государственной пользы. Во всякомъ случаѣ, въ этомъ соединеніи разрозненныхъ людей въ мелкіе союзы невозможно видѣть съ Токвиллемъ желанія ихъ разобщить. Самыя привилегіи въ то время содѣйствовали болѣе правильному устройству государства. вмѣсто разорванныхъ на клочки сословій, короли хотѣли установить непрерывную лѣствицу, способную служить общему порядку, получить государственную организацію. Для того, чтобъ привести всѣ члены въ соотношеніе, необходимо было умножить число ихъ, вставить средніе между крайними. Но, раздавая такимъ образомъ льготы, короли сами являлись защитниками низшихъ классовъ; они обуздывали вредныя для нихъ притязанія и открывали имъ возможность возвышенія. Само собою разумѣется, что все, что мы здѣсь говоримъ, относится къ общему движенію законодательства, а отнюдь не

къ отдѣльнымъ частностямъ, ибо вопросъ состоитъ не въ той или другой мѣрѣ, принятой французскими королями, а въ общемъ ходѣ исторіи.

Обвиняя королей въ разрозненіи сословій, Токвилль самъ представляетъ блистательное опроверженіе своего взгляда. «Въ XVIII-мъ вѣкѣ», говоритъ онъ, «кажется, что всѣ люди, особенно тѣ, которые принадлежатъ къ среднимъ и высшимъ слоямъ общества, единственные, которые выставляются на видъ, сдѣлались совершенно похожи другъ на друга. Представивъ себѣ, что всѣ маленькія перегородки рухнули вслѣдствіе великаго потрясенія, я тотчасъ вижу общественное тѣло, болѣе сплошное и однородное, нежели всякое другое, какое когда либо существовало въ мірѣ. Во всемъ королевствѣ отдѣльная жизнь провинцій давно погасла; это много содѣйствовало тому, что всѣ Французы стали похожи другъ на друга. Сквозь существующія еще различія виднѣется уже единство народа; однообразіе законодательства его открываетъ. Мало того, въ каждой провинціи люди различныхъ сословій дѣлаются болѣе и болѣе схожи, несмотря на различіе состоянія». Въ другомъ мѣстѣ, говоря о раздѣленіи Франціи на департаменты, неимѣвшіе никакого отношенія къ прежнимъ провинціямъ, и приводя слова Борка, который восклицалъ съ негодованіемъ: «въ первый разъ можно видѣть людей, которые рѣжутъ свое отечество на куски такимъ варварскимъ образомъ!» Токвилль говоритъ: «казалось въ самомъ дѣлѣ, что разрѣзывали живыя тѣла, въ сущности же разрѣзывали мертвыхъ». Но кто же содѣйствовалъ образованію этой сплошной, однородной массы, этого могучаго единства, какъ не управленіе абсолютныхъ монарховъ? Долгая историческая работа выѣла всю внутренность стараго средневѣковаго зданія; осталась блестящая скорлупа, которая занимала еще много мѣста, но нужно было дать ей толчокъ, чтобъ она рухнула и оказа-

лась внутренняя ея пустота. Этотъ толчекъ былъ данъ революціей.

Послѣ всего сказаннаго, мы можемъ судить, какую цѣну имѣетъ и другое обвиненіе, въ томъ, что короли уничтожили во Франціи политическую свободу. Спрашивается: возможно ли было предоставить ее сословіямъ, изъ которыхъ каждое имѣло въ виду только собственныя выгоды и употребляло всѣ усилія, чтобъ удержать устарѣлыя привилегіи? Здѣсь Токвилль опять будетъ служить опроверженіемъ самому себѣ. Въ одномъ изъ примѣчаній къ своей книгѣ онъ говоритъ: «Образованные и богатые классы въ старомъ порядкѣ не только не были подавлены и поработаны, но можно сказать, что всѣ, не исключая и горожанъ, пользовались слишкомъ большою свободою дѣлать все, что имъ хотѣлось, ибо королевская власть не смѣла препятствовать членамъ ихъ создавать себѣ безпрестанно исключительное положеніе въ ущербъ народу, и всегда считала себя въ необходимости пожертвовать послѣднимъ, чтобъ снискать ихъ благорасположеніе или предупредить неудовольствіе ихъ. Можно сказать, что въ XVIII-мъ вѣкѣ Французъ, принадлежавшій къ этимъ классамъ, часто имѣлъ гораздо болѣе возможности сопротивляться правительству, нежели Англичанинъ того времени, находившійся въ томъ же положеніи. Во Франціи верховная власть сочла бы себя обязанною оказать ему болѣе уваженія и слѣдовать болѣе робкому ходу, нежели правительство англійское, относительно подданнаго той же категоріи — такъ несправедливо смѣшиваютъ независимость съ свободою. Нѣтъ человѣка менѣе независимаго, чѣмъ гражданинъ свободный».

Но въ этомъ состоитъ весь вопросъ: если необходимо было уничтожить слишкомъ большую независимость высшихъ сословій, то какимъ же образомъ можно было предоставить имъ политическую свободу, то есть государственную власть? Къ чему

бы это могло повести, какъ не къ большому утверженію вредныхъ для государства привилегій? Во Франціи свобода всегда находила себѣ поборниковъ: то генеральные штаты, то парламентъ, то отдѣльныя лица поднимали голосъ въ ея пользу. При Лудовикѣ XIV-мъ, казалось, все безпрекословно подчинилось абсолютной власти монарха; но въ концѣ его царствованія за границею появилась брошюра, подъ заглавіемъ: «Вздохи поработанной Франціи о свободѣ». Она выражала мысль цѣлой политической партіи и потому служитъ любопытнымъ историческимъ документомъ. Посмотримъ же, чего требовали тогдашніе либералы и чѣмъ они были недовольны. «Привилегіи дворянъ», пишетъ неизвѣстный авторъ брошюры, «превратились въ тѣни, въ паутины, которыя не ограждаютъ ихъ ни отъ чего. Ихъ фермеры и земли уплачиваютъ королю такія чрезмѣрныя подати, что ими покрывается весь поземельный доходъ. Подъ предлогомъ уничтоженія нѣкоторыхъ безпорядковъ, которые, конечно, заслуживали вниманія¹⁾, въ провинціи послали интендантовъ, которые имѣютъ надъ дворянствомъ невыносимую власть и обращаютъ его въ рабство. Теперь дворянину нужно полтора права, чтобъ выиграть тяжбу съ крестьяниномъ». Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Дворянинъ не имѣетъ болѣе вѣса, чтобъ выпросить для своего прихода уменьшенія податей, его фермеры платятъ, какъ другіе, и болѣе. Судебные чиновники, господа и другія знатныя лица, не пользуются болѣе преимуществами въ ущербъ казеннымъ деньгамъ. Все платитъ. Вотъ великолѣпный видъ справедливости! Но что жъ произвела эта удивительная справедливость? Она разрознила всѣхъ... Тѣ, которые прежде имѣли протекцію, потерявъ ее, несутъ бремя въ свою очередь, и такимъ образомъ все разорено безъ исключенія.

¹⁾ Они состояли въ томъ, что дворяне не хотѣли повиноваться законамъ и вооруженною силой сопротивлялись властямъ.

Вотъ къ чему привело это искусство, которому такъ удивлялись въ покойномъ г. Кольберѣ!» Конечно, эти жалобы не много преувеличены, но онѣ показываютъ, чего домогались высшія сословія. Тѣмъ же духомъ зараженъ и Сенъ-Симонъ, одинъ изъ самыхъ умныхъ людей того времени, котораго графъ Монталамберъ въ недавней рецензіи называетъ Тацитомъ своего вѣка, бичомъ придворнаго раболѣпства. Вотъ какъ этотъ Тацитъ выражаетъ свое неудовольствіе: «Мало по малу онъ (то есть Лудовикъ XIV) заставилъ всѣхъ служить и толпиться при дворѣ, даже тѣхъ, которыхъ онъ менѣе всего уважалъ. Кто былъ въ лѣтахъ для службы, не смѣлъ въ нее не вступать. Это была только уловка для того, чтобъ разорить дворянъ, приучить ихъ къ равенству и заставить ихъ влачиться въ смѣшеніи со всякимъ людомъ... Подъ тѣмъ предлогомъ, что всякая военная служба почетна и что надобно приучиться къ повиновенію прежде, нежели начинаютъ повелѣвать, онъ заставилъ всѣхъ, за исключеніемъ однихъ кровныхъ принцевъ, начинать службу кадетами въ его гвардіи, исполнять службу простыхъ гвардейцевъ, въ гвардейскихъ залахъ и на дворѣ, и на войнѣ, и зимою, и лѣтомъ... Большіе и малые, знатные и темные — всѣ были такимъ образомъ принуждены служить, сдѣлаться подлою сволочью, состоящею въ совершенномъ равенствѣ и въ полной зависимости отъ военнаго министра и даже отъ его чиновниковъ. Было постановлено, что всякій служащій, кто бы онъ ни былъ, относительно службы и чиновъ, подлежитъ совершенному равенству съ другими... Отсюда возвышеніе людей письменныхъ и чиновныхъ и уничтоженіе дворянства, которое постепенно низводится по указаннымъ въ другомъ мѣстѣ ступенямъ до того неслыханнаго состоянія, которое видится и слышится нынѣ, и которое этотъ письменный и чиновный людъ сумѣлъ поддержать, ежедневно увеличивая свое иго, такъ что мы дожили наконецъ до

того, что знатнѣйшій баринъ никому болѣе не нуженъ и тысячью различными способами зависитъ отъ самаго подлаго выходца».

Не одни дворяне говорили и жаловались въ этомъ духѣ: такъ думали въ то время даже филантропы и утописты. Августинъ Тьерри, разбирая проектъ конституціи, составленный Фенелономъ для ученика его, герцога бургундскаго, говоритъ: «Несмотря на либеральныя правила, которыя проповѣдывали герцогъ бургундскій и его пріатели, искренно считая свое произведеніе выраженіемъ либерализма, эта печальная смѣсь противорѣчащихъ элементовъ, которая дѣлала нововведенія съ одной стороны въ смыслѣ филантропическомъ, съ другой стороны глубже прежняго раздѣляла права и состоянія по рожденію, которая поднимала дворянство отъ его политическаго упадка и понижала то положеніе, которое время доставило третьему сословію, — эта конституція антилогическая и анти-историческая не имѣла шансовъ быть популярною ни единого дня, еслибъ изъ міра фантазіи она перешла въ область дѣйствительности. Несмотря на свои явные недостатки», продолжаетъ Тьерри, «политика Лудовика XIV-го была умнѣе и имѣла болѣе цѣны для будущаго, нежели заманчивые вымыслы преобразователей его времени; онъ понялъ, въ чемъ должна была состоять его задача послѣ дѣла его предшественниковъ, и исполнилъ ее вѣрно, по мѣрѣ своихъ силъ». Это сужденіе великаго историка можетъ относиться и къ книгѣ Токвилля. Чтобы Франція могла пріобрѣсть политическую свободу, нужно было другое время и другой духъ. Нужно было ей предварительно приготовить почву... Народъ понималъ это и не поддавался возгласамъ возстановителей старины.

Такимъ образомъ вся французская исторія явно вела къ усиленію правительственной власти насчетъ прежнихъ элементовъ, которые, будучи остатками старины, противопоста-

вляли ей только своекорыстные притязанія. Но мы сказали уже, что, взобравшись на высоту, власть не съумѣла поддержать свое историческое значеніе. Посмотримъ, какъ это отразилось на управленіи.

Сильное развитіе административной дѣятельности возникаетъ, какъ мы сказали, изъ историческихъ условій; оно бываетъ на своемъ мѣстѣ, когда главная задача народа состоитъ въ устройствѣ государства, въ приготовленіи той среды, въ которой внутреннія силы общества могутъ получить разумное и свободное развитіе. Но такая дѣятельность тогда только можетъ быть благотѣльна для народа, когда центральная власть ясно видитъ общественную пользу и твердо ея желаетъ, когда, обладая духомъ инициативы, она смѣло ведетъ народъ путемъ улучшеній и прогресса: тогда народъ смотритъ на нее съ любовью и, полный довѣрія, слѣдуетъ за нею по этой дорогѣ. Но французское правительство, исполнивъ свою историческую задачу, создавши народное единство, собравши государство въ крѣпко сложенное тѣло, какъ будто истощило всѣ силы свои въ этой работѣ. Много еще оставалось довершить, много слѣдовъ прошедшаго невыносимымъ бременемъ тяготѣли надъ народомъ; но инициатива великихъ мѣръ покинула французское правительство; отъ него какъ будто отошелъ государственный духъ, преобразующій и устрояющій. Тревожная административная дѣятельность осталась, но вся обратилась на мелочи. Важныя реформы были ей не по силамъ, общественныя язвы оставались незакрытыми; но законодательныя мѣры умножились до чрезвычайности. Новыя постановленія слѣдовали другъ за другомъ въ такіе короткіе сроки, что сами исполнители наконецъ сбивались съ толку и не знали чего держаться. вмѣсто того, чтобъ устремить свое вниманіе на существенныя отрасли государственнаго управленія и слѣдить за ними неумоимо, министры притягивали къ себѣ самыя пу-

стыя и ненужныя мелочи, подробно разспрашивая, напримѣръ, объ имени, о времени вступленія и выхода каждаго нищаго въ областной богадельнѣ. Вслѣдствіе этого они были обременены подробностями, которыя поглощали всю ихъ дѣятельность и ставили ихъ въ зависимость отъ простыхъ писарей, какъ именно свидѣтельствуется д'Аржансонъ. вмѣсто того, чтобы завѣдывать собственно дѣлами, они заботливо освѣдомлялись о лицахъ, придавая этому государственную важность, какъ будто отдѣльныя лица могутъ быть опасны, когда народъ доволенъ своимъ положеніемъ, и что нибудь значатъ при неудовольствіи всеобщемъ. Оскудѣвъ содержаніемъ, администрація обратилась на форму. Излишнее дѣлопроизводство усилилось невѣроятно, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличилась и проволочка дѣлъ; нужно было два, три года, чтобы какой нибудь сельскій приходъ получилъ разрѣшеніе поправить свою колокольню. Все дѣлалось для вида; дѣятельность была непомѣрная, а въ сущности ничто не подвигалось впередъ. вмѣстѣ съ тѣмъ французская администрація XVIII-го вѣка не съумѣла избѣжать двухъ великихъ камней преткновенія власти, дѣйствующей безъ контроля и безъ понужденія: злоупотребленія силы и чрезмѣрной слабости. Государственная власть должна проявляться только тамъ, гдѣ есть серьезное препятствіе улучшеніямъ; иначе она безъ всякой пользы возбуждаетъ неудовольствіе. Но администрація XVIII-го вѣка обращала ее именно туда, гдѣ ее не слѣдовало употреблять, гдѣ не оказывалось никакого сопротивленія и, напротивъ, не хотѣла сдѣлать усилія тамъ, гдѣ нужно было одолѣть преграду. Такъ вредныя для государства привилегіи крѣпко отстаивались цѣлыми сословіями; потому правительство привилегій и не касалось. Но законъ не находилъ себѣ защитниковъ, и вотъ самая власть, его издающая, нарушала его безпрестанно, тѣмъ самымъ приучая народъ не уважать законъ, а прибѣгать къ

косвеннымъ путемъ для достиженія своихъ цѣлей. Сократить страшное количество обременительныхъ для казны пенсій, которыя выдавались знатымъ особамъ, никто не отваживался; но не уплачивать казенныхъ долговъ темнымъ кредиторамъ, оставлять безъ вознагражденія мелкихъ владѣльцевъ, которыхъ земли отходили къ государству — это было дѣло очень обыкновенное. Люди, которые пользовались протекціями, легко избѣгали наказанія за вины; но съ простымъ народомъ обращались иногда съ возмутительною жестокостью. Впрочемъ, правительство Лудовика XVI-го дѣйствовало въ этомъ случаѣ гораздо умѣреннѣе, нежели прежде. Пробужденіе общественнаго духа, добродушный характеръ короля смягчали административные нравы; но недостатокъ энергіи въ важныхъ государственныхъ преобразованіяхъ оставался въ полномъ размѣрѣ. Токвилль замѣчаетъ, что будь въ то время во Франціи государь съ умомъ и характеромъ Фридриха Великаго, онъ произвелъ бы многія преобразованія, которыя послѣ совершила революція, и не только не лишился бы престола, но даже значительно усилилъ бы свою власть. Нельзя не согласиться, что, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, устранились бы прямые поводы къ неудовольствію и развитіе получило бы характеръ болѣе мирный. Правительство своевременными преобразованіями всегда можетъ предупредить переворотъ. Общественныя страсти разгораются не легко. Огромное большинство народа состоитъ изъ мирныхъ гражданъ, которые болѣе всего дорожатъ домашнимъ своимъ благосостояніемъ, а потому неохотно предаются смутамъ междоусобныхъ распрей, тревогамъ и волненіямъ площади. Масса народа всегда готова слѣдовать за правительствомъ, которое удовлетворитъ существеннымъ ея потребностямъ. Только въ крайнихъ случаяхъ, не видя другаго исхода, она выступаетъ на поприще собственнымъ лицомъ, въ дикой энергіи разрушая все преграды

и производя въ исторіи памятные потрясенія. — Возьмись Лудовикъ XVI-й смѣлою рукою за преобразование государства — огромное большинство Франціи было бы на его сторонѣ; въ особенности низшіе классы, которые избавились бы отъ тяжкаго бремени, съ радостью прильнули бы къ престолу. Но, къ несчастью, король, несмотря на всю свою благонамѣренность, не могъ отрѣшиться отъ вліянія окружающей среды и почти противъ воли сталъ на неправую сторонѣ. Когда онъ, отставляя Тюрго отъ министерства, сказалъ: «Г. Тюрго и я, мы одни любимъ народъ», онъ этимъ явно сознался въ безсиліи правительства и заставилъ народъ подумать о генеральныхъ штатахъ.

Старое зданіе очевидно клонилось къ упадку. Средневѣковыя сословія и корпораціи, стоя на первомъ планѣ въ государствѣ, лишены были существеннаго содержанія и держались во вредъ народу; прежняя ихъ соперница, королевская власть, истощившись въ исторической борьбѣ, успокоилась на добытыхъ результатахъ и приняла развалины прошедшаго подъ свое покровительство. Нужно было обновленіе народныхъ силъ, нуженъ былъ свѣжій приливъ общественнаго духа, чтобъ выйти изъ тягостнаго положенія и подвинуться на дальнѣйшій путь. Этотъ обновляющій элементъ явился въ философомъ движеніи XVIII-го вѣка.

Токвилль приводитъ разныя причины, почему мыслители XVIII-го вѣка были чрезмерно преданы государственнымъ теоріямъ и почему они могли сдѣлаться вожатами народа. Удаленные отъ политической сферы, не имѣя возможности узнать и оцѣнить практическую приложимость идей, они естественно устремляли всю силу свою на умозрѣнія, обращались къ существующему порядку отрицательною стороною и полагали всю надежду на произведенія чистаго разума. Народъ, съ своей стороны, также не участвуя въ политической

дѣтельности, не имѣя возможности умѣрить теорію практикою, легко поддавался новымъ ученіямъ, которыя обѣщали вывести его изъ тяжелаго положенія. Кромѣ того, говоритъ Токвилль, самыя цензурныя стѣсненія того времени способствовали распространенію оппозиціонныхъ идей. Издавались строгія, даже жестокія постановленія о книгопечатаніи. По закону 1757 года писатели, издатели и распространители сочиненій, которыя *клонились* къ тому, чтобъ поколебать вѣру, волновать умы, ослабить уваженіе къ королевской власти, нарушить порядокъ и спокойствіе государства, подлежали смерти. Всякій, кто не исполнилъ предписанныхъ закономъ формальностей, подвергался пожизненной каторжной работѣ. Но все это вело единственно къ тому, что запрещенное расходилось и читалось съ большею жадностью. Когда общественный духъ сильно возбужденъ, лучше дать ему свободный исходъ, нежели стѣснительными мѣрами производить еще большее раздраженіе. Потому Юмъ, съ своимъ практическимъ смысломъ, считалъ такую строгость во Франціи болѣе благопріятною для распространенія новыхъ идей, нежели полную свободу, предоставленную Англичанамъ.

Все это, безъ сомнѣнія, справедливо; но ограничиваться этими второстепенными причинами значить становиться на весьма узкую точку зрѣнія и не понять значенія мысли, послѣдовательной въ своемъ движеніи. У Токвилля витаетъ передъ глазами мысль англійская, которая, не покидая практической почвы, всегда останавливалась на полудорогѣ. Нельзя не упрекнуть автора за такое совершенное непониманіе духа своего народа. Теоретическое направленіе не было явленіемъ, которое принадлежало исключительно XVIII-му вѣку; оно проникаетъ всю исторію Франціи. Старые французскіе юристы, будучи практиками, не менѣе того строили теоріи государства и возводили до идеи развитіе королевской власти.

Эта теорія въ свое время была усвоена народомъ также, какъ усвоивались имъ ученія XVIII-го вѣка. Последнее было тѣмъ легче, что самое существо философіи XVIII-го вѣка какъ разъ пришлось по французскому характеру и уму.

Если мы взглянемъ на основныя черты ея, то увидимъ, что она не глубоко вникала въ сущность вещей, а исходила изъ начала односторонняго. Орудіемъ знанія былъ разлагающій анализъ, который разрѣшалъ понятія на первоначальные составныя элементы и принималъ послѣдніе за основаніе всѣхъ явленій. Черезъ это связь, истекающая изъ начала общаго, упускалась изъ вида, и вездѣ частное принималось за точку отправленія. Такъ въ природѣ основнымъ началомъ явился матеріальный атомъ, въ познаніи—чувственное впечатлѣніе, въ нравственности—наслажденіе, въ общественной жизни—индивидуумъ, въ управленіи—децентрализація. Въ послѣдствіи открылось, что такое воззрѣніе приводитъ къ скептицизму. Дальнѣйшему движенію мысли, философіи XIX-го вѣка предоставлено было діалектическое сопоставленіе обоихъ противоположныхъ началъ бытія, а практикѣ его совмѣстное установленіе различныхъ началъ общественныхъ. Но, отправляясь отъ точки зрѣнія односторонней, мысль XVIII-го вѣка совершила свои дѣла съ необыкновенною смѣлостью и послѣдовательностью. Всѣ области человѣческаго вѣдѣнія подверглись анализу разума; мысль проникла всюду, все сводила къ понятіямъ яснымъ и определеннымъ. Не было пощады ничему обветшалому; во всѣ темныя дебри историческаго зданія вносились свѣтъ разумный, хотя и не всегда широко озаряющій. Все подверглось неумолимой критикѣ логики и беспощадному осмѣянію остраго французскаго ума. Но мысль не ограничивалась этою отрицательною дѣятельностью; она выступала во имя началъ общественнаго блага, во имя любви къ людямъ, мягкости, снисхожденія; она съ негодованіемъ преслѣдовала

всякое проявленіе жестокости, нетерпимости, пытку, свирѣпая казни, угнетеніе слабыхъ. Она говорила людямъ о развитіи естественномъ, не подавленномъ историческими наростами; ей хотѣлось, чтобы всѣмъ досталось счастье на долю. Она была исполнена удивительной вѣры въ силу разума, въ человѣка и его совершенствованіе. И все это говорилось языкомъ общедоступнымъ; все это проникало въ массы, которыя съ жадностью слушали слова вѣры и любви. Новый духъ объѣлъ французскій народъ; это было какъ бы упоеніе мысли, разлитое повсюду. Общество закипѣло умственной дѣятельностью; возникли различныя школы мыслителей, смѣлыхъ, благородныхъ, которые съ жаромъ развивали филантропическія идеи. Сама администрація, несмотря на свое безсиліе, тревожно принялась за улучшенія, стала говорить новымъ языкомъ. Нравы смягчились; самое общественное благосостояніе внезапно подвинулось впередъ подъ вліяніемъ прилива новыхъ силъ. Въ эти времена одушевленія люди готовы были на всякія отважныя предпріятія: французская молодежь схватилась за мечъ и отправилась чрезъ океанъ биться за освобожденіе Америки. Но среди всего этого у правительства не доставало рѣшимости на великія дѣла, и послѣ нѣсколькихъ попытокъ, оно отказалось отъ плодотворной дѣятельности.

А между тѣмъ ученія французскихъ мыслителей проникали во всѣ страны Европы, увлекали и монарховъ и государственныхъ людей. Вездѣ совершались замѣчательныя преобразованія; вездѣ появлялись правители, которые смѣло брались за кормило и устроивали государство сообразно съ новымъ духомъ, приравливаясь къ потребностямъ своего народа: въ Пруссіи Фридрихъ Великій, въ Австріи Іосифъ II-й, въ Россіи Екатерина, въ Даніи Штрунцъ, въ Тосканѣ Леопольдъ, въ Неаполѣ и Испаніи Карлъ III-й съ цѣлою плеядой министровъ — Аранда, Кампоманесъ, Флорида Бланка. Они

провозглашали себя учениками философовъ Франціи, дорожили ихъ сочувствіемъ, съ уваженіемъ выслушали ихъ рѣчамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ кипѣла и подземная работа: фран-масоны, иллюминаты, розенкрейцеры собирались въ тайныя сходки, проповѣдывали покрытыя загадочностью ученія, разсылали тайственныхъ агентовъ. Всякій образованный человѣкъ старался примкнуть къ этимъ обществамъ; самыя высокія лица становились предсѣдателями братствъ. Движеніе было непомѣрное, и все обращалось къ Франціи, какъ къ центру, изъ котораго истекалъ свѣтъ, обливающий весь міръ. Всѣ приготовлялись къ чему-то великому; всѣ ожидали грозы. И вотъ въ маѣ 1789 года Европа узнала, что въ Парижѣ собрались генеральные штаты, созданные королемъ; скоро раздался въ нихъ голосъ оратора, какого міръ не слыхалъ еще со временъ Демосоена — голосъ Мирабо, затѣмъ узнали, что пала Бастилія... Все притихло; все, въ трепетномъ ожиданіи, обратилось къ единому пункту.

Полные вѣры и надежды, собрались представители Франціи на великое дѣло государственнаго преобразованія. Народъ выставилъ въ эти памятные выборы всѣхъ лучшихъ своихъ гражданъ. Здѣсь были всѣ знаменитости Франціи, люди всѣхъ сословій и партій; каждая могла ратовать за себя въ полномъ вооруженіи. Старыя привилегированныя корпораціи, духовенство и дворянство, которые составляли правую сторону собранія, нашли себѣ краснорѣчивыхъ защитниковъ въ Мори и Казалесѣ. Люди конституціонныхъ мнѣній, которые глядѣли на Англію, какъ на образецъ, и черпали свое ученіе изъ Монтескье — Мунье, Малуэ, Клермон-Тоннеръ, Лалли-Толендаль — образовали центръ, который хотѣлъ реформы умѣренной. На лѣвой же сторонѣ сидѣли вожди оппозиціи, которые дѣйствовали на народную толпу — братья Ламеть, блистательный адвокатъ Барнавъ и одинъ изъ самыхъ умныхъ

законовѣдцевъ Франціи, Дюпоръ. Ни къ какой партіи не принадлежалъ Сіесъ—путеводная звѣзда на предстоящемъ пути, и надъ всѣми возвышался воплощенный духъ новаго движенія, одинъ изъ самыхъ гениальныхъ людей, которыхъ когда либо производила Франція — Мирабó. Читая его рѣчи, его переписку съ Ламаркомъ и особенно записку, которую онъ подалъ королю, когда онъ послѣдному предложилъ свои услуги, невольно удивляешься силѣ этого человѣка. Въ немъ было все, что составляетъ великихъ государственныхъ людей: обширный политическій смыслъ, которому одинаково были доступны и философскія теоріи и практическое приложеніе, ясное пониманіе вещей, неутомимая дѣятельность, знаніе людей, изумительный даръ краснорѣчія, который способенъ былъ и увлекать слушателей неотразимой силою убѣжденія и страстною энергіей двигать народныя массы. Онъ одинъ предвидѣлъ кровавую развязку великой драмы; онъ одинъ способенъ былъ ее предупредить, остановить стремящійся потокъ и заставить его войти въ мирное русло. Но для этого ему нужно было стоять во главѣ правленія, а король, къ-несчастью, не хотѣлъ довѣриться ему вполнѣ. Вообще правительство не сумѣло поставить себя въ выгодное положеніе. Въмѣсто того, чтобъ дѣйствовать заодно съ Собраніемъ, привлечь къ себѣ главныхъ его вождей и такимъ образомъ властвовать надъ движеніемъ, оно съ перваго раза стало къ нему въ отношенія враждебныя. Едва собравъ народныхъ представителей, король испугался уже либеральнаго духа и задумалъ распустить ихъ, обязавшись сдѣлать нѣсколько преобразованій. Нельзя было поступить неосторожиѣе: генеральныхъ штатовъ не было впродолженіе болѣе полутора вѣка; Франція ожидала ихъ съ напряженнымъ нетерпѣніемъ, какъ единственнаго спасителя; и когда все такимъ образомъ было возбуждено до крайности, вдругъ всѣ надежды должны были рухнуть передъ правительственнымъ

актомъ, который былъ внушенъ привилегированными сословіями и придворною партіею. Собраніе не хотѣло повиноваться и рѣшило, что оно совершитъ свое дѣло помимо короля. Въ отвѣтъ придвинулось войско; тогда Парижъ вооружился и взялъ Бастилію. Въ этотъ знаменательный моментъ, правительство, которое прежде, когда не ожидало сопротивленія, выказало неблагоразумный произволь, открыло всю свою слабость: оно уступило; но при явномъ примиреніи осталась скрытная вражда между представителями народа и королемъ, вражда, которая была главною двигательною пружиною всѣхъ послѣдующихъ событій.

Изъ предъидущаго легко усмотрѣть, какимъ образомъ принялось за реформы Собраніе, насквозь проникнутое духомъ XVIII вѣка. Оно черпало свои постановленія не изъ исторической почвы, а изъ чистаго умозрѣнія; оно какъ-будто-бы хотѣло составить кодексъ для всего человѣчества. Надобно сказать, однако, что это умозрѣніе было произведеніемъ современнаго французскаго духа и соответствовало стремленіямъ Франціи того времени. Въ исторіи народовъ есть минуты, когда они всю жизнь свою возводятъ къ идеѣ. «Не въ старыхъ хартіяхъ», говорилъ Мирабо, «гдѣ хитрость въ соединеніи съ силою нашли способы къ угнетенію народа, должны мы искать его права, но въ разумѣ. Права народа древни, какъ время и священны, какъ природа». «Не будемъ бояться владычества истины и разума», восклицалъ онъ въ другой рѣчи; «они наконецъ обуздають или, что еще лучше, умѣрятъ человѣчскій родъ и будутъ править всѣми правительствами земли. Марсъ тиранъ, но право—властитель вселенной». И вдохновляясь этой идеей, Собраніе поставило во главѣ составленнаго имъ уложенія объявленіе о правахъ человѣка и гражданина, считая ихъ непоколебимою основою, на которой должно было строиться новое зданіе. Это предисловіе казалось почерпну-

тымъ изъ философскаго сочиненія XVIII-го вѣка. Оно начинается постановленіемъ: «Всѣ люди рождаются и остаются свободными и равными передъ закономъ». Затѣмъ это изреченіе объясняется и ограничивается: «свобода состоитъ въ правѣ дѣлать все, что не вредитъ другимъ: такимъ образомъ пользованіе естественными правами человѣка имѣетъ единственною границею предоставленіе другимъ членамъ общества пользованія тѣми же правами. Эти границы могутъ быть опредѣлены только закономъ. Законъ имѣетъ право запрещать только дѣйствія вредныя обществу».

Отсюда, какъ прямое слѣдствіе, вытекало уничтоженіе всѣхъ старыхъ привилегій. «Национальное собраніе, желая установить конституцію Франціи на тѣхъ началахъ, которыя имъ признаны и провозглашены, уничтожаетъ безвозвратно учрежденія, противныя свободѣ и равенству правъ. Нѣтъ болѣе ни дворянства, ни перовъ, ни наслѣдственныхъ различій, ни различій сословныхъ, ни феодальнаго порядка, ни помѣщичьихъ судовъ, ни титуловъ, названій и преимуществъ, которыя изъ нихъ истекали, ни кавалерскихъ орденовъ, ни корпорацій и знаковъ, для которыхъ требовались доказательства дворянства или которые предполагали различіе рожденія, ни какихъ бы то ни было другихъ преимуществъ, за исключеніемъ тѣхъ, которыми пользуются служители государства при отправленіи своей должности. Нѣтъ болѣе ни продажи ни наслѣдственности должностей. Нѣтъ болѣе ни для какой части народа, ни для какого лица привилегій и изъятій изъ общаго права всѣхъ Французовъ. Нѣтъ болѣе ни цеховъ, ни корпорацій для занятій, искусствъ и ремеслъ». Такимъ образомъ однимъ актомъ уничтожено все прошедшее; законодатели могли строить новое зданіе, не стѣсняясь никакими преградами.

Затѣмъ слѣдовало установленіе законныхъ правъ гражданина: «1) Всѣ граждане имѣютъ доступъ къ мѣстамъ и долж-

ностямъ, безъ всякаго другаго различія, кромѣ нравственности и способностей; 2) подати должны быть распределены между всѣми гражданами ровно, соразмѣрно съ ихъ состояніемъ; 3) одинакія преступленія будутъ повинны одинакимъ наказаніямъ, безъ всякаго различія лицъ. — Конституція обезпечиваетъ также, въ качествѣ правъ естественныхъ и гражданскихъ: свободу для каждаго человѣка ходить, оставаться на мѣстѣ, уѣзжать, не подлежа задержанію или аресту иначе, какъ по правиламъ, предписаннымъ конституціею; — свободу для каждаго человѣка говорить, писать, печатать и обнародывать свои мысли безъ предварительной цензуры и осмотра, а также исповѣдывать ту вѣру, къ которой онъ принадлежитъ; — свободу для всѣхъ гражданъ собираться мирно и безъ оружія съ соблюденіемъ полицейскихъ законовъ; свободу подавать законнымъ властямъ прошенія, подписанныя отдѣльными лицами». Наконецъ было постановлено, что всякій, кто вступаетъ на почву Франціи, черезъ это самое становится свободнымъ.

Токвилль замѣчаетъ, что новый порядокъ благопріятствовалъ усиленію правительства. «Сравните новый порядокъ съ старымъ», писалъ Мирабо къ королю, «здѣсь для васъ рождается утѣшеніе и надежда. Часть дѣйствій Национальнаго Собранія, и притомъ самая значительная, явно благопріятствуетъ монархическому правленію. Развѣ ничего не значитъ уничтоженіе парламента, провинціальныхъ штатовъ, корпорацій духовенства, привилегированныхъ лицъ, дворянства? Мысль составить одинъ классъ гражданъ понравилась бы Ришелье: эта ровная поверхность облегчаетъ дѣятельность власти. Нѣсколько абсолютныхъ царствованій не сдѣлали бы столько для королевской власти, сколько этотъ единый годъ революціи». Однако здѣсь представлялась только возможность, которую въ будущемъ, при благопріятныхъ обстоятель-

ствахъ, могло воспользоваться ловкое и дѣятельное правительство. Въ настоящемъ же Національное Собрание, проникнутое духомъ XVIII-го вѣка, питая недовѣріе ко двору, не хотѣло слѣдовать внушеніямъ Мирабó: оно совершенно ослабило королевскую власть.

Основанія новаго уложенія были слѣдующія: совокупность гражданъ объявлена источникомъ верховной власти, законъ выраженіямъ общей воли. Король царствуетъ только имъ, только во имя закона можетъ требовать повиновенія. Но король не соединялъ уже въ себѣ совокупности всѣхъ правъ, какъ прежде: Собрание провозгласило новое начало раздѣленія властей, законодательной, исполнительной, и судебной. Первая была вручена Собранию народныхъ представителей, вторая королю, третья выборнымъ судьямъ. Ни одна не должна была вступаться въ предѣлы другой. Впрочемъ, высшими представителями государственной власти были Законодательное Собрание и король.

Это начало раздѣленія властей осталось и въ конституціяхъ XIX-го вѣка; но практика показала необходимость, давно, впрочемъ, сознаванную въ Англіи, вмѣстѣ съ раздѣленіемъ установить и единство верховнаго правительства. Съ этою цѣлью министрами назначаются обыкновенно члены Законодательныхъ Собраній, руководящіе большинствомъ, такъ что обѣ власти дѣйствуютъ, какъ одна. Этой потребности не сознавали законодатели 1789 года. Опасаясь прежде всего вліянія короля на собранія, они запретили выбирать министровъ изъ числа представителей. Кромѣ-того, они не дали королю права распускать собраніе и дѣлать воззваніе къ новымъ выборамъ; наконецъ они предоставили ему только временное veto новыхъ законовъ. Все это повело къ тому, что исполнительная власть была совершенно отрѣзана отъ законодательной. Но этого мало; даже въ собственной своей области она лишена была

всякой силы. Собрание установило въ управленіи совершенную децентрализацію. Франція раздѣлена была на департаменты, уѣзды и общины; въ каждомъ изъ этихъ округовъ учреждено собраніе, избираемое мѣстными жителями, на которое возложены всѣ дѣла. Центральное правительство сохранило только высшій надзоръ надъ мѣстными властями, съ правомъ отрѣшать ихъ, въ случаѣ неповиновенія законамъ; инициативы же оно не имѣло никакой. Оно носило названіе исполнительной власти, но въ сущности исполненіе лишено было всякаго единства и разложено на множество разнородныхъ центровъ, которые дѣйствовали самостоятельно, подъ вліяніемъ мѣстныхъ побужденій. Такимъ образомъ королевская власть была отрѣзана со всѣхъ сторонъ и оставалась только призракомъ, который напоминалъ о прошедшемъ.

Таковы были нововведенія въ основныхъ законахъ и въ управленіи; такія же преобразованія произведены были и въ другихъ сферахъ государственной жизни. Обратимъ прежде всего вниманіе на перемѣны, которыя совершились въ судьбѣ католическаго духовенства.

Дѣйствуя подъ вліяніемъ идей XVIII-го вѣка, Національное Собрание не было, однако, одержимо духомъ невѣрія, но оно не считало себя въ правѣ установить государственную религію. На предложеніе одного изъ своихъ членовъ, который требовалъ, чтобъ католицизмъ былъ объявленъ религіею народа, оно постановило, «что оно не имѣетъ и не можетъ имѣть власти надъ совѣстью и надъ религіозными мнѣніями гражданъ; что величіе религіи и глубокое уваженіе, которое должно быть ей оказано, не дозволяютъ ей дѣлаться предметомъ законодательнаго пренія; что приверженность Собранія къ вѣрѣ католической, апостолической и римской не подлежитъ никакому сомнѣнію». На этомъ основаніи Собрание провозгласило полную свободу совѣсти и предоставило равенство правъ чле-

намъ всѣхъ признанныхъ въ государствѣ церквей. Оно допустило и свободную проповѣдь всякаго рода вѣрованій. Въ преніи, которое возникло по этому случаю, Мирабó отвѣчалъ противникамъ свободы: «Но, говорите вы, подѣ предложомъ религіи будутъ проповѣдывать догматы вредные, разрушительные для общества, противные здоровой нравственности? Никогда: тамъ, гдѣ нѣсколько вѣроисповѣданій наблюдаютъ другъ за другомъ, всѣ очищаются. Это соперники, которые ничего другъ другу не прощаютъ... Проповѣдывать развратныя ученія можно только въ тайнѣ; они никогда не осмѣлятся противостоятъ осужденію общества. Чтобы сдѣлать мистеріи Доброй богини безвредными, нужно было только уничтожить ихъ таинственность и разорвать покровъ, который скрывалъ ихъ отъ строгаго общественнаго надзора». Однако, не считая себя въ правѣ вмѣшиваться въ дѣла совѣсти, Собраніе смѣло принялось за исправленіе гражданскаго устройства церкви сообразно съ требованіями государства. Духовенство составляло корпорацію съ гражданскими привилегіями: это тѣло было разрушено, разложено на первоначальные свои составные элементы; духовныя лица были объявлены служителями государства, которые въ этомъ качествѣ должны получать отъ него содержаніе. Съ распаденіемъ тѣла уничтожились и права его; церковныя имущества перешли къ государству. Вмѣстѣ съ тѣмъ, сообразно съ новымъ раздѣленіемъ Франціи, получили новое распределеніе и округа церковнаго управленія; назначеніе епископовъ и священниковъ было предоставлено выбору всего народа; наконецъ объявлена совершенная независимость гражданской церкви отъ папы, который долженъ былъ остаться ея главою только въ духовномъ отношеніи. Всѣ эти мѣры составили такъ называемое *constitution civile du clergé*, гражданское устройство духовенства, которое повело къ столькимъ смутамъ и гоненіямъ. Духовенство не хотѣло отказываться отъ преж-

нихъ правъ; оно протестовало противъ нововведеній и волновало народъ, особенно по поводу продажи церковныхъ имуществъ, которыя обращены были на покрытіе государственнаго долга.

Что касается остальныхъ отраслей законодательства, то въ судебномъ порядкѣ Собраніе установило новое устройство гражданскихъ судовъ, учредило по округамъ мирныхъ судей, ввело всюду право выбора, публичность и гласность судопроизводства, установило судъ присяжныхъ для дѣлъ уголовныхъ, признало возстановленіе чести наказанныхъ преступниковъ послѣ извѣстнаго срока, наконецъ устроило верховное судилище для общаго надзора — Кассационный Судъ. По военной части учреждена національная гвардія; въ финансахъ введены правильные налоги и общая таможенная система; въ промышленности установлена полная внутренняя и ограниченная внѣшняя свобода промысловъ и торговли, а также единообразіе мѣръ и вѣсовъ; въ гражданскомъ правѣ утвердилась полная свобода собственности, изъятой отнынѣ и отъ частной феодальной зависимости и отъ регальныхъ правъ; установлены гражданскій бракъ и равенство наслѣдованія всѣхъ дѣтей; наконецъ провозглашена необходимость учредить обширную систему призрѣнія и правильное народное образованіе, даровое для низшихъ классовъ.

Изъ всего сказаннаго можно понять, въ какомъ духѣ дѣйствовало Собраніе — послѣдній плодъ XVIII-го вѣка. Но прежде, нежели суждено было осуществиться даже части постановленныхъ имъ началъ, Франція должна была пройти чрезъ страшный кризисъ, выдержать кровавую борьбу со всѣми элементами, которые оставилъ по себѣ старый порядокъ. Занятые дѣломъ народнаго возрожденія, немногіе изъ законодателей 1789 года предвидѣли, что съ такимъ трудомъ воздвигнутое зданіе рухнетъ, едва успѣвъ подержаться нѣсколько

мгновеній; что скоро, вмѣсто голоса Мирабо, говорящаго о разумѣ и правдѣ, прогремитъ, какъ будто набатъ, голосъ Дантона, взывающего для спасенія Франціи къ кровожаднымъ влеченіямъ массъ, къ энергіи народной толпы, и что надъ развалинами свободы вознесется блѣдная фигура Робеспьера, окруженнаго якобинцами, которые все государство опутаютъ въ желѣзную сѣть. «Законодатели, запечатлѣвшіе своимъ именемъ первую эпоху революціи, эпоху великодушія, энтузіазма, мужества и величія», говоритъ Токвилль, «разошлись, сами закрывъ себѣ путь въ новое собраніе. На смѣну имъ явилось другое поколѣніе, не столько знакомое съ государственной наукой, сколько готовое на битву. Во главѣ его стояли жирондисты, юные, даровитые, исполненные вѣры, энергіи, огня, но вмѣстѣ съ тѣмъ неопытные, невѣжественные, нетерпѣливые, не останавливающіеся ни передъ чѣмъ. Новый духъ принесли они съ собою въ Законодательное Собраніе. Кому изъ читателей не врѣзалось въ память это первое появленіе на сцену юнаго поколѣнія, когда внушенные страстью законы стали замѣнять прежнее философское построеніе системъ, когда впервые заговорилъ Верньо, и бѣшенный Инаръ, воздымая педнесенный мечъ, кричалъ Якобинцамъ: «Вотъ онъ! онъ будетъ побѣдителемъ. Франція подниметъ крикъ великій, и всѣ народы ей отвѣтятъ. Земля покроется бойцами, и враги свободы будутъ стерты изъ списка людей».

Въ самомъ дѣлѣ, въ то время было съ чѣмъ бороться: всѣ разнообразныя элементы, изъ которыхъ слагалась старая Франція, пришли въ послѣднее, роковое столкновеніе. Дворянство выѣхало за границу, собирало въ Кобленцѣ свои ополченія, поджигало иностранныя державы; духовенство всѣми силами противилось нововведеніямъ, явно протестуя, тайно волнуя народъ; король, бѣжавшій за границу, былъ силою возвращенъ назадъ и содержался плѣнникомъ. Внутри всѣ про-

тивники новаго порядка приготавливались къ отчаянной борьбѣ, а извнѣ составлялась грозная коалиція, которая хотѣла вооруженною силою подавить во Франціи вспыхнувшій духъ возмущенія. И жирондисты ринулись на бой со всею отвагою юнаго увлеченія. Издается декретъ за декретомъ противъ эмигрантовъ и протестующихъ священниковъ; въ Парижъ собираются федераты изъ всѣхъ провинцій; при первыхъ слухахъ о приближеніи иностранныхъ войскъ престолъ рухнулъ въ народномъ возстаніи; провозглашена республика послѣ кровавыхъ сентябрьскихъ дней; наконецъ Франція, въ порывѣ революціоннаго изступленія, объявила войну всѣмъ монархамъ въ мірѣ.

Но не жирондистамъ было справиться съ этой страшно-взволнованной массой бродячихъ стихій: они были слишкомъ неопытны и легковѣрны; они безусловно вѣрили въ непосредственную практическую силу мысли и убѣжденія; къ тому же они были истинные сыны своего вѣка — рьяные децентрализаторы. Враги обвиняли ихъ даже въ федерализмъ — величайшій упрекъ, который можно было сдѣлать французу, ибо вся исторія Франціи клонилась къ созданію единаго народа и единаго государства. А между тѣмъ, чтобъ выйти изъ этого отчаяннаго положенія, необходимо было натянуть всѣ бразды правленія, которыя и безъ того уже были слишкомъ разслаблены. Децентрализація, произведенная Національнымъ Собраніемъ, лишила верховное правительство всякой силы. Чтобъ восполнить недостатокъ власти законной, явилась потребность установить централизацію искусственную, прибѣгнуть къ диктатурѣ. Естественно, что на первый планъ выдвинулись тѣ, которые, среди всеобщаго смятенія, одни имѣли крѣпкую организацію — якобинцы, всюду пускавшіе корни и безусловно повиновавшіеся единому вождю. И вотъ началась свирѣпая диктатура якобинскаго тріумvirата, поддер-

жанная терроризмомъ. Жирондисты снесли голову свою на плаху, за ними Дантонъ и все другіе противники новыхъ правителей. Затихли въ собраніи бурныя пренія; молча собирались главные члены Конвента, молча отправляли дѣла, собирали деньги, двигали войсками, устраивали казни. Замерло и все кругомъ; Франція цѣпелѣла отъ ужаса. Только издали приносились звуки оружія, вѣсти объ одержанныхъ побѣдахъ, о завоеванныхъ городахъ. Весь энтузіазмъ, возбужденный переворотомъ, нашелъ себѣ исходъ въ иностранной войнѣ; на границу устремлялись лучшіе люди того времени, возмущенные видомъ внутреннихъ усобицъ: тамъ человѣческія силы могли развернуться въ благородной битвѣ за отечество; тамъ появлялись высокія личности, которыя составляютъ вѣчную славу Франціи, вѣчное украшеніе человѣчества — Гошъ, Марсѳ, Дезѳ и самъ Бонапартъ, еще окруженный поэтическимъ блескомъ, еще неиспорченный обаяніемъ власти. Воодушевленные патриотизмомъ, направленные желѣзною волею Конвента, войска устремились впередъ съ неодолимою силою. Какъ горячая лава, разлились они по Европѣ, провозглашая новыя ученія. Бельгія, Голландія, Швейцарія, Италія, другъ за другомъ, пали подъ ихъ ударами. Въ далекій Египетъ отправились они стяжать для Франціи новую славу, пріобрѣтать для нея новыя земли.

Но между тѣмъ внутри все приходило въ разстройство. Какъ скоро миновалась опасность, террористы пали передъ всеобщимъ негодованіемъ. Правленіе снова ослабло. Исполнительная власть, состоявшая изъ пяти директоровъ, лишена была всякой энергіи; начались безконечныя распри между ними и законодательными собраніями. Мѣстныя выборныя власти, на которыя возложены были все дѣла, не въ состояніи были удовлетворить государственнымъ требованіямъ: законы оставались въ пренебреженіи, дѣла не подвигались впередъ,

подати не собирались; даже окладные списки не были составлены. При такомъ всеобщемъ разстройствѣ, нужна была сильная власть, которая сумѣла бы это разслабленное тѣло связать крѣпкою организаціею. Бонапарту, при возвращеніи изъ Египта, нетрудно было воспользоваться этою потребностью и захватить правленіе въ свои руки.

Такъ кончился этотъ памятный переворотъ, который оставилъ по себѣ въ исторіи Западной Европы такіе глубокіе слѣды. Французы до сихъ поръ не могутъ говорить о немъ безпристрастно; это событіе слишкомъ еще къ нимъ близко, слишкомъ еще живо отзывается въ настоящемъ. Все существующія нынѣ партіи имѣютъ въ революціи 1789 года своихъ предшественниковъ, своихъ образцовъ, къ которымъ они обращаются съ благоговѣніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ великомъ потрясеніи, которое переворотило общество до самыхъ основаній, всплыло наружу все, что въ немъ заключалось, высказались такія теоріи, которыя только черезъ много лѣтъ могли найти себѣ приложеніе. Это было восторженное провозглашеніе началъ, которое сообщило революціи характеръ, подходящий къ переворотамъ религіознымъ, какъ говоритъ Токвилль. Во мнѣніи людей того времени новыя вѣрованія должны были внезапно вытѣснить старыя; мгновенно разлившійся свѣтъ долженъ былъ открыть людямъ глаза и заставить ихъ прійдти къ сознанію своихъ благъ. Однако не слѣдуетъ вмѣстѣ съ Токвиллемъ приписывать этимъ теоретическимъ стремленіямъ слишкомъ большаго вліянія на ходъ событій. Они всегда зарождались практическими потребностями и являлись, какъ прикрытіе и освященіе жизненныхъ стремленій. Это мы можемъ замѣтить на многихъ примѣрахъ. Такъ конституціонныя теоріи Національнаго Собранія повидимому черпались изъ чистаго умозрѣнія; а между тѣмъ, если вникнуть въ сокровенныя пружины его дѣятельности, то передъ нами

явятся двѣ черты, которыя проглядываютъ вездѣ: желаніе раздѣлаться наконецъ съ средневѣковыми привилегіями, которыя возбудили къ себѣ давно-закоренѣлую ненависть, и недовѣріе къ правительству, которое уступало вліянію привилегированныхъ лицъ. Точно такъ же и республиканскія теоріи выводились изъ верховныхъ началъ разума; но за годъ еще до провозглашенія республики, Робеспьеръ спрашивалъ: что такое республика? Эту форму общественнаго начала начали возводить къ теоріи тогда только, когда она явилась сама собою, при паденіи королевской власти. Далѣе, въ то самое время, какъ страшная диктатура Конвента была въ полномъ разгарѣ и потоками лилась кровь невинныхъ жертвъ, Сен-Жюсть занимался идиллическимъ изображеніемъ блаженства человѣческаго рода подъ владычествомъ чистой демократіи и составлялъ конституцію, основанную на началахъ неограниченной свободы; такъ жизнь увлекала людей помимо теоретическаго ихъ настроенія. Не послѣдовательность логики, а бореніе различныхъ общественныхъ элементовъ было внутреннею причиною событій; логика служила только орудіемъ. Въ Англии, гдѣ теоретическій элементъ былъ слабо развитъ, переворотъ XVII-го вѣка точно такъ же привелъ къ проявленію теорій республиканскихъ и демократическихъ, и точно такъ же весь кризисъ кончился диктатурою, по вѣчному закону общественныхъ движеній. Разумѣется, въ потрясеніяхъ проявляются и человѣческія страсти; но страсти существуютъ всегда и вездѣ: надобно разобратъ, почему онѣ въ извѣстное время возбуждаются съ особенною силою и могутъ получить свободный исходъ, тогда какъ въ другія эпохи онѣ укрощаются легко.

Еще менѣе можно съ Токвиллемъ приписать революцію сильному развитію центра, который все притянулъ къ себѣ и сдѣлался общимъ законодателемъ. Революція 1789 года была

дѣломъ отнюдь не одного Парижа, а всей Франціи, которая выбирала верховныя собранія представителей. Если указывать на существенныя причины переворота, то, конечно, на первое мѣсто слѣдуетъ поставить недостатокъ сильной центральной власти, которая могла бы сдерживать и направлять къ единству враждебные другъ другу элементы. Переворотъ англійскій былъ борьбою подданныхъ съ королемъ; переворотъ французскій былъ собственно борьбою различныхъ элементовъ общества, въ которой королевская власть играла пассивную роль. Дѣло правительства состоитъ не въ томъ, чтобъ упорно сопротивляться всякимъ новымъ потребностямъ, а въ томъ, чтобъ господствовать надъ ними, давая имъ правильное удовлетвореніе. Но французское правительство XVIII-го вѣка вмѣсто того, чтобъ энергически приняться за инициативу преобразований, послѣ нѣсколькихъ тщетныхъ попытокъ, наконецъ, не въ силахъ будучи справиться съ неотразимою задачею, спустило на поприще стихіи, еще непришедшія въ соглашеніе. Разумѣется, это произвело страшную бурю, которая снесла все зданіе прошедшаго. Еслибъ центральная власть исполнила свое историческое назначеніе, французамъ, вѣроятно, долго бы еще не приходило въ голову биться за свободу. Токвилль справедливо замѣчаетъ, что изъ всѣхъ идей, возбужденныхъ движеніемъ XVIII-го вѣка и революціею, мысль о политической свободѣ явилась позднѣе всѣхъ и ранѣе всѣхъ покинула умы. Существенною потребностью того времени было установленіе равенства и правильное государственное устройство; мысль же о политическихъ гарантіяхъ явилась вслѣдствіе явной невозможности осуществить это другимъ путемъ. Революція провозгласила началами своими свободу и равенство; но исполнила только вторую задачу. Собственно говоря, политическая свобода не получала въ революціи правильнаго приложенія: мы видимъ только постоянную смѣну болѣзненной борьбы

и диктатуры. Поэтому, когда Наполеонъ, принявъ Францію въ свои руки, устроилъ ее на основаніи началъ гражданской свободы и равенства, онъ могъ по всей справедливости сказать: «Революція — это я!»

Предшествующій переворотъ оставилъ новому властителю чистое поле. Всѣ преграды, которыя прежде стѣсняли дѣятельность правительства, исчезли; мѣстныя власти безъ сопротивленія отдались въ руки центральной. Мысль, которую высказалъ Мирабó, была исполнена въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Твердою рукою взялся великій организаторъ за всѣ отрасли законодательства и управленія, всюду ввелъ правильность, порядокъ, все привелъ въ соотношеніе, все заставилъ служить общей цѣли. Финансы въ скорое время приведены въ цвѣтущее состояніе, войско получило образцовое устройство, создана новая администрація, учрежденъ университетъ, обнимавшій цѣлую систему народнаго образованія, возстановлено богослуженіе, свободное для всѣхъ исповѣданій, изданы новые кодексы, изъ которыхъ особенно замѣчательны кодексъ гражданскій, одинъ изъ великихъ памятниковъ законодательства; партіи смирились и подчинились правительству. Такимъ образомъ новое общество, вышедшее изъ переворота, получило прочное устройство; политическое дѣло революціи исчезло, но въ гражданской области результаты ея упрочились навсегда. Въ администраціи сдѣлано, однако, важное нововведеніе: Національное Собраніе, не довѣряя тогдашнему правительству, установило крайнюю децентрализацію; Бонапартъ, напротивъ, организовавъ государство дѣйствіемъ сверху, централизовалъ управленіе сильнѣйшимъ образомъ. Устройство его было слѣдующее: коллегіи оказались неудобными для исполнительныхъ дѣлъ; вѣдомство ихъ было перенесено на отдѣльныя лица, которыя могли дѣйствовать съ бóльшей энергіей, быстротой и подлежали лучшей отвѣтственности. Съ

этою цѣлью были установлены въ департаментахъ префекты, въ округахъ — подпрефекты, въ общинахъ — меры. Однако, послѣ каждаго изъ нихъ поставлено было совѣщательное собраніе для дѣлъ, которыя требовали обсуждения; таковы были совѣты генеральные, префектурные, окружные, общинные. Все это поставлено въ строжайшую зависимость отъ центральной власти. Не только сами исполнители, а даже и члены совѣтовъ назначались отъ правительства. Выборныя власти совершенно исчезли; жители были устранены отъ всякаго участія въ мѣстныхъ дѣлахъ. Кромѣ того, областныя правители лишены были всякой инициативы; всѣ скольконибудь важныя дѣла исходили изъ центра и притекали туда же. Такимъ образомъ создавалась сильнѣйшая власть, которая когда либо существовала во Франціи.

Но слишкомъ натянутыя бразды правленія опять произвели реакцію. Франція безмолвно подчинилась организующему генію, который обуздалъ анархію и удовлетворилъ существеннымъ потребностямъ государства; но когда онъ, на высотѣ величія, притянулъ къ себѣ всѣ силы народа и обрекъ ихъ на служеніе своему произволу и своему честолюбію, въ обществѣ явилось снова желаніе гарантіи, пробудилась уснувшая мысль о политической свободѣ.

«Въ обществахъ чисто-демократическихъ», говоритъ Токвилль, «всѣ вообще люди, не будучи соединены другъ съ другомъ связями кастъ, сословій, корпорацій, родовъ, имѣютъ слишкомъ большое поползновеніе заниматься только частными своими интересами, слишкомъ склонны имѣть въ виду только самихъ себя и уединяться въ узкомъ индивидуализмѣ, гдѣ всякая общественная добродѣтель исчезаетъ. Деспотизмъ, вмѣсто того, чтобъ бороться съ этимъ стремленіемъ, дѣлаетъ его неодолимымъ, ибо онъ отнимаетъ у гражданъ всякое общее влеченіе, всякую взаимную потребность, всякую необходи-

мость соглашения, всякую возможность действовать вмѣстѣ; онъ, такъ сказать, запираетъ ихъ въ частную жизнь. Они уже стремились къ обособленію: онъ ихъ совершенно уединяетъ; они охлаждались другъ къ другу: онъ производитъ въ нихъ оцѣпенѣніе.

«Одна свобода, напротивъ, можетъ въ обществахъ этого рода бороться успѣшно съ свойственными имъ пороками и удержать ихъ на склонѣ, по которому они катятся. Она одна можетъ вывести гражданъ изъ одиночества, въ которое ввергаетъ ихъ самая независимость ихъ состоянія; она заставляетъ ихъ сблизаться другъ съ другомъ, согрѣваетъ ихъ и соединяетъ необходимостью соглашения, взаимнаго убѣжденія и взаимныхъ уступокъ въ общихъ дѣлахъ. Она одна въ состояніи оторвать ихъ отъ служенія деньгамъ, отъ ежедневныхъ дразгъ частныхъ дѣлъ, и заставить ихъ видѣть и чувствовать каждую минуту, что надъ ними и подлѣ нихъ существуетъ отечество. Она одна замѣняетъ порою любовь къ жизненнымъ удобствамъ страстями болѣе энергическими и возвышенными, доставляетъ честолюбію цѣли болѣе высокія, нежели пріобрѣтеніе богатства, и создаетъ свѣтъ, который позволяетъ видѣть и обсуждать пороки и добродѣтели людей».

Это глубокомысленное сужденіе о демократіи можетъ быть приложено и къ Франціи того времени. Но самый деспотизмъ Наполеона, который не хотѣлъ терпѣть самобытной дѣятельности гражданъ даже въ мѣстныхъ дѣлахъ, пробудилъ, какъ мы сказали, сильнѣйшую потребность политической свободы. Съ тѣхъ поръ это стремленіе стало существеннымъ содержаніемъ новѣйшей исторіи Франціи. На почвѣ, приготовленной абсолютными монархами и революціею, новое начало могло развиваться согласно съ геніемъ французскаго народа. Свобода мало находила себѣ сочувствія въ то время, какъ она выступала надъ условными, историческими формами, во имя

аристократическихъ притязаній, во имя сословныхъ, мѣстныхъ и корпоративныхъ привилегій. Для того, чтобъ она могла сдѣлаться для французовъ жизненнымъ элементомъ, нужно было, чтобъ она построилась на почвѣ гражданскаго равенства, чтобъ она возведена была въ идею общую для всего союза. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, отрѣшившись отъ исторической почвы, она явилась въ обществѣ, какъ начало новое, юное, и неизбежно подлежала всеѣмъ колебаніямъ и перемѣнамъ, которыя необходимы при водвореніи новаго порядка вещей.

Прошло не болѣе сорока лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ либерализмъ сталъ во Франціи однимъ изъ главныхъ историческихъ двигателей, и въ этотъ короткій срокъ сколько уже онъ испыталъ различныхъ судебъ! При послѣднихъ Бурбонахъ ему пришлось выдержать борьбу съ воскресшими остатками старины. Лудовикъ XVIII своимъ благоразуміемъ умѣрялъ враждебныя партіи; Карлъ X перегнулъ дугу и черезъ это лишился престола. Либерализмъ восторжествовалъ при іюльской монархіи; онъ сдѣлался владычествующею силою въ государствѣ. Но ему не доставало другаго начала, которое, можно сказать, еще глубже пустило корни въ духѣ французскаго народа—равенства. Лудовикъ Филиппъ, сливъ свои выгоды съ интересами богатаго класса, который одинъ пользовался правомъ голоса, успокоившись на возможности имѣть всегда большинство камеры, согласное съ желаніями правительства, упустилъ изъ вида эту существенную потребность своего народа. Во имя равенства политическихъ правъ совершилась революція 1848 года, которая, какъ все глубокіе перевороты, прошла черезъ законное круговращеніе потрясенія, анархіи, диктатуры. На развалинахъ республики возникла новая власть; но также, какъ первый Наполеонъ узаконилъ и упрочилъ гражданскіе плоды первой революціи, такъ и Напо-

леонъ III узаконилъ и упрочилъ то начало, во имя котораго совершился переворотъ 1848 года. Всеобщее право голоса легло въ основаніе всего французскаго государственнаго устройства, начиная отъ выбора въ муниципальный совѣтъ до выбора императора.

Въ продолженіе всего этого движенія, которое волновало политическій міръ, гражданская область оставалась нетронутою. Существенныя черты зданія, построеннаго Наполеономъ, сохранялись подъ различными правленіями; но совѣмъ тѣмъ администрація приравнивалась къ потребностямъ новаго порядка. «Мы, въ качествѣ наслѣдниковъ, пользуемся нынѣ великими дѣлами Наполеона», сказалъ Гизо въ одной рѣчи; «несмотря на вложенные въ нихъ недостатки, деспотизмъ можетъ изъ нихъ выйти, свобода можетъ въ нихъ войти; она входитъ въ нихъ съ каждымъ днемъ». Юльская монархія возстановила въ областномъ управленіи выборное начало, которое было уничтожено Наполеономъ. Законы 1831 и 1833 годовъ предоставили мѣстнымъ жителямъ избраніе членовъ генеральныхъ и общинныхъ совѣтовъ; меры продолжали назначаться правительствомъ, но не иначе, какъ изъ членовъ муниципальныхъ совѣтовъ. Въ 1848 году самая должность мэра предоставлена была выбору; но послѣ переворота 1851 года, правительство снова возвратило себѣ это право, безъ всякаго даже ограниченія. При Лудовикѣ Филиппѣ расширены и предметы вѣдомства выборныхъ совѣтовъ: законы 1837 и 1838 годовъ полнѣе и точнѣе опредѣлили подлежащія имъ дѣла; общинные совѣты въ первый разъ получили право рѣшать нѣкоторыя дѣла окончательно. Однако централизація продолжала существовать въ значительныхъ размѣрахъ. Въ то время она служила орудіемъ либеральному правительству; ибо центральная власть находилась въ рукахъ министерства, которое зависѣло отъ большинства палатъ и подлежало без-

прерывной отвѣтственности передъ народными представителями. Потому при юльской монархіи единственными противниками централизаціи были легитимисты, которые, потерявъ политическую власть, желали сохранить свое вліяніе въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ живы еще были слѣды стараго порядка. Но съ уничтоженіемъ парламентскаго правленія, съ тѣхъ поръ, какъ исчезли истекавшія отсюда гарантіи, число противниковъ централизаціи умножилось во Франціи; на ихъ сторону перешли многіе либералы, недовольные существующимъ порядкомъ.

Кажется однако, что духъ политической оппозиціи, отвергая самое существо новѣйшей административной системы, заходитъ слишкомъ далеко въ своей критикѣ. На централизацію, на владычество Парижа сваливаютъ вину всѣхъ совершающихся во Франціи переворотовъ въ ту или другую сторону. Но въ дѣйствительности Парижъ не имѣетъ такого безусловнаго господства надъ Франціей, какое ему приписываютъ. Въ подтвержденіе этого мнѣнія можно привести самые очевидные примѣры. Во времена реставраціи также, какъ и при Лудовикѣ Филиппѣ, Парижъ постоянно выбиралъ депутатовъ оппозиціи; а между тѣмъ правительство дѣйствовало согласно съ духомъ большинства палатъ, которое состояло изъ представителей областей. Самые перевороты, хотя, разумѣется, происходили въ Парижѣ, ибо столица служитъ мѣстопробываніемъ верховнаго правительства, были, однако, всякій разъ послѣдствіемъ движенія, которое происходило во всей Франціи и въ Парижѣ находило только окончательный свой органъ. Такъ, не говоря уже о первой революціи, переворотъ 1830 года вышелъ изъ явной вражды, въ которую стали съ Карломъ X двѣ камеры, выбранныя всею Франціей. Такъ и революція 1848 года была произведена движеніемъ избирательной реформы, которое началось въ областяхъ и за-

вершилось уже въ Парижѣ. Провозглашенная въ столицѣ республика была утверждена собраніемъ представителей всей Франціи, которое притомъ было выбрано отнюдь не подъ вліяніемъ революціоннаго правительства. Въ то время министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ Ледрю-Ролленъ, который не только напрягалъ въ своемъ смыслѣ все пружины централизаціи, но посылалъ въ провинціи чрезвычайныхъ комиссаровъ, чтобы посредственно дѣйствовать на мѣстныхъ жителей. И несмотря на это собраніе вышло не въ духѣ Ледрю-Роллена, а умѣренно республиканское. Это показываетъ, что централизація не имѣетъ такого вліянія на свободу мнѣній народа, какое ему приписываютъ. Еще болѣе поразительный примѣръ представляетъ правительство Карла X-го. Въ то время все областныя должности замѣщались центральной властью; въ палатѣ засѣдало множество чиновниковъ, совершенно преданныхъ правительству; послѣднее дѣлало всевозможныя усилія, прибѣгало даже къ самымъ непопозволеннымъ средствамъ, чтобы добиться камеры покорной. А между тѣмъ все это не послужило ни въ чему, и два раза Франція выбирала палаты враждебныя министерству. Когда въ народѣ возбужденъ духъ оппозиціи, нѣтъ центральной власти, которая могла бы направить его въ своемъ смыслѣ.

Централизація оказала даже Франціи значительную услугу во все послѣдніе перевороты: она избавила ее отъ нескончаемыхъ смутъ и междоусобій, ибо вся сфера гражданская, сфера ежедневной жизни, все управленіе оставались неизблѣмы, пока въ политическомъ мірѣ происходили потрясенія. Во всякомъ случаѣ ослабленіе централизаціи не предупредитъ революцій, ибо оно можетъ произойти только въ области административной, а не политической. Политическая децентрализація разрушаетъ народное и государственное единство; она ведетъ къ федерализму, на что не согласится ни одинъ фран-

цузъ. Въ этой сферѣ противодѣйствовать централизаціи, если этого требуетъ общество, можетъ только политическая свобода, отвѣтственность министровъ передъ народными представителями, замѣненіе въ нѣкоторой степени системы предупрежденія системою пресѣченія. Можно сказать, что чѣмъ больше свободы предоставляется народу, тѣмъ больше, съ другой стороны, должна быть обезпечена и власть; одно служитъ поправленіемъ другому. Что жъ касается централизаціи административной, то дѣйствительно въ настоящее время ея ослабленіе составляетъ существенную потребность Франціи. Чрезмѣрное ея развитіе возникло тогда, когда нужно было бороться съ средневѣковыми привилегіями или организовать разстроившееся тѣло; когда же все гражданское устройство пришло въ надлежащій порядокъ, мѣстный элементъ долженъ получить свою законную силу, ибо онъ также, какъ центральный, составляетъ одну изъ существенныхъ частей государства: одинъ служитъ выраженіемъ жизни мѣстной, другой — жизни общей, всенародной. Но какъ единство цѣлаго организма должно состоять въ подчиненіи отдѣльныхъ частей общему центру, такъ и централизація должна всегда остаться однимъ изъ главныхъ элементовъ государственнаго порядка, независимо отъ образа правленія и отъ бѣльшей или мѣньшей свободы, существующей въ обществѣ. Какъ мы уже имѣли случай сказать, здѣсь вопросъ заключается отнюдь не въ бѣльшей или мѣньшей свободѣ и не въ устройствѣ верховной власти, а въ способѣ управленія общественными интересами. Каждый союзъ людей имѣетъ общія свои дѣла, ибо онъ существуетъ именно для соединеннаго дѣйствія членовъ. Въ государствѣ эти дѣла двоякаго рода: одни составляютъ интересъ всего народа, другіе — отдѣльныхъ мѣстностей. Спрашивается: какимъ образомъ они должны быть распределены между различными органами власти? въ какомъ отношеніи

они должны находиться другъ къ другу? гдѣ, наконецъ, должны сосредоточиваться главный двигатель управленія? При разрѣшеніи этихъ вопросовъ децентрализаторы, имѣя въ виду невыгоды, происходящія отъ чрезмѣрнаго преобладанія центральной власти, излишній формализмъ, проволочку дѣлъ и т. п., кидаются въ другую крайность: они хотятъ совершенно уничтожить законную дѣятельность централизаціи и такимъ образомъ двигатель естественный замѣнить искусственнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, они не требуютъ перенесенія главныхъ административныхъ пунктовъ въ общины, которыя суть союзы естественные, произведенія мѣстнаго соединенія людей, также, какъ государство есть естественное произведеніе народа, единого въ себѣ самомъ. Общины до такой степени дробны и разрозненны, что не могутъ служить подобными центрами; ихъ необходимо соединить въ округа, и въ послѣднихъ сосредоточить высшую мѣстную власть. Но округъ, какъ бы онъ ни зависѣлъ отъ географическихъ условій, все же составляетъ область искусственную, произвольную. И это-то искусственное тѣло должно стать главнымъ звеномъ въ общественной жизни народа. Ясно, что этого невозможно допустить: округъ долженъ быть только посредствующимъ членомъ между государствомъ и общиной; онъ долженъ приспосабливаться къ требованіямъ обоихъ. Повторимъ, что во всякомъ благоустроенномъ обществѣ элементы центральный и мѣстный должны существовать рядомъ, дополняя другъ друга. Вопросъ заключается не въ томъ, который изъ нихъ слѣдуетъ принести въ жертву другому, а въ мѣрѣ, въ какой между ними распределяются общественныя дѣла. Какова эта мѣра — это не можетъ быть рѣшено теоретически, ибо все здѣсь зависитъ какъ отъ историческихъ условій страны, такъ и отъ особенностей народнаго духа. Во Франціи вся исторія вела къ созданію единого крѣпкаго народа, единого общественнаго

тѣла, состоящаго изъ сплошной массы гражданъ и организованнаго по одной системѣ. Въ ней централизація всегда останется преобладающимъ началомъ, несмотря на волненія партій и на перемѣны политическихъ принциповъ.

Мы старались прослѣдить главныя черты государственной исторіи Франціи, и довели ее до настоящаго времени. Вѣроятно, она на этомъ не остановится; но мы можемъ уже сдѣлать изъ нея общій выводъ. Опредѣляя существенный характеръ французской исторіи, Гизо полагаетъ его въ соединеніи теоріи съ практикой. У англичанъ преобладаетъ практика, у нѣмцевъ господствуетъ теорія; во Франціи же практика постоянно возводится въ теорію, а теорія переводится въ практику. Это совершенно справедливо; но надобно прибавить, что во Франціи оба эти начала находятся не въ гармоническомъ единствѣ, а въ постоянной борьбѣ. Усвоивъ себѣ извѣстную идею, французы стремятся къ ней съ энергіей, свойственной народу крѣпкому и даровитому. Въ этомъ движеніи они не любятъ входить въ сдѣлки съ практической жизнью, но стараются преобразовать послѣднюю согласно съ своими требованіями. Однако насильственно подавленная практика упирается, беретъ наконецъ свое, и за эпохою напряженія силъ неминуемо слѣдуетъ реакція, пока элементы не придутъ въ равновѣсіе и не пробудится снова неудержимое стремленіе впередъ.

Кромѣ того, это теоретическое направленіе раждаетъ и другую причину борьбы: возводя въ теорію извѣстный порядокъ жизни, французъ проникается имъ весь; воздвигнутое имъ начало становится для него вѣрованіемъ, а потому онъ не хочетъ уступить изъ него ни на волосъ. Вслѣдствіе этого народъ разбивается на отдѣльныя партіи, которыя всѣ вмѣстѣ представляютъ чрезвычайную разносторонность направленій, но изъ которыхъ каждая имѣетъ свой идеаль, часто тѣсный,

ограниченный и упорный. При такой неуступчивости естественно, что новый порядок вытекает из борьбы. Такъ было во времена усиленія королевской власти, такъ это и осталось до новѣйшей эпохи. Историческія начала измѣняются, но характеръ народа остается тотъ же: соединеніе удивительнаго видимаго легкомыслія съ удивительною настойчивостью въ цѣломъ теченіи жизни.

Этотъ историческій процессъ боренія, это идеальное стремленіе народа дѣлають Францію центральной точкою западно-европейской исторіи. Оттого всякое происшедшее въ ней волненіе отзывается во всеѣхъ сосѣднихъ государствахъ. Въ ней выработанныя жизнью идеи впервые находятъ себѣ приложеніе, становятся общественными двигателями; отсюда онѣ разливаются по западной Европѣ. Весь характеръ французскаго народа какъ будто бы созданъ для того, чтобъ дѣйствовать на окружающую среду. Этому способствуютъ общительность нрава, которая не допускаетъ французовъ сосредоточиться въ своей народной особности; свойства французскаго ума, яснаго, точнаго, положительнаго, склоннаго скорѣе ограничиться тѣснымъ объемомъ, нежели вдаваться въ туманныя отвлеченности, но который все обобщаетъ, все дѣлаетъ доступнымъ самому простому пониманію; наконецъ способности даровитой природы — сила возбужденія къ новому, сила сарказма противъ стараго, и этотъ неотразимый смѣхъ, составляющій національную принадлежность французовъ, смѣхъ Рабле и Мольера, смѣхъ Вольтера и Курье. Вообще можно сказать, что, несмотря на многочисленные ихъ недостатки, ни одинъ народъ въ западной Европѣ не способенъ возбуждать большаго сочувствія. Ни одинъ впродолженіе своей исторіи не выказалъ столько рыцарскихъ доблестей, столько пылу, столько отваги, столько истинно великаго энтузіазма, какъ народъ французскій; ни одинъ не произвелъ такого ряда изящныхъ, привлека-

тельныхъ личностей — отъ дѣвственно-идеальнаго образа Іоанны д'Аркъ до скромныхъ, благородныхъ, исполненныхъ безграничнаго патріотизма и самоотверженія воиновъ республики. Но вмѣстѣ съ тѣмъ ни одинъ не обманывалъ такъ часто возлагаемыхъ на него надеждъ, со стороны кого бы то ни было: внутренняя борьба стремленій непрерывно производитъ въ немъ неожиданные перевороты жизни, которые разрушаютъ всякій расчетъ. Оттого общественное мнѣніе въ Европѣ то обращается къ Франціи съ напряженнымъ сочувствіемъ, то отвращается отъ нея съ негодованіемъ. «Самый блестящій и самый опасный изъ народовъ Европы», говоритъ Токвилль о своихъ соотечественникахъ, «болѣе всеѣхъ созданный для того, чтобъ становиться попеременно предметомъ удивленія, ненависти, жалости, страха, но никогда равнодушія».

О ФРАНЦУЗСКИХЪ КРЕСТЬЯНАХЪ.

Histoire des classes agricoles en France par DARESTE DE LA CHAVANNE. 1854.

Histoire des paysans par EUGÈNE BONNEMÈRE. 1856.

Histoire des classes rurales en France et de leurs progrès dans l'égalité civile et la propriété par M. H. DONIOL. 1857 ¹⁾.

Въ настоящее время нѣтъ въ Европѣ страны, въ которой бы крестьяне имѣли такое политическое значеніе, какъ во Франціи. Тамъ въ 1848-мъ году право голоса было распространено на всѣхъ гражданъ безъ исключенія; воля абсолютнаго большинства сдѣлалась слѣдовательно источникомъ и опорой всякой государственной власти, а большинство это состоитъ изъ крестьянъ. Тогда какъ въ Англіи $\frac{3}{4}$ народонаселенія сосредоточиваются въ городахъ, во Франціи около двухъ третей принадлежатъ къ жителямъ сель. Въ рукахъ французскихъ крестьянъ находится, слѣдовательно, рѣшеніе тѣхъ вопросовъ, которые волнуютъ современное общество на Западѣ. И точно, они играли едва-ли не важнѣйшую роль въ послѣднихъ политическихъ переворотахъ Франціи. Они служили главною опорой бонапартизму; ихъ голосъ содѣйствовалъ преимущественно возведенію на престолъ нынѣшняго импера-

¹⁾ Къ несчастію я въ этой статьѣ не могъ воспользоваться книгою Г. Лемари.

тора. И теперь, когда въ городахъ снова пробуждается республиканское движеніе, французское правительство находитъ въ селахъ постоянную поддержку своей власти. При господствѣ всеобщаго права голоса, самая оппозиція не можетъ иначе достигнуть своихъ цѣлей, какъ дѣйствуя на сельское народонаселеніе.

Не мудрено, что въ послѣднее время земледѣльческой классъ сдѣлался предметомъ тщательнаго изученія. До тѣхъ поръ французскіе историки мало обращали на него вниманія. Гизо, Тьерри и другіе, въ своихъ изслѣдованіяхъ, имѣли въ виду преимущественно сословіе городское, которое, стоя на первомъ планѣ, заслоняло собою меньшую братью. Горожане, представители либеральныхъ идей, были главными двигателями французской исторіи. Они поддерживали королевскую власть въ ея борьбѣ съ феодализмомъ; они же потомъ были зачинателями революціи. Наконецъ въ XIX вѣкѣ, послѣ долгой, упорной, часто кровавой исторической борьбы, горожане торжествовали свою побѣду, но здѣсь то они почувствовали, что и подъ ними шатается почва. Ихъ взорамъ открылось неожиданное зрѣлище: на сцену выдвигалась новая сила, которая грозила Франціи страшными потрясеніями. То былъ пролетаріатъ. Однако и этотъ новый элементъ исходилъ изъ города. Городскіе работники своимъ бѣдственнымъ положеніемъ возбуждали участіе благотворительности, вызвали ученія социалистовъ, обратили на себя вниманіе всѣхъ мыслящихъ людей въ государствѣ. Самая политическая жизнь Франціи пришла въ зависимость отъ этой подвижной массы, не всегда увѣренной въ своемъ пропитаніи. Работники были главными дѣятелями въ возстаніяхъ и переворотахъ, которые волновали Францію въ послѣднюю четверть столѣтія. Вслѣдствіе этого, всѣ взоры устремились на пролетаріевъ. Правительство, ученныя общества производили слѣдствія объ ихъ положеніи, стали изучать

ихъ нравы; политическія партіи старались на нихъ дѣйствовать; соціалисты и экономисты препирались по поводу возбужденныхъ ими вопросовъ. Эта вражда достигла наконецъ высшей степени ожесточенія, когда въ 48-мъ году рабочій классъ, послѣ насильственнаго переворота, занялъ мѣсто въ самомъ политическомъ организмѣ. Испуганные мѣщане видѣли себя на краю пропасти и отчаявались даже въ судьбѣ своего отечества. Но въ эту минуту оказалось, что по селамъ Франціи разсѣяно 25 милліоновъ людей, проникнутыхъ самымъ охранительнымъ духомъ, и на которыхъ смѣло можетъ разсчитывать даже правительство, идущее наперекоръ либеральнымъ требованіямъ образованныхъ классовъ.

Крестьяне до тѣхъ поръ оставались какъ будто въ сторонѣ отъ движенія. Ихъ затмѣвали и чрезмѣрный блескъ и чрезмѣрныя страданія городского класса. Но между тѣмъ исторія не прошла для нихъ даромъ. Они составляли часть того великаго третьяго сословія, котораго горожане были только высшими представителями. Вмѣстѣ съ послѣдними, они шагъ за шагомъ возвышались на общественной лѣстницѣ и постепенно пріобрѣли себѣ свободу, собственность и наконецъ политическія права. «Просвѣщеніе», говоритъ г. Дарестъ, «озаряя извѣстную страну, не можетъ не бросать лучей своихъ на всѣхъ ея жителей, и даже тогда, когда оно распредѣляетъ ихъ неравномѣрно, оно достаточно богато для всѣхъ. Если мы признаемъ эту важную истину, то надобно принять и другую, не менѣе драгоценную: именно, что между всѣми членами народа, къ какому бы сословію они ни принадлежали, каково бы ни было различіе ихъ занятій и интересовъ, существуетъ, какъ между всѣми членами семейства, гораздо болѣе тѣсная связь, нежели обыкновенно думаютъ. Эти положенія совершенно согласны съ разумомъ; не менѣе согласуются они и съ исторіею. Если въ этомъ отношеніи могло существовать

какое либо сомнѣніе, то надобно приписать его тому, что исторія рабочихъ классовъ, хотя она въ нѣкоторыхъ частяхъ освѣщена учеными изслѣдованіями, въ общемъ итогѣ остается доселѣ неизвѣстною. Внимательное ея изученіе должно убѣдить всякаго, что время не напрасно двигалось для этихъ классовъ, и что тамъ, гдѣ поверхностные историки видѣли между ними и высшими сословіями мнимое противоборство, существовала напротивъ тѣсная связь; скажу болѣе, полное почти общеніе чувствъ и интересовъ».

Этими убѣжденіями проникнута книга г. Дареста. Коснувшись вкратцѣ положенія сельскихъ сословій до XIII-го вѣка, авторъ подробнѣе изображаетъ постепенное развитіе ихъ быта, отъ исхода среднихъ вѣковъ до революціи. Нельзя однакоже сказать, что задача выполнена имъ совершенно удовлетворительно. Не говоря о нѣкоторыхъ значительныхъ пробѣлахъ, особенно въ исторіи общиннаго управленія, можно полагать, что авторъ представляетъ многія средневѣковыя учрежденія съ слишкомъ выгодной стороны. Онъ нерѣдко старается объяснить общественною пользою такія права, которыя были явнымъ послѣдствіемъ права сильного. Нѣтъ сомнѣнія, что всякое учрежденіе должно понимать съ точки зрѣнія того времени, въ которое оно существовало, а не прилагать къ нему масштабъ, заимствованный изъ другой эпохи; но нельзя переносить въ прошедшее и такія понятія объ общественной пользѣ, которыя были ему чужды. Господство силы можетъ составлять одно изъ характеристическихъ явленій извѣстнаго періода развитія, и таковымъ оно именно было въ средніе вѣка.

Другой, еще болѣе важный недостатокъ книги г. Дареста состоитъ въ томъ, что жизненная сторона учреждений оставлена совершенно въ сторонѣ. Мы видимъ развитіе юридическихъ установленій, отчасти мы знакомимся даже и съ эконо-

номическими условиями быта, но не знаемъ, на сколько соблюдался положенія закона или обычая. Между тѣмъ ясно, что особенно въ тѣ эпохи, въ которыя сила имѣетъ болѣе власти, нежели законъ, изображеніе юридической стороны жизни менѣе всего можетъ дать намъ вѣрное понятіе о послѣдней. Какъ поступали феодальные владѣльцы съ своими виллами? Что дѣлали господа въ своихъ помѣстьяхъ въ XV, XVI и XVII-мъ столѣтіяхъ? На эти вопросы книга г. Дареста не даетъ отвѣта, а между тѣмъ подобныя черты чрезвычайно важны для надлежащей оцѣнки данной эпохи, не говоря уже о томъ, что такое опущеніе лишаетъ историческую картину ея жизненной яркости.

Послѣдній недостатокъ могло бы восполнить сочиненіе г. Бонмера, еслибы оно не было написано съ крайне-односторонней точки зрѣнія. Г. Бонмеръ, повидимому, принадлежитъ къ тому разряду французскихъ демократовъ-соціалистовъ, которые, подводя всѣ эпохи подъ исключительную мѣрку настоящихъ своихъ требованій, видятъ въ исторіи не постепенное развитіе народа, а постоянную несправедливость, отъ которой слѣдуетъ отдѣлаться. Это — направленіе вполнѣ отрицательное. Автору нельзя отказать въ начитанности, но прибрѣтенный матеріалъ употребленъ имъ безъ всякой критики и съ явнымъ пристрастіемъ. Книгу его можно назвать не столько исторіею крестьянъ, сколько повѣствованіемъ объ испытанныхъ ими притѣсненіяхъ. Къ несчастью, даже и эта одна сторона далеко не удовлетворяетъ читателя. Весь рассказъ преисполненъ декламаціею, риторическими выходками и преувеличеніемъ, которыя невольно заставляютъ заподозривать самую фактическую вѣрность изображеній. Авторъ тщательно выбираетъ изъ источниковъ всякую частность, которая можетъ сгустить краски на его картинѣ, и чѣмъ мрачнѣе событіе, хотя бы оно случилось въ какомъ нибудь углу госу-

дарства, тѣмъ ярче оно выставляется на видъ, какъ характеристическая черта цѣлой эпохи. Между тѣмъ, на каждомъ шагу встрѣчаются явленія другаго рода, которыя опускаются безъ вниманія, не смотря на то, что они, повидимому, могли бы навести изслѣдователя на довольно важныя соображенія. Такъ, говоря объ освобожденіи сельскихъ общинъ, начиная съ XIII вѣка, г. Бонмеръ приходитъ въ негодованіе насчетъ корыстолюбія господъ, которые свободу продавали за деньги, вмѣсто того, чтобы даромъ возвращать ее крестьянамъ. Но читатель невольно спрашиваетъ себя: откуда же эти несчастные, ограбленные, притѣсненные, могли добыть достаточно денегъ, чтобы откупиться и удовлетворить корыстолюбію господъ, когда владѣльцы могли притомъ отнять у нихъ все имущество даромъ, безъ всякаго вознагражденія? Г. Бонмеръ не хочетъ даже признать сельскихъ жителей членами третьяго сословія, ибо послѣднее играло важную роль въ исторіи Франціи, имѣло представителей въ генеральныхъ и мѣстныхъ штатахъ, а это значительно уменьшило бы мрачность картины. Только въ 1789 году, послѣ долгой ночи, зачинается заря новой жизни, но и тутъ опять народъ обманывается въ своихъ надеждахъ.

Такимъ образомъ, г. Дарестъ и г. Бонмеръ могутъ служить представителями двухъ противоположныхъ направленій науки: одинъ слишкомъ старается оправдать все прошедшее, другой слишкомъ старается оное унижить. Нельзя не сказать однако, что первый показалъ несравненно болѣе историческаго и критическаго такта, нежели послѣдній. И не мудрено: не смотря на нѣкоторую односторонность, онъ стоитъ на истинной дорогѣ и смотритъ на исторію не съ точки зрѣнія современной страсти, а какъ ученый наблюдатель, который изучаетъ лежащія передъ нимъ явленія. Книга его можетъ служить лучшимъ руководствомъ для изученія исторіи французскихъ крестьянъ.

Наконецъ, г. Дониоль одинаково удаленъ и отъ излишняго пристрастія къ старинѣ, и отъ излишняго къ ней пренебреженія. Книга его имѣетъ несомнѣнныя достоинства, хотя и нельзя поставить ее слишкомъ высоко. Авторъ, повидимому, предположилъ себѣ ограниченную цѣль — прослѣдить успѣхи земледѣльческаго класса въ приобрѣтеніи личныхъ правъ и собственности. Въ этомъ онъ полагаетъ существенную историческую задачу французскихъ крестьянъ. Начиная отъ среднихъ вѣковъ, они постоянно, непреклонно, черезъ всѣ преграды и бѣдствія, стремятся къ достиженію полной личной свободы и обезпечивающей ее собственности. Наконецъ, въ послѣдней четверти прошедшаго столѣтія, это прогрессивное историческое движеніе увѣнчивается окончательнымъ успѣхомъ. Ограничивъ такимъ образомъ предметъ своего изслѣдованія, авторъ долженъ былъ, разумѣется, оставить безъ вниманія много другихъ жизненныхъ сторонъ. Но и въ той области, которую онъ для себя избралъ, можно замѣтить существенный недостатокъ: фактическая почва слишкомъ мало разработана. Книга г. Дониоля представляетъ болѣе общій очеркъ развитія крестьянскаго сословія, нежели подробную исторію учреждений. Наконецъ нельзя не пожалѣть, что авторъ не обратилъ большаго вниманія на свое изложеніе. Сбивчивый и темный слогъ книги едва напоминаетъ простоту и ясность французскаго языка. Ученые Франціи не приучили насъ къ подобнымъ литературнымъ явленіямъ.

Мы не намѣрены входить здѣсь въ обстоятельный разборъ упомянутыхъ сочиненій. Цѣль наша въ настоящей статьѣ представить читателямъ главныя черты историческаго развитія французскихъ крестьянъ и затѣмъ оцѣнить нынѣшнее положеніе ихъ въ государствѣ.

Древнѣйшею формой сельской общины во Франціи былъ кланъ — видъ родоваго быта, свойственный кельтическому

племени. Родоначальникомъ считался здѣсь старшій въ старшемъ колѣнѣ. Онъ былъ полный властелинъ своихъ родичей: простой народъ, говоритъ Цезарь, находится почти въ рабствѣ. Земля, будучи принадлежностью всего рода, состояла въ распоряженіи владыки, и каждый годъ родичи передѣляли между собою участки. Эти племена, говоритъ г. Дарестъ, были довольно похожи на шотландскіе кланы, которые существовали еще двѣсти или триста лѣтъ тому назадъ, хотя первые безспорно были погружены въ большее варварство, нежели послѣдніе, такъ что, отложивши національное тщеславіе, было бы справедливѣе сравнить ихъ съ тѣми народами, которые блуждаютъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Африки или американскаго материка ¹⁾).

Въ первомъ столѣтіи до Р. Х. Галлы были покорены Римлянами. Побѣдители не имѣли привычки обращать въ рабство подчиненные народы: довольствуясь данью, службою, политической властью, они предоставляли мѣстнымъ жителямъ значительную степень самостоятельности. Поэтому прежнія отношенія не подверглись существеннымъ перемѣнамъ: родоначальники стали землевладѣльцами, народъ остался въ подчиненномъ положеніи и мало по малу обратился въ холоповъ. Въ замѣнъ потерянной независимости, Галлы приобрѣли сѣмена гражданственности и просвѣщенія, развитое муниципальное право, наконецъ получили отъ Римлянъ новую религію — христіанство. Однако съ большимъ и большимъ ослабленіемъ имперіи, положеніе областей становилось все хуже. Чѣмъ менѣе было средствъ у центральной власти, тѣмъ тяжеле

¹⁾ У насъ подобное сравненіе вызвало бы страшные возгласы объ отрицательномъ направленіи. Замѣтимъ притомъ, что гальскіе кланы были сравнительно болѣе развиты, нежели наши славянскіе роды въ IX вѣкѣ, ибо у первыхъ образовались уже могущественное жреческое сословіе и развитая система мифологіи.

были обязанности, которыя она возлагала на подданныхъ, тѣмъ болѣе она требовала отъ нихъ денегъ. Такимъ образомъ умножились и законныя вымогательства и незаконныя грабежи. Провинціи разорялись до конца, а правительству отъ этого было не лучше. Не смотря на страшное развитіе деспотизма, все ускользало изъ рукъ дряхлѣющаго государства. Каждый старался избавиться отъ гнетущаго его бремени, каждый пытался либо укрыться отъ преслѣдованій власти, либо добыть себѣ привилегію, и правительство слишкомъ часто не имѣло способовъ воспротивиться этому стремленію. Общество такимъ образомъ распадалось на части. Чтобы удержать его отъ гибели, законодательство стало прибѣгать къ самымъ крутымъ мѣрамъ: оно старалось заключить каждого гражданина въ безвыходное положеніе, прикрѣпить его силою къ тому мѣсту, гдѣ онъ долженъ былъ исполнять свои обязанности. Такъ всегда дѣйствуютъ государства слишкомъ слабыя, потому ли, что они дряхлѣютъ, потому ли, что они растутъ. Въ римской имперіи это стремленіе къ укрѣпленію жителей выразилось преимущественно въ двухъ явленіяхъ: въ городахъ образовалось сословіе куріаловъ, на которыхъ лежала вся тяжесть податей съ разорительною отвѣтственностью за ихъ уплату, въ селахъ развился колонатъ. О послѣднемъ мы должны сказать нѣсколько словъ.

Въ древности рабочій классъ состоялъ преимущественно изъ рабовъ; занятія же гражданина заключались главнымъ образомъ въ политической дѣятельности. Особенно въ послѣднія времена римской республики, послѣ всемірныхъ войнъ, которыя подчинили ей почти все известныя тогда народы, сословіе рабовъ умножилось до чрезвычайности. Образовались огромныя помѣстья, населенныя ими, и нерѣдко эти несчастные претерпѣвали жесточайшія мученія, ибо рабъ считался вещью, находящеюся въ полномъ распоряженіи хо-

зяина. Императорское законодательство постепенно смягчало ихъ участь: ихъ стали приобщать къ гражданскому обществу; они получили собственность, право брака; юристы, согласно съ новыми началами права, стали утверждать, что по природѣ все люди свободны. Христіанство сильно содѣйствовало этому движенію; оно окончательно облекло раба въ человѣческій образъ. При Константинѣ Великомъ, убійство раба было сравнено съ убійствомъ свободнаго человѣка.

Еще болѣе облегчилась участь низшаго класса съ образованіемъ колоната. Хотя, въ послѣдніе вѣка Имперіи, значительная часть народонаселенія все еще состояла изъ рабовъ, однако въ селахъ гораздо многочисленнѣе были колонны. Эта новая форма подчиненія являлась, какъ переходъ отъ рабства къ свободѣ: оставаясь лично вольнымъ, колонъ, считался рабомъ земли. Онъ ни въ какомъ случаѣ не могъ ее покинуть, ни влѣдствіе перевода на другія земли, ни переходомъ въ другія сословія; все это было строго запрещено. Въ этомъ отношеніи колонъ становился ниже раба, ибо послѣдній могъ быть освобожденъ господиномъ, тогда какъ первый оставался вѣчно привязаннымъ къ своему мѣстопробыванію. Колонъ сидѣлъ на чужой землѣ; онъ не могъ даже имѣть собственность иначе, какъ съ разрѣшенія господина, и прибрѣтенною не смѣлъ безъ дозволенія распоряжаться, ни передавать ее въ другія руки. Господинъ имѣлъ право наказывать колону, а послѣдній не могъ призывать его къ суду иначе, какъ въ нѣкоторыхъ, закономъ опредѣленныхъ, случаяхъ, именно: за излишнія требованія и за обиды. Главное право колона заключалось въ томъ, что вещественныя обязанности его къ господину ограничивались известнымъ, разъ навсегда установленнымъ цензомъ; сверхъ этого запрещено было требовать отъ него какія-либо работы, или поборы. Отношенія были такимъ образомъ юридическія, строго опредѣленныя, и съ

этой стороны Римляне оказали западной Европѣ неоцѣнимую услугу. Юридическая опредѣленность гражданскихъ отношеній, не смотря на всю анархію средневѣковаго быта, никогда не погибала совершенно, и въ послѣдствіи послужила лучшею оградой человѣческой личности. Какъ римское муниципальное право протянулось незамѣтно черезъ всю варварскую эпоху, чтобы съ бѣльшимъ блескомъ возродиться въ городскомъ движеніи XII и XIII столѣтій, такъ и юридическія гарантіи, вложенныя въ колонатъ, вынесли весь произволь феодализма, чтобы потомъ, при лучшемъ порядкѣ, оградить отъ насилія личность и собственность крестьянина. Этой выгоды не имѣли народы восточной Европы, которые не принимали дѣятельнаго участія въ римской образованности. Потому у насъ, при установленіи крѣпостнаго состоянія, крестьянинъ подчинился повластному господству помѣщика; при существующей юридической неопредѣленности не было для него обезпеченій отъ произвола.

Завоеваніе Галліи Германцами еще болѣе разстроило и безъ того уже разслабленное общество. Все пришло въ броженіе, всѣ отношенія перепутались. Правда, германскія племена явились не дикими завоевателями, которые физическую силу признаютъ высшимъ своимъ закономъ: нѣкоторыя изъ нихъ заняли землю по договору съ Римлянами, всѣ болѣе или менѣе подчинились вліянію высшей образованности, всѣ приняли религію покореннаго народа, котораго знатнѣйшія лица заняли высокія мѣста въ новомъ обществѣ. Но, не смотря на то, прочнаго порядка не могло установиться. Военная дружина была основана на договорѣ лицъ совершенно свободныхъ, не знающихъ надъ собою власти, а потому она, по существу своему, не допускала государственнаго устройства. Всѣ попытки возстановить нѣчто похожее на римскую систему управленія оказались тщетными. Съ неудержимою силой влеклось общество

врозь; каждый старался обособиться, отдѣлить себѣ область для безпрепятственнаго расширенія своего владычества. Когда, наконецъ, послѣ долгаго броженія все устлосъ, и отдѣльныя части связались другъ съ другомъ, тогда установился нѣкоторый порядокъ. Но онъ держался не на преобладаніи общаго элемента, а на частныхъ, разнообразныхъ отношеніяхъ членовъ общества между собою. Возникло множество мелкихъ центровъ, съ различнымъ внутреннимъ устройствомъ, различнымъ образомъ соединенныхъ съ другими, и такъ какъ соблюденіе этихъ связей окончательно зависѣло отъ воли могучихъ лицъ, то право сильного было однимъ изъ самыхъ существенныхъ элементовъ феодализма, — элементъ, который лежалъ въ самой его основѣ.

Понятно, что, при такомъ общественномъ порядкѣ, положеніе низшаго народонаселенія было незавидное. Крестьяне цѣлою бездною отдѣлялись отъ высшаго сословія. Не смотря на все разнообразіе быта, не смотря на отсутствіе общихъ юридическихъ нормъ, между тѣми и другими проходила черта, которая вытекала изъ самой жизни и не допускала ихъ смѣшенія. То было различіе занятій: одни были люди военные, другіе люди рабочіе.

Чтобы вполне постигнуть значеніе этого раздѣленія, необходимо припомнить существо тѣхъ гражданскихъ понятій, которыя господствовали въ средніе вѣка. Въ обществахъ, гдѣ достаточно развито государственное начало, воплощающее въ себѣ общественное единство, первое мѣсто при оцѣнкѣ человѣческой личности занимаетъ общій ея элементъ; тамъ достоинство чловѣка опредѣляется дѣятельностью его на общую пользу. Въ средніе вѣка напротивъ, при владычествѣ частныхъ отношеній, это общее начало уступало мѣсто частнымъ, случайнымъ опредѣленіямъ личности. Рожденіе, образъ жизни служатъ здѣсь главнымъ мѣриломъ чловѣческаго достоин-

ства. Занятіе передается изъ рода въ родъ, какъ частная собственность; оно обращается въ наследственное ремесло и налагаетъ особенное клеймо на человѣка, помимо всякихъ постановленій законодательства. Въ средніе вѣка поэтому различіе занятій составляло признакъ несравненно болѣе важный, нежели всякій другой. Такъ напримѣръ различіе между людьми крѣпостными и вступившими въ добровольныя обязательства, различіе, которое, при другомъ порядкѣ, было бы столь важно, въ средніе вѣка не имѣло почти значенія. Оно совершенно заслонялось другимъ, изъ котораго и вытекало раздѣленіе сословій. Спрашивалось: въ чемъ состоитъ зависимость? какую службу несетъ подчиненный? Если военную, онъ считается членомъ высшаго сословія; если же онъ отправляетъ матеріальныя повинности и обязанъ денежною платой, онъ принадлежитъ къ низшему классу, хотя бы онъ при этомъ сохранялъ полную личную свободу.

Различіе занятій проводило между рыцарями и земледѣльцами тѣмъ болѣе рѣзкую черту, что между ними не было посредствующаго члена. Городъ обыкновенно представляетъ звено, которое связуетъ низшее сословіе съ высшимъ. Городъ даетъ человѣку бѣольшую защиту, нежели разсѣянныя села; въ городѣ накопляются капиталы, которые служатъ естественными посредниками между работниками и землевладѣльцами; въ городахъ сосредоточивается образованность, которая есть также сила, возвышающая значеніе человѣка; наконецъ, самая подвижность городской промышленности дѣлаетъ возможнымъ повышеніе и пониженіе лица на общественной лѣстницѣ, тогда какъ въ селахъ постоянство и однообразіе занятій сообщаетъ всей жизни характеръ неподвижности. Потому развитіе городской жизни служитъ лучшимъ путемъ къ уравниванію гражданъ и къ установленію государственнаго порядка. Въ римскомъ государствѣ, въ цвѣтущую его эпоху, городъ

былъ всемогущъ; съ распаденіемъ имперіи, постепенно исчезало и среднее сословіе, оставляя мѣсто двумъ крайнимъ. Феодализмъ закончилъ это движеніе; центръ исторической дѣятельности перенесся въ села, и здѣсь противоположность землевладѣльца и крестьянина, военнаго и рабочаго человѣка, явилась во всей своей рѣзкости. Въ послѣдствіи, когда города снова получили значеніе, опять наступила возможность и уравниванія классовъ и общественнаго порядка. Но въ настоящій періодъ между обоими сословіями не было связующаго звена; не было и высшей власти, уравнивающей тѣхъ и другихъ въ одинакомъ подчиненіи закону. Крестьянину былъ одинъ только выходъ изъ его положенія: онъ могъ отречься отъ міра, поступить въ духовенство, и тогда онъ получалъ первенствующее значеніе въ обществѣ. Ибо католическое духовенство, обязанное безбрачною жизнью, никогда не составляло наследственнаго сословія, а набиралось постоянно изъ всѣхъ классовъ народа. Такимъ образомъ убогій земледѣлецъ могъ возвыситься до папскаго престола и заставить преклоняться къ его подножію могущественнѣйшихъ владыкъ Западнаго міра.

Не смотря однако на это рѣзкое отличіе крестьянъ отъ рыцарей, первые не составляли внутри себя единаго сословія. Римскіе рабы и колоны имѣли права и обязанности, установленныя закономъ, одинакія для всѣхъ. Такого однообразія не могло быть въ феодальномъ мірѣ, гдѣ общій законъ не существовалъ, и все опредѣлялось частными отношеніями. Здѣсь состояніе крестьянъ должно было разнообразиться до безконечности: все зависѣло отъ мѣстнаго обычая, отъ силы, положенія и характера лицъ. Естественное различіе условій работы переходило въ юридическую норму и опредѣляло гражданскія права и обязанности земледѣльца.

Однако, и здѣсь можно различить нѣсколько отдѣльныхъ

категорій, которыя выработались историческимъ путемъ. Прежніе римскіе рабы селились рядомъ съ рабами германскими, которыхъ юридическій характеръ заключался въ лишеніи всѣхъ политическихъ правъ¹⁾. Тѣ и другіе вмѣстѣ образовали классъ крѣпостныхъ (*serfs, Leibeigene*), который состоялъ въ полной зависимости отъ господина. Съ другой стороны, римскимъ колонамъ соотвѣтствовали у Германцевъ литы или леты, полусвободные поселенцы съ разнообразными правами. Изъ обоихъ составилось сословіе вилановъ (*les vilains* — отъ *villa*, село), на которыхъ права господина были ограничены. Иногда впрочемъ и послѣдніе назывались общимъ именемъ крѣпостныхъ, какъ, напримѣръ, въ слѣдующей цитатѣ изъ Бомануара, въ которой лучше всего обозначается различіе тѣхъ и другихъ: «Одни крѣпостные до такой степени подвластны господину, что послѣдній можетъ взять у нихъ все, что они имѣютъ, какъ по смерти, такъ и при жизни, и тѣло ихъ содержать въ тюрьмѣ, всякій разъ, какъ захочетъ, будь подчиненный правъ или виноватъ (сѣчь, сажать въ тюрьму, бить и наказывать по волѣ, съ сохраненіемъ только жизни и цѣлости членовъ, сказано въ англійскомъ Зерцалѣ правды), и за это господинъ отвѣчаетъ только Богу. Другіе же находятся въ лучшемъ положеніи; ибо, при жизни ихъ, господинъ не можетъ отъ нихъ ничего требовать, иначе какъ за преступленіе, исключая только платежа оброковъ и повинностей, которые они несутъ по обычаю». — «Знай», говоритъ де-Фонтенъ, «что по божественному закону ты не имѣешь полного права надъ своимъ виланомъ. Итакъ, если ты присвоиваешь себѣ его собственность, ты дѣйствуешь противно Богу, берешь грѣхъ на душу и поступаешь какъ воръ. И когда говорятъ,

¹⁾ См. Eichhorn Deutsche Staats- und Rechtsgeschichte, m. I. стр. 71, 295.

что все имущество вилана принадлежитъ господину, то это неправда, ибо въ такомъ случаѣ не было бы различія между крѣпостнымъ и виланомъ».

Если, на подобіе прежняго колона, виланъ былъ огражденъ отъ излишнихъ поборовъ, то, съ другой стороны, онъ подлежалъ такимъ же ограниченіямъ права, какъ и первый. Онъ не могъ покинуть своего мѣстопребыванія; въ случаѣ бѣгства, господинъ имѣлъ право его преслѣдовать (*droit de poursuite*) и возвращать на свои земли. Виланъ не могъ передавать свою собственность по наслѣдству; господинъ былъ его законный наслѣдникъ. Это называлось правомъ мертвой руки (*droit de main-morte*), ибо умирающій не могъ совершить передачу имущества¹⁾. Здѣсь существовали впрочемъ различныя видоизмѣненія: иногда право это простиралось на всю собственность крестьянина, иногда только на движимую, иногда, вмѣсто наслѣдованія, господину платилась только известная пошлина. Послѣдній способъ мало по малу замѣнилъ остальные. Прибавимъ, что право мертвой руки значительно стѣснялось устройствомъ крестьянскихъ общинъ, о которомъ мы поговоримъ ниже. Наконецъ, виланъ не могъ жениться безъ разрѣшенія господина, который обыкновенно взималъ за дозволеніе известную пошлину. Это называлось *droit de formage*. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ господинъ имѣлъ даже право наложничества (*jus primae noctis, marquette*). Однако оба эти послѣднія права рано исчезаютъ изъ обычая. Сама церковь вступилась въ этомъ случаѣ за народъ: папа Адрианъ IV запретилъ расторгать браки, заключенные крѣпостными безъ дозволенія господъ; за послѣдними осталось только право на взысканіе пошлины, которая, по обстоятельствамъ, могла

¹⁾ Замѣтимъ, что то же право встрѣчается въ Русской Правдѣ, въ известномъ положеніи, что послѣ смерти наслѣдуетъ князь.

быть больше или меньше. Вообще же слѣдуетъ замѣтить, что все эти господскія права не были ни общими, ни вездѣ одинаковыми. Виланъ подлежалъ иногда только одному изъ нихъ, иногда двумъ, иногда всемъ тремъ. Такимъ образомъ устанавливались отдѣльныя категоріи крѣпостныхъ людей, которые носили различныя названія: *serfs de poursuite*, *serfs de formariage*, *serfs de main-morte*.

Къ этимъ двумъ разрядамъ, изъ которыхъ первый болѣе и болѣе становился исключеніемъ, а второй обнималъ собою значительнѣйшую часть сельскаго народонаселенія, присоединялся еще третій — люди свободные, состоявшіе въ договорныхъ отношеніяхъ съ господиномъ. Въ тѣ времена, когда средства пропитанія были скудны, и беззащитный ежечасно могъ быть лишенъ всехъ плодовъ своего труда, каждый охотно отдавался подъ покровительство сильнаго человѣка. Знатныя лица, съ своей стороны, старались увеличить свое могущество приобрѣтеніемъ новыхъ подданныхъ. Потому, не только вступленіе въ договорное подданство, но и полное закупаеніе своей свободы было явленіемъ самымъ обыкновеннымъ. Для подобныхъ актовъ существовали даже извѣстныя юридическія формулы, напримѣръ въ слѣдующемъ родѣ: «такъ какъ извѣстно, что мнѣ одѣваться и кормиться нечѣмъ, то прошу вашу милость принять меня въ свое подданство, съ тѣмъ условіемъ, чтобы вы мнѣ давали пищу и одежду, сообразно съ моею службой и съ достоинствомъ моего труда». Особенно охотно поступали люди низшихъ сословій подъ покровительство церковныхъ установленій, ибо послѣднія доставляли своимъ подданнымъ лучшую защиту, нежели свѣтскіе владѣльцы. Этому стремленію содѣйствовала и сила религіозныхъ убѣжденій, столь могущественныхъ въ средніе вѣка. Подъ ихъ влияніемъ, и здоровые и умирающіе жертвовали своимъ достоинствомъ въ пользу церкви, и многіе считали за честь быть ея крѣпостными.

Изъ этихъ лицъ, вступившихъ въ добровольное подданство, нѣкоторыя сохраняли значительную степень свободы. Таковы были, напримѣръ, мелкіе владѣльцы, которые, чувствуя потребность защиты, отдавали свою землю господину, съ тѣмъ, чтобы получить ее обратно въ потомственное владѣніе, за уплату извѣстнаго оброка. Таковы же были такъ называемые гости, *hospites*—крестьяне, которыхъ феодальные владѣльцы призывали на свои земли, заманивая ихъ къ себѣ болѣе или менѣе значительными льготами. Гости оставались обыкновенно лично вольными и, въ случаѣ неудовольствія, могли уходить на другія мѣста. Все эти полусвободныя лица, которыя имѣли впрочемъ весьма разнообразныя права и обязанности, носили названіе людей подвластныхъ, *hommes de poësté, de poté, homines potestatis*.

Однако личная свобода и право перехода были въ то время исключеніемъ. Все въ средневѣковой жизни стремилось принять характеръ неподвижности—и лица, и земли, и права. Правомъ считался мѣстный, долговременный обычай; собственность и владѣніе обыкновенно были потомственны и неотчуждаемы; лица тѣснились въ мелкіе союзы, въ которыхъ сосредоточивались вся ихъ жизнь, откуда имъ не было исхода. Каждое движеніе нарушало множество частныхъ правъ, а между тѣмъ не было высшей власти, которая являлась бы верховнымъ судьей въ противоборствующихъ стремленіяхъ общества. Такимъ образомъ перемѣна была почти невозможна. Чтобы освободить человѣка, нерѣдко нужно было получить разрѣшеніе цѣлой лѣствицы феодальныхъ владѣльцевъ, ибо уменьшеніе рабочей силы уменьшало самую цѣнность лена. Еще менѣе можно было отчуждать земли въ постороннія руки. Такимъ образомъ, каждое владѣніе составляло нераздѣльную единицу; оно представляло собою неизмѣнный мелкій союзъ, общину, которая заключала въ своихъ нѣдрахъ все усло-

вія самостоятельнаго существованія. Здѣсь была высшая власть, ибо феодальный владѣлецъ былъ верховнымъ судьей и полицеймейстеромъ въ своихъ областяхъ. Здѣсь было свое право, независимое отъ обычаевъ другихъ подобныхъ союзовъ. Наконецъ, и въ экономическомъ отношеніи община вполне удовлетворяла сама себя. Торговля въ то время почти не существовала: не было удобныхъ путей сообщенія, не было раздѣленія труда между различными областями, но каждый старался произвести все нужное для собственной жизни. Разумѣется, главнымъ занятіемъ низшихъ классовъ было земледѣліе. Обыкновенно владѣлецъ раздѣлялъ свои земли на двѣ части. Одну онъ обрабатывалъ на себя посредствомъ собственныхъ слугъ, или повинностью крестьянъ, или наконецъ половниками, которые, получая отъ него орудія и скотъ, платили господину извѣстную долю ежегодной жатвы. Другая часть владѣнія обыкновенно отдавалась въ потомственное оброчное содержаніе крестьянамъ, на самыхъ разнообразныхъ условіяхъ. Обязанности каждаго вписывались въ такъ называемыя земельныя описи, *les terriers*. Для составленія ихъ, собирались всѣ члены прихода или общины (это было одно и то же), подъ присягою производилось слѣдствіе о правахъ и обязанностяхъ каждаго, и все это вносилось въ книги, которыя служили главнымъ основаніемъ для опредѣленія отношеній господина къ подданнымъ. Управление крестьянами, а иногда вмѣстѣ съ нимъ и дворовый судъ возлагались господиномъ на управляющаго или мера. Первый (*praepositus*) обыкновенно является представителемъ господина, второй (*major*, старшій) — представителемъ общины; иногда послѣдніе были наследственны. При вступленіи въ должность меръ присягали, что онъ будетъ честно соблюдать какъ выгоды хозяина, такъ и права крестьянъ; послѣдніе, съ своей стороны, присягали, что они не станутъ повиноваться излишнимъ требованіямъ мера и не

будутъ потворствовать обманамъ, во вредъ господину. Виланы и подвластные люди обыкновенно принимали участіе и въ судѣ. «Когда оброчники тягались между собою», говоритъ Луазель, «они судились своими господами, но по совѣту своихъ перовъ-оброчниковъ. Эти перы, засѣдавшіе въ судѣ, назывались добрыми или честными людьми, *bonnes gents, prudhommes*. Наконецъ, община завѣдывала сборомъ податей. Указъ временъ Людовика IX-го опредѣляетъ способъ взиманія налоговъ (*taille*) слѣдующимъ образомъ: въ каждомъ приходѣ, подъ надзоромъ священника, выбираются отъ 30 до 40 лучшихъ людей, которые должны подъ присягою назначить 12 окладчиковъ. Послѣдніе распредѣляютъ сумму налога между членами прихода, самихъ же ихъ окладываютъ 4 человѣка, которыхъ имена остаются до времени втайнѣ, во избѣжаніе пристрастія.

Изъ этого видно, что въ обществѣ той эпохи существовало достаточное количество либеральныхъ началъ. Однако они не могли доставлять низшимъ классамъ надлежащаго обезпеченія правъ, ибо вездѣ господствовала сила, которая мало покаралась закону. Феодальные владѣльцы, окруженные воинственными слугами, считавшіе право частныхъ войнъ неотъемлемымъ своимъ достояніемъ, разумѣется, могли безнаказанно грабить и притѣснять крестьянъ. Только церковь своими увѣщаніями воздерживала ихъ на пути беззаконія; но въ пору разгара страстей религіозная власть, несмотря на все свое могущество, не могла служить угнетеннымъ постоянною защитою: мучитель смирялся передъ нравственною силой, но за минутою раскаянія снова слѣдовалъ разгулъ страстей, и снова необузданный произволъ тяжелымъ бременемъ ложился на низшее народонаселеніе. Нерѣдко насиліе обращалось даже въ постоянное правило; произвольныя требованія, вслѣдствіе повторенія, становились обычаемъ. Отсюда то безчисленное

множество разнообразнѣйшихъ господскихъ правъ, которыя въ продолженіе многихъ вѣковъ тяготѣли надъ земледѣльцами. Такой порядокъ былъ неизбѣженъ въ обществѣ, гдѣ слишкомъ мало развита была верховная власть. Государство имѣетъ обязанностью установить въ обществѣ порядокъ, уничтожить обременительныя привилегіи, защитить слабого отъ произвола сильнаго. Тамъ, гдѣ государство не существуетъ, послѣдній можетъ безнаказанно употреблять во зло свое могущество, ибо высшаго судьи надъ нимъ нѣтъ. «По нашему обычаю», говоритъ де-Фонтенъ, «между тобою и твоимъ виланомъ нѣтъ судьи, кромѣ Бога».

Чтобы хотя нѣсколько оградить себя отъ насилія, виланы должны были жаться другъ къ другу, совокупными силами стараться какъ нибудь противостоятъ окружающему ихъ произволу. Вообще, въ средніе вѣка представлялось человѣку два средства избавиться отъ притѣсненій: уходить съ мѣста и искать болѣе благопріятныхъ условій для жизни, или вступить въ тѣсную связь съ другими, организовать мѣстный союзъ и такимъ образомъ дать отпоръ угнетающей силѣ. Въ первомъ случаѣ сохранялась личная независимость, въ обществѣ было менѣе страданій, менѣе борьбы, но прочнаго порядка не могло утвердиться, ибо кочевая жизнь неблагопріятствуетъ общественной организаціи. Во второмъ случаѣ соединяющіяся лица должны были терпѣть болѣе первыхъ отъ безпрестанной близости притѣснителя, но они могли имѣть надежду, что, съ энергіей и постоянствомъ, они будутъ наконецъ въ состояніи избавиться отъ насилія и основать такой порядокъ, который удовлетворитъ существеннымъ ихъ потребностямъ. Первый способъ употреблялся постоянно у насъ. Этому способствовали отчасти природа пустынной равнины Россіи, гдѣ легко можно было укрыть свою независимость, отчасти также недостатокъ общественнаго развитія, неразлучнаго съ осѣд-

лостью; наконецъ, можетъ быть, и неспособность ужиться другъ съ другомъ, дѣйствовать общими силами, въ виду постоянной цѣли — черта, которая высказывается во многихъ явленіяхъ русской жизни. Потому наши крестьяне въ средніе вѣка пользовались болѣею свободою, нежели западные, но прочнаго порядка они установить не могли, и результаты оказались для нихъ самыя неблагопріятныя: когда настала пора государственнаго развитія, вмѣсто свободы, имъ досталось на долю укрѣпленіе. На западѣ случилось совершенно наоборотъ. первоначально притѣсненій и страданій было больше, но изъ этого порядка выработалась свобода. Въ средніе вѣка и даже позднѣе, французскіе крестьяне также уходили иногда съ мѣста, въ надеждѣ пайти себѣ лучшую долю. «Притѣсненія господъ до такой степени невыносимы», говорятъ иногда современники, «что они заставляютъ крестьянъ покидать свои жилища и бѣжать къ чужимъ людямъ». Но это былъ крайній случай; притомъ въ чужбинѣ имъ было не легче: они либо снова впадали въ крѣпостное состояніе, либо считались чужеземцами (aubains) и лишались права передавать свое имущество по наследству. Такимъ образомъ крестьянамъ оставался одинъ способъ обезпечить свою жизнь: стараться какъ нибудь на мѣстѣ устроить себѣ лучшей порядокъ. Отсюда сила союзнаго духа, отсюда общинное движеніе, которое проявилось съ такою силой съ XII-го вѣка; отсюда крѣпость мѣстнаго обычая, отсюда стараніе сохранить юридическую определенность отношеній, отсюда наконецъ тѣ оригинальныя формы общиннаго быта, которыя составляютъ характеристическую черту средневѣковаго порядка во Франціи.

Мы видѣли, что первоначальная форма общаго владѣнія землею во Франціи была произведеніемъ родового быта. Въ средніе вѣка образовался другой его видъ, который, хотя частью коренится въ первомъ, однако сложился и устроился подъ

вліяніемъ иныхъ началъ, именно — мѣстнаго сожительства. Нѣсколько семействъ соединялись въ одно хозяйство, въ которомъ, послѣ сожительства въ продолженіе года со днемъ, устанавливалось между членами полное общеніе имуществъ (communauté). Движимое и недвижимое складывалось вмѣстѣ, земля обрабатывалась общими силами, и плоды общаго труда раздѣлялись, по опредѣленію мѣстнаго обычая, либо соразмѣрно вкладу, либо поголовно. Потребленіе было также общее: иногда всѣ жили подъ однимъ кровомъ, въ огромныхъ зданіяхъ; иногда же около обширнаго двора строилось нѣсколько избъ, для отдѣльныхъ семействъ. Но во всякомъ случаѣ непрѣмнымъ условіемъ общенія было то, чтобы члены союза имѣли одинъ очагъ и ѣли одного хлѣба и соли. Отсюда поговорка: *le feu, le sel, et le pain partent le vilain*. Сожители назывались товарищами, участниками (*compagnons, rasonsniers*), братьями и сестрами; между ними существовало полное равенство. Для управленія они выбирали изъ среды себя старшину, который завѣдывалъ всѣми дѣлами, по совѣту съ товарищами. Онъ производилъ уплаты и распредѣлялъ работы между членами: одни занимались земледѣліемъ, другіе смотрѣли за скотомъ, третьи исправляли промыслы. Женщины точно также изъ среды себя выбирали старшую, которая завѣдывала хозяйствомъ, и которой остальные обязаны были повиноваться. Сожители наследовали другъ послѣ друга, или, лучше сказать, наследованія вовсе не было, ибо имуществомъ владѣла община, и смерть одного изъ членовъ умножала только долю остальныхъ. Такимъ образомъ уничтожалось дѣйствіе права мертвой руки, исчезала одна изъ самыхъ обременительныхъ сторонъ крѣпостнаго состоянія. Господинъ вознаграждался однако тѣми выгодами, которыя доставляла ему община; такъ какъ члены отвѣтствовали другъ за друга, то ему несравненно легче было взыскивать свои подати и по-

винности. Притомъ онъ имѣлъ дѣло съ однимъ старшиною, который распорядился уже своими подчиненными.

Подобныя общины существовали повсемѣстно, какъ общее правило, иногда между свободными, но большею частью между крѣпостными людьми. Онѣ устанавливались сами собою, безъ всякаго явнаго приговора, безъ всякаго изустнаго изъясненія, просто вслѣдствіе факта сожительства. Впрочемъ онѣ имѣли различныя виды и объемы, смотря по мѣстному праву. Нѣкоторыя обычаи допускали подобный союзъ только между родственниками, почему можно полагать, что родовое общеніе имуществъ служило первообразомъ для этого новаго учрежденія. Отсюда происходила необыкновенная крѣпость родственной связи: раздѣленіе семейства не допускалось, такъ что въ нѣкоторыхъ общинахъ до семидесяти членовъ жили подъ управленіемъ одного праотца — патриарха. Изъ тѣхъ же началъ развились и другіе обычаи семейной жизни, которые связывали средневѣковое семейство въ одно недѣлимое цѣлое, именно: общеніе имуществъ какъ между мужемъ и женою, такъ между вдовымъ отцемъ и дѣтьми, вслѣдствіе сожительства въ продолженіе года со днемъ. Такимъ образомъ постоянное сближеніе людей устанавливало юридическое соединеніе ихъ интересовъ, и наоборотъ, когда люди расходились, община разрушалась сама собою. Последнее правило соблюдалось первоначально въ чрезвычайно строгой формѣ: съ выходомъ одного члена уничтожался весь союзъ. Но, съ теченіемъ времени, это стѣснительное ограниченіе ослабѣло. Скрѣпленіе общинной связи было въ интересѣ всѣхъ; поэтому установилось правило, что отдѣлившійся членъ теряетъ только право наследованія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ сохранялъ даже и последнее, если въ общинѣ не оставалось другихъ родственниковъ. Женщины, вышедшія замужъ на сторону, обыкновенно получали отъ общины приданое, которое онѣ приноси-

ли, какъ собственный вкладъ, въ новый союзъ; но затѣмъ уже онѣ ничего не могли требовать отъ прежнихъ товарищей.

Понятно, что такое устройство должно было придать особенную крѣпость общинному союзу. Дѣйствительно, подобныя общины сохранялись иногда непрерывно въ продолженіе многихъ вѣковъ. Во времена революціи существовали нѣкоторыя, которыя образовались въ XII-мъ или XIII-мъ вѣкѣ; и доселѣ еще въ отдаленныхъ частяхъ Франціи живутъ остатки этихъ древнихъ учрежденій. Такова, между прочимъ, описанная Дюпеномъ община Де-Жо (Des Jaults) въ Ниверне, которая можетъ служить образчикомъ развитія родового быта. Она существуетъ съ незапамятныхъ временъ: древнѣйшія ея грамоты восходятъ до XV-го вѣка, но въ нихъ говорится объ общинѣ, какъ о старинномъ уже учрежденіи. Первоначально она состояла изъ единого рода, который управлялся родоначальникомъ по наследственному порядку. Съ теченіемъ времени сознание родового старшинства затемнилось; тогда члены стали выбирать старшаго изъ среды себя, и это продолжается доселѣ. Наслѣдованія у нихъ не существуетъ; каждый подрастающій членъ требуетъ себѣ равной съ другими доли, не по наследственному праву, а какъ членъ общины, отъ собственнаго лица. Этотъ древній родъ, почтенный остатокъ старины, отличается нравственными качествами, которыя дѣлаютъ его предметомъ всеобщаго уваженія.

Однако подобныя примѣры составляютъ въ настоящее время рѣдкое исключеніе. Возникшія въ эпоху неурядицы, развившіяся подъ вліяніемъ крѣпостнаго права и принужденнаго сожителства, эти общины держались еще нѣкоторое время по освобожденіи крестьянъ. Но съ бѣльшимъ и бѣльшимъ водвореніемъ свободы онѣ рушились сами собою. То были учрежденія средневѣковыя, которыя не могли удержаться среди новаго порядка, снявшаго съ человѣка крѣпостныя узы, уста-

новившаго свободную и подвижную собственность. Пока люди должны были тѣсниться другъ къ другу, чтобы дать нѣкоторый отпоръ окружающему ихъ произволу, пока имущество ихъ не было обезпечено противъ грабительства, они охотно складывались вмѣстѣ; какъ скоро настала лучшая пора, каждый началъ тянуть въ свою сторону, въ общины закралась внутренняя вражда, которая дѣлала дальнѣйшее существованіе ихъ невозможнымъ. Законодательство благоразумно предоставило ихъ собственному ходу, не стараясь поддержать обветшавшія формы. Дѣйствительно, учрежденія, возникшія подъ вліяніемъ средневѣковаго быта и крѣпостнаго права, не могли служить вмѣстилищемъ для новаго содержанія. Если, какъ можно ожидать, дальнѣйшее движеніе промышленности приведетъ къ необходимости поземельной ассоціаціи, то она возникнетъ уже изъ элементовъ новыхъ, изъ элементовъ свободы и просвѣщенія.

Хозяйственное товарищество не было впрочемъ единственною формою общиннаго быта въ средніе вѣка. Потребность соединенія вела къ образованію множества разнообразныхъ союзовъ: въ городахъ возникали корпораціи, въ селахъ ремесленныя товарищества, которыя обнимали иногда цѣлыя поселенія. Общественное пользованіе землею существовало также въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ; сельскія общины имѣли значительныя владѣнія: пустыри, пастбища, поля, лѣса, которыми онѣ распоряжались по своимъ обычаямъ или по мірскимъ приговорамъ. При малоцѣнности земли, самая частная собственность подлежала многочисленнымъ общественнымъ повинностямъ. Обыкновенно землевладѣльцы имѣли право огораживать свои пашни только до окончанія жатвы; послѣ уборки дожидались еще три дня, чтобы дать бѣднымъ людямъ время подобрать оставленные на поляхъ колосья, послѣ чего ограды снимались, и сельскія стада ходили вольно

по всему пространству. Отсюда весьма стѣснительное для земледѣлія право пастбища, *droit de parcours, de vaine pasture*, которое въ различныхъ видахъ долго держалось и отчасти до сихъ поръ еще существуетъ во Франціи. Оно простиралось даже на владѣнія сосѣднихъ общинъ: стада ходили отъ колокольни до колокольни. Наконецъ, землевладѣлецъ не имѣлъ даже права согнать поселенца, который безъ его дозволенія обрабатывалъ оставленную впустѣ землю; крестьянинъ безпрепятственно собиралъ посѣянный хлѣбъ, изъ котораго только часть отдавалъ хозяину, а по нѣкоторымъ обычаямъ онъ могъ даже на слѣдующій годъ, собравши рожь, посѣять еще яровое. Это общее право на землю было до такой степени вкоренено въ средневѣковыхъ обычаяхъ Франціи, что даже въ послѣдующіе вѣка частная собственность представлялась юристамъ въ видѣ исключенія: «какъ скоро жатва снята», говоритъ въ XVII-мъ вѣкѣ де-Лоріеръ, «земля, по нѣкотораго рода общенародному праву, становится общимъ достояніемъ всѣхъ людей, богатыхъ и бѣдныхъ».

Тѣмъ не менѣе, всѣ эти обычаи и учрежденія были недостаточны для обезпеченія земледѣльцевъ отъ произвола и грабежей. Среди общества, въ которомъ владычествовала буйная сила, имъ нужно было пріобрѣсти себѣ дѣйствительныя гарантіи, купить себѣ свободу борьбою съ окружающимъ міромъ; для этого крѣпкая общинная связь служила лучшимъ средствомъ. Только дружными силами можно было противостоять вооруженному владѣльцу и ограничить его притязанія. Въ этомъ состоитъ значеніе того великаго общиннаго движенія, которое начинается особенно съ XII-го вѣка. Общины, окрѣпнувъ внутри себя, хотятъ сдѣлаться самостоятельными.

Это движеніе одинаково пробуждается какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ, ибо между тѣми и другими первоначально

не было различія; они равно были населены крѣпостными или полусвободными людьми, которые состояли въ разнообразномъ подчиненіи феодальнымъ владѣльцамъ. Но города, окруженные стѣнами, легче могли отстоять свою независимость: они прежде селъ пріобрѣли себѣ привилегіи, и чрезъ это получили высшее положеніе въ обществѣ. Крестьянскія же возстанія, не смотря на то, что они обнимали иногда цѣлыя провинціи, подавлялись легко и вызывали обыкновенно кровавыя возмездія. Такъ въ 997-мъ году норманскіе крестьяне составили тайный заговоръ (*communion*), съ цѣлью освободиться отъ притѣсненій. Мѣстные сходки выбрали каждая по два депутата, которые съѣхались въ центральный парламентъ. Но заговоръ былъ открытъ прежде даже, нежели онъ успѣлъ вспыхнуть. Дядя малолѣтнаго норманскаго герцога, графъ Рауль, захватилъ врасплохъ собравшихся депутатовъ и подвергъ ихъ страшнымъ истязаніямъ. Такая же участь постигла бретанскихъ крестьянъ, которые поднялись въ слѣдующемъ вѣкѣ. Закованнымъ въ латы рыцарямъ не трудно было справиться въ чистомъ полѣ съ толпами плохо вооруженныхъ поселянъ. Такимъ образомъ Франція покрылась уже множествомъ свободныхъ городскихъ общинъ, когда бѣольшая часть селъ состояла еще въ древнемъ повиновеніи у своихъ господъ. Однако между общинами, получившими хартіи, встрѣчаются и сельскія. Борьба не вездѣ была невыгодна для земледѣльцевъ, и нѣкоторые успѣли добыть себѣ привилегіи болѣе или менѣе значительныя. Притомъ же примѣръ былъ данъ; у нихъ передъ глазами были свободные города, и они съ бѣольшимъ и бѣольшимъ упорствомъ стремились къ достиженію желанной цѣли. Къ этому присоединились нѣкоторыя общія причины, которыя привели къ почти повсемѣстному освобожденію крестьянъ въ XIII и XIV столѣтіяхъ.

Одною изъ такихъ причинъ было сильное возбужденіе ре-

лигіознаго духа, вслѣдствіе крестовыхъ походовъ. Издавна благочестивые люди, умирая, освобождали нѣсколько крѣпостныхъ — явленіе общее на Западѣ и у насъ. Но относительно всего гражданскаго устройства, оно представлялось какъ исключеніе, которое не могло имѣть значительнаго вліянія на бытъ, ибо число вступавшихъ въ крѣпостное состояніе всегда превышало число освобождаемыхъ. Со времени же крестовыхъ походовъ благочестивыя освобожденія стали распространяться на цѣлыя села. Отправляясь ко гробу Господню для искупленія своихъ грѣховъ, рыцарь считалъ долгомъ облегчить участь остающихся на мѣстѣ подвластныхъ людей. Многіе изъ послѣднихъ сопровождали его въ странствованіяхъ, дѣлили съ нимъ опасности, защищали его жизнь, и тѣмъ пріобрѣтали право на лучшую долю. Наконецъ, само духовенство приняло дѣло въ свои руки. Особенно подвизались на этомъ поприщѣ папа Адрианъ IV, самъ вышедшій изъ крѣпостныхъ, и папа Александръ III. Послѣдній издалъ буллу, въ которой объявлялъ, что всѣ христіане должны быть свободны. Повинуясь благочестивому внушенію, духовенство во многихъ мѣстахъ даровало льготныя хартіи своимъ крѣпостнымъ, и примѣру его слѣдовали міряне. Такимъ образомъ, крестьяне нашли защитницу въ церкви — великой наставницѣ среднихъ вѣковъ.

Другія причины, побуждавшія къ освобожденію, были экономическія. Пока рыцарская дѣятельность ограничивалась мѣстными войнами, обыкновенные доходы и натуральныя повинности крестьянъ удовлетворяли потребностямъ жизни. Но для того, чтобы предпринять походъ въ дальнія страны, за море, этихъ средствъ было недостаточно. Рыцарь нуждался въ деньгахъ; онъ собиралъ свое имущество, занималъ у ростовщиковъ, продавалъ свободу своимъ поселянамъ. Послѣдніе, пользуясь стѣсненными обстоятельствами господина,

покупали себѣ льготы въ значительномъ числѣ. Такимъ образомъ, самыя побужденія къ крестовымъ походамъ вели къ освобожденію крестьянъ. Еще благоприятнѣе для послѣднихъ былъ результатъ этого всемірнаго движенія. Столкновение съ Востокомъ произвело экономическій переворотъ во всей европейской жизни. Возбудилась промышленность, торговля; рыцари узнали невѣдомыя имъ прежде наслажденія; увеличились потребности, а для удовлетворенія ихъ крѣпостной трудъ оказался недостаточнымъ. Несостоятельность его сознавалась уже въ XIV вѣкѣ: «крѣпостные», говоритъ въ одной жалованной граматѣ архіепископъ безансонскій, «пренебрегаютъ трудомъ, говоря, что они работаютъ для другихъ, и потому они портятъ свое дѣло; а еслибы они были увѣрены, что имущество ихъ достанется ихъ ближнимъ, они работали бы и пріобрѣтали охотно». Чѣмъ болѣе возрастала потребность въ деньгахъ, чѣмъ болѣе онѣ становились общественною силою, тѣмъ болѣе возвышалось и самое значеніе крестьянъ, ибо богатство землевладѣльца естественно зависѣло отъ богатства подвластныхъ. Прежніе феодальные бароны старались окружить себя многочисленною военною прислугою; теперь для нихъ стало выгоднѣе пріобрѣсти значительное число промышленныхъ поселенцевъ. Для этого они строили города, въ которые зазывали жителей со всѣхъ сторонъ, даруя имъ различныя льготы. Крестьяне тайкомъ уходили отъ господъ, и бѣжали въ новыя поселенія, а это въ свою очередь имѣло вліяніе и на другихъ. Господамъ невозможно было оставлять у себя крѣпостныхъ, при сосѣдствѣ слободъ и городовъ. Тѣ изъ нихъ, которые упорно держались стараго порядка, видѣли опустѣніе своихъ владѣній и быстрое уменьшеніе своихъ средствъ, между тѣмъ какъ у сосѣдей, вступившихъ на новый путь, населеніе и богатство росли съ каждымъ годомъ. Поневоля надобно было расточать льготныя граматы, чтобы

удержать население на мѣстѣ. Такимъ образомъ, сосѣдство свободы подрывало крѣпостную связь и у остальныхъ.

Но важнѣйшею причиною повсемѣтнаго освобожденія крестьянъ было развитіе королевской власти. Король былъ представитель государства, защитникъ интересовъ всего народа. Его обязанность была подать руку помощи угнетеннымъ классамъ, его право было привести всѣхъ жителей въ общее подданство государству. Между тѣмъ, въ существующемъ порядкѣ, крѣпостные не были подданными короля: всѣ ихъ обязанности относились къ господину, и послѣдній уже, иногда черезъ цѣлую іерархическую лѣствицу феодальныхъ владѣльцевъ, состоялъ въ нѣкоторой зависимости отъ верховной власти. Ленные господа были посредники, которые заслоняли народъ отъ короля. Они были естественными врагами того и другаго, ибо народъ они угнетали своими правами, а королю они сопротивлялись всѣми силами. Чтобы одолѣть эту крѣпкую аристократическую преграду, король и третье сословіе соединились въ дружномъ дѣйствіи. Свобода низшаго народонаселенія сдѣлалась необходимымъ условіемъ государственнаго быта; изъ этого источника юное правительство почерпало неодолимую силу, ибо съ перенесеніемъ на государство прежнихъ обязанностей къ господамъ, все, что отнималось у однихъ, прибавлялось къ другому.

Преслѣдуя задуманную цѣль, короли стали принимать подъ свою защиту союзы возстающихъ поселянъ. Они утверждали дарованныя имъ грамоты, а иногда вооруженною рукою защищали ихъ отъ насилія. По всѣмъ королевскимъ владѣніямъ возникли свободные города, которые служили убѣжищемъ для поселянъ. Послѣднимъ дано было право отказывать господамъ въ повиновеніи и объявлять себя подданными короля. Наконецъ, въ XIV-мъ вѣкѣ короли на собственныхъ земляхъ освободили всѣхъ крѣпостныхъ. «Такъ какъ по праву природы»,

говоритъ Людовикъ X-й въ извѣстномъ указѣ 1315-го года, «всякій долженъ быть свободенъ, а между тѣмъ по нѣкоторымъ обычаямъ, которые введены издревле и доселѣ сохраняются въ нашемъ государствѣ, а также и случайно за преступленія предковъ, многіе изъ нашего простаго народа впали въ крѣпостныя узы разнаго состоянія, что намъ очень не нравится, то мы, принимая во вниманіе, что наше государство называется государствомъ франковъ (свободныхъ) и желая, чтобы дѣло было по истинѣ согласно съ именемъ, и чтобы состояніе людей улучшилось при вступленіи нашемъ на престолъ: посовѣтовавъ съ великою нашею думою, повелѣли и повелѣваемъ, чтобы вообще по всему нашему государству, въ земляхъ, которыя могутъ принадлежать намъ и нашимъ преемникамъ, крѣпостныя обязанности были замѣнены льготами, и чтобы всѣмъ, кто по происхожденію, по давности, по браку, по мѣстопробыванію въ крѣпостныхъ владѣніяхъ подпали подъ узы крѣпостнаго состоянія, была дана свобода за хорошія и приличныя условія». Въ этомъ указѣ былъ, впрочемъ, и экономическій расчетъ: Людовикъ X-й нуждался въ деньгахъ и бралъ за вольность хорошую цѣну. Иногда онъ даже насильственно навязывалъ ее крѣпостнымъ. Преемники его слѣдовали его примѣру, великіе вассалы дѣлали то же въ своихъ областяхъ, такъ что свобода низшаго сословія становилась болѣе и болѣе повсемѣтною.

Дѣятельности королей помогали юристы. Отъ нихъ было заимствовано ученіе о свободѣ, какъ о природномъ правѣ человека. Соединивши римскія начала съ христіанскими, они употребляли тѣ и другія на пользу подвластныхъ. «Великую милостыню оказываетъ господинъ, который избавляетъ ихъ отъ крѣпостнаго права и даруетъ имъ свободу», говоритъ Боменуаръ, «ибо это великое зло, когда христіанинъ находится въ крѣпостномъ состояніи». Вездѣ, гдѣ можно было употре-

бить юридическую казуистику въ пользу крестьянъ, юристы прилагали свое знаніе. Старые обычаи толковались на новый ладъ, тяжелыя постановленія замѣнялись болѣе легкими, употреблялись всѣ возможныя ухищренія, когда нужно было доказать свободу челоука. Такъ, по старому праву, новорожденное дитя считалось крѣпостнымъ и по отцу и по матери (*le pire emporte le bon*); теперь крѣпостное состояніе стало передаваться только матерью, и если она, во время беременности, хотя на минуту была свободна, ребенокъ считался вольнымъ. Эти юридическія толкованія получили особенное значеніе въ великомъ памятникѣ законодательства XVI вѣка — въ запискѣ и пересмотрѣ обычаевъ. Юристы явились здѣсь какъ бы адвокатами низшаго сословія, и адвокатами пристрастными. Въ этомъ памятникѣ, который завершаетъ общественное развитіе среднихъ вѣковъ и начинаетъ новую эпоху, были упрочены, умножены и сведены въ общій итогъ всѣ пріобрѣтенныя крестьянами льготы. Старый порядокъ оставался еще кой-гдѣ въ видѣ исключенія, но рѣшительный перевѣсъ получили новыя начала.

Права, пріобрѣтенныя крестьянами, были однако весьма разнообразнаго содержанія. Въ эпоху освобожденія государство не дѣйствовало еще общими законодательными мѣрами. Частныя грамоты, которыя давались въ разныхъ мѣстахъ и въ разныя времена, заключали въ себѣ большія или меньшія ограниченія господской власти. Нѣкоторыя общины получили немногія льготы и едва выходили изъ крѣпостнаго состоянія, другія, напротивъ, становились вполнѣ самостоятельными. Между обоими разрядами находилось множество разнообразныхъ степеней зависимости. Даже нѣкоторые виды прежняго крѣпостнаго права не были совершенно уничтожены; остатки ихъ сохранялись, какъ исключенія, до самыхъ временъ революціи. Но вообще можно сказать, что къ исходу среднихъ

вѣковъ личная свобода крестьянъ была упрочена, произволь былъ уничтоженъ и замѣненъ обязанностями опредѣленными.

Что еще важнѣе, крестьяне пріобрѣли недвижимую собственность; они освободились съ землею. Эта черта, которая наложилла характеристическую печать на всю исторію Франціи, вытекала сама собою изъ предыдущей исторіи. Уже въ послѣдніе вѣка римской имперіи отношенія поземельнаго найма и владѣнія становились долговременнѣе и крѣпче. Въ это время развился особеннаго рода договоръ, эмфитевзисъ, который обыкновенно заключался на долгіе сроки и предоставлялъ наемщику значительныя права. Въ средніе вѣка изъ эмфитевзиса образовался контрактъ цензуальный, который былъ еще выгоднѣе для крестьянина. Послѣдній обыкновенно становился наследственнымъ владѣльцемъ своего участка; онъ еще менѣе прежняго былъ ограниченъ въ способѣ обработки земли; принадлежавшее ему право пользованія называлось даже собственностью, также какъ и право настоящаго землевладѣльца. Эти два права собственности, лежавшія на одной землѣ, юристы различали именованиями: *dominium directum* и *dominium utile*. Когда въ послѣдствіи наступило освобожденіе, наследственный владѣлецъ естественно остался на своей землѣ, съ которой однако онъ продолжалъ нести въ пользу господина разныя подати и повинности. Но, за исключеніемъ послѣднихъ, господинъ не имѣлъ уже никакихъ правъ на землю, такъ что юристы стали считать участокъ крестьянина полною собственностью послѣдняго; доходы же господина они относили къ разряду правъ на чужую вещь. Чтобы сдѣлать крестьянскую собственность совершенно свободною, нужно было только выкупить лежавшія на ней повинности. Это было дѣломъ дальнѣйшаго историческаго хода, о которомъ мы будемъ говорить ниже. Окончательно вопросъ разрѣшился насильственнымъ переворотомъ; но порядокъ, установленный револю-

цією, коренится уже въ самой первой порѣ освобожденія. Тогда начало создаваться то многочисленное сословіе мелкихъ собственниковъ - земледѣльцевъ, которые до нынѣ составляетъ главную основу народонаселенія Франціи.

Иной исходъ имѣлъ тотъ же вопросъ въ сосѣдней странѣ — въ Англіи. Тамъ освобожденіе крестьянъ произошло почти въ то же время, что и во Франціи, но условія, при которыхъ оно совершилось, были различны. Мы видѣли, что во Франціи свобода низшаго народонаселенія явилась, какъ результатъ совокупнаго дѣйствія правительства и народа. Въ Англіи, напротивъ, правительство вовсе не участвовало въ этомъ переворотѣ, такъ что въ памятникахъ законодательства не осталось даже и слѣдовъ переменъ. Какъ вообще въ исторіи Англіи развитіе шло дѣятельностью самого общества подъ руководствомъ аристократіи, такъ и здѣсь главнымъ двигателемъ преобразованія было высшее сословіе. Оно поступило въ этомъ случаѣ съ удивительнымъ благоразуміемъ: всѣ стѣснительныя для народа подати и повинности, которыми французское дворянство дорожило до послѣдней минуты, были отменены. Не было уже повода къ взаимной ненависти сословій. Но въ замѣнъ этого, англійскіе крестьяне получили только личную свободу; почти вся поземельная собственность осталась въ рукахъ дворянства. Крестьяне большею частью превратились въ фермеровъ, работниковъ и пролетаріевъ. Отсюда различный характеръ историческаго развитія обѣихъ странъ. Французскіе крестьяне собственники съ недоброжелательствомъ смотрѣли на дворянъ, и видѣли естественнаго защитника въ королѣ. Англійскіе земледѣльцы, напротивъ, состояли въ полной фактической зависимости отъ аристократіи, которая всегда употребляла ихъ какъ покорное орудіе своей политики; доселѣ фермеры составляютъ главную основу ея могущества. Поэтому во Франціи развилась коро-

левская власть, которая опиралась на демократическую массу народа; въ Англіи, напротивъ, утвердились учрежденія, въ которыхъ преобладаетъ аристократическое начало.

Тѣмъ не менѣе въ обѣихъ странахъ водвореніе государственнаго порядка привело къ освобожденію низшаго народонаселенія. Совершенно противное случилось у насъ. Въ Россіи возникающее государство не освободило подданныхъ отъ частной зависимости, а напротивъ, укрѣпило народонаселеніе прежде свободное—явленіе многозначительное, которое даетъ намъ способъ уяснить себѣ въ нѣкоторой степени историческое различіе той и другой полосы Европы. И здѣсь и тамъ существо государства въ эту первую эпоху его образованія одинаково. Оно возникаетъ изъ средневѣковаго быта, основаннаго на частномъ правѣ; организація его идетъ медленно, правительственныя средства скудны. Потому оно не можетъ еще взять на себя даже вѣдомство тѣхъ общественныхъ интересовъ, которые принадлежатъ ему по самой его природѣ, какъ-то суда и полиціи; оно принуждено возложить ихъ въ видѣ повинностей на существующіе частные союзы, предоставляя себѣ только верховную принудительную власть. Но здѣсь-то и обозначается различіе общественныхъ условій, которыя существуютъ въ той или другой странѣ. При возложеніи государственныхъ обязанностей на частные союзы возникаетъ вопросъ: до какой мѣры послѣдніе способны принять на себя ихъ исполненіе? имѣютъ ли они для этого достаточно прочности и силы? На западѣ они были до такой степени крѣпки и самостоятельны, что существованіе ихъ угрожало опасностью самому государству. Глава мелкаго союза, феодальный владѣлецъ, вооруженною рукою отстаивалъ свои права. Чтобы одолѣть его сопротивленіе, нужно было ослабить связь, соединяющую его съ подчиненными, замѣнить для послѣднихъ подданство частное подданствомъ общественнымъ.

Къ этой потребности государства присоединилось движеніе самого народонаселенія, которое, получивши осѣдлость, укрѣпившись на мѣстѣ, стремилось избавиться отъ тяготящей надъ нимъ зависимости. Такимъ образомъ, вслѣдствіе крѣпости быта, необходимо было ослабить силу частныхъ союзовъ, чтобы воздвигнуть надъ ними союзъ общій. Въ Россіи, напротивъ, существующіе частные союзы были до такой степени шатки и слабы, что исполненіе постоянныхъ государственныхъ обязанностей становилось невозможнымъ. Помѣщикъ, особенно получившій жалованную грамоту, былъ также нѣчто въ родѣ маленькаго князька въ своихъ владѣніяхъ. Но подданные его состояли къ нему въ весьма шаткихъ отношеніяхъ; они всегда готовы были разойтись, и самъ онъ, переѣзжая съ мѣста на мѣсто, не имѣлъ осѣдлости въ своемъ помѣстьѣ. Тѣ же явленія повторялись и въ свободныхъ общинахъ, которыя жили на княжеской землѣ. Чтобы сдѣлать частные союзы удобными орудіями своихъ цѣлей, государство должно было не только не ослаблять и безъ того уже слишкомъ непрочную связь, соединявшую жителей воедино, а напротивъ, скрѣпить ее, привязавши народонаселеніе къ мѣсту. Такъ укрѣплены были городовые жители, государственные крестьяне, наконецъ крестьяне владѣльческіе, которые отданы были въ руки дворянъ.

При этомъ не было рѣчи о правахъ низшаго народонаселенія. Законодательство, ограничиваясь мѣрами укрѣпленія, не опредѣлило отношеній обоихъ сословій, и въ этомъ опять нельзя не замѣтить особенности тѣхъ условій, среди которыхъ возникало государство. Съ одной стороны, правительство не имѣло побудительной причины къ ограниченію помѣщичьихъ правъ. На западѣ короли боролись съ излишне развитыми правами феодальныхъ владѣльцевъ: чтобы ослабить могучихъ вассаловъ, нужно было противопоставить имъ права людей

подвластныхъ, возвести послѣднихъ въ свободѣ. Такимъ образомъ сознание права въ одномъ классѣ народа возбуждало сознание его и въ другомъ. У насъ же, напротивъ, государство съ несравненно меньшимъ трудомъ справилось съ боярами-отѣзжчиками; они рано превратились въ холоповъ, и потому правительство, держа ихъ постоянно въ своихъ рукахъ, не нуждалось въ ограниченіи господскихъ правъ. Съ другой стороны, русская община очевидно показала себя неспособною выработать себѣ юридическія гарантіи. Законодательство, какъ мы сказали, въ первую пору не пошло далѣе общихъ мѣръ укрѣпленія; подробное опредѣленіе отношеній помѣщика къ крестьянамъ предоставлялось слѣдовательно дѣятельности самихъ сословій. При такихъ обстоятельствахъ, будь въ нашей общинѣ малѣйшее сознание права, малѣйшій общественный духъ, у насъ могло бы образоваться нѣчто въ родѣ инвентарей или поземельныхъ описей во Франціи. Однако ничего подобнаго не послѣдовало, и здѣсь мы не можемъ не видѣть недостатка дружной дѣятельности въ общинѣ. Крѣпость мѣстнаго права зависитъ отъ силы союзнаго духа, ибо только въ соединеніи съ другими людьми можно и установить юридическій обычай и отстоять его отъ насильственнаго нарушенія. Высокое развитіе понятія о правѣ въ обществѣ указываетъ на силу существующаго въ немъ общественнаго духа, и наоборотъ, отсутствіе этого сознанія обличаетъ недостатокъ соединенія между людьми. Здѣсь-то мы и замѣчаемъ различіе западныхъ учрежденій и нашихъ. Тамъ отношенія крестьянъ къ землевладѣльцамъ становились болѣе и болѣе опредѣленными; у насъ, напротивъ, помѣщикъ незамѣтнымъ образомъ сдѣлался почти неограниченнымъ властителемъ своихъ крестьянъ. Законодательство же и здѣсь и тамъ слѣдовало указаніямъ жизни: на Западѣ оно осватило юридическія гарантіи, у насъ оно узаконило разившееся изъ жизни полновластіе.

Очевидно, однако, что такая зависимость одного сословія отъ другаго составляет несообразность въ государственномъ бытѣ. Частное подданство противорѣчитъ идеѣ государства, которая требуетъ подчиненія всѣхъ гражданъ единой власти общественной. Частное подданство допускается или даже устанавливается, пока государство еще не зрѣло, пока оно не имѣетъ еще ни достаточно силы, ни достаточно средствъ для полнаго осуществленія своей идеи. Въ такихъ случаяхъ оно сваливаетъ свои обязанности на другихъ и отчуждаетъ въ частныя руки неотъемлемыя свои права. Но чѣмъ болѣе развивается и крѣпнетъ его организмъ, чѣмъ болѣе оно получаетъ средствъ для удовлетворенія общественныхъ потребностей, тѣмъ болѣе частная зависимость должна уступать мѣсто зависимости общественной. Принудительныя отношенія исчезаютъ, и всѣ граждане равно становятся подданными единой верховной власти, которая чрезъ это получаетъ и новую силу, и невѣдомое прежде значеніе.

Россія отчасти вступила уже въ эту пору высшаго государственнаго развитія. Съ избавленіемъ дворянства отъ принудительной службы, съ освобожденіемъ торговаго сословія, которое прежде было укрѣплено наравнѣ съ другими, началась для насъ новая эпоха общественной жизни. Теперь намъ предстоитъ совершить труднѣйшее дѣло — отдать долгъ справедливости остающимся еще въ крѣпостной зависимости сословіямъ, которыя одни остались обдѣленными въ раздачѣ государственныхъ льготъ. Будемъ надѣяться, что и для нихъ часть освобожденія не замедлитъ.

Но возвратимся къ французскимъ крестьянамъ.

Освободившіяся общины получили, какъ мы сказали, различныя права. Нѣкоторыя имѣли вполнѣ самостоятельное управленіе, съ выборнымъ меромъ и цѣловальниками; въ другихъ наследственный меръ сдѣлался почти независимымъ отъ

землевладѣльца; третьи, наконецъ, остались подъ непосредственнымъ управленіемъ господина. Земли, которыя прежде находились во владѣніи всего міра, теперь во многихъ мѣстахъ обратились въ полную собственность послѣдняго. Иногда господинъ сохранялъ на нихъ нѣкоторыя права, иногда же, выдѣливъ себѣ участокъ, онъ предоставлялъ остальное въ полное распоряженіе общины. Право пользоваія членовъ опредѣлялось приговорами сходки или мѣстнымъ обычаемъ; оно распредѣлялось то поголовно, то по величинѣ участковъ, находящихся въ личной собственности крестьянъ. Обыкновенно эти земли оставались въ нераздѣльномъ владѣніи общины; по обширнымъ пустырямъ паслись общественныя стада, къ которымъ міръ выбиралъ пастуховъ. Община назначала также сторожей къ лѣсамъ и другимъ угодьямъ; наконецъ, она выбирала изъ среды себя управляющихъ имуществами приходской церкви, *les marguilliers*, которые завѣдывали этимъ дѣломъ вмѣстѣ съ священникомъ.

Всѣ жители состояли во взаимномъ поручительствѣ для исполненія общественныхъ обязанностей. Подати раскладывались и собирались выборными окладчиками и сборщиками, которые облагали cadaго по мѣрѣ имущества, при чемъ богатый оплачивалъ бѣднаго. Такого же рода взаимность существовала и въ военныхъ повинностяхъ. Съ XII-го столѣтія община имѣла свою милицію, которая собиралась вокругъ приходскаго знамени и шла въ походъ по призыву короля. Но уже въ XV-мъ вѣкѣ общинныя ополченія совершенно исчезаютъ. Въ замѣнъ этого Карль VII-й возложилъ на каждую общину обязанность выставить и содержать свободнаго стрѣлка (*franc-archer*). Это была первая попытка учредить постоянное войско; но по прежнему обычаю оно распредѣлялось еще по приходамъ. Способъ содержанія стрѣлковъ былъ тотъ же, какъ и при уплатѣ податей: всѣ члены состояли во взаимномъ по-

ручительствѣ, и вся община отвѣтствовала за своего стрѣлка. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ военныхъ силъ исчезла и эта повинность; но въ послѣдствіи приходы снова обязаны были содержать милицію. Далѣе, королевскія постановленія возложили на общины преслѣдованіе и поимку преступниковъ, также съ отвѣтственностью всѣхъ жителей. Наконецъ, общины же должны были содержать пути сообщенія и нести разныя другія повинности, которыя излишне было бы вычислять. Вообще каждый приходъ представлялся какъ недѣлимая единица, которой всѣ члены находились другъ съ другомъ въ самой тѣсной взаимной связи. Простой народъ назывался даже не иначе, какъ общиной, міромъ, *le commun, gens du commun*.

Это недѣлимое нравственное лицо находилось въ ближайшей зависимости отъ землевладѣльца. Хотя крѣпостная связь исчезла, но прежній господинъ остался верховнымъ судьей и управителемъ общины. Эти отношенія, составляющія характеристическую черту той эпохи, представляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ примѣръ, который долженъ обратить на себя вниманіе всякаго мыслящаго человѣка. Государство, какъ мы сказали, не было еще достаточно развито, чтобы взять въ свои руки различныя отрасли общественнаго управленія; оно возлагало ихъ въ видѣ повинностей на общины и на земледѣльцевъ. Такой порядокъ не былъ нововведеніемъ; и прежде уже господа съ помощью крестьянъ исправляли всѣ дѣла въ своихъ вотчинахъ. Нужно было только ограничить злоупотребленія силы, ввести существующую власть въ законные предѣлы, возложить на нее дѣйствительную отвѣтственность, однимъ словомъ, обезпечить права и государства и подчиненныхъ. Такъ именно и старалось поступать французское правительство. Свободные поселяне остались подъ верховнымъ руководствомъ своего бывшаго господина; онъ судилъ ихъ, онъ преслѣдовалъ преступниковъ, онъ обязанъ былъ исправлять дороги повинностью

крестьянъ, онъ утверждалъ общинные приговоры. Такое положеніе дѣлъ могло казаться весьма удовлетворительнымъ. Правительство избавлялось черезъ это отъ излишнихъ заботъ, которыя возлагались на людей съ высокимъ положеніемъ, на первое сословіе въ государствѣ. Образованнѣйшіе классы, имѣя непосредственное вліяніе на подчиненныхъ, являлись наставниками и руководителями народа. По уничтоженіи крѣпостнаго права, между сословіями могла образоваться нравственная связь, основанная на взаимной любви, переходящая изъ поколѣнія въ поколѣніе. Такимъ образомъ, здѣсь можно было ожидать осуществленія тѣхъ патріархальныхъ отношеній, которыя представляются иногда какъ высшій идеаль общественнаго порядка.

А между тѣмъ результатомъ этихъ патріархальныхъ отношеній были бѣдственное положеніе народа, ненависть крестьянъ къ землевладѣльцамъ и непрерывныя столкновенія, которыя разрѣшились наконецъ революціею. Дѣло въ томъ, что этотъ порядокъ страдалъ однимъ существеннымъ, неисправимымъ недостаткомъ, общимъ всѣмъ учрежденіямъ подобнаго рода: управленіе общиною ввѣрено было тому же самому лицу, которое извлекало изъ подчиненныхъ свои частныя выгоды. Такое сліяніе общественнаго дѣла съ частнымъ, если оно не устанавливается единственно, какъ переходная форма общегитія, никогда не обходится безъ печальныхъ послѣдствій: самыя наглыя грабительства чиновниковъ не могутъ имѣть такого вліянія на общественный бытъ, какъ подобное господское управленіе. Ибо во всякомъ случаѣ выгоды, которыя чиновникъ извлекаетъ изъ своей должности, суть не болѣе какъ злоупотребленіе власти: это—частное нарушеніе признанной въ обществѣ нормы, и законъ остается въ своей чистотѣ, какъ высшій идеаль правды. Когда же самъ законъ соединяетъ общественную должность съ частнымъ барышемъ, то-

гда перепутываются все нравственные понятія народа, и всеобщее лихоимство становится необходимымъ послѣдствіемъ такого порядка. Кроме того, самая шаткость положенія чиновника допускаетъ возможность жалобы, исправленія; назначаемый временно отъ правительства, онъ всегда можетъ быть смѣненъ. Землевладѣлецъ же есть правитель наследственный, слѣдовательно—безсмѣнный, не зависящій ни отъ правительства, ни отъ народа, и который поэтому можетъ безнаказанно притѣснять подвластныхъ ему людей.

Очевидный тому примѣръ представляютъ господскіе суды, существовавшіе во Франціи въ ту эпоху, о которой мы говоримъ. Подобныя учрежденія естественно возбуждаютъ вопросъ: какъ должно смотрѣть на судью, какъ на чиновника, или какъ на владѣльца суда? Если онъ чиновникъ, онъ обязанъ находится постоянно при мѣстѣ и лично отправлять правосудіе; если же онъ владѣлецъ, онъ можетъ отлучаться произвольно и передавать судъ въ руки своего повѣреннаго. Но первое предположеніе очевидно не можетъ быть допущено, ибо дворянину остается сидѣть въ своемъ помѣстьѣ и судить подчиненныхъ; государственная служба становится для него невозможною. Въ послѣднемъ же случаѣ исчезаютъ все воображаемыя выгоды подобнаго учрежденія: здѣсь судить уже не членъ высшаго сословія, облеченный довѣріемъ правительства, не господинъ, между которымъ и подданными предполагается тѣсная связь взаимной любви, а лицо постороннее, наемникъ, который ищетъ только личнаго своего барыша. Такъ и случилось во Франціи. Дворяне находились въ постоянной отлучкѣ, на службѣ и при дворѣ; за нихъ судили управляющіе, которые не рѣдко завѣдывали и хозяйственными дѣлами господина. Эти повѣренные обыкновенно принимали на себя судебныя обязанности изъ барышей, ибо судья получалъ разные доходы, которыми можно было обогащаться, такъ что эта должность была

для нихъ нѣчто въ родѣ коммерческаго предпріятія. Правительство, правда, старалось ограничить произволь: оно предписывало господамъ давать жалованье судьямъ; оно требовало отъ кандидатовъ извѣстныхъ условій, напримѣръ юридическое образованіе. Но все это не помогало, ибо зло лежало въ самомъ корнѣ учрежденія. Крестьянинъ никогда не могъ получить порядочной управы, особенно, когда онъ велъ тяжбу съ самимъ господиномъ. А это случалось не рѣдко, ибо существующія повинности служили поводомъ къ безпрестаннымъ столкновеніямъ. Процессы тянулись безконечно и служили источникомъ для грабительствъ всякаго рода. Къ этому присоединялись дробность владѣній и множество инстанцій, сохранившихся отъ прежней феодальной іерархіи. Если несчастный крестьянинъ, вмѣсто того, чтобы терпѣливо сносить притѣсненія, рѣшался тягаться за свои права, имущество его уходило въ руки мнимыхъ защитниковъ, и вмѣсто частной потери, онъ подвергался всеобщему разоренію. То были не сельскіе суды, говоритъ Луазо, а сельскія кормленія (*mangeries de village*). Поэтому правительство принуждено было мало по малу ограничивать судебную власть господъ и наконецъ совершенно отобрало ее въ свое вѣдомство. Въ этомъ оно поступило согласно съ требованіями государственнаго права: судъ есть первый и важнѣйшій общественный интересъ, который не долженъ быть отчуждаемъ въ частныя руки.

Такимъ же образомъ отобраны были и полицейскія обязанности землевладѣльцевъ. Послѣдніе мало по малу лишились всякой политической власти въ общинѣ. Изъ всехъ старинныхъ преимуществъ, за ними остались только хозяйственныя подати и повинности; но и тѣ были до такой степени стѣснительны для крестьянъ, что выкупъ ихъ составлялъ важнѣйшую потребность государства.

Господскія права были необыкновенно разнообразны. Все,

что было порождено средневековым бытомъ, все, что сильный могъ вынудить у слабого при заключеніи взаимныхъ условій, всѣ тѣ обязанности, которыя въ замкнутомъ владѣніи служили для удовлетворенія различныхъ потребностей владѣльца — все это, при освобожденіи, осталось на крестьянахъ въ видѣ опредѣленныхъ податей и повинностей. Первые были денежные и натуральные; онѣ устанавливались мѣстными обычаями, договорами, постановленіями законодательства, почему въ различныхъ мѣстахъ были различны. Исчислимъ главные виды.

Прежде всего крестьянинъ платилъ господину цензъ, обыкновенно денежный, въ знакъ подчиненія. Когда же земельный участокъ переходилъ въ другія руки, господинъ получалъ двойную сумму ценза, что называлось *droit de relief*. При продажѣ имущества взималась подать, которая носила названіе *lods et ventes*, и состояла обыкновенно изъ $\frac{1}{12}$ части продажной суммы, рѣже изъ $\frac{1}{6}$ и $\frac{1}{8}$. Прежніе неопредѣленные налоги, *taille a volonté*, превратились теперь въ опредѣленные, *taille abonnée*. Иногда, впрочемъ, оставался и произвольный налогъ, но въ такомъ случаѣ онъ накладывался по совѣту и съ согласія лучшихъ людей общины. Обыкновенно этотъ способъ окладки имѣлъ мѣсто при такъ называемой *taille aux quatre cas*, которая взыскивалась въ четырехъ случаяхъ, установленныхъ средневековымъ обычаемъ, именно: когда господинъ дѣлался рыцаремъ, когда онъ предпринималъ крестовый походъ, въ случаѣ плѣна и при отдачѣ замужъ старшей дочери. Бывали впрочемъ и другія обстоятельства, которыя опредѣлялись различно въ различныхъ мѣстностяхъ. Все это было завѣщано ленною системою и сохранилось, въ видѣ финансовой привилегіи, даже когда старый порядокъ окончательно исчезъ. Далѣе, крестьянинъ давалъ десятину съ своихъ доходовъ въ пользу церкви, а равно и свѣтскимъ господамъ,

которымъ этотъ налогъ былъ переданъ церковными установленіями въ видѣ наследственнаго лена. Многіе также платили землевладѣльцу натурою выдѣлъ (*champart*) изъ всѣхъ сельскихъ произведеній—хлѣба, винограда, меду и проч. Обыкновеннымъ количествомъ выдѣльнаго хлѣба былъ 12-й снопъ. Наконецъ, существовали разные поборы скотомъ, курами, пѣтухами, домашними произведеніями, ежегодные, или при особенныхъ случаяхъ.

Къ податямъ и поборамъ присоединялись повинности (*corvées*), которыя раздѣлялись на пѣшія, конныя и повозы. Предметы ихъ были весьма разнообразны: обработка полей, рубка лѣсовъ, возка сѣна, починка зданій, стража у замка. Все это опредѣлялось договорами; но кромѣ того оставались и произвольныя повинности, которыя назначались по совѣту лучшихъ людей общины. Обычай ограничилъ послѣднія двѣнадцатью днями въ годъ. Вообще личные повинности были всегда для французскихъ крестьянъ одною изъ самыхъ ненавистныхъ обязанностей. Когда въ XVII и XVIII столѣтіяхъ правительство стало прибѣгать къ нимъ для исправленія путей сообщенія, эта мѣра произвела всеобщій ропотъ, и общественное мнѣніе громко требовало ея отмененія. Потому самое законодательство старалось по возможности стѣснять и ограничивать крестьянскія повинности въ частныхъ имѣніяхъ, такъ что къ концу XVIII-го вѣка онѣ составляли уже исключеніе.

Господинъ взималъ и различныя пошлины: судебныя, свадебныя, торговыя разнообразнаго содержанія, дорожныя — за мосты и перевозки, наконецъ, со множества различныхъ дѣйствій, между прочимъ, съ точенія ножей.

Весь этотъ фискальный порядокъ увѣнчивался разными привилегіями, чрезвычайно стѣснительными для крестьянъ. Таковы были происшедшія изъ средневековаго быта запре-

щенія (banalités) : крестьяне известнаго округа не могли молоть муку, печь хлѣбъ и жать виноградъ иначе, какъ на мельницѣ, въ печи и въ жомѣ, принадлежащихъ господину. Хотя обычай и договоры устанавливали опредѣленную плату за трудъ и разными условіями старались ограничить произволь, однако, даже при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, крестьянинъ не могъ не страдать отъ подобной монополіи. Къ той же категоріи относится и запрещеніе продавать вино въ продолженіе мѣсяца послѣ уборки винограда : въ этотъ срокъ исключительнымъ правомъ продажи пользовался господинъ. Наконецъ, одною изъ самыхъ ненавистныхъ привилегій было право охоты. Крестьянинъ не смѣлъ охотиться даже на своей землѣ, а господинъ имѣлъ право наѣзжать на поля подчиненныхъ. Чтобы дать просторъ прихотливой забавѣ, земледѣлецъ долженъ былъ оставлять свою пашню неогороженною, и цѣлыя жатвы, взлелѣяныя трудомъ, погибали иногда отъ нашествія охотниковъ. Мало того : даже на чужой землѣ господинъ могъ устанавливать для своей охоты заповѣдныя лѣса; это называлось *droit de garenne*. И здѣсь, впрочемъ, законодательство постоянно вмѣшивалось благодѣтельнымъ образомъ, такъ что къ концу XVIII-го вѣка право охоты было уже значительно стѣснено.

Нѣкоторыя изъ повинностей вовсе не имѣли хозяйственнаго характера, а устанавливались просто для потѣхи или въ знакъ подчиненія : средневѣковый рыцарь или госпожа, сидя въ своемъ замкѣ, для развлеченія заставляли иногда крестьянъ пѣть, плясать передъ собою, играть въ разныя игры, однимъ словомъ, потѣшать скучающаго владѣльца. Подобныя обязательства и другія, столь же бессмысленныя, включены были въ договоры объ освобожденіи. Отсюда произошли самыя странныя повинности. Такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, новобрачные должны были прыгать черезъ широкій ручей, и платили

штрафъ въ случаѣ паденія; иногда подчиненный обязанъ былъ сдѣлать гримасу или непристойность. Существовала повинность, въ силу которой крестьяне однажды въ годъ приходили цѣловать замокъ у дверей своего господина; другая, по которой они обязаны во время его сна бить въ пруду по водѣ, чтобы заставить молчать лягушекъ. Въ одномъ мѣстѣ владѣльцу привозился чирикъ, въ колесницѣ, запряженной четырьмя волами; въ другомъ требовалось, чтобы крестьяне однажды въ годъ привозили известной формы пирожокъ на буланой лошади, куцей и безъ ушей, въ сопровожденіи такой же собаки. Разумѣется, подвластные неохотно исполняли все эти безумныя требованія; но избавиться отъ нихъ нельзя было иначе, какъ за деньги. Такимъ образомъ обычаи, установленные, повидимому, изъ чистой прихоти, становились источникомъ дохода, и все это окончательно падало на карманъ земледѣльца.

Понятно, что крестьяне не могли питать большаго сочувствія къ людямъ, которые стѣсняли ихъ такимъ образомъ. На каждомъ шагу свободная ихъ дѣятельность встрѣчала себѣ преграду, законную или незаконную. Самые опытные юристы не въ состояніи были разобрать этотъ хаосъ, который, при осложненіи отношеній, при переходѣ земель изъ однихъ рукъ въ другія, запутывался все болѣе и болѣе. Нѣкоторыя повинности были недѣлимы, такъ что при дробленіи участковъ все владѣльцы должны были уплачивать ихъ сообща. Другія, напротивъ, дѣлились до безконечности, такъ что крестьянину приходилось иногда платить сто девяносто шестую часть рабочаго дня или курицы. Къ этому присоединялись притѣсненія всякаго рода, ибо господинъ, какъ сильнѣйшій, всегда могъ требовать и вымогать лишнее. Крестьянамъ оставалось прибѣгать къ защитѣ центральной власти, что они и дѣлали постоянно. Такъ, въ 1667 г., овернское

третье сословіе просило короля «положить предѣлъ притѣсненіямъ, которыя слабые терпятъ отъ сильныхъ. Последніе, говорятъ просители, подъ предлогомъ уплаты должныхъ оброковъ, требуютъ отъ обязанныхъ людей все, что имъ вздумается, отказываясь притомъ получать подати натурою и оцѣняя ихъ деньгами гораздо выше торговой цѣны. . . . и утверждая, что эти господскіе оброки даютъ имъ право на разныя повинности и работы, которыя они безъ всякаго юридическаго титула взыскиваютъ деньгами и натурою, притомъ съ такою жестокостью, что бѣольшая часть быковъ и другаго скота гибнетъ въ этой работѣ, почему земли остаются впустѣ, а владѣльцы ихъ не въ состояніи платить государственныхъ податей». И это прошеніе было подано вскорѣ послѣ торжественнаго суда, который производился въ той же Оверни надъ злоупотребленіями господской власти.

Такое отношеніе сословіи естественно вело къ постоянному вмѣшательству центральнаго правительства во все мелочи мѣстной жизни. Тамъ, гдѣ въ обществѣ нѣтъ равновѣсія элементовъ, гдѣ одна сторона перетягиваетъ другую въ явный ущербъ послѣдней, тамъ высшая власть необходимо должна явиться посредникомъ между обѣими, чтобы, въ силу общаго начала, воздержать излишнія притязанія первой и поддержать права слабѣйшаго. Но равновѣсіе жизненныхъ элементовъ возможно только при совершенно свободныхъ отношеніяхъ между людьми; принудительная связь ведетъ либо къ владычеству одного сословія надъ другимъ, либо къ сильнѣйшему развитію централизаціи. Англійская аристократія, съ свойственнымъ ей практическимъ смысломъ, хорошо поняла это и взяла свои мѣры: чтобы сохранить владычествующее положеніе въ обществѣ, она дала крестьянамъ полную личную свободу, устранивъ такимъ образомъ всякій поводъ къ столкновеніямъ, жалобамъ и неудовольствіямъ. Въ другихъ стра-

нахъ, напротивъ, гдѣ свободныя отношенія не могли установиться, произошло одно изъ двухъ сказанныхъ послѣдствій. Такъ на примѣръ у насъ, при слабомъ развитіи центральной административной власти до послѣдняго времени, низшее сословіе лишилось всякихъ гарантій; во Франціи же свобода крестьянъ шла руку объ руку съ усиленіемъ централизаціи. Здѣсь правительственный агентъ былъ главнымъ заступникомъ земледѣльца; интендантъ полагалъ свой запретъ на притязанія господина. Такимъ образомъ, чиновникъ естественно сталъ высшимъ посредникомъ между сословіями. Въ Англии, безземельные, но лично свободные крестьяне тѣснились около господствующей поземельной аристократіи и придавали ей вѣсъ и значеніе; во Франціи, многочисленное сословіе мелкихъ собственниковъ, утѣсняемыхъ дворянами, видѣло единственнаго защитника въ королѣ.

Нельзя не сказать, что французское дворянство вполне заслужило постигшую его участь: оно само было виною и своего пораженія чиновною властью и послѣдующей гибели въ революціонныхъ смутахъ. Поставленное во главѣ мѣстнаго управленія, оно не умѣло или не хотѣло устроить его въ виду благосостоянія подчиненныхъ, и употребляло свою власть единственно для преслѣдованія своекорыстныхъ цѣлей. «Еслибы я, хотя на минуту, былъ законодателемъ Франціи», писалъ передъ самою революціею Англичанинъ Артуръ Юнгъ, «какъ бы я заставилъ плясать этихъ вельможъ!» Но, за недостаткомъ общественнаго духа въ высшемъ сословіи, нельзя не обвинить законодательства въ жалкомъ положеніи крестьянъ. Последніе полагали всю надежду на короля, но верховная власть принимала только частныя мѣры: окончательно она не умѣла развязать гордіевъ узелъ, завѣщанный стариною. Вообще, опредѣленные обязательства крестьянъ, принудительныя отношенія, строго ограниченныя закономъ, служатъ естест-

веннымъ выходомъ изъ полнаго укрѣпленія; это — посредствующая ступень, черезъ которую, при обыкновенномъ ходѣ дѣлъ, необходимо перейти для достиженія полной свободы. Но не надобно забывать, что это только ступень, что цѣль все-таки достиженіе свободы. Поэтому, рядомъ съ опредѣленіемъ повинностей, должна быть установлена и возможность ихъ выкупа. Но послѣдняго французское правительство не хотѣло или не сумѣло сдѣлать. Оно довольствовалось бѣльшимъ и бѣльшимъ ограниченіемъ господскихъ правъ, бѣльшимъ и бѣльшимъ вмѣшательствомъ въ отношенія сословій. Окончательнаго же выхода изъ стѣсненнаго положенія оно не дало низшимъ классамъ, ибо боялось тронуть привилегіи высшаго. Революція показала, до какой степени этотъ расчетъ былъ невѣренъ: дворянство, которому правительство старалось угодить, не защитило короля въ минуту опасности, а земледѣльцы съ радостью примкнули къ перевороту, который разомъ покончилъ съ феодализмомъ. Такимъ образомъ, престолъ остался одинокъ, ибо онъ покинулъ надежную опору народной массы и хотѣлъ основать свою силу на шаткой почвѣ исключительныхъ привилегій.

Преимущества французскаго дворянства дѣйствовали пагубно на благосостояніе низшаго класса, не только прямо, но и косвенно. Общественная справедливость требуетъ, чтобы каждый гражданинъ, по мѣрѣ своихъ силъ, участвовалъ въ государственныхъ тяжестяхъ. Но во Франціи высшія сословія — дворянство и духовенство, не смотря на то, что въ ихъ рукахъ сосредоточивалась значительнѣйшая часть народнаго богатства, были почти совершенно избавлены отъ платежа податей. Все бремя послѣднихъ падало на низшіе, бѣднѣйшіе классы. Между тѣмъ казна требовала больше и больше денегъ, ибо государство строилось и росло, а съ тѣмъ вмѣстѣ увеличивались его нужды. Такимъ образомъ фискальныя вы-

могательства становились все тяжеле для народа. Къ этому присоединялись и безразсудныя прихоти нѣкоторыхъ королей, которые добытыя истязаніями сокровища расточали на потребности роскоши и разврата. Много денегъ уходило и въ постороннія руки. При существующихъ неравенствахъ и привилегіяхъ, при безчисленныхъ корпораціяхъ, которыя запутывали управленіе, невозможно было установить нѣсколько рациональную финансовую систему и устроить правильную администрацію. Притомъ же служебная честность не могла стоять на высокой степени тамъ, гдѣ частное право на всѣхъ ступеняхъ жизни переплеталось еще съ государственнымъ, а общественное мнѣніе не было довольно развито, чтобы служить контролирующею силою. При такихъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ, чтобы получить вѣрный доходъ, казна не рѣдко прибѣгала къ откупной системѣ податей. Но откупщики, имѣя въ виду только личное обогащеніе, вымогали у народа гораздо болѣе, нежели слѣдовало, и значительную часть налоговъ обращали въ собственную пользу. Правда, законодательство старалось дать бѣднымъ людямъ нѣкоторыя обезпеченія противъ злоупотребленій. Оно запрещало брать въ уплату податей имущество, необходимое въ крестьянскомъ быту, какъ-то: скотъ и земледѣльческія орудія. Но эти благодѣтельные предписанія слишкомъ часто нарушались, и земледѣлецъ разорялся до конца отъ казенныхъ поборовъ и отъ грабительства чиновниковъ.

Бремя податей еще болѣе увеличивалось для низшаго класса вслѣдствіе того, что богатѣйшіе крестьяне имѣли всегда возможность избавиться отъ него. Если имъ не удавалось купить себѣ привилегію, они всегда могли переселиться въ города. Последнее обстоятельство заслуживаетъ особеннаго вниманія, ибо отъ него не рѣдко зависитъ распредѣленіе общественныхъ силъ въ государствѣ. Тамъ, гдѣ существуетъ крѣпостное состояніе, личный выкупъ можетъ иногда быть

благодѣтельною мѣрою; но если, съ одной стороны, крестьянину представляется возможность получить полную личную свободу, а община, съ другой стороны, лишена средствъ улучшить свой бытъ, то нѣтъ сомнѣнiя, что самая трудолюбивая часть народонаселенiя выдетъ изъ общины, и положенiе остальныхъ сдѣлается хуже. Подобный примѣръ представляетъ намъ старая Францiя. Сельскiе жители получили свободный доступъ въ города, общины же оставались подъ гнетомъ и господскихъ правъ и разорительныхъ податей. Немудрено, что крестьянинъ старался обогатиться единственно для того, чтобы скорѣе переселиться въ городъ. Но чрезъ это увеличивалось бремя остальныхъ жителей села: при существовавшей въ то время системѣ податей, богатый платилъ за бѣднаго, а потому, когда самые зажиточные люди уходили изъ общины, средняя цифра достатка понижалась, и на долю каждаго приходилась бѣльшая сумма налоговъ. Отсюда происходило далѣе и низкое состоянiе земледѣлiя, которое можетъ процвѣтать только съ помощью капиталовъ. Наконецъ, за бѣдностью необходимо шло и невѣжество, ибо только матеріальныя средства давали человѣку способъ получить нѣкоторое образованiе. Оставаясь въ селахъ, зажиточные крестьяне своимъ сосѣдствомъ дѣйствовали благотворно и на остальныхъ; удаленiемъ своимъ, они затворяли для своей братьи двери просвѣщенiя. Такимъ образомъ возможность личнаго переселенiя богатыхъ людей въ города, при недостаткѣ всякаго рода обезпеченiя для сельскихъ жителей, вела къ ненормальному развитiю городской жизни на счетъ сельской. Единственное противодѣйствiе этому стремленiю состояло въ открывшейся возможности прiобрѣтать поземельную собственность. Участокъ земли былъ для крестьянина такою приманкой, которая вознаграждала его за многiя лишенiя и привязывала его къ земледѣльческому хозяйству.

Разумѣется, фактическое положенiе крестьянъ въ продолженiе этого періода не всегда оставалось на одинаковой степенi. Времена внутреннихъ смутъ и плохаго управленiя отзывались бѣдственнымъ состоянiемъ народа, и наоборотъ, когда королевская власть, сознавая свое историческое значенiе, твердою рукою устраивала государство, благоденствiе низшихъ классовъ возрастало съ удивительною быстротою. Царствованiя Карла V-го, Людовика XII-го, Генриха IV-го особенно памятны въ исторiи сельскаго сословiя. Послѣдній обратилъ главное свое вниманiе на земледѣлiе, которое министръ его Сюлли считалъ важнѣйшимъ источникомъ народнаго богатства. Къ несчастiю, скопленные трудами сокровища быстро исчезали среди внутреннихъ смутъ и подъ гнетомъ управленiя, которое руководствовалось придворными интересами и имѣло въ виду удовлетворенiе расточительности правителей. Въ окончательномъ своемъ результатѣ, королевская власть во Францiи оказалась несостоятельною. Никогда она не достигала такого величiя, какъ при Людовикѣ XIV-мъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ никогда бѣдствiя народа не простирались до такихъ размѣровъ, какъ во вторую половину его царствованiя. То было время перелома для старой монархiи; отсюда начинается постепенное ея паденiе. Безпрерывныя войны, порожденные безмѣрнымъ властолюбiемъ, неимоверная роскошь, поглощавшая огромныя суммы, деспотическое управленiе, которое послѣ Кольбера быстро склонилось къ упадку, отмѣненiе Нантскаго эдикта, которое лишило Францiю самой богатой и промышленной части народонаселенiя, наконецъ голодъ, моръ — все это породило страшныя бѣдствiя, которыхъ описанiе превосходитъ всякое вѣроятiе. Цѣлыя массы людей обречены были на нищенство или даже просто на голодную смерть. Богатство страны истощалось съ каждымъ годомъ, народонаселенiе убавилось на нѣсколько милліоновъ.

Въ какомъ положеніи находилась Франція въ началѣ XVIII вѣка, можно видѣть изъ записки, которую Вобанъ подалъ королю въ 1704 году: «По всѣмъ свѣдѣніямъ, которыя я могъ собрать въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ», писалъ знаменитый инженеръ, «я могъ замѣтить, что въ послѣднее время десятая часть народа обращена въ нищихъ и дѣйствительно нищенствуетъ; что изъ девяти прочихъ частей, пять не въ состояніи подать милостыню первымъ, ибо сами они находятся почти въ томъ же положеніи; что изъ четырехъ остальныхъ частей, три стѣснены въ своихъ дѣлахъ и обременены долгами и тяжбами; и наконецъ, что изъ послѣдней десятой части, въ которую я кладу всѣхъ военныхъ людей, всѣхъ гражданскихъ чиновниковъ, духовныхъ и свѣтскихъ, все высшее и среднее дворянство, знатныхъ купцовъ, богатыхъ мѣщанъ, нельзя разсчитывать на сто тысячъ зажиточныхъ семействъ, и я не ошибусь, сказавши, что нѣтъ изъ нихъ десяти тысячъ, большихъ и малыхъ, которыхъ состояніе было бы вполне обезпечено, и что, исключивши должностныя лица, ихъ родственниковъ и приверженцевъ, а равно и людей, которыхъ король поддерживаетъ своими благодѣяніями, нѣсколько купцовъ и проч., мы получимъ весьма незначительный остатокъ. Честь и совѣсть», продолжаетъ Вобанъ, «побуждаютъ меня представить его величеству, что, по моему мнѣнію, во Франціи никогда не имѣли должнаго уваженія къ низшимъ классамъ, и что до сихъ поръ ихъ не довольно у насъ цѣнили. Оттого это наиболѣе разоренная и несчастная часть государства. А между тѣмъ она самая значительная, какъ по своему числу, такъ и по дѣйствительнымъ своимъ заслугамъ, ибо она несетъ на себѣ всѣ тяжести, она всегда страдала и страдаетъ больше всѣхъ; на нее же падаетъ и убыль народонаселенія въ государствѣ. Низшій классъ народа своимъ трудомъ, торговлею и податями обогащаетъ и короля, и государство;

онъ доставляетъ солдатъ, матросовъ и множество офицеровъ; изъ него исходятъ купцы и мелкіе судебные чиновники; онъ занимается промыслами и ремеслами; въ его рукахъ торговля и фабрики; къ нему принадлежатъ земледѣльцы, виноградари и сельскіе работники; онъ стережетъ и кормитъ стада, онъ сѣетъ хлѣбъ и жнетъ его, онъ воздѣлываетъ виноградъ и выдѣлываетъ изъ него вино; однимъ словомъ, онъ исправляетъ всю крупную и мелкую работу въ селахъ и городахъ».

Въ этихъ словахъ одного изъ величайшихъ гражданъ Франціи слышится уже предвозвѣстіе 89-го года. Въ продолженіе всей французской исторіи третье сословіе постоянно росло; теперь оно, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, начинаетъ предъявлять притязанія на первенствующее значеніе въ обществѣ. Но король не думалъ удовлетвореніемъ справедливыхъ требованій предотвратить опасности, которыя должны были обрушиться на его потомство. За смѣлую записку Вобанъ впалъ въ немилость, и прежній порядокъ продолжался. Царствованіе Лудовика XV-го, хотя болѣе мирное, не могло, разумѣется, исправить глубоко вкоренившееся зло. Однако въ половинѣ XVIII-го вѣка замѣчается въ обществѣ новое сильное движеніе: мысль зашевелилась, начинаютъ обсуждаться вопросы, всѣ дѣятельно принимаются за работу, благосостояніе растетъ съ каждымъ годомъ. При Людовикѣ XVI-мъ, казалось, сама государственная власть хотѣла слѣдовать за этимъ пробужденіемъ общественнаго духа. Приняты были многія мѣры, которыя обѣщали Франціи лучшую будущность. Къ несчастію и здѣсь правительство не съ умѣло воспользоваться благоприятными обстоятельствами. вмѣсто того, чтобы энергическою дѣятельностью выбиться изъ старой колеи, оно слѣдовало непрерывнымъ колебаніямъ, и общественное движеніе, которое могло имѣть мирный и благодѣтельный исходъ, кончилось кровавымъ переворотомъ. Тѣмъ не менѣе литера-

тура второй половины XVIII-го вѣка приготовила разрѣшеніе многихъ существенныхъ вопросовъ жизни. Изъ писателей того времени, которые занимались положеніемъ низшихъ классовъ, первое мѣсто безспорно принадлежитъ физиократамъ. Они не только создавали новыя политико-экономическія теоріи, но обращали особенное вниманіе на существующія явленія жизни. Подъ ихъ вліяніемъ возникло во Франціи множество обществъ сельскаго хозяйства, которыя сообщили сильный толчекъ этой отрасли промышленности; по ихъ мысли были созваны Людовикомъ XVI-мъ провинціальныя собранія депутатовъ, которыя обсуждали важнѣйшіе вопросы, касавшіеся до благосостоянія края. Самые вельможи, дотолѣ большею частію проживавшіе при дворѣ, отправились въ свои помѣстья и предалися земледѣльческимъ занятіямъ. Экономическое положеніе Франціи было обсмотрѣно со всѣхъ сторонъ, недостатки были выставлены въ яркомъ свѣтѣ, и указаны средства къ исправленію. Физиократы проповѣдывали свободу промышленности и требовали отмены мѣръ, стѣснявшихъ внутреннюю торговлю хлѣбомъ и виномъ; они указывали на недостатокъ путей сообщенія, который препятствовалъ сбыту; они требовали всеобщей кадастраціи государства и правильнаго распредѣленія податей, что и было отчасти исполнено; они выставляли всю невыгоду господскихъ правъ, которыя стѣсняли свободу крестьянской собственности и тяжкимъ бременемъ падали на низшіе классы. Такимъ образомъ, съ одной стороны правительство побуждалось къ преобразованіямъ, съ другой стороны общество возбуждалось къ дѣятельности.

Въ это время возникъ вопросъ и объ общинномъ пользованіи землею. Французскія общины, какъ мы уже сказали, получили съ вольностью значительныя владѣнія. Вслѣдствіе насилій и плохой администраціи, многія изъ этихъ земель въ

смутныя времена перешли въ частныя руки. Однако правительство настояло на возвращеніе ихъ прежнимъ хозяевамъ, и для предупрежденія дальнѣйшей расточительности, запретило отчуждать ихъ безъ своего разрѣшенія. Но теперь возникло сомнѣніе: не будетъ ли выгоднѣе раздѣлить эти земли между членами общины? Къ этому присоединился вопросъ объ отменѣннн права пастбища. Последнее сдѣлалось предметомъ всеобщихъ нареканій: утверждали, что успешное сельское хозяйство невозможно, пока хлѣбопашцу не позволено огораживать свое поле. Повинуясь общему голосу, правительство разрѣшило огораживаніе участковъ и тѣмъ оказало земледѣлію значительное благодѣяніе. Что касается до общинныхъ земель, то пренія были весьма жаркія. Мѣстныя собранія трехъ сословій обсуждали вопросъ со всѣхъ сторонъ, и вообще результатъ совѣщаній былъ неблагопріятенъ для общиннаго владѣнія. Нѣкоторыя провинціи, на примѣръ Беарнъ, совершили у себя раздѣлъ, и послѣдствія оправдали эту мѣру, ибо благосостояніе жителей было тамъ несравненно выше, нежели въ другихъ областяхъ. Правительство, съ своей стороны, пыталось идти среднею дорогою: такъ въ 1769 г. разрѣшено было общинамъ Трехъ Епископствъ раздѣлить свои земли на отдѣльныя участки, но послѣдніе были объявлены недѣлимыми и неотчуждаемыми; они должны были переходить въ видѣ маіоратства къ старшему сыну владѣльца или къ тому изъ сыновей, котораго назначалъ отецъ; въ случаѣ недостатка прямыхъ наслѣдниковъ, участокъ возвращался общинѣ, а та отдавала его одному изъ хозяевъ, не получившихъ еще земли. Однако эта попытка не имѣла послѣдствій. Революція положила конецъ спору; свобода повлекла за собою и частную собственность, въ которой французскій крестьянинъ видитъ лучшее обезпеченіе своего труда. Въ 1792 г., Законодательное Собраніе предписало раздѣлить всѣ общинныя земли меж-

ду хозяевами. Конвентъ въ слѣдующемъ году отдалъ это дѣло на волю самимъ общинамъ; но при этомъ было постановлено, что трети голосовъ достаточно для законности приговора. Наконецъ, Наполеонъ предоставилъ рѣшеніе вопроса муниципальнымъ совѣтамъ, которые до послѣдняго времени выбирались изъ зажиточныхъ людей. До сихъ поръ однако французскія общины сохранили значительныя владѣнія, и на это жалуются сельскіе хозяева. Замѣчаютъ, что тѣ общины, которыя произвели у себя раздѣлъ, находятся въ лучшемъ положеніи, нежели остальные. Лавернь утверждаетъ даже, что, пока во Франціи общинныя земли не будутъ розданы въ руки частныхъ собственниковъ, земледѣліе не можетъ достигнуть въ ней такого цвѣтущаго состоянія, какъ въ Англіи и Шотландіи, гдѣ уже совершился этотъ переворотъ.

Въ царствованіе Людовика XVI-го уничтожены были въ королевскихъ владѣніяхъ послѣдніе остатки крѣпостнаго права. По этому случаю въ 1779 г. изданъ былъ указъ, въ которомъ было сказано:

«Имѣя постоянно въ виду все, что можетъ благопріятствовать счастью нашихъ подданныхъ, и полагая главную свою славу въ томъ, чтобы править свободнымъ и благороднымъ народомъ, мы не могли безъ огорченія видѣть остатки крѣпостнаго состоянія, которые существуютъ еще въ нѣкоторыхъ нашихъ провинціяхъ; мы скорбѣли при мысли, что многіе изъ нашихъ подданныхъ, привязанные къ землѣ, считаются ея принадлежностью и, такъ сказать, смѣшиваются съ нею; что, лишенные личной свободы и выгодъ собственности, они сами считаются въ числѣ феодальныхъ владѣній; что они не имѣютъ утѣшенія распоряжаться своимъ имуществомъ послѣ смерти, и, за исключеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ, строго опредѣленныхъ, не могутъ даже передать дѣтямъ добытое собственнымъ трудомъ; что подобныя установленія препят-

ствуютъ развитію промышленности и лишаютъ общество плодовъ той энергіи въ работѣ, которая можетъ быть внушена только чувствомъ свободнѣйшей собственности.

«Имѣя въ виду все эти соображенія, мы желали бы уничтожить безъ различія все эти слѣды строгаго феодализма; но состояніе нашихъ финансовъ не позволяетъ намъ выкупить это право изъ рукъ господъ. Удерживаясь такимъ образомъ уваженіемъ, которое мы всегда будемъ питать къ праву собственности, надлежащей опорѣ порядка и справедливости, мы усмотрѣли, однако, съ удовольствіемъ, что, сохраняя неприкосновенными эти начала, мы можемъ совершить часть желаннаго добра уничтоженіемъ крѣпостныхъ правъ, не только во владѣніяхъ, находящихся въ нашихъ рукахъ, но и въ тѣхъ, которыя отданы подъ залогъ королями, нашими предшественниками. . . и чтобы побудить, во сколько отъ насъ зависитъ, господъ и общины къ послѣдованію нашему примѣру, также считая это освобожденіе не столько отчужденіемъ права, сколько возвращеніемъ къ праву естественному, мы изъяли все подобныя акты отъ тѣхъ формальностей и пошлинъ, которыми подчинила ихъ старинная феодальная строгость. Наконецъ, если высказанныя нами начала не позволяютъ намъ уничтожить безъ разбора крѣпостное состояніе, мы считаемъ однако, что есть въ употребленіи этого права крайность, которую мы не можемъ не остановить, именно право преслѣдованія, въ силу котораго господа взыскивали иногда на свободныхъ земляхъ нашего государства, и даже въ самой нашей столицѣ, имущества и пріобрѣтенія гражданъ, давно вышедшихъ изъ мѣста укрѣпленія,—право чрезвычайное, которое судилища колебались признать, и которое начала общественной справедливости не позволяютъ намъ долѣе терпѣть. Наконецъ, мы съ удовольствіемъ увидимъ, если нашъ примѣръ и любовь къ человѣчеству, столь свойственная французскому

народу, приведутъ во время нашего царствованія къ полному уничтоженію крѣпостной зависимости нашихъ подданныхъ, которые, въ какомъ бы состояніи ни родились по волѣ Провидѣнія, составляютъ постоянный предметъ нашего попеченія и имѣютъ равное право на нашу защиту и на наши благодѣянія».

Уваженіе къ свободной дѣятельности общества, высказывающееся въ этомъ указѣ, при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, безъ сомнѣнія, заслуживаетъ похвалы. Но оно совершенно неумѣстно въ такомъ порядкѣ, гдѣ немногимъ лицамъ принадлежатъ права, которыя наносятъ ущербъ другимъ. Въ такихъ случаяхъ правительство должно имѣть достаточно силы, чтобы заставить могучихъ людей смириться передъ требованіями общественной справедливости. Филантропическія воззванія Людовика XVI-го не служили ни къ чему. Иначе какъ принудительными мѣрами нельзя было склонить французское дворянство къ уступкамъ. Привязанность высшихъ сословій къ своимъ феодальнымъ преимуществамъ ясно высказалась въ 1776 году, когда сочиненіе противъ господскихъ правъ, писанное по внушенію министра Тюрго, было публично сожжено парламентомъ. Этотъ духъ корысти и нетерпимости подался только при наступленіи революціи, когда весь старый порядокъ расшатался уже до самыхъ основаній. Тогда лишь, но слишкомъ поздно, повинувшись силѣ неотразимыхъ событий, воодушевленное мгновеннымъ энтузіазмомъ, французское дворянство сложило все свои права на алтарь отечества. Это совершилось въ памятную ночь 4-го августа 1789 года.

Событія этой знаменательной эпохи имѣли рѣшительное вліяніе на судьбу всехъ сословій. Въ первый разъ вся Франція безъ различія была призвана къ пользованію политическими правами. Всякій, кто платилъ какую-нибудь подать (а платили все) и кому минуло 25 лѣтъ, могъ участвовать въ избраніи депутатовъ въ генеральные штаты.

Всѣхъ избирателей было болѣе пяти милліоновъ; изъ нихъ огромное большинство принадлежало къ третьему сословію. Последнее состояло уже не изъ отдѣльныхъ общинъ, съ разнообразными правами; оно заключало въ себѣ почти весь народъ, и крестьяне составляли самую значительную его часть. Собраніе, вышедшее изъ этихъ выборовъ, должно было рѣшить судьбу Франціи, развязать все запутанные вопросы, завѣщанные стариною. Къ несчастію, этому преобразованію суждено было совершиться не мирнымъ, а революціоннымъ путемъ, не согласнымъ дѣйствіемъ правительства и народа, а мѣрами, которыя нерѣдко вызывались взаимною враждою и, вмѣсто справедливости, узаконяли насиліе.

Вопросъ объ отмененіи феодальныхъ привилегій менѣе другихъ могъ ожидать себѣ правильнаго рѣшенія въ такую пору. Тамъ, гдѣ накопилась вѣковая вражда, гдѣ переплетаются многообразные частные интересы, тамъ законодатель долженъ поступать особенно осмотрительно, а исполнители должны соблюдать строгій порядокъ. Потому-то и слѣдуетъ разрѣшать эти вопросы заблаговременно, не дожидаясь крайнихъ обстоятельствъ; иначе неизбежны насилія. Последнее именно и случилось въ 89-мъ году. Какъ скоро дворъ сталъ во враждебное отношеніе къ Собранію и разнеслась по государству вѣсть о взятіи Бастиліи, вся Франція внезапно вооружилась для защиты своихъ выборныхъ. Прежнія власти исчезли: города, села были предоставлены самимъ себѣ. Вооруженныя массы крестьянъ, организовавшіяся сами собою, съ начальствами, возникшими изъ движенія, остались властителями страны. При такомъ внезапномъ переворотѣ нельзя было ожидать, чтобъ эти люди, недавно стоявшіе на низшихъ ступеняхъ общественной лѣстницы, воздержались отъ насильственныхъ поступковъ противъ тѣхъ, которые такъ долго держали ихъ въ подчиненіи. Дѣйствительно, скоро началось

сожженіе ненавистныхъ феодальныхъ хартій, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стали разорять и самыя замки.

При вѣсти объ этихъ безпорядкахъ, Учредительное Собраніе всколебалось, и здѣсь произошла одна изъ тѣхъ сценъ безкорыстія и воодушевленія, которыя дѣлаютъ наиболѣе чести французскому дворянству. Виконтъ Ноальскій, одинъ изъ бойцевъ за американскую свободу, первый предложилъ отреченіе отъ устарѣвшихъ привилегій. Онъ требовалъ уплаты податей всѣми жителями государства сообразно съ ихъ средствами, разложенія государственныхъ тяжестей на всѣхъ безъ изъятія, выкупа феодальныхъ правъ, уничтоженія всѣхъ личныхъ повинностей. Виконтъ Ноальскій былъ небогатый дворянинъ, принадлежавшій къ младшей отрасли знатнаго рода; гораздо болѣе впечатлѣнія произвелъ герцогъ Эгильонскій, одинъ изъ самыхъ значительныхъ землевладѣльцевъ въ государствѣ, когда онъ подтвердилъ передыдущее предложеніе и прибавилъ, что разорители замковъ, противъ которыхъ Собраніе постановило строгія мѣры, не могутъ быть осуждены безусловно, что надобно сначала удовлетворить справедливымъ ихъ требованіямъ и тогда уже думать о наказаніи. Но неотразимое дѣйствіе произвелъ на Собраніе темный бретанскій депутатъ, Керенгаль, который никогда не говорилъ ни прежде, ни послѣ, и въ своей областной одеждѣ явился на трибунѣ. «Будемъ справедливы, господа», сказалъ онъ: «пусть намъ принесутъ сюда эти грамоты, которыя оскорбляютъ и совѣсть и человѣческое чувство; пусть намъ принесутъ эти грамоты, которыя унижаютъ человѣчество, требуя, чтобы люди были запряжены въ телѣги какъ рабочій скотъ; пусть принесутъ намъ эти грамоты, которыя заставляютъ людей цѣлыя ночи бить по прудамъ, чтобы лягушки не потревожили сна изнѣженнаго господина... Кто изъ насъ въ этомъ вѣкѣ просвѣщенія не зажжетъ искупительнаго костра изъ этихъ отврати-

тельныхъ пергаментовъ и не понесетъ факела, чтобы воздвигнуть изъ нихъ жертву на алтарѣ общественнаго блага?.. Во имя мира, спѣшите дать Франціи эти обѣщанія. Всеобщій крикъ раздается; вы не можете терять ни одного мгновенія; день отсрочки будетъ причиною новыхъ пожаровъ. Паденіе царствъ возвѣщается съ меньшимъ шумомъ: или вы хотите дать законы Франціи разоренной?» Необъятымъ восторгомъ исполнилось Собраніе; всякій спѣшилъ отказаться отъ словныхъ выгодъ, принести жертву для общественной пользы, для слишкомъ поздней справедливости. Такимъ образомъ въ одну ночь всѣ остатки феодальнаго зданія, которое держалось столько вѣковъ, рухнули разомъ.

Господскія права не были однако уничтожены совершенно безвозмездно. Они раздѣлены были на два разряда. Къ первому отнесены тѣ обязанности, которыя лежали на лицахъ; Собраніе признало ихъ произведеніемъ господствовавшаго въ средніе вѣка права сильнаго, а потому отмѣнило ихъ безъ всякаго денежнаго вознагражденія господамъ. Другія обязанности, которыя лежали на землѣ, признаны были послѣдствіемъ договора, заключеннаго при освобожденіи. Будучи выраженіемъ права собственности, которое Собраніе считало неприкосновеннымъ, эти подати и повинности должны были выкупаться крестьянами по извѣстной оцѣнкѣ.

Но этимъ декретамъ не суждено было исполниться; потокъ революціи унесъ съ собою всѣ обезпеченія господскаго права. Законодательное собраніе, которое слѣдовало за Учредительнымъ, ратуя противъ эмигрантовъ, постановило, что право на выкупъ повинностей имѣютъ только тѣ землевладѣльцы, которые могутъ представить подлинную договорную грамоту о землѣ, уступленной крестьянамъ, а въ большей части случаевъ этого невозможно было исполнить. Конвентъ пошелъ еще далѣе. Однимъ революціоннымъ указомъ онъ

уничтожилъ все остатки феодализма, безъ всякаго вознагражденія бывшимъ владѣльцамъ. Эта мѣра имѣла очевидно цѣлью ослабить сословіе, враждебное новому порядку вещей, и привязать къ послѣднему массу земледѣльцевъ. Черезъ это крестьянская собственность избавилась отъ всехъ лежавшихъ на ней обязательствъ. Кроме того, она была значительно распространена. Учредительное собраніе отобрало у духовенства многочисленныя его земли; вскорѣ послѣ того были конфискованы имѣнія эмигрантовъ. Все это было пущено въ продажу и раскуплено большею частью крестьянами. Такимъ образомъ, классъ мелкихъ свободныхъ собственниковъ, который еще до революціи составлялъ значительную часть сельскаго населенія, сдѣлался во Франціи основнымъ элементомъ государства. Онъ поддержалъ революцію въ борьбѣ ея съ старыми формами, онъ же потомъ составлялъ главную опору Наполеона, ибо первая потребность сельскаго населенія всегда есть порядокъ; только чрезвычайныя историческія обстоятельства могутъ заставить его выйти изъ своего обычнаго положенія.

Съ революціи начинается новая эпоха въ жизни земледѣльческаго класса. Въ XIII-мъ и XIV-мъ столѣтіяхъ онъ пріобрѣлъ личную свободу и ограниченную собственность; въ концѣ XVIII свобода лица дополнилась свободой собственности, такъ что въ гражданскихъ правахъ крестьянинъ былъ уравненъ со всеми остальными членами государства. Теперь ему предстоялъ иной путь — пріобрѣтеніе правъ политическихъ. Переворотъ 1789-го г. предоставилъ всему населенію выборное право, какъ въ общинныя должности, такъ и въ центральное собраніе; но все это исчезло вмѣстѣ съ революціею. Нужно было новое, медленное движеніе, чтобы въ настоящемъ порядкѣ, основанномъ на равенствѣ, устроить, распространить и упрочить выборное начало. Вождями этого

движенія опять явились преимущественно города, которые, въ продолженіе всей французской исторіи, шли всегда впереди на пути народнаго развитія. Зажиточный классъ, большею частью состоявшій изъ горожанъ, былъ главнымъ дѣятелемъ на политическомъ поприщѣ съ 1815 до 1848 года. Ему принадлежали и выборныя права.

Въ этотъ періодъ устройство французскаго государства составляло такимъ образомъ тимократію, — образъ правленія, который обыкновенно является, какъ переходная форма между владычествомъ привилегированныхъ классовъ и чистою демократіею, гдѣ преобладаетъ народная масса. Въ аристократическихъ государствахъ право считается наследственнымъ преимуществомъ сословій; въ демократическихъ оно принадлежитъ всеѣмъ безъ различія; въ тимократіи же постановляется извѣстное условіе — цензъ, доступное всеѣмъ, но фактически ограничивающее пріобрѣтеніе права. Чѣмъ выше податная единица, которая даетъ гражданину право голоса, тѣмъ въ меньшихъ рукахъ сосредоточивается власть. Задача мудраго законодательства состоитъ въ томъ, чтобы постепеннымъ пониженіемъ ценза призывать большую и большую массу гражданъ къ выборному праву. Черезъ это политическая жизнь, которая сначала сосредоточивается на вершинахъ общества, безъ борьбы, безъ потрясеній, распространяется на всеѣхъ; черезъ это государственный порядокъ, получая болѣе и болѣе широкую основу, пріобрѣтаетъ необыкновенную крѣпость. Но французское мѣщанство не хотѣло подѣлиться завоеванными правами съ меньшею братьею; стоявшіе во главѣ ея доктринеры создали искусственную теорію, по которой тимократія объявлялась вѣчною формою государства. Отвѣтомъ на эти притязанія была революція 1848 года, которая сдѣлала право голоса всеобщимъ достояніемъ народа. Вслѣдствіе этого земледѣльскій классъ, количествомъ своимъ

превосходя остальные, очутился верховнымъ властителемъ судьбы отечества. Эту дарованную ему силу онъ употребилъ на поддержаніе бонапартизма, который одинъ обѣщаль ему установленіе прочнаго порядка. Какъ въ греческихъ городахъ демократія, въ борьбѣ съ олигархическими преимуществами, выставяла изъ среды себя эсимнетовъ или тиранновъ, которые своею диктаторскою властью окончательно разрушали старый порядокъ и приготавливали самоуправленіе народа, такъ и французская демократія, испровергнувъ владычество мѣщанства, выставила избраннаго народною волею монарха, съ властью, далеко превышающею прежнія. Отсюда могущество нынѣшняго правительства Франціи: опираясь на самую широкую народную основу, оно можетъ дѣйствовать рѣшительно во внѣшней политикѣ, и внутри государства подавлять все, что противится верховной волѣ. Это — демократическая диктатура, передъ которой должны исчезнуть все остатки старины, опирающейся на отжившія права и преимущества.

Можно спросить себя: способна ли такая масса народа принимать участіе въ государственномъ управленіи? имѣетъ ли она достаточно образованности, чтобы выбирать людей достойныхъ и поддержать направленіе, наиболѣе полезное обществу? имѣетъ ли она даже достаточно матеріальнаго благосостоянія, чтобы пріобрѣсти потребную для политической жизни долю просвѣщенія? Чтобы отвѣчать на эти вопросы, необходимо бросить взглядъ на современное положеніе французскихъ крестьянъ.

Что касается, во первыхъ, до матеріальнаго ихъ благосостоянія, то вообще должно сказать, что оно еще далеко не удовлетворительно. Если, съ одной стороны, вещественныя блага распределены во Франціи болѣе равномерно, нежели въ Англіи, если клочекъ земли, принадлежащій французскому крестьянину, часто предохраняетъ его отъ нищеты, то съ

другой стороны, промышленныя силы далеко не имѣютъ во Франціи надлежащаго развитія. Тогда какъ Англія, въ продолженіе болѣе полутора вѣка, пользуется внутри себя невозмутимымъ спокойствіемъ и свободою, лучшими двигателями экономического развитія, Франція подвергалась переворотамъ, которые имѣли неблагоприятное дѣйствіе на земледѣліе.

Едва государство поднялось отъ упадка, причиненнаго деспотизмомъ и войнами Людовика XIV, какъ настала страшная пора революціи, послѣ которой измученный и утомленный народъ подпалъ подъ новый деспотизмъ, истощенъ былъ новыми войнами. Съ 1815-го года началось сильное промышленное движеніе, но и здѣсь оно было задержано двумя революціями, которыя не могли не произвести въ обществѣ потрясеній и колебаній, вредныхъ для народнаго богатства. Кромѣ того, англійское хозяйство, стоящее на столь высокой степени совершенства, есть произведеніе капиталовъ и знаній высшихъ, богатыхъ классовъ общества, которые одни почти владѣютъ и пользуются землею; во Франціи же земледѣліе есть плодъ посильнаго труда бѣднаго крестьянина, который, въ продолженіе многихъ вѣковъ, долженъ былъ оплачивать и расточительность дворянства и прихоти правителей, а потому до сихъ поръ не имѣетъ достаточно капиталовъ для правильнаго хозяйства. Наконецъ, если климатомъ и почвою Франція вообще превосходитъ Англію, то съ другой стороны, французскій земледѣлецъ не всегда находитъ первое и необходимое условіе промышленнаго развитія — хорошій сбытъ произведеній. Отсюда неравное распределеніе богатства между различными частями государства: тогда какъ нѣкоторыя провинціи, напримѣръ Нормандія, пользуются значительною долею благосостоянія, тогда какъ сѣверо-восточная часть Франціи едва уступаетъ Англіи въ земледѣльческомъ разви-

тіи ¹⁾, другія области, особливо внутреннія, представляють печальныя картины бѣдности и невѣжества. Тамъ можно найти и низшую степень земледѣлія, и покрытыя соломой землянки, которыя служатъ крестьянину постояннымъ жильемъ, и пищу, которая состоитъ изъ ржаного и ячменнаго хлѣба. Не смотря однако на эти неблагоприятныя обстоятельства, положеніе низшаго класса во Франціи вообще лучше, нежели въ Англіи; Франція не имѣетъ такого пролетаріата, земледѣлецъ не превращается въ бездомнаго батрака, фермерское хозяйство не заставляетъ его переселяться въ города, гдѣ онъ съ трудомъ находитъ себѣ пропитаніе.

Что касается до остальныхъ государствъ европейскаго материка, то, относительно земледѣлія, Франція стоитъ выше всѣхъ, за исключеніемъ развѣ Бельгіи. Вообще, въ послѣднее полустолѣтіе матеріальное положеніе французскаго крестьянина значительно возвысилось. Этотъ успѣхъ проявляется въ улучшенной пищѣ, въ распространяющемся употребленіи мяса, въ замѣненіи соломенныхъ крышъ аспидными и черепицею, въ мощеніи конюшенъ и скотныхъ дворовъ, однимъ словомъ, въ тѣхъ мелочахъ домашней жизни, которыя служатъ признакомъ несомнѣннаго успѣха ²⁾. Въ настоящее время повсемѣстное проведеніе желѣзныхъ дорогъ, установленіе поземельнаго кредита, всеобщее вниманіе, устремленное на благосостояніе земледѣльцевъ, должны еще быстрее подвинуть улучшеніе ихъ быта.

Во французскомъ крестьянинѣ есть черта, которая служитъ самымъ сильнымъ двигателемъ труда, которая иногда до невѣроятной степени напрягаетъ его энергію. Это — любовь къ поземельной собственности; она составляетъ харак-

¹⁾ См. статью Лаверя въ *Journal des Economistes*, 1856, г., мартовская и майская книжки.

²⁾ См. *Les paysans français* par Anacharsis Combes et Hypolite Combes.

теристическую особенность этого класса. Тогда какъ англійскій земледѣлецъ охотно продаетъ свою землю, чтобы съ помощью маленькаго капитала обратиться въ фермера, французскій крестьянинъ работаетъ неутомимо, лишаетъ себя удовлетворенія самыхъ необходимыхъ потребностей жизни, тщательно берегаетъ каждую копѣйку, съ цѣлью купить себѣ наконецъ клочекъ земли и сдѣлаться полнымъ, самостоятельнымъ хозяиномъ. Имѣть свой участокъ — это страсть французскаго крестьянина; это мысль, которую онъ лелѣетъ въ продолженіе всей жизни и которой осуществленіе составляетъ для него высшій идеалъ земнаго блаженства. Въ немъ онъ видитъ обезпеченіе своихъ правъ, ограду отъ нищеты. Онъ съ неимовѣрнымъ тщаніемъ обрабатываетъ каждую частичку почвы и привязанъ къ ней, какъ къ первой основѣ своего существованія.

Нельзя не сказать, что такое стремленіе къ пріобрѣтенію собственности имѣетъ нѣкоторыя вредныя послѣдствія. Хорошее земледѣліе требуетъ прежде всего капитала, а крестьянинъ, употребивъ послѣднюю копѣйку на покупку земли, приступаетъ къ ея обработкѣ, не имѣя ничего кромѣ рукъ. Понятно, что результатъ не можетъ быть благоприятенъ. Кромѣ того, при конкуренціи мелкихъ собственниковъ, участки продаются за неимовѣрно высокую цѣну, такъ что добываемыя произведенія часто не въ состояніи окупить расходовъ. Наконецъ, что хуже всего, крестьянинъ обыкновенно не дожидается накопленія полной суммы, потребной для покупки; онъ занимаетъ деньги у ростовщиковъ, за огромные проценты, и потомъ оказывается не въ силахъ заплатить свой долгъ. Вслѣдствіе этого мелкая собственность во Франціи обременена слишкомъ значительными долговыми обязательствами. Въ этомъ состоитъ одно изъ главныхъ препятствій развитію земледѣлія и улучшенію народнаго благосостоянія.

Впрочемъ, учрежденіе поземельнаго кредита въ новѣйшее время обѣщаетъ избавить земледѣльцевъ отъ этого зла.

Менѣе основательными кажутся возраженія, которыя дѣлаются противъ мелкой собственности вообще. Англичане, партизаны крупной поземельной собственности, ссылаются на примѣръ своего отечества, въ которомъ эта форма владѣнія довела земледѣліе до самаго цвѣтущаго состоянія. Противъ этого Французы, даже склонные къ превознесенію Англій, какъ напримѣръ Лавернь, справедливо возражаютъ, указывая на многія мѣста собственнаго отечества, гдѣ мелкая собственность сдѣлала чудеса производительности. Особенно любопытенъ примѣръ острова Жерсей, французской колоніи подъ англійскимъ владычествомъ: этотъ затерянный въ морѣ уголокъ, пользуясь благами спокойствія и свободы, при чрезвычайно дробной собственности, не уступаетъ въ развитіи земледѣлія и благосостоянія ни какой странѣ въ мірѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если, съ одной стороны, мелкій собственникъ не можетъ иногда употреблять тѣ улучшенные способы земледѣлія, которыми пользуется богатый землевладѣлецъ-капиталистъ, то, съ другой стороны, работа перваго несравненно производительнѣе: мелкій собственникъ знаетъ каждый клочекъ своего участка, напрягаетъ всѣ свои силы и извлекаетъ изъ почвы все, что она можетъ дать. Здѣсь только возможно то огородное хозяйство, которое представляетъ высшую степень земледѣльческаго искусства. Вообще, агрономы признаютъ, что мелкая собственность даетъ болѣе валоваго дохода, нежели крупная, но менѣе чистаго; если она требуетъ больше рукъ, то, съ другой стороны, она доставляетъ пропитаніе большому числу людей и дѣлаетъ земледѣльца осѣдлымъ на своемъ пепелищѣ.

Однако въ самой Франціи многіе опасаются чрезмѣрнаго измельченія собственности, вслѣдствіе равнаго права наслѣдова-

нія, которое предоставляется дѣтямъ по французскому закону. Одиннадцать съ половиною милліоновъ податныхъ участковъ, на которые дѣлится земля, представлялись какимъ-то страшнымъ явлениемъ. Но и здѣсь новѣйшія изслѣдованія значительно ослабили возраженія. Воловскій, въ недавней запискѣ, читанной во французской Академіи, доказалъ неопровержимыми цифрами, что опасенія ложны, что число мелкихъ участковъ не увеличивается на счетъ большихъ, какъ предполагали доселѣ, а что, напротивъ, при естественномъ стремленіи собственности къ сосредоточенію въ рукахъ капиталистовъ, равенство дѣленія и страсть крестьянина къ приобрѣтенію земли составляютъ необходимое противодѣйствіе, которымъ поддерживается равновѣсіе. Въ этомъ случаѣ свобода собственности, которая составляетъ существенное условіе сильнаго производства, ибо она позволяетъ землѣ поступать въ руки наиболѣе производительныя, сама же поправляетъ и могущія произойти неправильности. Надобно притомъ замѣтить, что нерѣдко даже самые дробные участки составляютъ для французскаго крестьянина благодѣтельное пособіе въ жизни. Многіе собственники-земледѣльцы, нанимаясь въ работу у соседей, при всемъ томъ не становятся батраками, ибо они владѣютъ клочкомъ земли и имѣютъ свое жилище. Другіе занимаются ремеслами и фабричною работою, ибо во Франціи, такъ же какъ и у насъ, промышленность не сосредоточивается только въ городахъ, а въ значительной степени распространена и въ селахъ. Тамъ, гдѣ нѣтъ нужды употреблять машины, фабриканты раздаютъ работу на домъ крестьянамъ, которые такимъ образомъ соединяютъ земледѣліе съ другими занятіями. Собственный участокъ земли служитъ имъ при этомъ обезпеченіемъ противъ случающихся въ фабричномъ производствѣ остановокъ работы и пониженій наемной платы. Многіе изъ подобныхъ промышленниковъ-земледѣльцевъ достигли

значительнаго благосостоянія, какъ напримѣръ норманскіе ткачи.

Наконецъ, мелкая собственность не сказала еще послѣдняго своего слова: она можетъ достигнуть неизвѣданной доселѣ степени развитія, если къ ней будетъ приложено начало ассоціаціи, въ которой энергія личнаго труда, свобода собственности и справедливость распределенія соединятся съ выгодами совокупнаго производства и потребленія. Соціалисты проповѣдывали ассоціацію обязательную и организацію труда посредствомъ государственныхъ мѣръ. Ихъ требованія, которыя должны были имѣть послѣдствіемъ ниспроверженіе всего существующаго порядка, не нашли себѣ отголоска въ народѣ; испуганная этимъ страшилищемъ, Франція кинулась въ руки Людовика Наполеона. Но свободная ассоціація не имѣетъ этихъ невыгодъ; она можетъ соединить за себя все голоса, ибо не противорѣчитъ экономическому принципу промышленной свободы, и легко можетъ вмѣститься въ существующій порядокъ, приготовляя, такимъ образомъ, будущее разрѣшеніе социальныхъ вопросовъ. Въ настоящее время сами экономисты проповѣдываютъ ассоціацію, какъ лучшее лѣкарство противъ разобщенія и нищеты. Послѣ движеній 48-го года это начало нашло блистательное приложеніе во всѣхъ сферахъ экономической жизни. Такъ ассоціація капиталовъ движимаго кредита затмила собою прежнихъ властителей финансоваго міра. Еще поразительнѣе былъ успѣхъ національныхъ займовъ, которые совершались въ послѣднюю войну. Демократическая Франція подала первый примѣръ воззванія къ мелкимъ капиталистамъ, и эта смѣлая попытка обнаружила всю громадность средствъ, скрывающихся въ государствѣ.

Подобный результатъ можетъ оказаться и въ болѣе тѣсной сферѣ промышленнаго производства. Въ земледѣльческомъ быту начало ассоціаціи имѣетъ до сихъ поръ мало приложенія.

Правда, въ послѣднее время стали составляться компаніи на акціяхъ для покупки и найма земель; въ одномъ изъ угловъ Франціи, юрскіе земледѣльцы показали примѣръ ассоціаціи для производства сыра, и предпріятіе увѣнчалось успѣхомъ. Но все это составляетъ только исключеніе. До земледѣлія еще не дошла очередь; дѣло, по обыкновенію, началось съ городского населенія. Здѣсь духъ ассоціаціи произвелъ въ послѣднее время замѣчательныя явленія. Не говоримъ о ремесленныхъ товариществахъ (*compagnage*), объ этихъ вѣковыхъ артеляхъ, которыя, вдали отъ закона, существуютъ въ продолженіе столѣтій и соединяютъ въ общій союзъ множество ремесленниковъ, разбѣянныхъ по всей Франціи. Но нельзя не обратить вниманія на огромное количество обществъ взаимной помощи, которыя возникли съ недавнихъ поръ. Въ одномъ Парижѣ ихъ 340 съ пятью милліонами капитала, въ Марсели 118¹⁾. Нѣтъ почти города, въ которомъ бы ихъ не было по нѣскольку. Съ 1848-го года появились и союзы другаго рода: общества для валовой закупки предметовъ потребленія. Таково было, напримѣръ, Общество Человѣчества въ Лиллѣ, которое имѣло для работниковъ самые благодѣтельные результаты. Наконецъ въ Парижѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ образовались товарищества ремесленниковъ-капиталистовъ, которыя въ 48 году получили пособія отъ правительства. Нѣкоторыя изъ нихъ не сумѣли справиться съ сложными дѣлами, но другія удержались и процвѣтаютъ до сихъ поръ.

Такимъ образомъ средневѣковые союзы, которые образовались въ эпоху насилія, которые слишкомъ часто основаны были на крѣпостномъ правѣ, на исключительныхъ привилегіяхъ

¹⁾ Цифры 1854 г. См. *Les populations ouvrières en France dans le mouvement social du XIX siècle*, par Audigane.

яхъ и не давали простора лицу, рушились передъ натискомъ гражданской свободы. Но возникшій изъ свободы индивидуализмъ, совершивъ свое дѣло, развивши въ лицѣ сознание ответственности и необходимую для дѣятельности энергію, самъ стремится къ высшей формѣ промышленнаго устройства, къ разумному соединенію силъ, съ сохраненіемъ личной свободы и собственности, составляющей плодъ человѣческаго труда. Эта высшая форма общежитія можетъ установиться только въ новомъ гражданскомъ порядкѣ, въ которомъ государственный элементъ достаточно развитъ, чтобъ оградить права всѣхъ и не дать мѣста притѣсненію, насилію, привилегіямъ. Поэтому и важно созданіе прочнаго государственнаго быта и разрѣшеніе политическихъ вопросовъ, согласно съ духомъ и требованіями народа; это — условіе, безъ котораго невозможно дальнѣйшее движеніе впередъ. Въ этомъ отношеніи нельзя не сказать, что настоящее положеніе Франціи не слишкомъ благопріятствуетъ образованію свободныхъ ассоціацій. Трудно предположить, чтобы между французскими работниками къ экономическимъ цѣлямъ не примѣшались политическія. Дѣйствительно, послѣ правительственнаго переворота 2-го декабря, многія изъ этихъ обществъ были закрыты; остальные находятся подъ зоркимъ наблюденіемъ полиціи. Нѣтъ сомнѣнія, что такія стѣснительныя мѣры представляютъ значительную помѣху правильному развитію общественныхъ силъ. Работникъ не станетъ лишать себя необходимаго и копить свои сбереженія для дѣла, которое не обѣщаетъ прочной будущности. Не на полицейской почвѣ могутъ возникать свободныя товарищества. Новая эпоха экономическаго развитія можетъ наступить только тогда, когда, по выраженію нынѣшняго императора Французовъ, свобода увѣнчаетъ общественное зданіе. Но изъ этого ясно, что политическій вопросъ долженъ быть рѣшенъ прежде социальнаго.

Что касается до нравственнаго и умственнаго состоянія французскихъ крестьянъ, то въ нихъ замѣчаются тѣ же черты, которыя господствуютъ во всѣхъ вообще земледѣльческихъ классахъ — любовь къ старинѣ, слишкомъ часто переходящая въ невѣжество и рутину, развитіе религіознаго духа, нерѣдко выражающееся въ обрядность и сопровождаемое суевѣріемъ, чистота нравовъ, умѣренность въ жизни, деспотическій характеръ семейной власти, который поэтому самому, вмѣсто любви, возбуждаетъ иногда неблагодарность. Просвѣщеніе, вообще говоря, не слишкомъ распространено въ селахъ, особенно во внутреннихъ областяхъ. Правда, съ 1833 года, въ каждой французской общинѣ существуетъ элементарная школа, но двадцатипятилѣтній срокъ, протекшій со времени устройства первоначальнаго образованія, не могъ еще дать слишкомъ значительныхъ результатовъ. Граматность неоспоримо распространяется, но образованіе находитъ себѣ препятствіе въ мѣстной рутинѣ. Общины не всегда охотно несутъ возложенную на нихъ часть расходовъ по содержанію школъ; положеніе учителей, по этому самому, недостаточно обезпечено, и значительная часть народонаселенія не умѣетъ даже читать и писать. Однако общее движеніе идей въ образованной странѣ не могло остаться безъ вліянія на земледѣльчій классъ. Французскіе крестьяне никогда не держали себя особнякомъ, а находились въ постоянномъ общеніи съ горожанами, болѣе дѣятельными и подвижными. И тѣ и другіе вмѣстѣ составляли третье сословіе, которое играло такую значительную роль въ исторіи Франціи; и тѣ и другіе принимали участіе въ переворотахъ послѣднихъ шестидесяти лѣтъ, которые, проникая до самыхъ глубокихъ слоевъ общества, возбуждали всѣхъ къ дѣятельности, вездѣ шевелили мысли и интересы. Такъ революція 1789 года отозвалась въ каждомъ селѣ; вездѣ крестьяне, получившіе неограниченное

право выбора, вызваны были къ самодѣтельности, должны были примыкать къ той или къ другой партіи, обсуждать, по мѣрѣ силъ, тѣ разнообразныя идеи, которыя другъ за другомъ всплывали во всеобщемъ броженіи. Федерациі, сами собою возникшія по всей Франціи, показали, что уже въ то время крестьянинъ вышелъ изъ тѣсной сферы сословныхъ и мѣстныхъ интересовъ и проникся чувствомъ интересовъ и потребностей цѣлаго отечества. Подобное же движеніе, хотя въ меньшихъ размѣрахъ, произошло и въ 1848-мъ году. Пропаганда социалистовъ вызвала къ проповѣди и приверженцевъ существующаго порядка. Тѣ и другіе старались склонить народъ на свою сторону; пренія кипѣли по всемъ угламъ Франціи, вездѣ пробуждали мысль, и народъ не могъ смотрѣть на это равнодушно, ибо дѣло шло о самыхъ существенныхъ его интересахъ — о работѣ и собственности.

Можно сказать, что распространеніе выборнаго права на всѣхъ гражданъ оправдалось во Франціи на дѣлѣ. Народъ принималъ въ выборахъ болѣе дѣятельное участіе, нежели обыкновенно бываетъ даже въ Соединенныхъ Штатахъ, а между тѣмъ, вездѣ онъ пользовался своимъ правомъ мирно и въ порядкѣ. Въ 48-мъ году, когда подача голосовъ производилась по округамъ, цѣлыя общины съ своими знаменами, подъ предводительствомъ выборныхъ меровъ, шли на избраніе депутатовъ и президента, какъ на великое общественное дѣло. Крестьянинъ показалъ при этомъ и свою самостоятельность, ибо онъ подавалъ голосъ не всегда согласно съ желаніемъ существующаго правительства. Такъ Учредительное Собраніе было составлено большею частью изъ умѣренныхъ республиканцевъ, между тѣмъ какъ заправлявшій выборами министръ внутреннихъ дѣлъ былъ крайній демократъ. То же повторилось при выборѣ Людовика-Наполеона во время прав-

ленія генерала Кавеньяка. Наконецъ, самое Законодательное Собраніе на цѣлую треть состояло изъ красныхъ республиканцевъ, что также можетъ свидѣтельствовать о самостоятельности выборовъ.

Нельзя однакоже не сказать, что съ распространеніемъ выборнаго права на весь народъ, первое мѣсто въ государствѣ занялъ элементъ, несравненно менѣ либеральный, нежели высшіе классы. Политическая власть, свобода преній составляютъ во Франціи потребность людей просвѣщенныхъ, привыкшихъ къ парламентской дѣятельности, къ политической жизни. Крестьянинъ естественно болѣе всего заботится о сохраненіи во что бы ни стало порядка, необходимаго для ежедневной жизни, и готовъ поддерживать ту власть, которая обѣщаетъ удовлетворить насущнымъ его потребностямъ. Такимъ образомъ самое развитіе свободы ведетъ иногда къ ея уменьшенію. Пониженіе или отмененіе ценза представляется мѣрою либеральною: обыкновенно ее требуютъ друзья свободы; но нерѣдко она имѣетъ послѣдствіемъ временное удаленіе ихъ отъ общественныхъ дѣлъ, ибо низшее народонаселеніе, если у него нѣтъ существенныхъ побужденій къ измѣненію настоящаго порядка вещей, обыкновенно проникнуто духомъ охранительнымъ, и мало цѣнитъ тѣ духовныя блага, которыя для просвѣщенныхъ людей составляютъ высшее наслажденіе въ жизни. Однако подобное обобщеніе права не остается безъ благодѣтельныхъ послѣдствій. Участіе въ политическихъ дѣлахъ возбуждаетъ въ народѣ дремавшую мысль и заставляетъ самые высшіе классы обратить должное вниманіе на менѣ просвѣщенныхъ братьевъ.

Во Франціи, во времена владычества либерализма, крестьяне оставались совершенно въ сторонѣ. Никто объ нихъ не заботился, никто не думалъ даже освѣдомляться объ ихъ положеніи. Всѣ общественные интересы сосредоточивались

въ высшихъ сферахъ общества, и если взоры устремлялись иногда на низшіе слои, то исключительнымъ предметомъ вниманія были городовые работники, которые совершали революціи и вызывали ученія социалистовъ. Теперь же и крестьяне, въ свою очередь, стали предметомъ всестороннихъ изслѣдованій и всеобщаго попеченія. Правительство обращается къ нимъ потому, что видитъ въ нихъ главную опору своего могущества, оппозиція — потому, что единственно съ ихъ помощью она можетъ приготовить торжество своихъ убѣжденій. Подобная дѣятельность, безъ сомнѣнія, будетъ имѣть наилучшія послѣдствія для благосостоянія и просвѣщенія земледѣльческаго класса. Онъ воспользуется плодами тѣхъ демократическихъ учрежденій, которыя въ настоящее время составляютъ основу французскаго государства.

Выборное право крестьянъ имѣетъ для Франціи и другую выгодную сторону. Оно выдвигаетъ впередъ охранительный элементъ, въ которомъ сильно нуждается страна, обуреваемая слишкомъ частыми революціями. Крестьянинъ, по существу своему, консерваторъ: это вытекаетъ изъ свойства его занятій, подчиненныхъ неизмѣннымъ законамъ природы, изъ привязанности его къ мѣсту, къ землѣ, его питающей, изъ медленности успѣховъ земледѣлія, въ которомъ трудъ, терпѣніе, бережливость имѣютъ болѣе значенія, нежели смѣлость и изобрѣтательность; наконецъ, изъ болѣе уединенной жизни, сосредоточенной въ семейномъ кругу, гдѣ наиболѣе сохраняются преданія старины. Городовая промышленность, напротивъ, возбуждая въ людяхъ непрерывную дѣятельность и изобрѣтательность, поставляя ихъ подъ вліяніе неумолимаго соперничества, побуждая ихъ къ рискованнымъ предпріятіямъ, естественно внушаетъ человѣку энергію, подвижность, увѣренность въ своихъ силахъ, склонность къ нововведеніямъ.

Потому городовое сословіе обыкновенно представляетъ собою партію прогресса. Оба элемента равно необходимы для народа. Одинъ идетъ во главѣ, пролагаетъ новые пути; другой умѣряетъ ходъ, воздерживаетъ слишкомъ быстрыя движенія перваго.

Къ счастью, во Франціи эти противоположные элементы не находятся во враждѣ. Какъ мы уже имѣли случай сказать, они издавна составляютъ одно цѣлое и находятся въ тѣсномъ взаимодействіи. Крестьянинъ смотритъ на городъ, какъ на образецъ, въ особенности на городъ городовъ — Парижъ. Чтò ни говорятъ противъ преобладанія столицы, для народа выгодно имѣть центръ просвѣщенія, къ которому обращается вся страна, который составляетъ какъ бы передовой постъ народнаго образованія. Парижъ не навязываетъ своей воли остальному государству: напротивъ, часто большинство народа идетъ ему наперекоръ; но окончательно мнѣніе его всегда торжествуетъ. Сначала оно распространяется на другіе города, а оттуда и на села. Оттого для государственной власти такъ важно имѣть поддержку въ Парижѣ. Оттого нынѣшнее правительство Франціи съ нѣкоторымъ опасеніемъ смотрѣло на послѣдніе выборы, въ которыхъ Парижъ выставилъ пять республиканцевъ. Вскорѣ послѣ этого министръ внутреннихъ дѣлъ, въ публичной рѣчи, упрекалъ парижскихъ работниковъ въ неблагодарности. И точно, правительство особенно старалось объ улучшеніи ихъ благосостоянія, ибо въ удовлетвореніи матеріальнымъ потребностямъ народа оно ищетъ залога своей прочности. Но парижскій работникъ идеалистъ: въ 30-мъ году, онъ бился на баррикадахъ за свободу книгопечатанія. Энергическій и независимый, его характеръ не терпитъ стѣсненія, а нынѣшняя Франція далеко не имѣетъ той свободы, къ какой она привыкла въ прежнее время.

Чѣмъ разрѣшится эта задача? Будетъ ли развитіе совер-
шаться мирнымъ дѣйствіемъ всеобщаго права выбора, или
Франція придетъ къ новому перевороту? Какую роль будутъ
при этомъ играть земледѣльческій классъ и городской? Все
это покажетъ намъ исторія, за которой мы должны слѣдить
въ качествѣ зрителей.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Предисловіе	VII.
1. О политической будущности Англіи	1.
2. Промышленность и государство въ Англіи	45.
3. Старая французская монархія и революція	152.
4. О французскихъ крестьянахъ	276.

ИЗДАНИЯ К. СОЛДАТЕНКОВА И ЩЕПКИНА:

- АФАНАСЬЕВА Народныя Русскія Сказки. Вып. 1. 50 к.
БАБСТА..... О нѣкоторыхъ условіяхъ способствующихъ
умноженію народнаго капитала 50 к.
БЕРГА..... Записки объ осадѣ Севастополя, 2 тома . 2 р. 50 к.
БЕРГА..... Севастопольскій альбомъ (37 рисунковъ) . 7 р.
КОЛЬЦОВА.... Стихотворенія, съ портретомъ 50 к.
ОГАРЕВА..... Стихотворенія 1 р.
ПОЛЕЖАЕВА. Стихотворенія, съ портретомъ 1 р.
ТАЦИТА..... Лѣтопись, 2 тома. Пер. А. Кропьеверга. . 1 р. 50 к.
ЧИЧЕРИНА... Очерки Англій и Франціи 1 р.
ШЕКСПИРА.. Драматическія сочиненія. Часть V. Пере-
водъ Н. Кетчера 1 р.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

- Руководство къ животно-физиологической химіи. Петра Боборыкина.
Первыя четыре части Драматическихъ сочиненій Шекспира. Пер.
Кетчера.
Картины природы. Соч. К. Фогеля. Пер. Ив. Бабста.
Земля, растеніе и человекъ. Соч. Скау.
Повѣсти и рассказы Григоровича.

ПРИГОТОВЛЯЮТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

- Птицы Сѣверной-Америки. Соч. Одюбона.